

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Средневековый
Восток

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

*ИСТОРИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
УЧЕНИЙ*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

О т в е т с т в е н н ы е р е д а к т о р ы:

A. B. Десницкая, С. Д. Каунельсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск «Истории лингвистических учений» посвящен развитию традиций изучения языка в странах Востока. В этой связи представляется уместным вспомнить имя акад. Н. И. Конрада, которому принадлежит мысль о том, что изучение истории науки, слагавшейся на Востоке, и преодоление «научного европоцентризма» имеют существенное значение для улучшения общих основ научного знания. «Необходимо учесть теоретическую мысль Востока во всех областях науки о человеке и об обществе, помнятуя, что именно эти области разработаны на Востоке в масштабах и подробностях исключительных».¹

Определение черт общности и различий в процессах возникновения лингвистических идей и становления методов изучения языковых явлений у различных народов мира составляет необходимый элемент построения истории языкознания, которая должна и может стать наукой столь же всеобщей по своему охвату, сколь всеобщим является такое достояние человечества, как язык, составляющее объект лингвистики.

Будучи непосредственным продолжением монографии о языкознании в древнем мире, посвященной лингвистическим знаниям древнего Востока и античности,² настоящий выпуск «Истории лингвистических учений» имеет своей специальной темой лингвистические учения средневекового Востока. В хронологическом отношении такое выделение средневековья в качестве определенного этапа становления научных традиций в странах Востока не может не быть в известной мере условным. С одной стороны, эти традиции в большинстве случаев непосредственно восходят к системам лингвистических идей, сложившихся еще в древнем мире. Эта преемственная связь с более ранними традициями очень ясно выражается при изучении языковых проблем и методов средневековой Индии, средневекового арабского языкознания, сохранявшего более или менее отчетливые отголоски античной науки Средиземноморья, языкознания средневековой Армении, Тибета, Китая.

С другой стороны, лингвистические традиции, сложившиеся в средние века, у народов Востока обычно продолжали сохранять действенность и в бо-

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 30.

² История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

лее поздние периоды, вплоть до нового времени, иначе говоря — вплоть до ознакомления с проблемами и методами европейского языкоznания, усвоение и переработка которых относятся уже к новейшему этапу развития лингвистической науки в соответствующих странах. Именно поэтому авторы ряда разделов сознательно выходят за хронологические рамки собственно средневековья и доводят свое изложение вплоть до XIX в.

Таким образом, сам характер понятия науки средневекового Востока определяет широту временных перспективы, в большей или меньшей степени развернутой в отдельных статьях данной монографии.

Значительной широтой отличается и перспектива пространственная, охватывающая огромный по своей протяженности ареал сложения лингвистических традиций — от средневековой Армении на западе до средневековой Японии на востоке.

При этом необходимо подчеркнуть следующий момент: посвящая данный выпуск средневековому Востоку, редакция серии «История лингвистических учений» не мыслит его содержание в отрыве от содержания очередной монографии, предметом которой явится языкоzнание средневековой Европы. Преемственные связи с античным языкоzнанием в разной мере характеризуют отдельные лингвистические традиции, сложившиеся в средние века как на Западе, так и на Востоке. С этой точки зрения включение в книгу о средневековом языкоzнании в странах Востока описания армянских лингвистических традиций V—XVIII вв. имеет условно географический характер. Этим ни в какой мере не предопределяется установление качественного водораздела между ними, с одной стороны, и лингвистическими традициями Византии — с другой. Взаимосвязь тех и других, как и их общие истоки в античном языкоzнании, представляются несомненными.

Написанные различными авторами отдельные части настоящей монографии показывают значительное богатство и разнообразие науки средневекового Востока, выявляя как наличие длительных и устойчивых традиций лингвистической работы, принимавших характер определенных шаблонов, так и гениальные проявления творческих индивидуальностей (например, знаменитый труд Махмуда Кашгарского), сохранившиеся до нашего времени как определившие эпоху прозрения научной мысли.

При последовательном прочтении разделов данного коллективного труда нашим читателям, вероятно, придет мысль о возможности известных обобщений, касающихся как взаимосвязей отдельных научных традиций, так и преимущественного выдвижения определенных лингвистических проблем.

Взаимосвязь лингвистических традиций средневекового Востока, по-видимому, имела относительно ярко выраженный ареальный характер, что выражалось в заметном тяготении к нескольким центрам развития лингвистической мысли, оказывавшим более или менее сильное влияние прежде всего в пределах определенного ареала. Для стран Ближнего и Среднего Востока таким центром тяготения несомненно являлось научное направление, известное в истории науки под именем арабского языкоzнания. Второй важнейший ареал лингвистических традиций имел своим определяющим ядром языкоzнание древней и средневековой Индии, оказавшее влияние на развитие лингвистических работ в Тибете, Бирме, Малайзии и Индонезии. Наконец,

для развития лингвистической мысли в ряде дальневосточных стран большое значение имели научные традиции, сложившиеся в древнем и средневековом Китае.

Существовала ли взаимосвязь между отдельными ареалами развития лингвистических исследований средневековой поры? Вероятность положительного ответа на этот вопрос определяется наличием уже отмеченных фактов, как например давно установленная связь некоторых идей арабских языковедов с лингвистическими традициями средиземноморской античности, а также усвоение ими фонетической теории, разработанной учеными Индии. Свидетельства о влиянии арабского языкознания, наряду с индийским, читатель найдет в статье о традиционном языкознании Индонезии и Малайзии.

Дальнейшая разработка проблемы взаимосвязей между лингвистическими традициями Запада и Востока представляет интерес общетеоретического характера. Развитие исследований здесь было бы, по-видимому, возможно в русле направления, намеченного Н. И. Конрадом в отношении изучения истории мировой литературы, которую он считал «продуктом совместной деятельности всего человечества».³ Говоря о двустороннем характере культурных обменов, выдающийся советский ученый писал: «Наличие культурных связей не подлежит сомнению; могли быть и связи литературные. Можно почти с уверенностью сказать, что такие связи будут со временем раскрыты. И тогда перед нами предстанет картина литературной общности от Прованса до Японии. Ареал этой общности — Прованс, Иберийский полуостров, все североафриканское побережье (вероятно, включая Сицилию), Аравия, Ливан, Сирия, Иран, Ирак, Северо-Западная Индия, Афганистан, Средняя Азия, Восточный Туркестан, Китай, Япония. Весь этот обширный мир, заселенный самыми разными народностями — франками, арабами, иранцами, тюрками, китайцами, японцами, жил в условиях многообразных взаимных связей — торговых, политических, религиозных, культурных и литературных. Отдельные части этого мира многое разъединяло и сталкивало; но неужели следует обращать внимание только на то, что разъединяло и сталкивало, и забывать о том, что соединяло и сближало? Во всяком случае для будущего, вероятно, важнее помнить именно об этом втором».⁴

По-видимому, масштабы задач, которые могут решать историки языкознания, не будут иметь столь универсального характера. Это связано прежде всего с более скромной ролью, которую могли играть в международном культурном обмене традиции лингвистической работы, особенно по сравнению с явлениями искусства. Однако общее значение задач, сформулированных Н. И. Конрадом, также и для изучения истории развития наук, в том числе науки о языке, представляется несомненным.

Сказанным отнюдь не снимается задача изучения качественной специфики национальных лингвистических традиций, сложение и развитие которых было связано с конкретными историческими условиями, с определенными типами отношения к культурным ценностям, в частности к литературным текстам, с направлениями развития философской и религиозной мысли,

³ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 461.

⁴ Там же, с. 327.

а также с характером самого языкового материала, подлежавшего изучению, иначе говоря — с типами соответствующих языковых структур.

Именно с учетом всех этих моментов могут получить свое историческое объяснение: оригинальное развитие грамматической теории арабского языкоznания, с характерным для нее преимущественным выделением синтаксических проблем; дальнейшее развитие принципов фонетической теории Панини в средневековой Индии; специальный интерес к проблеме морфонологической сочетаемости единиц языка, проявившийся в грамматической традиции Тибета; концентрация внимания средневековых китайских лингвистов на вопросах фонетики, выразившаяся в составлении фонетических таблиц и словарей рифм. Здесь уместно сказать и о синтетическом характере труда Махмуда Кашгарского, который, как указывает А. Н. Кононов, является не только двуязычным словарем, «но и грамматическим пособием по изучению тюркских языков, энциклопедией этнографических, исторических, географических, фольклорных данных по тюркским народам».⁵ Возможность осуществления автором этого труда синхронно-сопоставительного сравнения фактов различных тюркских языков и создания на этой основе первой в истории тюркологии лингвистической классификации без сомнения определялась как самим характером изучавшегося языкового материала, так и связанной с экстравергентическими условиями широтой научных интересов выдающегося ученого.

Как общий момент, в той или иной мере характеризующий направление развития лингвистических традиций средневекового Востока, можно отметить специальное внимание к проблемам словарного состава языков, выражавшееся в создании множества словарей различного типа, изучение которых может представить значительный интерес для общей теории лексикографии.

Все возникающие вопросы такого рода, естественно, не могли получить всестороннее освещение в отдельных разделах настоящей монографии. Но если прочтение ее явится стимулом к дальнейшему развитию как специальных, так и обобщающих исследований истории и практики лингвистической работы, проводившейся поколениями ученых в различных странах мира на протяжении многих веков, авторский коллектив будет считать себя удовлетворенным тем первым шагом, который удалось сделать в указанном направлении.

А. В. Десницкая

---

⁵ С. 132 наст. изд-я.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА

Вводные замечания

Первой самостоятельной лингвистической дисциплиной у армян была грамматика, выступавшая, как и у греков, под названием «грамматическое искусство». С V в. появляется значительное количество работ по грамматике. Зародившись в виде глосс и глоссариев, списков философских, богословских и биологических терминов и их определений, постепенно формируется самостоятельная дисциплина — лексикография. Потребность в унификации орфографии в условиях массового переписывания рукописей приводит в XII в. к появлению работ по орфографии и пунктуации под общим названием «искусство писания». Многие вопросы языка и стиля рассматривались также в трудах по ораторскому искусству, появившихся у армян почти одновременно с грамматиками — в V в.

Наряду с появлением грамматик и словарей, трудов по ораторскому искусству, орфографии и пунктуации, удовлетворяющих практические потребности школ в обучении языку, чтении и понимании оригинальных и переводных книг, в нормализации и унификации языка, обогащении словарного запаса и выработке умения разнообразно выражать мысли, а также грамотно переписывать рукописи, — намечается общий интерес к различным вопросам языка у философов, историографов и других авторов. Эти вопросы можно разбить на общие (природа языка, происхождение языка и разнообразия языков, отношение имен и вещей, общих и нарицательных имен и т. п.) и частные (происхождение армянского языка, его отношение к другим языкам, его особенности в сравнении с другими языками, соотношение диалектов, этимология слов и выяснение источника ^ззаимствованных слов и т. п.).

Вопрос об отношении слов к вещам

Вопрос об отношении слов (имен) к вещам, так долго занимавший умы греческих философов и разделивший их на два лагеря — на сторонников φύση (по природе) и сторонников συνθήκη

(по установлению), *Ֆէսէ* (по положению), *Շնէւ* (по обычай, по привычке), — становится предметом толкования также и армянских мыслителей, которые были более или менее единодушны в его решении. Большинство из них придерживается мнения Аристотеля, т. е. отстаивает вторую точку зрения — *սոսդիշիդ* или *Ֆէսէ* (*druťeamb*). В связи с этим указывается, во-первых, на возможность различных названий для одних и тех же вещей не только в разных, но и в одном и том же языке и, во-вторых, на изменчивость природы слов — их значения и звукового облика. Многие авторы воспринимают изменение первоначальных названий как искажение и считают, что грамматическое искусство призвано воспрепятствовать этому.

Своебразную позицию занимает в отношении к этому вопросу философ V в. Езник Кохбаци. В своем труде «Опровержение сект» (кн. I, 23) он развивает целое учение о характере имен. Говоря о том, что три вида бестелесных существ — ангелы, демоны и духи, «будучи одинаковы по природе, как сходные существа называются одним и тем же именем» — «духами», Езник Кохбаци на первый взгляд выступает за *ֆէսէ*, т. е. за точку зрения, согласно которой имена даются по природе (*bnut'eamb*). Однако в действительности он имеет в виду другое: при наименовании вещей люди-ономатотеты исходят из их общих и различных черт (признаков, качеств, свойств) — вещи, имеющие одинаковую природу (одинаковые свойства или качества), называются одинаковым именем, вещи же, имеющие различную природу, выступают под различными именами. Если сторонники *ֆէսէ*, говоря о наименовании вещей по их природе, имеют в виду звукоподражательный характер имен, то Езник Кохбаци, говоря об одинаковом наименовании вещей по их одинаковой природе, имеет в виду наличие у вещей одинаковых свойств или признаков. Три вида бестелесных существ называются одинаково «духами» по общему для них признаку — быстроте: они «быстрее ветра», «ибо имя духа и ветра в еврейском, греческом и сирийском одно и то же; если кто лучше подумает, найдет и в армянском то же самое: когда кто преследуется другим, говорим „не дал перевести дух“ — и при этом имеем в виду воздух, которым дышим». Продолжая анализ, Езник Кохбаци приводит в качестве примера армянское слово *ays* «злой дух», «демон» и связывает употребление этого слова с первичной установкой «наших отцов», т. е. отстаивает *Շնէւ*, *սոսդիշիդ*, *Ֆէսէ*. «Хотя на своем языке мы говорим „дух злой“ (*ays չ'ar*) — так, как это различали первые наши отцы, установившие нам их по обычай, но знаем, что *ays* — это ветер, а ветер — дух, как было раньше сказано. Ибо когда мы говорим „ветер (*sik'*) дует“, нижние (южные, — Г. Д.) говорят „*ays* дует“».

Философ Давид Непобедимый (V в.?) в комментариях к труду Аристотеля «Об истолковании» рассматривает этот вопрос более подробно, выступая против Платона и решая его в духе Аристотеля. Тот факт, что один и тот же предмет у различных народов

имеет различные названия, как например арм. *mard* и греч. ἄνθρωπος, арм. *erkig* и греч. γη, арм. *hur* и греч. πῦρ, говорит в пользу мнения, что «имена существуют по положению, а не по природе».¹ В этой связи Давид возражает Платону, выводящему «природность» речи от «природности» речевых органов: «природность» органа не предполагает обязательную «природность» его действий. Природный орган может как выполнять природные действия, так и иметь приобретенные функции. Звуки, порождаемые человеком, качественно отличаются как от природных звуков, так и от выкриков животных. Вслед за Аристотелем Давид различает вещь (*ir*), понятие (*imac'um*), звук (*jaun*) и письмо (*gir*), причем считает, что вещи и их понятия у носителей различных языков одни и те же, а звуки и письмо различны, т. е. одни и те же вещи и понятия могут иметь различные звуковые и письменные обозначения, чего не было бы, если бы вещи назывались по природе.

Точка зрения Давида Непобедимого становится традиционной, и последующие армянские мыслители, за редким исключением, воспринимают ее как неопровергнутую истину. Так, например, Симеон Джугаеци (XVII в.), философ и грамматик, в «Книге логики» пишет: «Имена суть не по природе, а по положению. Ибо если бы они нарекались по природе, на всех языках камень назывался бы камнем».²

Следует, однако, сказать, что если первые армянские мыслители и их комментаторы-философы решают вопрос о характере слов (имен, названий) независимо от религиозных догм — следуя традиции античных мыслителей, то более поздние авторы обычно ставят его в связь с вопросом о происхождении языка и ссылаются на Библию.

Вопрос о природе общих названий

Вопрос, волновавший средневековых европейских философов и разделивший их на номиналистов и реалистов, независимо от них волновал также и армянских мыслителей. Как известно, внешним толчком к спору об универсалиях в Европе послужил перевод Боззицем известного «Введения» Порфирия, переведенного также и на армянский язык.

Вопрос об универсалиях разбирается как армянскими философами, исходящими из гносеологии Аристотеля, так и армянскими грамматиками, рассматривавшими взаимоотношение собственных и нарицательных имен.

В трактовке взаимоотношения общего и частного Давидом Непобедимым наблюдаются те же достоинства и недостатки, что

¹ Сочинения Вардана Корюна, Мамбре Анагноста и Давида Непобедимого. Венеция, 1833 (на арм. яз.).

² Симеон Джугаеци. Книга логики. Константинополь, 1794 (на арм. яз.).

и у Аристотеля. Давид отвергает мнение как Антисфена, который «отрицает существование общего», так и Платона, который признает существование общего «прежде множества», независимо от чувственных вещей. По мнению Давида, общее имеет объективное существование во множестве: множество существует реально и таит в себе возможность общего. Однако Давид противоречит себе: с одной стороны, общее — это «восприятие множества в одном числе по виду», с другой — «общее предшествует единичному». В первом толковании сказывается влияние Аристотеля, во втором — Порфирия.³

У Давида Грамматика (V в.) в решении вопроса первичности собственных и нарицательных имен симпатия также явно на стороне Аристотеля. «В вопросе о собственном и нарицательном, — пишет Давид Грамматик, — между некоторыми философами не было согласия. Платон считал первичным нарицательное, будто собственные имена образованы по времени от некоторых видов, а Аристотель — собственное, так как видимое достовернее, чем слышимое, ибо никто не может отрицать солнце, а невидимое отрицают многие, поэтому собственное *Маркос* ставится раньше, чем нарицательное *человек*».⁴

Линию Давида продолжают также другие толкователи. Так, Вардан Аревелци (XIII в.), считая, что «собственное имя показывает существование само по себе, как *Маркос*, нарицательное — общую сущность, как *человек*, *лошадь*», и указывая на противоречие между Платоном и Аристотелем в этом вопросе, придерживается мнения Аристотеля и Давида Грамматика.⁵

Вопрос о происхождении языка и многообразия языков

Армянские авторы, как и вообще все средневековые мыслители, при решении вопроса о происхождении языка и многообразия языков придерживаются Библии и библейских легенд. Двойное толкование вопроса происхождения языка в Библии (великим природным явлениям дает название сам бог, а живым существам — первый человек, Адам) порождает соответствующую двойственность в решении вопроса о происхождении языка и в понимании его природы. Многие армянские мыслители акцентируют второе

³ Ч а л о я н В. История армянской философии. Ереван, 1959, с. 116—118.

⁴ Д ж а у к я н Г. Б. Новый полный рукописный текст грамматического труда Давида Непобедимого. — Вестник Матенадарана, Ереван, 1956, № 3, с. 257 (на арм. яз.).

⁵ Д ж а у к я н Г. Б. Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении (V—XV вв.). Ереван, 1954, с. 257 (на арм. яз.). — Наиболее четко номинализм выступает у философа Ваграма Рабуни (XIII в.): «Общее не обладает особой сущностью, как человек или земля, — пишет он, — его сущность это его бытие в мышлении человека» (цит. по: Ч а л о я н В. История армянской философии, 231).

толкование, дающее возможность представить человека творцом языка. Так, один из наиболее ранних авторов историк Агафангелос (V в.) пишет: «Потом всех зверей и животных и птиц привел к человеку в повиновение. А затем человек, божественной мудростью рассудив, познал каждого и по отдельным образом выявил имена, ибо знание господа проникло в него, и его же знанием познав его творения, назвал их наподобие ему».⁶ Стремление представить человека творцом языка, сделать его соучастником божественных деяний присуще, в частности, мыслителям периода так называемого армянского Возрождения. По мнению известного грамматика и поэта-мыслителя Ованеса Ерзникаци (1250?—1326), «человек дает имена каждому из них (животных, — Г.Д.) по их природе (baroyuk') и по различию видов, ибо всякая вещь должна быть выявлена (baç'erewakil) также именем. Этим он существуется Богом, как бы становясь соучастником творчества, сам творя имена вещей».⁷ В отличие от Ованеса Ерзникаци, философ Григор Татеваци (1346—1410) в «Книге вопросов» установление языка приписывает Богу и считает, что никто не может изменить язык, «кроме Бога, который установил его».⁸

Решая вопрос о происхождении языковых различий и многообразии языка в духе Библии и связывая его с легендой о вавилонском столпотворении, разные авторы оценивают многообразие языков по-разному. Если Агафангелос, упомянутый выше, придерживаясь библейского толкования, считает многообразие языков божиим наказанием, то Егише (V в.), а в дальнейшем и деятели эпохи «армянского Возрождения» оценивают его как положительное явление. Так, историк и грамматик Вардан Аревелци (XIII в.), вслед за Егише, считает, что появление многих языков вместо одного (первого — еврейского) «во многом было добром», ибо, во-первых, многообразие языков — это своего рода гармония и, во-вторых, многие языки гораздо красивее, чем первый язык человечества. «Из первого грубого языка возникли мягчайший эллинский и мопнейший римский, грозный гуннский и умоляющий сирийский, роскошный персидский и красивый аланский, насмешливый готский, глубинноголосый египетский, и крикливый индийский, и всекрасный, и всевкуснейший армянский язык. И как разнообразные цвета и возрасты, так и разнообразные языки придают другу другу красоту».⁹ Такое же отношение к многообразию языков проявляют Ованес Ерзникаци и Григор Татеваци.

Большинство армянских мыслителей считает первым языком человечества — языком Адама — еврейский, одновременно указы-

⁶ А г а ф а н г е л . История Армении. Тифлис, 1914 (на арм. яз.).

⁷ Цит. по: Д ж а у к я н Г. Б. Грамматические и орфографические труды..., с. 263.

⁸ Г р и г о р Т а т е в а ц и . Книга вопросов. Константинополь, 1729, с. 298 (на арм. яз.).

⁹ В а р д а н Б а р д з р б е р д з и . Всеобщая история. Москва, 1862, с. 16 (на арм. яз.).

вая на близкие к нему языки: халдейский, сирийский, арабский. Так, Ованес Ерзнкаци, говоря о давно забытом языке Адама, полагает, что им «в настоящее время владеют сирийцы и халдейцы»: это видно из имен патриархов, сохранившихся у халдейцев. По его мнению, халдейский и сирийский языки близки друг к другу и к еврейскому. Григор Татеваци к этим языкам прибавляет также арабский.

Интересно отметить, что более поздние авторы — XVIII в. и начала XIX в. — склонны первым языком человечества считать армянский. Иоанн Иоахим Шредер в книге «*Thesaurus linguae armenicae*» (Амстердам, 1711) — конечно, не без влияния армян — допускает возможным считать армянский язык первым языком человечества; если даже армянский не был таковым, он все же, по мнению Шредера, не порожден другим, в том числе и еврейским. Г. Инчичян (1758—1833) в первом томе своей трехтомной географии Армении,¹⁰ основываясь на этимологии географических названий и других слов, пытается доказать первородность армянского языка.

При классификации языков все армянские авторы этого периода исходят из данных Библии, выделяя 72 языка — 15 яфетических, 32 хамитских и 25 семитских. Армянский язык они относят к яфетическим.

Сведения о диалектах и попытки их классификации

В V—XVIII вв. диалектология еще не оформилась в самостоятельную дисциплину. До перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского на армянский язык сведения о диалектах носят случайный характер. Так, Езник Кохбаци, упомянутый выше, в связи с анализом слова *ays* различает «нижние» (южные) и «верхние» (северные) диалекты. В жизнеописании создателя армянского письма Месропа Маштоца его ученик Корюн говорит о трудностях при обучении детей грамоте в связи с местными языковыми различиями. С переводом труда Дионисия сведения о диалектах приобретают более систематический характер. Почти все толкователи перевода «Грамматического искусства» говорят о диалектах. 1) Как известно, Дионисий Фракийский упоминает эолийский диалект и дает присущий ему тип образования патронимических названий; переводчик вместо эолийского диалекта греческого языка соответственно упоминает гордайский диалект армянского языка и приводит характерную для него форму *Manauč* вместо *Manēč*. 2) В связи с классификацией глаголов по спряжениям переводчик упоминает диалектные варианты глагола *gam* 'иду' — *geam* (имеется в виду *gäm*) и *gom*, а один из

¹⁰ Инчичян Г. Историческая география Армении. Венеция, 1835 (на арм.яз.).

комментаторов (Аноним) приводит диалектные варианты слова *bazuk* 'рука' — *razuk* и *r'azuk*. Таким образом, приводятся основные фонетические различия диалектов. 3) В связи с широким пониманием задач филологической грамматики Дионисий Фракийский считал одной из частей грамматики «общепонятную передачу трудных слов и рассказов». В толковании этой части грамматики Степанос Сюнеци (VIII в.) считает необходимым знание как окружающих языков, так и диалектных слов. В связи с этим он дает первую классификацию армянских диалектов, выделяя центральный (*miјerkreay*) и периферийные (*ezerakank'*) диалекты. Среди периферийных он упоминает семь диалектов: корчайский, тайский, хутский, Четвертой Армении, сперский, сюникский и арцахский.

В XVII—XVIII вв. появляются новые сведения об армянских диалектах в связи с изучением армянского языка европейцами. «Словарь армянского языка» Франциска (Франческо) Риволы¹¹ содержит значительное количество диалектных слов, а в «Сокровищнице армянского языка» Иоанна Иоахима Шредера¹² имеются сведения об агулисском, джульфинском, тбилисском, карабахском, малоазийском, ванском диалектах и даются некоторые образцы диалектной речи.

Вопрос об изменении языка

Почти все армянские мыслители, говоря о языке, указывают на изменчивость его природы, на его изменение в пространстве и во времени. Однако эти изменения они воспринимают и оценивают по-разному. Большинство авторов воспринимает изменения в языке как искашение — отход от первоначальной правильности. По мнению грамматика Степаноса Сюнеци (VIII в.), до появления письма правильная речь держится на традиции — одно поколение учит другое правильной речи. Появление письма благоприятствует сохранению правильной речи. Грамматика имеет целью не только толковать письменные произведения, но и поддерживать правильную письменную и устную речь, препятствовать искашению языка, устанавливать его правила.

Ованес Ерзника (XIII—XIV вв.) полагает, что в первоначальном языке слова были даны вещам по их природе (*bagouk'*), однако у последующих поколений постепенно ослабляется первичный «дар речи» и имена перестают прямо указывать на природу вещей.

В отличие от этих авторов, другие воспринимают изменения в языке как естественный процесс и в этой связи защищают права разговорного языка. Историк и грамматик Вардан Аревелци в XIII в., когда среднеармянский разговорный язык претендовал

¹¹ Rivoala Fr. Dictionarium armeno-latinum. Mediolani, 1621; Ed. II, Parisii, 1633.

¹² Schröder J. Thesaurus linguae amrenicae. Amstelodami, 1711.

на роль литературного наряда с грабаром, писал: «Чем хуже, если кто вместо erkotasan («двенадцать» на древнеармянском, — Г. Д.) говорит tasnewerku («двенадцать» на разговорном языке, — Г. Д.).»¹³

Такую же защиту прав разговорного языка можно отметить и в XVIII в., уже в новых условиях, когда речь шла о закреплении в литературе новоармянского языка — ашхарабара. Захарий Мартirosyan в предисловии к книге «Истинная мудрость» выступает за общепонятный литературный язык, ставя себе целью писать не только «для ученых людей», но и «вообще для всех».¹⁴ Как известно, в XIX в. X. Абовян начинает борьбу за право ашхарабара быть единственным литературным языком, приведшую к окончательному вытеснению грабара.

Этимология и учение о заимствованиях. Попытки сравнения языков

Этимология у армян, как и у греков, в условиях широкого понимания задач филологической грамматики считалась ее частью. Вопросы теории этимологии разрабатываются толкователями перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского. Однако независимо от этого этимологией занимаются почти все древние авторы. Этимология собственных имен — антропонимов и топонимов — любимое занятие многих. Очень распространены также перевод и толкование заимствованных слов в армянских текстах.

Хотя теории и практике армянской этимологии присущи почти все недостатки античной, в частности греческой, этимологии, ее дальнейшее развитие и особенности определяются следующими характерными чертами.

1. Дионисий подразделял глаголы греческого языка, имеющие в первом лице настоящего времени единственного числа окончание -ω с предшествующим острым ударением (γράφω, τέρπω и т. д.), на несколько групп — в соответствии с характером согласных и их сочетаний (κτ-, πτ-), предшествующих окончанию. Переводчик, исключив сочетания звуков, оставил только отдельные звуки и распределил их по физиологическому принципу: 1) b, m, p, r', 2) g, k, k', x, 3) d, t, t', 4) z, s, j, c', 5) ž, š, č', 6) l, ī, n, 7) c, č, ī, 8) r, ţ, 9) h и 10) дифтонги и гласные. Согласные, входящие в одну и ту же группу, получили название *l'ordk' 'сопряженные'*. В дальнейшем учение о «сопряженных» звуках у армян применяется в области этимологии, в теории орфографии, а также в диалектологии для выяснения звуковых соответствий между словами разных диалектов.

¹³ Цит. по: Джакуян Г. Б. Грамматические и орфографические труды..., с. 371.

¹⁴ См.: Хандэс амсореай, 1936, № 7—9 (на арм. яз.).

В области этимологии армяне используют также учение о так называемых «двойных буквах». Если у греков «двойными буквами» считались аффрикаты и сочетания звуков, выраженные одной буквой (ζ , ξ , ψ), то у армян таковыми считаются либо аффрикаты, либо простые согласные, в этимологических разновидностях слов соответствующие двум согласным (ср. *taɪ̯* ‘буква’ и *tarr* ‘элемент’). При этом «двойным» согласным придавалось иногда разное значение в соответствии с наличием разных этимологических дублетов.

2. У армян нет того пренебрежительного отношения к языкам окружающих народов, в том числе и к языкам варваров, которое характерно для греков и римлян. Как было показано выше, армянские авторы относятся к различным языкам как к равноправным и дополняющим друг друга. Такое отношение стимулирует интерес к окружающим языкам, которые используются также для этимологии армянских слов. Авторы XI—XV вв. считают знание окружающих языков важным условием правильной этимологии: все языки в этом отношении полезны. Историк Киракос Гандзакеци (XIII в.) записал и сохранил для потомства значительное количество монгольских слов, очень важных для истории и сравнительной грамматики монгольских языков. В одной из рукописей XV в. приводятся алфавиты греческого, латинского, грузинского, албанского, коптского, арабского языков и образцы молитв на греческом, сирийском, грузинском, персидском, арабском, курдском и турецком языках. Именно в этой рукописи был открыт алфавит кавказских албанцев, о создании которого сообщал автор V в., ученик Месропа Маштоца — Корюон.¹⁵

В истории армянской этимологической теории можно выделить три периода: 1) V—X вв., 2) XI—XVII вв. и 3) XVIII в.

В первый период господствуют идеи Давида Грамматика в толковании соответствующей части перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского и принципы этимологии по «сопряженным» и «двойным» буквам, определенным в переводе.

В комментарии к четвертой части «Грамматического искусства» — «нахождения этимологии» — Давид различает три вида («формы») этимологии: «по вещи», «по искусству» («по ремеслу») и «по звуку». На основании его примеров и объяснений последующих толкователей можно заключить следующее: 1) под этимологией «по вещи» Давид подразумевает этимологию названия вещи по ее особенностям, например по форме; для этимологии «по вещи» Давид приводит пример *sap'or* ‘кувшин’, связывая его со словом *r'or* ‘полость, вместилище, живот’; 2) под этимологией «по искусству» Давид подразумевает этимологию названия вещи (лица) по характерному для нее действию, в том числе по профессии; в качестве примера Давид приводит *r'aythat* ‘дровосек’ от *r'ayt* ‘дерево, дрова’ и *hat* (основа глагола *hat-an-el* ‘сесть, рубить’);

¹⁵ Ср.: Шанидзе А. К. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев. Тбилиси, 1938.

3) под этимологией «по звуку» подразумеваются звукоподражания; в качестве примера приводится *čp'čuk* ‘воробей’.

Давид требует крайней осторожности при установлении этимологии слова: «Нахождение *«этимологии»* не *«дело»* всех, а только благоразумнейших».¹⁶

Один из последующих толкователей — Аноним — определяет этимологию как «анализ слогов в совершенных и первообразных словах»¹⁷ и, в конце концов, осмысление слов. Он считает необходимым прежде всего выяснить характер названия, затем этимологизировать его. Так, например, при этимологизации слова *uar'štakut'iwn* ‘похищение’ в первую очередь следует выяснить, «что такое похищение, затем этимологизировать слово».¹⁸

Степанос Сюнеци (VIII в.) понимает задачи этимологии более широко. По его мнению, этимология — это восстановление «правильности имен и глаголов», искаженных вследствие употребления «сопряженных» звуков друг вместо друга: b вместо p, r вместо r' и т. п. Этимология имеет целью восстановить первоначальные имена, данные «первым человеком» для различения тварей. Для этимологии «по вещи», «по искусству» и «по звуку» Степанос Сюнеци приводит много примеров и одновременно указывает на технику этимологизации: замену одного из сопряженных звуков другим, добавление или опущение звуков, как *słoc'* ‘пила’ от *sołoc'*, *trgal* ‘ложка’ от *targal* и т. п. Среди приведенных Степаносом Сюнеци примеров встречаются как правильно отражающие историческое изменение слов (*trgal* действительно имело первоначально форму *targal*), так и неправильные (ср. *krak* ‘огонь’ будто от *kerak* ‘едкий’).

Второй период в области этимологических изысканий начинается с «Толкования грамматики» Григора Магистроса (XI в.).

Будучи широко образованным человеком, владея несколькими языками (греческим, арабским, персидским и др.), Магистрос уделяет много внимания этимологии и в условиях живого интереса к окружающим народам и их языкам разрабатывает учение о заимствованиях. Этимология у него освобождается от произвольных толкований и получает научную основу. Он же впервые дает правильную этимологию ряда заимствованных слов.

В своем труде Магистрос призывает к осторожности в вопросах этимологии. В частности, он считает неправильным этимологизировать все слова, исходя из данных только одного языка. В связи с этим он выделяет две группы слов: слова собственные и слова заимствованные. Последние могут быть этимологизированы на основании данных только того языка, из которого они заимствованы. Правильная этимология в этом случае затрудняется тем, что

¹⁶ Там же.

¹⁷ А до н ц Н. Дпонисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, с. 127.

¹⁸ Там же.

многие заимствованные слова стали для народа такими же привычными, как свои «собственные». В качестве примеров он приводит такие слова, как р'akełn 'орарь' из греч. φάκελος 'пучок' (новогреч. φακιόλι 'косынка, головной платок'), kałamar 'чернильница' из греч. καλαμάριον, sutra (вид одежды) из перс. sudra и др. По поводу последнего слова он замечает, что армяне, переняв многие виды одежды от соседних народов, усвоили также слова, употребляемые для их обозначения, и приводит примеры — частично персидские, частично арабские, заимствованные армянами через персидский. Одновременно он правильно указывает на персидское происхождение слов awazan 'бассейн', gawazan 'палка, посох, жезл', xagazan 'батог, бич, кнут'. Отмечая, что количество таких заимствований в армянском очень велико и что окружающие народы в свою очередь также заимствовали слова из армянского, он приходит к выводу, что знание других языков — необходимое условие для достоверной этимологизации. «Если кто-нибудь будет этимологизировать подобные слова, то допустит большую ошибку. Много раз мы видели, как этимологизировали такие слова, заимствованные из других языков, наши соотечественники и даже люди, считающиеся мудрецами, и это — по причине незнания языков».¹⁹

В связи с этим перед Магистросом встает вопрос: как выяснить, который из языков, имеющих данное слово, является источником заимствования? Для решения этого вопроса Магистрос дает два важных указания: во-первых, слово заимствуется вместе с обозначаемым предметом, поэтому нужно выяснить, у которого из данных народов впервые появились обозначаемый предмет и соответствующее понятие; во-вторых, следует выяснить, который из данных языков дает возможность этимологизировать слово, т. е. раскрыть первичный характер понятия, связанный с восприятием явления или вещи. Так, например, слово masun 'мацони' бытует у армян и у греков, однако это слово в греческом языке заимствовано из армянского, так как, объясняет Магистрос, «греки, научившись у армян готовить мацони, называют его тем же именем, не зная этимологии этого слова, т. е. не зная, что мацони (masun) стущено (ma-seal ё), поэтому так и называется».²⁰

Учение Магистроса о заимствованиях этим не ограничивается. Он обращает внимание еще на одно очень важное обстоятельство: при выяснении происхождения слова следует иметь в виду, что заимствованное слово часто подвергается видоизменению в соответствии с фонетическими особенностями заимствующего языка или диалекта. В связи с этим он приводит примеры армянских слов, заимствованных греческим и грузинским языками, показывая случаи замены не свойственных им звуков другими.

¹⁹ Там же, с. 229.

²⁰ Там же, с. 228.

Вардан Аревелци (XIII в.) вносит новую деталь в теорию заимствований. Он указывает, что одно и то же заимствованное слово иногда имеет несколько звуковых разновидностей, причем в качестве примеров он приводит слова, заимствованные либо в разные периоды, либо из разных языков. Чтобы найти закономерные звуковые соответствия между разновидностями заимствованного слова, Вардан прибегает к учению о «сопряженных» и «двойных» согласных (ср. примеры *Ak'aab* и *Axaab*, *Šmawon* и *Simon* и др.).

Ованес Ерзнаки (XIII—XIV вв.) приводит учение о «сопряженных» звуках в стройную систему. Он указывает на шесть применений этого учения, в том числе — в области этимологии, диалектологии и правописания: в первом случае он имеет в виду слова, одинаковые по происхождению и различающиеся по сопряженным звукам; во втором случае — звуковые соответствия между словами разных диалектов; в третьем случае — омофоны и орфографические дублеты.

Третий период в истории этимологии начинается в XVIII в. и продолжается до формирования сравнительно-исторического языкознания и включения армянского языка в состав индоевропейских языков, во многом подготовляя это. Если раньше, говоря о словах, общих для армянского и других языков, выделяли только заимствования, то в этот период в грамматических трудах и словарях начинают разграничивать два слоя таких слов. Первым ученым, сделавшим подобное разграничение, был Мхитар Себастаци (1676—1749), автор двух капитальных трудов по армянскому языку: «Грамматики армянского языка» и I тома «Словаря армянского языка». В предисловии к словарю, написанном в 1749 г., перед самой смертью, Мхитар уделяет большое внимание вопросам этимологии, в частности словам, общим для разных языков.

Имея в виду господствующее мнение, он полагает, что неискушенный читатель словаря будет в недоумении, заметив, что не все «заимствованные» слова имеют соответствующие пометки. По этому поводу Мхитар замечает, что слова разных языков, сходные по звуковому оформлению и по значению, можно разбить на две группы.

1. К первой группе, по мнению Мхитара, относятся такие слова, которые нельзя считать заимствованными. Поводом к выделению подобных слов для него служили следующие соображения: во-первых, эти слова являются первоначальными (*mayr-bařk'* буквально: «слова-матери»), и «каким бы бедным ни был язык сам по себе, он имеет таковые»;²¹ во-вторых, такие общие слова можно обнаружить в языках, которые в историческое время не находились в тесном контакте друг с другом. К ним Мхитар относит, например, следующие слова армянского и латинского языков: *loys*—*lux*, *du*—*tu*; *i nanir*—*inanis*; *nav*—*navis*; *lua*—*lava* (повелительная форма 2-го л. ед. ч.); *tam*, *tas*—*do*, *das*; *em*, *es*—*sum*, *es*

²¹ Словарь армянского языка, т. 1. Венеция, 1769, с. 9.

и др. Здесь очень важно отметить, что, кроме неправильного сближения *i nanir—inanis*, все остальные этимологические сопоставления в дальнейшем полностью подтвердились и что Мхитар замечает не только словарные совпадения, но и совпадения грамматические — соответствия между формами спряжения:

do—tam	sum—em
das—tas	es—es.

Мхитар указывает также на наличие общих слов для армянского и греческого, для армянского и персидского и т. д., хотя среди упомянутых им слов впоследствии оказалось много заимствованных.

В связи с этим перед Мхитаром встает важный вопрос: как объяснить наличие таких общих слов? Казалось бы, Мхитар, будучи католическим деятелем, должен был объяснить эти факты существованием библейского прайзыка. Однако, упоминая о последнем, он склоняется к другому объяснению. «При наличии у всех народов многих тысяч разновидностей произношения слов встречается среди них немало созвучных, что можно доказать следующим образом: если кто-нибудь прикажет двум лицам создать по сто новых слов, то будет видно, что многие из них окажутся созвучными несмотря на то, что словотворцы — представители разных национальностей. В частности, это признак того, что первоначально все народы были одноязычными».²² Дальше он объясняет, что «созданные богом языки» (NB: не языки!), как и всякие вещи, должны иметь «и общие, и разнящие их черты».

2. Вторым слоем общих для языков слов Мхитар считает заимствования. Он приводит большое количество заимствований в армянском из древнееврейского (*gehen*, *naut'*, *šabat'*, *satanay*, *sabawovt'* и т. п.), из персидского (*dah*, *rah*, *šišak*, *šahastan*, *šahpalut*, *šatruan*, *p'arsax*, *mahik* и т. п.), из арабского (*mt'hal* и т. п.), из греческого (*kat'ožikos*, *dimos*, *dios*, *kat'edr*, *yovt*, *presxumē*, *sažmos*, *tokosik'* и т. п.).

В большинстве случаев Мхитар правильно указывает на заимствованный характер армянских слов и источник заимствований. Хуже обстоит дело со словами, которые он считает заимствованными из армянского в сирийском, пехлевийском, турецком и т. д. Эти слова впоследствии оказались, напротив, или заимствованными армянским языком, или случайными совпадениями. Однако нельзя не отдать должное Мхитару в том, что и здесь он соблюдает большую осторожность при решении вопроса об источнике заимствования, отмечая, что, во-первых, он основывается на указаниях словарей и, во-вторых, учитывает то, что эти слова в армянском языке являются «основными (*glxavork'* букв. «главными») словами, из которых происходит много сложных, производных и со-

²² Там же.

пряженных слов».²³ Но Мхитар не считает этот вопрос исчерпанным. Окончательное разрешение вопроса о происхождении того или иного слова и о причинах, обусловивших наличие в армянском языке общих для разных языков слов, Мхитар считает делом будущего.

Идеи Мхитара Себастаци продолжают и углубляют в первой половине XIX в. — Габриэл Аветикян, авторы «Нового словаря армянского языка», Шаан-Джрпетян, Акопос Тюзян.

ГРАММАТИКА

Вводные замечания

Грамматика, выступавшая под названием «грамматическое искусство», занимала важное место в жизни древней и средневековой Армении. Она наряду с философией и риторикой была одной из первых дисциплин, с которой армяне ознакомились еще до создания армянской письменности Месропом Маштоцем в начале V в. В эпоху эллинизма греческий язык и греческая культура играли значительную роль в жизни армянской знати и духовенства. Обучение греческому языку вызывало необходимость приводить сведения из грамматики. До перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского (II половина V в.?) уже сложилась определенная традиция в области терминологии, нашедшая отражение в первых письменных трудах на армянском языке, частично также в переводе.

Грамматика у армян до конца XVIII в. прошла три периода развития: 1) период греческого влияния и «грецизированной» грамматики (с V в. до 20-х гг. XVII в.); 2) период латинского влияния и «латинизированной» грамматики (1624—1779); 3) период преодоления греческого и латинского влияния и создание грамматики, основанной на изучении языка ранних письменных памятников без предвзятых схем (с 1779 г. до конца века).

К первым грамматическим терминам, появившимся до перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского, относятся *dpir* (в переводе Дионисия *k'erakan* 'грамматик'), *dprut'iwn* (в переводе Дионисия *k'erakanut'iwn* 'грамматика'), *jaunawor* (в переводе Дионисия то же самое — «гласная»), *miawor* (в переводе Дионисия *ezakan* 'единственное'), *bazmawor* (в переводе Дионисия *yognakan* 'множественное'), *r'oxanak-anun* (в переводе Дионисия *deranunut'iun* 'местоимение'; в определении местоимения встречается *r'oxanak aquan* 'вместо имени') и др.

²³ Там же.

Создание армянских письмен

В конце IV в. и в начале V в. потребность в самостоятельной письменности стала необходимостью, диктуемой общей политической, культурной и идеологической обстановкой в Армении. За это дело взялся Месроп Маштоц (361—440 гг.), сын крестьянина, получивший образование на родине и усовершенствовавшийся в Антиохии, владевший греческим и сирийским языками. Возвратившись из Антиохии, он поступил сначала на военную, затем на государственную службу.

После долгих и кропотливых изысканий, до конца выяснив особенности фонетической структуры армянского языка, Месроп создал алфавит из 36 букв, включающих знаки как для гласных, так и для согласных звуков. Буквы были расположены, за редким исключением, согласно порядку греческого алфавита, причем буквы, недостающие в греческом алфавите, расположены главным образом за теми буквами, с которыми они сходны по начертанию.

Աա	ՃՃ	ՃՃ	Ււ — (Рρ)
Բբ — Вβ	Իի — Լլ	Մմ — Մμ	Սս — Σσ(ς)
Գգ — Гγ	Լլ — Ալ	Ցց	Վվ
Դդ — Δδ	Խխ	Նն — Նն	Տտ — Тτ
Եե — Еε	Ծծ	Շշ — (Ֆֆ)	Րր — Рρ
Զզ — Հհ	Կկ — Կք	Ոո — Օօ	Ցց
Էէ — Հհ	Հհ	Չչ	Ււ — Յյ
Ըը — Ձձ	Ձձ — (Զզ)	Պպ — Պպ	Փփ — Փփ
Թթ — Թթ	Ղղ — (Ալ)	Ջջ	Քք — Խխ

По единодушному мнению исследователей (Х. Гюбшман, А. Мейе, И. Маркварт и др.), алфавит, созданный Месропом Маштоцем, «является наиболее совершенным для своего времени фонетическим письмом».²⁴

Формы букв прошли несколько этапов развития. Первоначальные формы месроповских букв совпадают с заглавными буквами современного армянского алфавита.

Перевод «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского

Перевод труда Дионисия не совсем точно передает особенности греческого текста. Переводчик, исходя из особенностей армянского языка, сделал ряд изменений. Он ввел единый принцип классификации «букв», добавил к пяти греческим падежам шестой (творительный), изменил принцип классификации спряжений и т. д. В дальнейшем армянские толкователи всегда имели в виду особенности перевода, и поэтому неправильно считать их

²⁴ Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950, с. 157.

толкователями именно Дионисия. Остановимся на некоторых изменениях, внесенных армянским переводчиком «Грамматического искусства», подробнее.

Как известно, у греков классификация согласных звуков не имела единого принципа — при делении согласных звуков на группы они учитывали не только артикуляцию звуков, но и их функцию в образовании слогов (без четкого различия между звуками и буквами), так как в греческом языке слоги могут иметь на исходе только следующие согласные «буквы»: λ, μ, ν, ρ, ζ, ξ, φ. Эти «буквы» греки выделяли в группу «полугласных» (*ἡμίφωνα*), между тем как в артикуляционном отношении они представляют большую пестроту: тут оказались плавные — λ, μ, ν, ρ, «двойные» — ξ, φ, а также ζ (ζ). Остальные согласные «буквы» греки называли «немыми» (*άφωνα*), причем их деление на группы основывалось на физиологическом принципе — на «различении» по глухости, звонкости и придыхательности.

В армянском языке слоги могут кончаться на любой согласный звук, и поэтому переводчик, отbrasывая второй принцип, вводит единый физиологический принцип классификации согласных звуков. При классификации согласных «букв» армянского языка он придерживается принципа деления «немых», различая звонкие, глухие и глухие придыхательные, причем сохраняет для них принятые у Дионисия названия: простые (*nurbk'*, *lerkk'*, *barakk'*), средние (*miʃakk'*) и густые (*t'awk'*, *yourtk'*, *stuark'*). По этим группам он распределяет также согласные, не имеющие соответствия в греческом:

Простые: р, к, т, с, с, ѿ, а также н, м, г, з

Средние: б, զ, ծ, յ, զ, а также չ

Густые: ՚, Ռ, ՚, ՚, ՚, ՚, а также խ, յ, լ, Ր

Конечно, классификация армянских «букв» имеет погрешности объяснимые диалектными особенностями произношения переводчика Дионисия и общим уровнем представлений того времени о «буквах», но в свое время она была большим шагом вперед в истории развития фонетики.

Эта классификация в значительной степени дополняется выделением групп «сопряженных букв», приведенных в связи с рассмотрением этимологических принципов армян.

В области морфологии наиболее важным новшеством было введение 6-го, творительного падежа. Заметив, что две основные функции греческого дательного падежа в армянском выражены отдельными окончаниями, переводчик перечисляет для армянского языка шесть падежей: именительный (*uʃakan*), родительный (*seʃakan*), дательный (*trakan*), творительный (*aʃak'akan* 'отправительный', в дальнейшем заменяется термином *gorciakan* 'орудийный'), винительный (*hayc'akan*) и звательный (*hoʃakan*, в дальнейшем заменяется термином *koč'akan*).

При перечислении семантических групп наречий и союзов переводчик делает важные добавления. Вместо 26 групп наречий греческого текста он перечисляет 35 групп, вместо 8 групп союзов — 10 групп.

Важную роль в области слово- и терминообразования сыграл раздел о предлогах. Как известно, Дионисий понимал под предлогами не только собственно предлоги, функционирующие как служебные слова, но и предлоги, выступающие как приставки. В этом отношении перевод труда Дионисия приобретает нормирующе значение: большая часть из 50 предлогов-приставок и трех суффиксов, передающих в армянском переводе 18 греческих предлогов-приставок, используется авторами так называемой «грекофильской школы»²⁵ для калькирования греческих префиксальных образований.

Наряду с изменениями и добавлениями, вытекающими из особенностей армянского языка и обусловленными сложившейся традицией и творческими поисками переводчика, нередко наблюдаются буквальная передача греческого оригинала, введение чуждых армянскому языку понятий. В частности, сохраняется деление гласных на краткие и долгие, приводятся без изменений система греческого стихосложения и знаки просодии, усваиваются двойственное число, родовая дифференциация, система наклонений и времен глагола греческого языка. Как полагают некоторые исследователи, переводчик для точной передачи особенностей оригинала частично использует архаичные диалектные формы двойственного числа, грамматического рода и т. д., но в остальном он прибегает к искусственным образованиям.

Первые толкователи перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского: Давид, Мовсес, Аноним

Вопреки традиционному мнению о подражательном характере армянской грамматической литературы, объяснения армянских толкователей перевода книги Дионисия Фракийского значительно расходятся с толкуемым текстом. Правда, переводчик и толкователи стараются при этом сохранить авторитет Дионисия, но они это делают таким образом, что фактически отстаивают диаметрально противоположную точку зрения.

Как известно, у Дионисия был эмпирический подход к вопросам грамматики, что объясняется ослаблением связи грамматики с философией, отходом многих грамматистов от логико-философских проблем в силу углубления в изучение сугубо филологиче-

²⁵ Выражение «грекофильская школа», которым исследователи передают армянское *үшапаван dros'* и которое здесь употребляется, не точно. Под словом *үшапаван* (букв. «грекословный») имеется в виду не грекофильство, а грецизмы в языке.

ских вопросов. Дионисий определял грамматику как «осведомленность (эмпирия) в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков».²⁶ Эмпиризм Дионисия вызывал возражение со стороны некоторых грамматиков, которые упрекали его за это определение, считая, что эмпирия «есть некий навык и пользуется голым наблюдением и упражнением, без искусства и логики, а грамматика — искусство».²⁷

Первые армянские грамматики-толкователи определяют грамматику не как эмпирию, а как искусство, причем искусство они понимают рационалистически. Так, Давид-толкователь, говоря о двух пониманиях грамматики (эмпирическом и рационалистическом), оправдывает Дионисия лишь потому, что он «с точностью изложил то, что нашел об эмпирии и разумности», не выразив именно своей точки зрения. Сам Давид явно склоняется к рационалистическому пониманию грамматического искусства: «А эмпирия — вот что: когда спрашивают, что такое глагол или имя, и ты не можешь отвечать как следует, так как знаешь это от своих предков по бессильной привычке, наподобие хождения животных в привычные места, это есть эмпирия. А разумно разрешить вопрос это значит руководствоваться известными правилами (*əst nšanawor hramapac'*), когда человек слышит то, что чаще всего употребляется у поэтов и прозаиков, а не те чужие слова, в которых нет разума».²⁸

Это рационалистическое понимание грамматического искусства особенно ярко выступает у Мовсеса, который говорит: «Источник искусства — разум, гениальная мысль — творец искусства, а искусство — раститель разума».²⁹

Последующие грамматики продолжают линию рационализма этих первых толкователей и, отождествляя Давида с Давидом Непобедимым, одновременно опираются на гносеологию последнего. Давид Непобедимый признает четыре ступени познания соответственно его практическим проявлениям: опыт (*pēra, hmtut'iwn*), эмпирию (*ērpēriā, nerhmtut'iwn*), искусство (*téχnē, aruest*) и научное знание (*ēpistēmē, makac'uṭ'iwn*). Из них эмпирия и искусство определяются следующим образом. 1. «Эмпирия есть беспричинное знание общего; к примеру знание эмпирических врачей, когда они знают множество лекарств, но не знают причины их действия».³⁰ 2. «Искусство есть причинно обоснованное знание общего, или иначе, оно есть способность действовать надлежащим путем воображения, ибо искусство есть и некая способность и знание <необходимые, чтобы> действовать правильно, т. е. делать, создать по назначению».³¹

²⁶ Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, с. 5.

²⁷ Там же.

²⁸ А до и п. Н. Дионисий Фракийский. . . , с. 84.

²⁹ Там же, с. 164.

³⁰ Сочинения Варданета Корюна, Мамбре Анагноста и Давида Непобедимого, с. 181.

³¹ Там же.

Таким образом, Давид Непобедимый строго отграничивает эмпирию от искусства и тем самым дает основание толкователям перевода труда Дионисия считать грамматику как искусство более высокой ступенью познания. Эти последние считают грамматику искусством разумным (*banawor*), а не эмпирией.

Армянские грамматики-толкователи расходятся с Дионисием также в трактовке основ фонетики и морфологии.

У древних греков фонетика была известна под именем учения о «буквах» (*τὰ στοιχεῖα, taɪk'*). Четкого различия между звуком и его письменным знаком античный мир не разработал (так, например, «буквами» считались и ψ — пс., ξ — кс.). Однако армянские толкователи строго различают эти два понятия. Для звука они употребляют только слово *taɪ* ‘буква’, для письменного изображения — *gir* ‘письмо’, *nšanagir* ‘письменный знак’, причем каждый письменный знак считается выражением одной буквы. Четкому разграничению этих понятий способствовало то обстоятельство, что в армянском алфавите каждому звуку (фонеме) соответствовал один письменный знак.

Дионисий установил восемь частей речи: имя (*ὄνομα, anun*), глагол (*ῥῆμα, bay*), причастие (*μετοχή, əndunelut'iwn*), artikelъ (*ἀρθρόν, yawd*), местоимение (*ἐντονοῦμα, deranun*), предлог (*πρόθεσις, naxadrut'iwn*), наречие (*ἐπίρρημα, makbay*) и союз (*σύνδεσμος, šaʃkar*). В делении слов на части речи и их определениях Дионисий не был последователен: в основном он исходил из лексического значения слов, но во многих случаях учитывал также их формальные признаки и синтаксические функции, часто электически соединяя разные принципы. Это видно особенно из определения двух основных частей речи — имени и глагола. 1. «Имя есть склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь (тело — например камень; вещь — например воспитание) и высказываемая как общее и как частное; общее — например человек, частное — например Сократ». ³² 2. «Глагол есть беспадежная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание». ³³

Первые армянские толкователи Дионисия вместе с этими определениями, которые они официально приводят и толкуют, дают и другие определения, учитывающие лишь лексическое значение слов и в конечном счете ориентирующиеся на логику и гносеологию Аристотеля. Давид пишет: «Имя обозначает сущее, а глагол — действие (*nergorcut'iwn* сущего»; ³⁴ Мовсес говорит: «Глагол поставлен после имени, ибо имя обозначает существование, а глагол — действие». ³⁵

Из первых трех толкователей Аноним значительно отличается от Давида и Мовсеса в понимании и толковании целого ряда

³² Античные теории языка и стиля, с. 118.

³³ Там же, с. 124.

³⁴ А до н ц Н. Дионисий Фракийский. . . , с. 112.

³⁵ Там же, с. 169.

вопросов. Если последние два грамматиста интересны своими продуманными замечаниями о грамматических понятиях и стремлением философски обосновать грамматические вопросы (понятие времени, соотношение общего и отдельного и т. д.), то Аноним выделяется своими тонкими наблюдениями в области морфологии и диалектологии (деление склонений на два вида: склонения, имеющие основы на гласный, и склонения, имеющие основы на согласный, более точное деление глаголов по залогу, замечание о звуковых соответствиях диалектов и т. д.). Однако Аноним не узкий эмпирик и ему не чужда широкая постановка вопросов грамматики. У Анонима есть интересные замечания об имени. Указывая, что между именем и обозначаемым предметом нет необходимой связи — имена различных предметов могут совпадать, — Аноним одновременно говорит о двух употреблениях слова «имя»: широком (как наименование) и узком (как обозначение одной из частей речи). В первом случае, например, глагол является именем (обозначением действия), во втором случае — нет. В связи с этим в основу деления имени и глагола Аноним кладет морфологический принцип — склоняемость имени и несклоняемость глагола.

Все первые толкователи перевода Дионисия (Давид, Мовсес, Аноним) очень осторожно подходят к тем местам перевода, в которых говорится о двойственном числе, о грамматическом роде и т. д., считая, что этих понятий в армянском языке нет. Так, например, Давид, который, по всей вероятности, был переводчиком Дионисия, пишет, что все это переведено «для пополнения недостающих мест», а Аноним отмечает, что в армянском языке род формально не обозначается, а в необходимых случаях для различения родов употребляются разные слова, как например: *ark'* ‘мужчины, мужья’, *kanayk'* ‘женщины, жены’, *mankunk'* ‘дети’.

Последующие толкователи перевода труда Дионисия до появления первой грамматической компиляции в XI в.

Со времени трех толкователей перевода «Грамматического искусства» Дионисия до Григора Магистроса, автора XI в., армянская грамматическая литература представлена только двумя авторами — Степаносом Сюнечи (ум. в 731 г.)³⁶ и Амамом Аревелци (IX в.). Первый из них, как правильно отмечает Н. Адонц, «является последним представителем грамматической учености».³⁶

³⁶ Там же, с. СХСШ. — Однако Адонц не прав, считая, что «его труд по своим качествам значительно далеко стоит от труда Давида и вовсе не заменяет расцвета данной науки».

Степанос Сюнеци написал два грамматических труда. Один из них представляет собою богословское толкование грамматического труда Мовсеса, а другой, восстановленный Адонцем, является толкованием перевода грамматики Дионисия. В последнем своем труде, оставаясь верным широкому пониманию задач филологической грамматики, Степанос ставит вопрос о взаимодействии грамматики и литературы. Формулируя свои правила, пишет Степанос, грамматика основывается на литературе, на письменных памятниках. С другой стороны, грамматика дает руководство для правописания и орфоэпии, для создания поэтических творений, для критики литературных текстов. Вместе с тем грамматика служит целям точной передачи литературного памятника, обучая умелому чтению. В связи с этим Степанос приводит правила произношения отдельных звуков и слогов, разрабатывает принцип классификации гласных и дифтонгов на основании их тональных различий, обращает внимание на интонационные особенности разных видов предложений.

В отличие от предшествующих грамматистов, в определении частей речи Степанос придает большое значение функции слов в предложении. На этом основании он считает главной частью речи не имя, а глагол. По Степаносу, глагол противопоставляется другим частям речи тем, что, показывая время действия, лицо и т. д., конкретизирует выраженные ими общие понятия. Глагол является центром предложения, уже сам по себе представляет речевую единицу (*asumt* ‘высказывание’).

Степанос расширяет рамки местоимений, относя к ним не только личные и притяжательные, но и указательные. Местоимения, по Степаносу, являются средством конкретизации значения имени в предложении, так как выражают лицо и определенность.

В период от Степаноса Сюнеци до Григора Магистроса мы имеем только одного грамматика, Амама Аревелци (IX в.), труд которого напоминает скорее богословский трактат, чем толкование грамматики. Усиление средневекового клерикально-феодального мировоззрения повлияло и на характер этого труда. Грамматические категории рассматриваются Амамом аллегорически, этимология становится более произвольной, чаще выступает мистификация чисел — падает до крайней степени общий уровень грамматической науки. У Амама нет того глубокого знания античной культуры, которое мы находим у предшествующих грамматиков.

Ослабление у армян интереса к грамматике связано с общим падением уровня культуры, происшедшем вследствие экономического упадка во время нашествия и тяжелого для армянского народа господства арабов. Влияние последних на армянскую культуру сказалось позже, во время господства Багратидов (885—1045), когда Армения становится торговым центром мирового значения, где сходится несколько транзитных путей, происходит интенсивное развитие городов (Ани, Вагаршапат, Двин, Карс и др.) и городской культуры и т. п.

Грамматическая компиляция Григора Магистроса в XI в.

Стабилизация экономики, политическая независимость и относительное спокойствие в период царствования Багратидов создали основу для успешного развития всех видов культуры. Возрождается интерес к философии, грамматике, риторике, к старым научным традициям. Во всех центрах образования — в школах Сананина, Ахпата, Капуткара, Хладзора, Ширака, Камурджадзора — начинают заниматься философией, грамматикой и другими «внешними» (светскими, — Г. Д.) науками».

Возрождение интереса к философии и грамматике связано с именем Григора Магистроса. Григор Магистрос владел несколькими языками, был многосторонне развитым светским человеком, политическим деятелем, поэтом; он создал жанр «писем» (*pamakan*) в армянской литературе, перевел труд Эвклида, занимался философией и медициной и т. д. Однако на нем еще сильно сказывалось влияние клерикального мировоззрения.

Магистрос составил грамматическую компиляцию, в которую, вместе с его наблюдениями, целиком вошли труды всех предшествующих грамматиков, кроме труда Амама. Здесь он выступал защитником и ревностным распространителем не только античной и древнеармянской культуры, но и культуры арабов, наследие которых он высоко ценил.

По мнению Магистроса, грамматика (*k'erakanut'iwn*) близка к литературе (*grakanut'iwn*), а слова, обозначающие эти понятия, этимологически связаны между собой. Грамматика имеет своей целью исправлять язык, учить людей говорить правильно. Грамматика как искусство по своей познавательной ценности ниже философии. Но это не умаляет роли грамматики. Кто не владеет грамматикой, не может приступить к философии. Грамматика является первым порогом, открывающим путь ко всякой философии. Она исправляет речь, опираясь на разум, т. е. является искусством разумным. Грамматик должен хорошо знать всякие произведения, чтобы их объяснять и толковать. Грамматика, с другой стороны, имеет нормативное значение и дает возможность по «известным образцам» строить письменные произведения.

Магистрос придает большое значение знанию тех языков, с которыми армянский язык входит в соприкосновение. Он делает шаг вперед в сравнении с античной языковой теорией, возбуждая интерес к окружающим языкам в лингвистических целях. Магистрос восстает против всякой произвольной этимологии и создает теорию о заимствованиях. Как было сказано, этимологические наблюдения Магистроса являются первой удачной научной попыткой в этой области, и можно сказать, что он является основателем научной этимологии у армян.

По Магистросу, все языки со дня их создания имеют свои особенности, которые сказываются, например, в разных способах

выражения одних и тех же грамматических значений. Они могут быть выражены как грамматическими, так и лексическими средствами, причем грамматические средства могут различаться от языка к языку. Отсутствие специальных грамматических форм выражения для того или иного значения или его передачу другими средствами нельзя считать недостатком языка. Так, нельзя считать недостатком армянского языка то обстоятельство, что в нем отсутствует двойственное число, свойственное арабскому и древнегреческому, или того, что в греческом и в армянском языках способы склонения слов различны: в греческом при склонении изменяются одновременно и начало (имеется в виду artikel) и конец (окончание) слова, а в армянском — только конец. Армянский язык в данном случае, по Магистросу, имеет даже преимущество, только одним окончанием выражая то, что в греческом передается и окончанием, и артиклем одновременно. Избегая искусственных форм, введенных грекофильтской школой для выражения родовых различий, Магистрос считает, что в армянском языке эти различия при необходимости выражаются посредством не окончаний, а отдельных слов.

Конечно, грамматической теории Магистроса присущи недостатки, характерные для его времени. Так, Магистрос имеет ограниченное представление о звуках, думая, что восемь гласных, известных армянским грамматикам, являются пределом количества гласных. В склонении имен он еще следует греческому образцу, создавая иногда искусственные падежные формы, против которых сам боролся. Язык Магистроса витиеватый: он впитал в себя традиции грекофильтской школы и арабских форм выражения.

Приближение языка грамматики к средневековому народно-разговорному языку и первое описание грамматических форм последнего (XIII в.)

Следующий этап развития грамматической литературы связан с созданием армянского государства в Киликии. Армяне, переселившиеся туда во время византийского господства и нашествий турок-сельджуков, скоро превращаются в значительную экономическую и политическую силу. С 1080 г. начинается господство армянской династии, продлившееся до 1375 г. Развитие городов, регулярная торговля с Венецией и другими городами, походы крестоносцев, для которых Киликийское армянское царство было опорным пунктом, — все это послужило сильным толчком к расширению кругозора армян. Самое бурное развитие армянская культура переживает в XII—XIII вв., когда политическое положение Армении укрепилось.

Общий подъем культуры, литературы, науки и искусства отражается и на грамматике, в которой происходят качественные изменения. Грамматическое искусство в этот период приобретает новые

черты. Рост интереса к эллинистической культуре и к своим национальным традициям продолжается, языки окружающих народов рассматриваются как источники этимологии. Грамматика освобождается от элементов спекулятивности и делается более практической и доступной. Данные грамматики используются для «искусства писания», осуществляется первая орфографическая реформа.

В языковом отношении в этот период совершается важный шаг: появляются литературные памятники на среднеармянском языке. Конечно, многие авторы продолжают писать на древнеармянском языке — грабаре, но важна сама попытка, имеющая целью сблизить письменный язык с разговорным. Это новшество находит сторонников среди авторов грамматик. Появляются грамматические труды, не только написанные на разговорном языке, но и содержащие описание его форм наряду с формами грабара.

Самым ярким в этом отношении был Вардан (р. в 1200—1210 г., ум. 1269 или 1271 г.). Он написал два грамматических труда на разговорном языке: один из них — толкование грамматики, другой — небольшое исследование под заглавием «О частях речи», важное в том отношении, что Вардан в нем впервые освобождает грамматику от побочных элементов и делает попытку создать грамматику в современном, более узком значении. В этом труде Вардан дает краткие определения и характеристики частей речи, исходя из их функции, и приводит к ним примеры.

Вардан также высоко ценит познавательное значение грамматики, считая, что она вникает в сущность явлений, а не ограничивается только поверхностным знакомством с ними.

Освобождая «учение о буквах» от искусственных нововведений грекофильтской школы, Вардан насчитывает в армянском языке не 8 гласных, а 7: он отбрасывает обозначение долгого ω , заимствованное из греческого.

Исходное для частей речи ($\muέρη τοῦ λόγου$, masunk' bani) понятие *bani* ($\lambdaόγος$) 'речь, мысль, предложение' Вардан толкует как предложение, не отличая его от суждения. Таким образом, с одной стороны, грамматические категории рассматриваются им как логические, с другой — части речи отождествляются с членами предложения. Имя у него выступает как подлежащее, глагол — как сказуемое; остальные части речи связываются с ними и рассматриваются как слова, дополняющие общую мысль предложения. Ясно, что с этой точки зрения должны изменяться и определения других частей речи. Сохраняя названия частей речи, Вардан вкладывает в них значение членов предложения. Под *naxadrut'iwn* 'предлог' Вардан понимает не только предлоги, функционирующие как префиксы, но и всякое определение, которое ставится перед именем. Он различает два вида «предлогов»: «предлоги» — слова и «предлоги» — глагольные приставки (превербы). Первый вид «предлогов», или определение, противопоставляется наречию (*makbay*); если «предлог» определяет имя, то наречие определяет *bani* 'речь', resp. глагол, сказуемое. Под наречиями

чием Вардан, таким образом, понимает всякие обстоятельственные слова и дополнения, определяющие глагол, который, как мы сказали, понимается как «речь».³⁷ Вардан одновременно отмечает несоответствие между значением слова «предлог» и его местом в предложении, ибо «предлог» может стоять и перед определяемым словом, и после него.

Местоимение у Вардана, как и у Давида, толкуется трояко: 1) оно заменяет собою имя и поэтому называется «местоимением» (*der-anun*); 2) оно выражает имя неполно и в этом смысле есть «неполное имя» (*t'er-anun*); 3) оно заменяет всякое имя, независимо от его рода, и поэтому оно — «общее имя» (*hasarak anun*). Причастие, выделяемое предшествующими грамматиками как отдельная часть речи, Вардан включает в систему глагола.

Союз, по Вардану, выполняет две функции, выражает связь вещей (т. е. имен вещей) и глаголов (resp. предложений).

Вардан впервые упоминает побудительные глаголы, приводя примеры из среднеармянского разговорного языка и включая их в состав глаголов действительного залога.

«Грамматическое искусство» достигает своего полного расцвета в трудах Ованеса Ерзникаци (1250—1326), известного поэта армянского средневековья, воспевшего наслаждение светской жизнью в противоположность средневековому возврению на жизнь как на «юдоль плача». Грамматическое произведение Ованеса представляет собой компиляцию почти всех предшествующих трудов грамматического характера, составленную с большим мастерством и тщательностью, что свидетельствует об усилившемся внимании к древнему рукописному наследию. Ованес Ерзникаци написал к нему подробное предисловие и сделал добавления, дающие ясное представление о его взглядах.

В своих воззрениях на грамматику и на язык Ованес Ерзникаци опирается на Давида и Вардана, хотя расходится с ними в частностях. Он рассматривает грамматику как разумное искусство, а человеческий разум, по Ованесу Ерзникаци, есть «приобретенный и излагаемый» (*stac'akan ew šaradreli*), ибо имеет два источника: ведомое и чувственное (*imanali ew zgali*).

Ованес Ерзникаци строго различает буквы и звуки, рассматривая «буквы» (*tařk'*) как звуковые эквиваленты «письмен» (*girk'*).

Из всех частей речи Ованес Ерзникаци по степени важности выделяет имя как слово, обозначающее существование. Отсюда он логически выводит правило, что в предложении имя (т. е. подлежащее) должно стоять на первом месте.³⁸

Особенно важно отметить, что Ованес Ерзникаци пользуется для таблицы спряжения формами не только древнеармянского, но и среднеармянского разговорного языка. Он не только освобо-

³⁷ Слова *bay* 'глагол' и *ban* 'речь' этимологически связаны. Ср. русское «наречие».

³⁸ В древнеармянском языке часто встречается и обратный порядок слов — подлежащее стоит после сказуемого.

ждает грамматику от искусственных форм спряжения, созданных грекофильтской школой, но и пользуется для примеров формами живого разговорного языка.

Состояние грамматики в XIV—XVI вв.

В «грамматическом искусстве» XIV—XVI вв. намечается три направления.

Первое из них представлено грамматическим трудом Ованеса Крнеци, являющимся предвестником латинизированных грамматических трудов, распространенных в армянской действительности в XVII—XVIII вв. Создавая свой труд, Ованес Крнеци имел в виду как армянские, так и латинские грамматики. Влияние последних сказалось в определении грамматики, в отождествлении звука и буквы и т. д.

Второе направление в грамматике представлено «Краткой грамматикой» Ованеса Цорцореци и «Толкованием грамматики» Есаи Ничеци. В основе обоих трудов лежит «Толкование грамматики» Ованеса Ерзника. Есаи Ничеци является одним из виднейших деятелей средневековой армянской науки. Он больше полувека руководил Гладзорским университетом, который был центром средневековой науки. Число его учеников достигло 363. Ученики этой школы получали разностороннее образование, при окончании писали диссертации.

По примеру своих предшественников, явно расходясь с Дионисием в вопросе определения грамматики, Есаи опирается на гносеологию Давида Непобедимого и на грамматическую концепцию Иоанна. Он определяет грамматику как «искусство письма и звука, имеющее объектом части речи для довершения их исправности».³⁹ Но в трактовке «частей грамматики» Есаи еще придерживается широкого понимания грамматики Дионисием и не ограничивает ее объекта.

Для характеристики грамматической мысли этого периода важное значение имеет таблица спряжения, предшествующая грамматике Есаи. Автором ее Адонц считает Есаи, не имея на то достаточного основания. Тем не менее таблица характерна именно для этой эпохи. В ней автор старается дать систему спряжения грабара, свободную от искусственных грамматических форм, требует верного, непредвзятого отношения к фактам языка. Говоря об искусственных языковых формах, созданных грекофильтской школой, автор требует «обуздвать коня фантазии и сделать целью правду».⁴⁰

Третье направление представлено грамматическими катехизисами, излагающими основы грамматики в доступной форме вопросов и ответов.

³⁹ Д ж а у к я н Г. Б. Грамматические и орфографические труды. . . , с. 376.

⁴⁰ А д о н ц Н. Дионисий Фракийский. . . , с. 66.

Первый из них представлен «Кратким анализом по грамматике» Аракела Сюнечи, видного деятеля Сюникской школы, ставшей центром учености после смерти Есаи Ничеци.

Выступая против определения грамматики Есаи Ничеци, он указывает, что объект грамматики не письмо и не звук, как думает Есаи, а опыт (эмпирия), накопленный поэтами и прозаиками и подвергаемый обработке разума. Чтобы оправдать Дионисия, авторитетом которого он дорожит, Аракел выделяет два вида эмпирии: «врожденную, инстинктивную эмпирию» и «разумную эмпирию». Дионисий, по Аракелу, имел в виду второй вид эмпирии. Определение грамматики у Аракела получает и такой вид: «Грамматика есть искусство, имеющее объектом части речи, а целью — довершение и исправление языка».⁴¹

Аракел делает значительный шаг вперед в изучении физиологических основ речеобразования. У него четко вырисовывается один из принципов физиологической классификации звуков: деление по месту произношения. Вместе с этим он обращает внимание на функционирование и строение органов речи, разделяя их на две группы: 1) органы, воспроизводящие голос, и 2) органы, изменяющие его. Аракел впервые дает подробную классификацию всех видов слогов, причем рассматривает слоги и отдельно и в связной речи.

Переходя к учению о частях речи, Аракел различает три вида речи — внутреннюю (*nertramadreal*), устную (*nargwxsec'eal*) и письменную (*nergrec'eal*), причем второй вид считает выражением первого, третий вид — второго. Он систематизирует отмечаемые предыдущими грамматиками общие и различительные черты имени, глагола и других частей речи. Подробнее остальных Аракел рассматривает имя, глагол и местоимение, о которых делает много ценных и тонких замечаний.

Кроме труда Аракела Сюнечи, сохранились также другие грамматические катехизисы, среди которых наиболее известен труд Давида Зейтунци (XVI в.). Эти труды важны для истории армянской грамматической мысли в нескольких отношениях:

1) они написаны в доступной форме и представляют собой попытку сделать «грамматическое искусство» более массовым и практически полезным, более приспособленным к целям школьного обучения; местами вопросы и ответы носят очень живой характер, давая представление о личности и условиях жизни учителя и ученика;

2) авторы этих грамматических работ описывают формы склонения и спряжения живого разговорного языка, дают ценные сведения о нем; особенно важны сведения о новых временных формах, о новом способе образования глаголов страдательного залога, об образовании множественного числа и т. д.;

⁴¹ Джакян Г. Б. Грамматические и орфографические труды. . . , с. 377.

3) авторы катехизисов делают значительный шаг вперед в изучении грамматического строя армянского языка: они предпринимают классификацию видов склонения, определено говорят о существовании в армянском языке седьмого — отложительного падежа, вносят изменения в описание спряжения и т. д.;

4) автор одного из этих трудов — «Грамматики по частям речи» — ограничивает объект грамматики учением о частях речи, что говорит о дальнейшем развитии тенденции выделить учение о строе языка из филологической грамматики — этой малодифференцированной дисциплины, изменить ее характер.

Период латинского влияния и латинизированных грамматик

Как было указано выше, первой грамматикой, где автор сочетал традиции толкователей перевода «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского с принципами средневековых грамматик латинского языка, был труд Ованеса Крнеци (XIV в.). Однако влияния Крнеци в трудах последующих грамматистов не замечается: его труд стоит особняком. Лишь в XVII в. начинается новая волна латинского влияния и появляются так называемые латинизированные грамматики.

Первые печатные грамматики армянского языка были написаны чужестранцами. Уже в XVI в. в Европе появляются сведения об армянском языке. Среди алфавитов 12 языков, собранных Г. Постеллусом,⁴² находится и армянский, причем автор пытается вывести армянский, как и другие языки, из древнееврейского. Т. Амброзиус среди 10 описанных им языков дает сведения также о буквах армянского алфавита и об их произношении.⁴³

В XVII в. интерес к армянскому языку усиливается в связи с попытками римской католической церкви распространить свое влияние на Востоке. В 1627 г., после учреждения в 1622 г. Святой конгрегации пропаганды веры, в Риме открывается школа католических проповедников-миссионеров, при которой была типография. Языком изданий католических проповедников для Армении и их армянских последователей становится грабар, находившийся под значительным влиянием латинских форм выражения и известный у армян как «латинизированный армянский» (*latinaban hayerēn*).

Объектом грамматики армянского языка XVII—XVIII вв. до появления грамматики М. Чамчяна в 1779 г. становится именно этот латинизированный язык. Традиция была настолько сильна, что даже деятели армяно-григорианской церкви писали на латинизированном языке и составляли латинизированные грамматики.

⁴² Postellus G. *Linguarum diodecim characteribus differentium alphabetum introductio et legendi modus*. 1538.

⁴³ Ambrosius T. *Introductio in chaldaicam linguam, syriacam atque armeniacam et decem alias linguas*. Papiae, 1539.

Произвольное отношение к языку усиливалось в условиях влияния логицизма и рационализма, возводящих «рациональные» изменения в грамматике на ступень общего принципа. Таким образом, латинизация (*latinabanut'iw* ‘латинословие’) и логицизм становятся основными принципами грамматик этого периода.

Несмотря на произвольное отношение к фактам языка, латинизированная грамматика является большим шагом вперед по отношению к предыдущему периоду. Во-первых, грамматики этого периода глубже вникают в особенности языка, описывая почти весь его строй. Во-вторых, в грамматику вводится как самостоятельный раздел синтаксис и подробно изучаются синтаксические особенности армянского языка. В-третьих, в теоретическом отношении авторы грамматики этого периода менее скованы традицией и порою им удается делать значительные обобщения.

Первые иностранные грамматики армянского языка

Изданная в 1624 г. грамматика армянского языка на латинском языке Франциска (Франческо) Риволы⁴⁴ еще свободна от сильной латинизации и «рационализации» грамматических правил, свойственных последующим авторам. Однако Ривола слабо владеет армянским языком и описанный им язык является смесью древнеармянских и диалектных элементов.

Грамматика Риволы состоит из четырех частей («книг»): 1) *De numero, figura, nomine ac valore armenarum litterarum* («О числе, форме, названии и произношении армянских букв»), 2) *De nomine ac pronomine* («Об имени и местоимении»), 3) *De verbo* («О глаголе») и 4) *Observationes ad syntaxim spectantes* («Замечания по синтаксису»).

При передаче произношения армянских букв Ривола исходит из современного ему западноармянского произношения, притом без достаточной последовательности. При описании морфологических форм он не всегда отталкивается от самого армянского языка, ориентируясь на их соответствие с латинскими формами.

Другим иностранным автором армянской грамматики был Клемент Галанус, один из ряных католических проповедников. В 1624 г. он написал и в 1645 г. издал в одной книге армянскую грамматику и пособие по логике с параллельными латинским и армянским текстами.⁴⁵

В отличие от Риволы Галанус лучше владеет армянским языком, лучше знает предшествующие армянские грамматики и поль-

⁴⁴ R i v o l a Fr. Grammatica armenae libri quattuor. Lutetiae Parisiorum, 1624.

⁴⁵ G a l a n u s C. Grammaticae et logicae institutiones linguae literalis armenicae. Romae, 1645.

зуется ими, не допускает смешения древнелитературных и диалектно-разговорных форм, использует некоторые языковые особенности грекофильтской школы. Он преднамеренно допускает изменения в армянских грамматических формах в угоду латинским.

Считая объектом грамматики букву, слог, слово и предложение, Галанус соответственно выделяет четыре раздела грамматики: 1) орфографию (*orthographia*, *uñagrut'iwn*), 2) поэтику (*poëtica*, *banasteñcut'iun*), 3) произношение (*prolatio*, *artabergut'iwn*) и 4) синтаксис (*syntax*, *šaradrut'iwn*). Морфологические сведения Галанусом даются в разделе синтаксиса в соответствии с его пониманием частей речи как частей (членов) предложения.

Галанус выделяет девять частей речи, добавив к восьми частям речи, приведенным в грамматике Дионисия Фракийского, междометие. В составе имени более четко выделяются имена существительные, прилагательные и числительные, причем при делении имен на существительные и прилагательные Галанус исходит из их употребления в предложении: существительное выступает в предложении «само по себе», прилагательное — нет. В связи с этим местоимения также делятся на два функциональных типа.

Галанус — в отличие от Риволы и толкователей перевода «Грамматического искусства» Дионисия — выделяет десять падежей, учитывая как окончания, так и некоторые предложные конструкции: 1) именительный (*nominativus*, *añuanakan*⁴⁶), 2) родительный (*genitivus*, *señakan*), 3) дательный (*dativus*, *trakan*), 4) винительный (*accusativus*, *kroñakan* ‘подвергательный’⁴⁷), 5) звательный (*vocativus*, *koç'akan*⁴⁸), 6) отложительный (*ablativus*, *añóakan*⁴⁹), 7) творительный (*instrumentalis*, *gorciakan*⁵⁰), 8) повествовательный (*narrativus*, *patmakan*), 9) местный (*commorativus*, *kac'olakan*) и 10) циркулятивный (*circumlativus*, *parañakan*).⁵¹

Именные, местоименные, глагольные формы у Галануса описываются более подробно, чем у толкователей Дионисия.

Собственно синтаксис Галанус ограничивает рассмотрением управления и согласования.

Сочетание у армян принципов толкований Дионисия с принципами латинизированных грамматик

Первым автором армянской грамматики нового типа является Симеон Джугаеци, известный философ XVII в. Его «Книга, называемая грамматикой» была написана в 1637 г., но напечатана

⁴⁶ В переводе «Грамматического искусства» Дионисия — *uñakan*.

⁴⁷ В переводе «Грамматического искусства» Дионисия — *hayc'akan*.

⁴⁸ В переводе «Грамматического искусства» Дионисия — *hoñakan*.

⁴⁹ У поздних толкователей перевода «Грамматического искусства» Дионисия — *ratçáakan* ‘причинный’.

⁵⁰ В переводе «Грамматического искусства» Дионисия — *añak'akan*.

⁵¹ Последних трех падежей, отличающихся от некоторых предыдущих только по сочетающимся с ними предлогам, нет у предшественников.

гораздо позже — лишь в 1725 г.⁵² Дошедшие до нас многочисленные рукописи говорят о ее большой популярности.

Если более последовательные представители латинизированных грамматик исходят из традиций латинских грамматик, а к толкователям обращаются лишь для подтверждения своих искусственных построений, то Симеон Джугаеци пользуется толкователями в противовес католической пропаганде и латинизированному языку, считая толкования перевода Дионисия произведениями подлинной армянской мысли — армянской традиции. Однако Симеон Джугаеци и другие авторы этого направления отдают все же дань латинизированному языку и латинизированным грамматикам, не делая строгого различия между языком более древних и современных авторов.

Оригинальная грамматическая система Симеона Джугаеци построена на противопоставлении парадигматики и синтагматики («языка» и «речи»). Считая объектами грамматики букву, слог, слово и предложение, Симеон Джугаеци последовательно рассматривает их как «употребляемое» («то, что должно быть употреблено» — *i kirairnlik'*) и как «употребление» (*kirairut'iwnk'*). Так, рассмотрение букв в качестве «употребляемого» — это классификация, рассмотрение букв в «употреблении» (учение об их изменении в речи) и орография. Рассмотрение слов в качестве «употребляемого» — это учение о частях речи, т. е. морфология, рассмотрение слов в «употреблении» — собственный синтаксис (учение о сочетании слов) и этимология. Рассмотрение предложения в «употреблении» — это изучение а) способов выражения одной и той же мысли разными предложениями, б) причастных оборотов и в) придаточных предложений.

Под «этимологией» Джугаеци понимает как собственно этимологию, выявляемую посредством замены «сопряженных» звуков друг другом, так и знание «различных значений слов» (многозначность и омонимия), синонимов («эквивалентность слов») и правильный выбор одной из параллельных морфологических форм слова (*Dawt'i*, а не *Dawt'ay* ‘Давида’, *atem*, а не *ateam* ‘ненавижу’ и т. п.).

При рассмотрении типов склонения Симеон Джугаеци старается найти семантические основы для их выделения. Он различает: 1) склонения, охватывающие только нарицательные имена, — основы на согласный; 2) склонения, охватывающие только собственные имена, — основы на -а; 3) склонения, охватывающие как нарицательные, так и собственные имена, — остальные основы на гласный.

При рассмотрении частей речи Симеон Джугаеци различает «значимые» (*nšanakank'*) и «призначимые» (синсемантические — *ařnšanakank'*) единицы. Призначимыми называются предлог *i/y*

⁵² Симеон Джугаеци. Книга, называемая грамматикой. Константинополь, 1725 (на арм. яз.).

(пишется отдельно — как i — при словах, начинающихся с согласных, и слитно — как у — при словах, начинающихся с гласных) и указательно-определительные артикли s, d, n (пишутся слитно), которые грамматики продолжали рассматривать среди частей речи. В дальнейшем Ованес Джугаеци для этих единиц употребляет термин «прислова» (*ařbařk'*) в отличие от «слов» (*bářk'*).

Ованес Джугаеци (Мркуз) в своей «Краткой грамматике и логике» исходит из принципов Симеона Джугаеци. Грамматика была написана в 1693 г., но издана вместе с логикой в Амстердаме в 1711 г.⁵³

Вместо терминов «употребляемое» и «употребление» Симеона Джугаеци Ованес Джугаеци вводит термины «вещество» (*niwt'*) и «формирование» (*tesakaworut'iwn*). Под «веществом» он понимает все то, из чего составляется предложение, т. е. в первую очередь слово, а потом уже его составляющие — букву и слог. Под «формированием» Ованес Джугаеци понимает сочетание слов «для выражения внутренних мыслей». При этом он выделяет два типа «формирования»: 1) собственное «формирование», где выражены все члены суждения — «подлежащее» (*ent'akay*), «сказуемое» (*stologic'eal*) и «связка» (*mijnord*), т. е. имеющее предложение (*Petros ē mard* ‘Петр есть человек’), и 2) прошлое «формирование», где не все члены суждения находят самостоятельное выражение, т. е. глагольное предложение (*Petros ēnt'anau* ‘Петр идет’). Первый тип «формирования» он называет «предложением» (*naxadasut'iwn*).

Не делая четкого различия между грамматическими и логическими категориями, Ованес Джугаеци, как и предыдущие авторы, продолжает употреблять «имя» и «глагол» для обозначения подлежащего и сказуемого. Тем не менее он впервые вводит в армянскую грамматику такие заимствованные из логики термины, как «предложение» (*naxadasut'iwn*), «подлежащее» (*ent'akay*), «сказуемое» (*stologic'eal*), «связка» (*mijnord*).

Руководствуясь другими соображениями, сочетает принципы армянских толкователей Дионисия с принципами латинизированной грамматики в своей «Книге грамматики»⁵⁴ Хачатур Карнеци (Эрзрумци) (1666—1740), человек с католическим образованием и автор многих работ богословско-религиозного характера. Намереваясь написать «философскую грамматику», он часто обращается к толкователям Дионисия, дающим подходящий материал для общих рассуждений о грамматике, ее задачах, о частях речи и грамматических категориях.

Подробно обосновав полезность изучения грамматики, Хачатур Карнеци считает вполне допустимым внесение в нее рацио-

⁵³ О в а н е с М р к у з. Краткая грамматика и логика, 1711 (на арм. яз.).

⁵⁴ Х а ч а т у р К а р н е ц и (Эрзрумци). Книга грамматики. Ливорно, 1696 (на арм. яз.).

нальных изменений — «исправление» древних авторов и грамматик, хотя выступает против крайностей и требует при этом соблюдать осторожность.

По традиции считая объектами грамматики букву, слог, слово и предложение (*ban*), Хачатур Карнеци в отличие от предыдущих авторов рассматривает синтаксические категории наряду с морфологическими категориями отдельных частей речи: после рассмотрения словообразовательных и морфологических «акциденций» он говорит об управлении и согласовании как о соответствующих «акциденциях».

Различая именные и глагольные предложения и считая первые конструкциями, параллельными логическим суждениям с субъектом, предикатом и связкой, он считает возможной трансформацию глагольных предложений в именные: «Петр любит» — «Петр есть любящий».

Рационалистические латинизированные грамматики

Подход к языку как к объекту, который следует исправлять исходя либо из необходимости рационализации его правил и «восстановления» его совершенства, либо из норм более рациональных и «исправленных» языков — и особенно из норм латинского языка, — находит наиболее яркое выражение у грамматиков 1660—1670-х гг. Первый из них — Воскан Ереванци, известный деятель армянского книгопечатания, ученик Симеона Джугаеци и католического миссионера Паоло Пиромалли. Он является автором нескольких книг по языку: «Книги грамматики», изданной в Амстердаме в 1666 г.,⁵⁵ и неизданных комментариев к ней, учебника армянского языка (1671), грамматики итальянского языка для армян.

«Книга грамматики» самостоятельна лишь частично: в ней собраны и приспособлены к армянскому языку правила грамматики латинского языка.

Воскан Ереванци вносит в учение о частях речи некоторые изменения: он выводит из числа частей речи, во-первых, междометие как выражение целого предложения («смешанное предложение») и, во-вторых, артикль, не имеющий самостоятельного словесного выражения. В вводной части Воскан Ереванци дает два типа определений частей речи — логическое и морфологическое. При отдельном же рассмотрении частей речи он менее последователен. Как и предыдущие авторы, он рассматривает части речи по грамматическим категориям, причем последние интерпретирует логически. Термины Воскана Ереванци часто являются каль-

⁵⁵ В ос кан Ереванци. Книга грамматики. Амстердам, 1666 (на арм. яз.).

ками соответствующих латинских терминов, при этом не учитывается сложившаяся традиция.

Из десяти падежей предыдущих авторов Воскан Ереванци оставляет восемь. При этом он исходит главным образом из наличия соответствующих окончаний, хотя проводит этот принцип непоследовательно.

Наиболее типичным представителем латинизированной армянской грамматики был Ованес Олов (Ованес Акоп Костанднуполсеки). Он не только предлагал различные изменения в грамматике, но и применял их в своих многочисленных произведениях.

Ованес Олов издает в Риме грамматику армянского языка в 1674 г. на армянском и в 1675 г. на латинском языках под характерными заглавиями «Чистота армянской речи или армянская грамматика» («*Ztut'iwn haykabanut'ean kam k'erakanut'iwn haykakan*») и «Чистота армянского языка» («*Puritas linguae armeniae*»).⁵⁶

Различая три разновидности армянского языка — грабар (древнеармянский литературный язык — *lingua haigica, haykakan*), вульгарный язык (диалекты — *lingua vulgaris, ašxarhakan*) и гражданский язык (ранняя форма новоармянского литературного языка — *lingua 'civilis, k'ałak'akan*), Ованес Олов описывает лишь первую из них как имеющую наиболее «чистую и упорядоченную» грамматику.

Латинизация и рационализация армянской грамматики выражается в следующих изменениях, частично присущих почти всем авторам XVII в., частично только Ованесу Олову. При этом в значительной степени использованы некоторые особенности грекизированного грабара (*yunaban grabar*) и грекизированной грамматики. Наиболее важно отметить следующее.

1. В области склонения унифицируются некоторые формы и упраздняются другие, снимаются многие нерегулярные явления и т. п. Так, местный падеж образуется посредством предлога *ən* (n) вместо i, используемого только для отложительного; основы на -r/-n склоняются как основы на -g; *pluralia tantum* употребляются также в единственном числе, и т. д.

2. Степени сравнения образуются во всех случаях посредством -goуп и -guneլ, причем от них образуются степени сравнения наречий посредством -apēs. Прилагательные во всех случаях согласуются с существительными.

3. Система глагольных форм, в том числе количество времен, приводится в соответствие с латинской, обобщается частная форма страдательного залога на -im, искусственно создаются формы для недостающего прошедшего времени сослагательного наклонения,

⁵⁶ О в а н е с А к о п К о с т а н д н у п о л с е ц и (О в а н е с О л о в). Чистота армянской речи или армянская грамматика. Рим, 1674 (на арм. яз.).

различие между двумя рядами форм повелительного наклонения интерпретируется, в соответствии с латинским, как различие настоящего и будущего времен, уменьшается количество нерегулярных форм спряжения и т. д.

Отход от позиций латинизации

XVIII век знаменуется постепенным отходом от позиций латинизации грамматики. Уже в I половине намечается тенденция основывать грамматические правила на языке более древних текстов, отдавать предпочтение более распространенным формам, освобождать грамматику от искусственных нововведений. Появляется новое отношение к армянскому языку у иностранцев. Если Галанус направлял свою деятельность сообразно интересам католической церкви, то Иоанн Иоахим Шредер смотрит на армянский язык глазами ученого-филолога. Грамматисты-армяне начинают более критически относиться к латинизмам и в конце концов приходят к созданию грамматики, основанной только на изучении древних текстов.

Иоанн Иоахим Шредер (1680—1756) изучал армянский язык у армян, занимающихся в Амстердаме печатанием армянских книг. В результате длительных и кропотливых изысканий он издает в 1711 г. «*Thesaurus linguae armenicae*» («Сокровищница армянского языка»), где дается краткая история армянского народа, его языка и литературы, излагаются основы грамматики древнеармянского и новоармянского («гражданского») языков с приложением соответствующих образцов.

При изложении правил древнеармянской грамматики Шредер критикует Клемента Галануса и Ованеса Олова за искусственные нововведения, приведение форм, не встречающихся в древнеармянских текстах. Сам же он старается придерживаться древних текстов и добросовестно указывает на использованные источники, хотя не до конца преодолевает влияние авторов латинизированных грамматик.

Грамматическая система Шредера напоминает систему Риволы: книга содержит пять частей — «Об орфографии», «Об имени», «О глаголе», «О неизменяемых частях речи» и «О синтаксисе». Шредер различает два синтаксиса: «простой и естественный» и «смешанный и изящный». В первом из них даются общие правила согласования и управления, во втором — отклонения от общих правил в связи со стилистическими потребностями образной речи. В дальнейшем у армянских грамматистов такое деление становится традиционным.

Грамматика древнеармянского языка Шредера отличается подробностью описания.

Критика латинизации и искусственных нововведений еще сильнее проявляется у Мхитара Себастаци (1676—1749), основателя

католической конгрегации в Венеции на острове Св. Лазаря, ставшей затем важным научным центром. В 1730 г. выходит его «Грамматика древнеармянского языка»,⁵⁷ где он пересматривает многие сформулированные ранее правила и пытается представить древнеармянский язык в том виде, в каком он выступает у древних авторов. К 1770 г. относится второе издание грамматики. Однако окончательному освобождению грамматики Мхитара Себастаци от искусственных нововведений мешают, с одной стороны, его положение католического деятеля, не имеющего права полностью отказаться от официального латинизированного языка, с другой — рационалистическое понимание им задач грамматики. Во многих случаях Мхитар Себастаци решает вопросы компромиссным путем: дает латинизированные формы, одновременно указывая на более древние их варианты.

Интересно отметить, что грамматика Мхитара Себастаци стала основой для грузинской грамматики, составленной в 1753 г. грузинским католикосом Антони.⁵⁸

Грамматика Мхитара Себастаци построена по системе грамматики Ованеса Олова. Она состоит из трех частей. В первой части даются парадигмы склонения и спряжения и основные сведения о частях речи, которые «учащиеся должны выучить наизусть». Вторая часть охватывает характеристику традиционных объектов грамматики, частей речи и свойственных им грамматических категорий. Третья часть охватывает синтаксис. Мхитар расширяет сферу синтаксиса, включая в нее «два синтаксиса» Шредера, причем, кроме двух типов связи слов — согласования и управления, отмечается третий — порядок слов. Здесь же в виде приложения рассматриваются также вопросы орфографии, орфоэпии и пунктуации.

До выхода грамматики Микаела Чамчяна значительной известностью пользовались грамматические труды Багдасара Дпира, ученого и поэта XVIII в. Он написал две грамматики — пространную (в двух томах) и краткую. Пространная грамматика вышла в 1736 г.⁵⁹ и выдержала еще два издания — в 1771 и 1791 гг. Краткая грамматика⁶⁰ примечательна тем, что написана не на древнеармянском, а на разговорном западноармянском языке. Продолжая дело, начатое Мхитаром Себастаци, Багдасар Дпир в еще большей степени очищает грамматику от латинизмов и рационалистических нововведений.

Грамматическая система Багдасара Дпира эклектично сочетает системы предшествующих авторов. Вслед за Симеоном Джу-

⁵⁷ М х и т а р С е б а с т а ц и . Грамматика древнеармянского языка. Венеция, 1730 (на арм. яз.).

⁵⁸ Ц а г а р е л и А. О. О грамматической литературе грузинского языка. СП, 1873, с. 1—34.

⁵⁹ Б а г д а с а р Д п и р . Краткое и легкое объяснение грамматики. Константинополь, 1736 (на арм. яз.).

⁶⁰ Б а г д а с а р Д п и р . Книга грамматики. Константинополь, 1860 (на арм. яз.).

гаеци он делит весь материал на «применяемое» (I том) и «применение» (II том), причем внутри них следует делениям Ованеса Олова и Мхитара Себастаци, рассматривая части речи в практическом (парадигмы склонения и спряжения) и теоретическом разделах.

Багдасар Дпир критически подходит к традиционному учению о единицах — основных объектах грамматики. По его мнению, во-первых, между буквой, слогом, словом и предложением существует не координационная, а субординационная зависимость: грамматические единицы не стоят друг рядом с другом, а состоят одна из другой. Во-вторых, буква среди них занимает особую позицию: она является «веществом и началом грамматики», а остальные единицы последовательно формируются из нее. Таким образом, различие между «веществом» и «формированием», внесенное Ованесом Джугаеци, Багдасар Дпир толкует своеобразно.

В грамматике Багдасара Дпира содержатся интересные теоретические рассуждения о словах и предложениях. Он классифицирует слова по различным принципам, выделяя следующие их виды: 1) морфологически изменяемые и неизменяемые, 2) синтаксически полнозначные и неполнозначные,⁶¹ 3) однозначные и многозначные, 4) омонимичные и полисемичные, 5) односложные и многосложные, 6) слова «по природе» и «по положению», 7) части речи — имя, глагол, причастие, местоимение, artikelъ, предлог, наречие и союз.

Для образования предложения Багдасар Дпир считает необходимым наличие двух моментов — выражения мысли и ее понимания, т. е. рассматривает предложение с позиций говорящего и слушателя.

Создание грамматики, свободной от латинизмов и рационалистических нововведений

Грамматику древнеармянского языка (грабара) окончательно освобождает от латинизмов и рационалистических нововведений в своей «Грамматике армянского языка»⁶² Микаел Чамчян, известный историк XVIII в. Эта грамматика, вышедшая в 1779 г., пользовалась большой популярностью и много раз переиздавалась армянами в различных странах. Популярности грамматики Чамчяна способствовали четкость и детальность изложения, точность формулировок, практическая направленность, отсутствие каких бы то ни было искусственных форм, латинизмов и рационалистических нововведений. Чамчян обосновывает все грамматические правила, ссылаясь на первоисточники — произ-

⁶¹ Используются термины Симеона Джугаеци — «значимые» и «призначимые», но в другом значении — «призначимые» частицы Багдасар Дпир вообще не считает словами.

⁶² М. Чамчян. Грамматика армянского языка. Венеция, 1779 (на арм. яз.).

ведения авторов V—XIII вв., выделяя и отмечая при этом формы, встречающиеся у представителей грекофильтской школы.

Грамматическая система Чамчяна не оригинальна: она основана на системе Мхитара Себастаци. В первой из трех частей даются парадигмы склонения и спряжения, кратко определяются и перечисляются части речи. Во второй части рассматриваются буква, слог, слово и предложение, подробно характеризуются грамматические категории и семантические группы частей речи. В третьей части излагаются основы синтаксиса, стилистики и пунктуации. Книга кончается кратким обобщением основ грамматики.

Первые грамматики восточноновоармянского и западновоармянского литературных языков

Так называемый «гражданский», или ранний новоармянский литературный язык существовал в двух ветвях или разновидностях — восточной и западной. Первая из них основывалась на ааратском, вторая — на константинопольском диалектах, приобретших новые функции и ставших средством междиалектного общения; при этом они подверглись влиянию других диалектов и грабара и уже были представлены в письменных памятниках.

Восточная разновидность «гражданского» языка впервые описана на латинском языке Иоанном Иоахимом Шредером в «Сокровищнице армянского языка» в 1711 г. Он же привел в своей книге образцы разговорной речи.

Шредер излагает основы грамматики новоармянского языка, исходя из соответствующих фактов и категорий древнеармянского, показывая, как выражаются те или иные факты древнеармянского в новоармянском. Вследствие этого многие особенности новоармянского остаются невыявленными. Вместо десяти склонений и четырех спряжений древнеармянского языка для «гражданского» языка Шредер отмечает одно основное склонение и одно основное спряжение: остальные он считает лишь отклонениями от основных типов.

Неправильно изменяющиеся слова остаются недостаточно выявленными, так как Шредер говорит лишь об изменениях неправильных древнеармянских форм в новоармянском. Тем не менее Шредер правильно наметил основные особенности восточной разновидности раннего новоармянского языка.

Первым автором грамматики западной разновидности ранне-новоармянского был Мхитар Себастаци, который до издания грамматики древнеармянского языка в 1727 г. выпустил «Двери грамматики новоармянского языка». ⁶³ Грамматика должна была выйти в двух книгах, первая из них — содержать парадигмы склонений

⁶³ М х и т а р С е б а с т а ц и . Двери грамматики новоармянского языка. Венеция 1727 (на турецком. яз.).

и спряжений и основные практические сведения о частях речи, вторая — подробную характеристику частей речи и сопутствующих грамматических категорий, а также синтаксис. Мхитар Себастаци успел издать лишь первую книгу.

Для западного ашхарабара Мхитар Себастаци выделяет шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный и творительный) и три склонения (-i, -u, -an); неправильно склоняющиеся слова объединяются в четвертое склонение.

Мхитар Себастаци приписывает ашхарабару все четыре спряжения древнеармянского, три наклонения (изъявительное, повелительное и «неличное») и восемь времен, в том числе — две аналитические формы, образующиеся посредством причастия на -g (вместо -l древнеармянского) и вспомогательного глагола; настоящее и будущее различаются лишь наличием или отсутствием частицы ku (ku va'em и va'em).

Хотя предлоги древнеармянского в новоармянском языке заменены послелогами, Мхитар сохраняет для них прежнее название.

«ИСКУССТВО ПИСАНИЯ»

Вводные замечания

Возникновение в средневековой Армении специальной области знаний — «искусства писания» — связано с практическими потребностями составления, переписки и оформления рукописей. «Искусство писания» охватывало значительное количество подсобных дисциплин, среди которых особенно выделяются орфография и пунктуация. Работы по орфографии и пунктуации появляются под общим заглавием «Наставления об искусстве писания».

В развитии «искусства писания» можно выделить два периода: 1) XII—XIII вв., когда в Киликийском армянском государстве появляются первые работы по орфографии и пунктуации, и 2) XIV—XV вв., когда работы по «искусству писания» появляются вне Киликии в качестве дополнения киликийских работ и их толкования.

Проведение своего рода орфографической реформы в XII в. было вызвано все более возрастающим расхождением между письмом и произношением, с одной, и интересом к древним рукописям и массовой их перепиской, с другой стороны. Появившиеся в Киликии «Наставления к искусству писания» имеют целью стабилизировать и стандартизовать орфографию и пунктуацию. Проблемы орфографии могли решаться двумя путями — ориентироваться либо на древние рукописи и древние образцы письма, либо на современное произношение. Авторы работ по орфографии выбирают первый путь.

Работа по «искусству писания» в XII—XIII вв.

Первая работа по «искусству писания» принадлежит автору XII в. Аристакесу. Объектом рассмотрения он выбирает самый трудный случай — правописание буквы *յ* (у), писавшейся, но уже не произносившейся в конце слов. В десяти правилах Аристакес формулирует все случаи правописания, попутно говоря о многих вопросах орфографии и грамматики, более или менее связанных с рассматриваемым вопросом. Так, он рассматривает основные случаи звуковых чередований при словоизменении, основные падежные значения, употребление постпозитивных указательных частиц -*s*, -*d*, -*n* и т. п. К шести падежам, отмеченным переводчиком и толкователями «Грамматического искусства» Дионисия Фракийского, Аристакес добавляет седьмой — отложительный падеж, причем четко различает в словоформе основу и окончание.

В отличие от 9 предыдущих правил, относящихся к *յ* (у), 10-е правило носит более общий характер: в нем даются указания на другие случаи правописания, такие как *զ* (з) и *ս* (с), *ե* (е) и *է* (ë), *ի* (и) и т. д. Своего рода иллюстрацией к 10-му правилу является орфографический словарь, снабженный всеми необходимыми указаниями относительно правописания трудных и сомнительных случаев. Это первый орфографический словарь в армянской действительности.

Правила, установленные Аристакесом, стали нормой и легли в основу армянской орфографии до реформы 1922 г.

Если Аристакес устанавливает орфографические правила, то Георг Скевраци (XIII в.) занимается вопросами орфоэпии и пунктуации и разрабатывает правила переноса. Он оставил три работы: «Наставление о свойствах словов», «Наставление о просодии» и «Наставление об искусстве писания». Наиболее важными для теории и практики «искусства писания» являются правила слогоделения и переноса, разработанные Георгом Скевраци. Рекомендуемые им правила, с небольшими изменениями, используются в современном армянском языке.

Работы по «искусству писания» в XIV—XV вв.

«Искусство писания» в XIV—XV вв. представлено работами трех авторов — Григора Татеваци (XIV—XV вв.), Анона и Акопа Кримеци (XV в.).

Григор Татеваци жил и работал в Татевской школе армянской провинции Сюник и является автором многочисленных трудов по разным отраслям науки того времени. Он написал толкования к трудам Аристакеса и Георга Скевраци, в которых, кроме объяснений и дополнений по вопросам орфографии, орфоэпии и пунктуации, делает ценные замечания и по грамматике. Он делит падежи на две группы — различающиеся по оконча-

ниям и образующиеся с помощью предлогов *z*, *i*, *ař*, *c'* и др., — т. е. расширяет понятие падежей, включая и предложно-падежные конструкции. Развивая учение Аристакеса о чередованиях звуков при склонении, спряжении и словообразовании, он различает изменения звуков в открытых (ср. *gini*—*ginwoy* и т. п.) и закрытых слогах (ср. *ašxateal*—*ašxatelov* и т. п.). Орфографические вопросы он рассматривает, исходя из понятия «сопряженных букв», выступающих в различных диалектных произношениях одних и тех же слов.

Акоп Кримеци, автор XV в., написал работу «Об остром и обличенном ударениях», где обобщил знания в этой области.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Первые шаги армянской лексикографии

V—VII века являются периодом зарождения армянской лексикографии — появления глосс и глоссариев (словников) небольшого объема. В V в. еще нет словников, но имеют большое распространение толкование и перевод греческих, древнееврейских, сирийских, персидских слов. В VI—VII вв. появляются различного типа малые словники без алфавитного расположения слов. Большая их часть — переводы соответствующих греческих словников к различным сочинениям, переведенным на армянский язык. Сюда относятся собрания философских определений, ботанических терминов, названий частей тела, определений различных душевных качеств и т. п. Сохранился также словник греческих слов и словоформ, написанных армянскими буквами; по всей вероятности, он составлен учащимся-армянином.

Словари и словники VIII—XV вв.

Приблизительно с конца VII в. появляются словари с алфавитным расположением слов. Первым словарем подобного типа был перевод греческого ономастикона, известного под названием «Слова еврейские». Словарь начинается со списка названий древнееврейских букв, затем приводятся древнееврейские слова в армянском написании и их перевод на армянский язык.

С конца X в. начинается бурный расцвет армянской лексикографии. Появляется значительное количество разнообразных словарей и словников, разрабатываются различные принципы расположения и обработки материала. В них вводится алфавитный порядок (неполный — с учетом лишь одного, двух или даже трех начальных букв — и полный алфавитный порядок), а также гнездовое и тематическое расположение слов.

Самыми распространенными были толковые словари, в которых толкование словдается посредством более понятных синонимов.

Имеются толковые словари как к отдельным авторам и произведениям («Слова Священного писания», «Слова Книги хрий», «Слова Филона»,⁶⁴ «Слова Нарека» и т. п.), так и более общего характера, содержащие толкование трудных для понимания слов, встречающихся у различных авторов. Среди последних известны «Слова греческие» (дается толкование калькированных с греческого армянских слов, а также заимствований из греческого и других языков), «Слова Алтаря» (первоначально содержал слова, встречающиеся в библии при описании алтаря, но в дальнейшем разросся за счет многих других слов), «Слова творческие» (содержит толкование слов, встречающихся у поэтов, ораторов, грамматиков и т. п.; значительное место в нем уделено диалектным и народно-разговорным словам) и др. Наиболее древние рукописи толковых словарей относятся к XII—XIV вв.

Кроме упомянутого выше словаря «Слова еврейские», имеются также другие переводные словари двуязычного или трехъязычного типа. В XIII или XIV в. был составлен «Арабско-персидско-армянский словарь», дошедший до нас лишь в отрывке, содержащем 225 слов. «Слова Галена», о котором речь будет впереди, фактически является переводным словарем, содержащим перевод греческих и арабских медицинских терминов. Толкование персидских «Слов книги Вардана» содержит толкование персидских слов, встречающихся в известном историческом сочинении «О Вардане и армянской войне» автора V в. Егише. Следует упомянуть словарь монгольских слов с переводом на армянский историка XIII в. Киракоса Гандзакеци.⁶⁵

Кроме упомянутого выше орфографического словаря Аристакеса (XII в.), помещенного в его «Искусстве писания» в качестве приложения, имеются также другие отраслевые — терминологические словари философского и медицинского характера. Так называемые «Философские определения» (XIII—XIV вв.) являются собранием определений философских понятий, извлеченных из различных философских сочинений. В «Словах Галена» содержатся названия лекарств и другие медицинские термины — это было, по-видимому, приложение к не дошедшему до нас труду Галена. Имеются словарники названий лекарственных растений арабского, греческого и другого происхождения. Один из них называется «Перевод <названий> лекарств». В словаре «Названия лекарств на армянском, арабском и латинском языках» имеется двести названий (начало XV в.).

Особое место среди медицинских словарей занимают три работы Амирдовлата Амасиаци (XV в.). Первая из них — «Ненужное

⁶⁴ Кроме слов, встречающихся в переведенных на армянский язык произведениях Филона, имеются также другие. Предполагается, что они имелись в не дошедших до нас произведениях.

⁶⁵ В конце X или в начале XI в. каким-то европейцем с помощью армянина был составлен латинско-армянский словарь: Ср.: Саггіє ге А. Un ancien glossaire latin-arménien. Paris, 1886.

для неучей» — является своего рода медицинской энциклопедией, где приводятся названия почти всех известных к этому времени лекарств на арабском, греческом, латинском и армянском языках (в последнем случае приводятся также различные диалектные слова),дается их детальное описание и перечень всех случаев применения. Кроме этой работы, Амирдовлат оставил также словарь лекарственных средств, являющийся переложением его «Пользы медицины» для учащихся, и словарь, включающий приблизительно 800 слов на армянском, персидском, греческом и латинском языках и служащий приложением к его медицинскому сочинению «Ахрапатин».

В рассматриваемый период появляются также словарь синонимов под названием «Демонстрация поэтов», риторические словарники, содержащие словосочетания и изречения, выписанные из книг, иногда с соответствующими справками, предназначенные для обогащения лексики и усовершенствования языка. Упомянутый выше словарь «Слова еврейские» содержит также древнееврейские и греческие личные имена, топонимы и названия племен и народностей, иногда с этимологическими объяснениями.

Лексикографическая работа в XVII—XVIII вв.

В XVII в. появляются первые печатные словари армянского языка в Европе. В самой же Армении и во многих армянских колониях в разных частях света продолжаются составление, переписка и распространение рукописных словарей.

Рукописные словари этого периода по типу и структуре схожи со словарями XI—XV вв. Это 1) медицинские словари (словарь патологических терминов, составленный Асаром Себастаци в качестве приложения к его лечебнику, словарь медицинских терминов, собранных из предыдущих работ, и т. п.), 2) словари Священного писания, содержащие как собственные, так и нарицательные имена и слова, 3) переводные словари («Армяно-кипчакский словарь», «Греко-армянский словарь» и др.), 4) толковые словари общего характера и к отдельным произведениям. Словарники толковых словарей значительно расширяются.

Печатные словари армянского языка XVII—XVIII вв. в основном переводные и толковые. Первым из них является армяно-латинский словарь Франческо Риволы, вышедший в 1621 г. под заглавием *«Բանակիրք հայոց. Dictionarium agmeno-latinum»*, за три года до выхода его грамматики армянского языка, и переизданный в 1633 г. Армянский словарь (около 11 000 слов) словаря составлен без четких критериев: сюда вошли как древнеармянские, так и диалектные слова, причем среди последних особенно часто встречаются формы новоджурьфинского диалекта. Значительное место занимают в словаре личные имена и географические названия. Встречаются и ошибочные толкования.

В конце XVII и в начале XVIII в. выходят латинско-армянские словари Аствацатура Нерсесовича (*Dictionarium latino-armenum. Romae, 1695*) и Якоба Виллота (*Dictionarium novum armeno-latinum*). Первый из этих словарей содержит 17 500, второй — 26 000 словарных статей. Оба автора переводят латинские слова на древнеармянский язык, но используют также слова разговорного языка и диалектов, причем Виллот приводит такие слова с соответствующей пометой.

Армянский язык является объектом и других лексикологических работ европейских ученых. Так, в семязычном словаре Э. Кастеллуса (*Lexicon heptaglotten...*, 1669) приводится в качестве приложения также армянский словарь. Французом Матюреном Ла Крозом был составлен словарь армянского языка, не изданный до сих пор. Не издан также армянско-латинский словарь Шредера (*«Բառարան հայկ-լատին»*. *Dictionarium armeno-latinum*), упомянутого выше автора армянской грамматики. Сохранились в рукописи также армянско-латинский и латинско-армянский словари армянина Степаноса Рошка (1670—1739). Если не считать словаря симфонии (тезауруса) Библии, составленного и изданного Восканом Ереванци в качестве приложения к изданию Библии 1666 г., то следует упомянуть «Армянский словарь», изданный Еремией Мегреци в 1698 и вышедший вторым изданием в 1728 г. Этот словарь является своего рода собранием слов из рукописных толковых словарей и содержит около 7500 словарных статей. Составленный без критики и сравнения текстов, он содержит много недостоверных слов (искаженные, неправильно толкуемые слова и т. п.). Все же словарь является первым печатным толковым словарем армянского языка и содержит большое количество слов, не известных из других печатных источников.

Большим достижением армянской лексикографии был двухтомный «Словарь армянского языка», составленный Мхитаром Себастаци и его учениками и изданный в Венеции в 1749—1769 гг.⁶⁶ Первый том является толковым словарем древнеармянского литературного языка (грабара), в нем содержится около 37 000 словарных статей. В словарных статьях дается толкование слов и приводятся основные источники, в которых эти слова употребляются в тех или иных значениях. Кроме толкований на древнеармянском, являющемся в XVII в. еще распространенным литературным языком, приводятся также соответствующие разговорные эквиваленты.

Второй том словаря, изданный учениками Мхитара Себастаци после его смерти, собственно является собранием нескольких словарей и приложений. Сюда входят: 1) дополнение к первому тому; 2) словарь собственных имен, встречающихся в библии и в других книгах (около 3500 библейских и около 2000 других собственных имен и географических названий); 3) древнеармянско-

⁶⁶ Словарь армянского языка, т. 1—2. Венеция, 1749—1769.

новоармянский словарь (около 35 000 слов); 4) новоармянско-древнеармянский словарь (около 45 000 слов и устойчивых слово-сочетаний). В основу новоармянского языка положен его западноармянский вариант без строгого разграничения литературных и нелитературных форм.

Конец XVIII в. знаменуется выходом первых армянско-русских и русско-армянского словарей. В 1788 г. в С.-Петербурге выходит учебное пособие Клеопатры Сарафян «Ключ к познанию», в котором кроме разговорника на раннем новоармянском языке даны также русско-армянский и армянско-русский словари, причем армянская часть включает лексику как древнеармянского, так и раннего новоармянского языка в его восточном варианте. В отличие от словарей, помещенных во втором томе «Словаря армянского языка», лексика новоармянского языка в словарях К. Сарафян более нормализована, исключены узкодиалектные слова и новые тюрко-персидские заимствования.

В отличие от К. Сарафян, автор армянско-русского словаря «Стезя языкоznания» Григор Халдарян приводит лишь древнеармянскую лексику, причем количество слов в его словаре больше, чем у К. Сарафян.

ЛИТЕРАТУРА *

- Адамян А. Эстетические воззрения средневековой Армении. Ереван, 1955.
Амалян Г. М. Армянская средневековая лексикография. Автореф. докт. дис. Ереван, 1973.
Гаспарян Г. К. История армянской лексикографии. Автореф. докт. дис. Ереван, 1968.
Джакян Г. Б. Армянская лингвистическая мысль и вопросы новоармянского языка в XVIII—XIX вв. Автореф. докт. дис. Ереван, 1955.
Джакян Г. Б. О первых попытках применения сравнительного метода в истории армянского языкоznания. — Изв. АН Арм. ССР. Серия обществ. наук, 1957, № 6, с. 53—64.
Джакян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
Джакян Г. Б. Общее и армянское языкоznание. Ереван, 1978.
Кусикьян И. К. Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка. М., 1959.
Мирзоян Г. К. Философские взгляды Симеона Джугаеци. Автореф. канд. дис. Ереван, 1964.
Мурadian A. N. Грекофильтская школа и ее роль в создании армянской грамматической терминологии. Автореф. канд. дис. Ереван, 1966.
Перикян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. — В кн.: Переднеазиатский сборник, 11. М., 1966, с. 103—132.
Сантадзе (Костанян) Р. О. Основные этапы истории арmenистики. Ереван, 1951.
Севак Г. Г. Месроп Маштоц. Возникновение армянского письма и словесности. Ереван, 1962.
Туманян Э. Г. Еще раз о Месропе Маштоце — создателе армянского алфавита. — Изв. АН ССР, 1968, в. 5, с. 439—451.
Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М., 1971.

* В списки литературы включены работы, не упомянутые в подстрочных примечаниях.

На армянском языке:

- А б р а мյան С. Г. История армянского письма и рукописного дела. Ереван, 1959.
- А г аյяն Э. Б. История армянского языкоznания. Ереван, 1959.
- А м а л я н Г. М. Лексикографические памятники средневековой Армении (V—XV вв.). Ереван, 1966.
- А м а л я н Г. М. Лексикографические памятники средневековой Армении (XVI—XVII вв.). Ереван, 1971.
- А ч а р я н Г. А. Армянское языкоznание в прошлом и в настоящее время. — Востан, 1911, № 1, с. 37—43.
- А ч а р я н Г. А. Армянское письмо. Ереван, 1968.
- В а р д а н А р е в е л ց ի. Толкование грамматики. Ереван, 1972.
- Г а б ր է լ յ ա ն Г. История философской мысли в Армении, т. 1—2. Ереван, 1956—1958.
- Г а р ի բ յ ա ն А. А. Основные этапы развития арменоведения. — Изв. АН АрмССР. Общественные науки, 1945, с. 35—56.
- Г а р ի բ յ ա ն А. А. Армянская лексикография. Ереван, 1953.
- Г а с պ ա ր յ ա ն Г. К. История армянской лексикографии. Ереван, 1968.
- Д ж а у կ յ ա ն Г. Б. История языкоznания, 1. Ереван, 1960.
- Д ж а у կ յ ա ն Г. Б. Развитие и структура армянского языка. Ереван, 1969.
- Д ж а у կ յ ա ն Г. Б. Введение в армянскую диалектологию. Ереван, 1972.
- Д ж а у կ յ ա ն Г. Б. История древнеармянской грамматики (XVIII—XIX вв.). Ереван, 1974.
- Е с а и Н շ ե ց ի. Анализ грамматики. Ереван, 1966.
- З а р ա բ ա լ յ ա ն Г. Изучение армянского языка и литературы на западе. Венеция, 1895.
- К а з а р յ ա ն С. К. Краткая история армянского языка. Ереван, 1954.
- К о с т а յ ա ն ի Կ. Арменоведение в Западной Европе. Тифлис, 1910.
- Месроп Մաշտոց. Сборник статей Ин-та истории АН АрмССР. Ереван, 1963.
- М и р զ օ յ ա ն Г. К. Симеон Джугаэци. Ереван, 1971.
- М у ր ա դ յ ա ն А. Н. Грекофильтская школа и ее роль в создании армянской грамматической терминологии. Ереван, 1971.
- С ր ա պ յ ա ն А. Ованес Ерзникац. Ереван, 1956.
- Х а ч ե ր յ ա ն Դ. Г. Лингво-грамматическая теория искусства письма в средневековой Армении. Ереван, 1962.
- Х а ч ե ր յ ա ն Լ. Г. Гладзорский университет в развитии армянской педагогической мысли (XIII—XIV вв.). Ереван, 1973.
- A d o n t z N. Denys de Thrace et les commentateurs arméniens (traduit du russe). Louvain, 1970.
- B e n f e y Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland. München, 1869.
- L a g a r d P. de. Armenische Studien. Göttingen, 1877.
- S a l m a s l u a n A. Bibliographie de l'Arménie. Paris, 1946 (II éd. — Erevan, 1969).
- S c h r u m p f G. A. On the progress of Armenian studies. — In: L'Arménie. London, 1890—1891.

Исторические условия возникновения средневекового арабского языкоznания

В 632 г. было основано военно-теократическое государство Халифат. Победоносное шествие арабов способствовало необычайно быстрому расширению вновь созданного государства, раскинувшегося на обширных территориях от границ Индии через весь Ближний и Средний Восток, Закавказье, Северную Африку до южных районов Европы включительно. Народы самого различного происхождения, с самым различным общественным строем и уровнем развития стали активными участниками прогресса арабоязычной культуры.

В связи с распространением арабского влияния на обширные области завоеванных народов неизмеримо возросла роль арабского языка.

Среди различных отраслей наук, естественных и гуманитарных, с первых же веков ислама изучение арабского языка занимает особое место, филология становится одним из почетнейших занятий выдающихся ученых средневекового Востока.

Одно из традиционных преданий арабов приписывает инициативу создания грамматики арабского языка халифу Али (656—661). Достоверность этого предания вряд ли возможно доказать, но факт особого внимания правителей Халифата к лингвистическим штудиям бесспорен.

В чем же причина подобного явления? Как известно, арабы, вышедшие из состояния кочевого образа жизни и только что освободившиеся от общинного строя, по своему культурному уровню значительно уступали большинству завоеванных народов. Разумеется, в этих условиях завоеватели должны были обладать какими-либо данными, помимо чисто военного превосходства, которые давали бы им с определенной точки зрения преимущество перед завоеванными высококультурными народами.

С этой целью арабы использовали идеологическую основу нового государства — ислам. Положение, выдвинутое арабами, что истинная вера, воплощенная в Коране, была пророчеством богом пророку на арабском языке, ставило арабский язык в особо привилегированное положение. Возникла теория о превосходстве арабского языка над всеми языками мира, которые якобы по своему несовершенству не в состоянии передать всю полноту божественного откровения. Отсюда же вытекает и запрет перевода Корана на другие языки. Формула арабов «язык арабский — это религия» указывает на то, каким важным фактором общественной жизни государства считался арабский язык. Забота о чистоте арабского языка и о его изучении приобретала общегосударственное значение.

Становление арабской языковедческой концепции

Когда арабы впервые заинтересовались своим языком, сказать трудно. Вероятно, этот интерес возник у них в связи с разработкой системы письма, которая была создана до ислама, но каких-либо сведений о лингвистических штудиях арабов той эпохи в источниках не сохранилось.

Вообще следует отметить, что наука располагает весьма скучными материалами для восстановления картины становления арабских грамматических систем.

Позднейшие арабские источники содержат ряд традиционных преданий о первых попытках составления грамматики арабского языка. Все источники единогласно указывают на Абу л-Асуада ад-Ду'али, современника халифа Али, как на основоположника языковедческих исследований. В этих источниках называются и причины, побудившие Абу л-Асуада заняться проблемами грамматики. Он был обеспокоен тем, что люди, незнакомые с правилами арабского языка, стали искажать литературный язык; особенно болезненно воспринимались искажения, допускаемые при чтении Корана, ведущие к искажению смысла священного писания. По тем же преданиям, Ад-Ду'али разработал следующие вопросы: 1) деление частей речи на имя, глагол и частицы; 2) некоторые вопросы орфографии (первые знаки для кратких гласных); 3) вопросы флексии и др. В дальнейшем исследование арабской грамматики продолжали ученики Абу л-Асуада Яхия ибн Я'мар и 'Анбаса ибн Ма'дан ал-Фихри. Наиболее значительной фигурой среди учеников Абу л-Асуада является Абу 'Амр 'Иса ибн 'Умар ас-Сакафи, которому приписывается ряд трудов по арабской грамматике, помимо того он был учителем известного ученого Халиля ибн Ахмада Ал-Фарахиди и автора первой полной грамматики арабского языка Сибаваихи.

Следует сожалеть, что труды учеников Абу л-Асуада были утеряны очень рано, во всяком случае уже в середине X в. их никто не знал и не видел.

Документально засвидетельствованная история средневекового арабского языкоznания длится почти восемь веков, с VIII по XV в., точнее, до завоевания турками Константиноополя (1453 г.), но наиболее важным периодом в развитии арабского средневекового языкоznания следует считать VIII—XIII вв., т. е. эпоху до монгольских завоеваний. Можно с уверенностью сказать, что именно за это время создано все лучшее и оригинальное в арабском языкоznании средних веков.

С развитием языковедческих исследований в Арабском халифате сложилось несколько школ, которые выработали свои собственные установки и принципы подхода к проблемам арабского языка. Главнейшими из этих школ являются Басрийская, Куфийская и Багдадская. Проблемами грамматики и лексикологии арабского языка занимались также в Египте и Испании.

Из вышеуказанных направлений раньше всех возникла Басрийская школа. Г. Басра был основан в первые же годы распространения ислама (636 г.). Местоположение на берегу Персидского залива в устье р. Шат ал 'Араб способствовало быстрому его росту как в экономическом, так и в культурном отношении. Басра играла ведущую роль в торговых отношениях с Индией и Китаем. Многоликое по своему составу население города было носителем совершенно различных культурных традиций, различных идей, возникавших в древних культурных центрах Востока и Запада, и не удивительно, что именно здесь и зародились первые попытки изучения арабского языка. В дальнейшем концепции басрийских языковедов стали наиболее авторитетными и распространенными среди арабов.

Наряду с басрийской школой, чуть позже ее возникновения, были заложены основы другого направления арабского языкоznания в г. Куфа — так же как и Басра, иракском городе (основанном в 638 г.). Куфа оказалась центром крупной вновь завоеванной провинции и местопребыванием правителя области. Легкость сообщений между двумя этими городами, а также их значимость в культурной и политической жизни арабов создали благоприятные условия и в г. Куфе для плодотворных исследований в области многих отраслей науки, в том числе и языкоznания. С самого же возникновения басрийского и куфийского направлений между ними разгорелась острые полемика по вопросам арабской грамматики. Разногласия между ними были обусловлены различными теоретическими предпосылками, господствовавшими в этих двух центрах.

Басрийцев часто называют аналогистами, а куфийцев — аналитиками, к тому же первые строго придерживались пуритских тенденций, точно соблюдая нормы классического языка, нормы языка Корана и поэзии. Отклонение от строго установленных

норм басрийцы считали искажением языка. Күфийцы более свободно подходили к нормам литературного арабского языка, считая возможным целый ряд отклонений, в основном в области синтаксиса. Обосновывая свои положения, күфийцы ориентировались на разговорный язык. Одним из важных вопросов в полемике между двумя школами был вопрос самого принципа выбора исходной единицы для словообразования и деривации форм. Басрийцы считали подобной единицей имя действия — масдар, а күфийцы — глагольную форму прошедшего времени (*fa'a'iltu*).¹

После того как был основан Багдад (762 г.) и объявлен столицей Аббасидского халифата, культурная жизнь постепенно стала сосредоточиваться в нем. Многие выходцы из күфийской и басрийской школ развернули деятельность в Багдаде; возник новый центр арабского языкоznания.

В начале багдадские грамматики следовали установкам күфийцев, позднее возобладало влияние басрийской концепции, но в дальнейшем эта школа попыталась создать свое оригинальное направление. Путем примирения разногласий, существовавших между басрийцами и күфийцами, возникло эклектическое направление багдадских языковедов. Поэтому багдадское направление в специальной литературе часто называют смешанной школой. Поскольку представители багдадской школы вели обширную преподавательскую работу, то в их трудах заметно стремление к более лаконичному и логичному изложению.

Первой арабской грамматикой, дошедшей до нас, является сочинение басрийца Сибаваихи (ум. 794 г.) «Al-Kitāb». В своем трактате Сибаваихи дает развернутое и детальное описание всех проблем грамматики арабского языка: синтаксиса, морфологии, словообразования и фонетики. Сочинение Сибаваихи не является трудом практического назначения типа учебного пособия. Оно характеризуется всеми чертами крупного научного исследования в области структуры литературного арабского языка. Книга Сибаваихи стала для последующих поколений арабских языковедов образцом научного исследования. Авторитет Сибаваихи остался незыблемым вплоть до наших дней. Существует предание, что противник и современник Сибаваихи күфиец Ал-Киса'и считал его труд выдающимся произведением и умирая держал книгу Сибаваихи под подушкой.

Но из самого трактата Сибаваихи явствует, что он не был зачинателем исследований в области арабского языкоznания и что он пользовался положениями своих предшественников, в частности своих старших современников. Из них в первую очередь следует назвать Халиля ибн Ахмада ал-Фарахи迪 (или Фархуди) (ум. 791 г.) — основоположника теории арабского стихосложения

¹ Al-Anbarī. Al-Insāf fī masā'il al-ḥilāf baina an-nāfiyyin al-basrijjin wa al-kufijjin, taḥqīq Muḥammad Muḥī ad-Dīn 'abd al-Ḥamīd. Qāhirah, 1953, p. 144.

и лексикографии, автора известного толкового словаря арабского языка «Kitāb al-‘ayn» («Книга ‘айна»). Немецкому ученому В. Ройшлю по цитатам, имеющимся в сочинении Сибаваихи, удалось восстановить концепцию Халиля по основным вопросам морфологии и синтаксиса арабского языка.² По другим источникам известна и фонетическая теория Халиля.³ Помимо положений Халиля в «Книге» Сибаваихи выявлено большое количество цитат и других авторов: Юнуса ибн Хабиба (ум. 798 г.), Абу ‘Амр ибн ал-‘Ала’ (ум. 770 г.), ‘Иса ибн ‘Умар ас-Сакафи (ум. 766 г.), Абу ал-Лах ибн Аби Исхака (ум. 117 г.), Харуа ибн Муса и Абу л-Хаттаб ал-Ахфаша. Из них наиболее ранними являются Абу Исхак ‘Иса ибн ‘Умар и Абу ‘Амр. Сведения относительно указанных авторов мы находим в различных источниках; называются также труды Ас-Сакафи «Mukammal» и «Al-Ğam’» (по другой версии — «Ğāmi’», «Iktmāl»).

Подобное совпадение между данными арабских источников и наличием цитат, указанных в «Книге» Сибаваихи, делает достоверным факт существования лингвистических штудий задолго до появления сочинения Сибаваихи, и что до его создания арабская языковедческая наука прошла сложный путь накопления и систематизации материала, путь выработки основных теоретических предпосылок для построения цельной системы грамматики арабского языка.

О состоянии изучения истории арабского языкознания

Первыми исследователями истории арабской лингвистической мысли были сами арабы. Наряду с возникновением первых же крупных сочинений по арабской грамматике появились их обширные комментарии, которые содержали как детальное толкование положений того или иного автора, так и их критический анализ. Комментирование грамматических трактатов выдающихся авторов считалось даже почетным занятием, и поэтому не удивительно, что наиболее известные сочинения подвергались неоднократному толкованию с различных точек зрения. В настоящем кратком очерке нет возможности дать перечень даже наиболее важных из этих комментариев, ограничиваясь ссылкой⁴ только на некоторые из них: обширными комментариями снабдил книгу Сибаваихи автор X в. Ас-Сирафи (ум. 979 г.); детальный⁵ анализ сочинения Аз-Замахшари (ум. 1143 г.) «Al-Mufassal» содержится в комментариях ибн Я‘иша (ум. 1245 г.). В XIV в. появились

² Reuschel W. Al-Ḫalil ibn-Āḥmad als Gramatiker. Berlin, 1959.

³ Radī ad-ḥin al Aṣtarābādī. Šarḥ aš-Šafijja. Leiden, 1913, Qāhirah, 1939—1959.

комментарии ибн 'Акиля (ум. 1367 г.) на известную стихотворную грамматику ибн Малика (ум. 1273 г.) «Alfijja» («Тысячестишие»). Ряд монографий был посвящен вопросам разногласий басрийских и куфийских грамматиков; из них наибольшую популярность в науке приобрел труд багдадского ученого Абу л-Баракат ибн ал-Анбари⁴ (ум. 1182 г.). Положения, выдвинутые автором в данной работе, являются отражением новых тенденций, возникших в Багдадской школе.

Помимо работ проблемного характера в средневековой арабской литературе имеются труды, посвященные истории деятельности арабских языковедов. Эти работы содержат, помимо биографических сведений, перечень сочинений арабских языковедов, а также в ряде случаев краткое изложение взглядов тех или иных авторов. К подобным работам относятся сочинения вышеупомянутых Ас-Сирафи⁵ и Ал-Анбари.⁶ Большое количество сведений об арабских филологах и их деятельности мы находим в различных энциклопедиях и биографических словарях, в очерках по истории арабской литературы, из которых в первую очередь следует упомянуть биографический труд Ибн-Халликана (ум. 1282 г.).⁷

Длинный список арабских авторов средневековья, посвятивших свои работы истории арабского языкознания, как бы завершает своими сочинениями известный ученый, автор XV в. Джалал ад-Дин ас-Сути (ум. 1505 г.). Из двух объемистых работ, посвященных этой проблеме, первая является библиографическим словарем, в котором наиболее полно охарактеризованы жизнь и деятельность арабских филологов.⁸ Другой труд Сути⁹ является обширной компиляцией, содержащей взгляды арабских ученых по различным проблемам языкознания, но центральное место в своей работе автор отводит вопросам лексикологии и лексикографии.

Наряду с самими трактатами по арабской грамматике вышеупомянутые сочинения содержат драгоценный материал для построения истории арабского языкознания средних веков.

Европа гораздо позднее заинтересовалась достижениями арабской и вообще семитской филологии, чем это имело место по отношению к другим наукам (философия, математика, медицина, астрология, история, география).

Первым, кто воспользовался трудами арабских языковедов, был Вильгельм Постель (1501—1581 гг.), который задался целью создать грамматику арабского языка. Для усовершенствования познаний в области арабского языка он ездил в Стамбул, где позна-

⁴ Al-Anbārī. Al-Insāf. . .

⁵ Sīrāfī. Alḥbār an-naḥwījjin al-ḥaṣrījjin. Bajrut, 1935.

⁶ Al-Anbārī. Nuzhat al-alibā' fī ṭabaqāt al-Udabā'. Baghdad, 1959.

⁷ I b n - H a l l i k ā n. Wafājāt al-a'ījān. . . Bulaq, 1299.

⁸ Ju jūtī. Buğjat al-wu'āh. fī ṭabaqāt al-lugāwījjin wa an-nuḥāt, I, 1964; II, 1965.

⁹ Sujūtī. Al-Mizhar fī 'ulūm al-luḡa. Bulaq, 1282. Qāhira, 1325.

комился с трактатами арабских ученых, в частности, как предполагает И. Фюк, с сочинением по морфологии 'Иззи. Постель испытал сильное влияние арабских языковедов, что проявляется в его грамматике при делении частей речи на имя, глагол и частицы, делении согласных на корневые и аффиксальные (дополнительные — по терминологии Постеля), классификации корней на трехсогласные и четырехсогласные и др. В 1610 г. в типографии Раймонди в Риме был опубликован арабский текст с дословным и свободным латинскими переводами трактата 'Иззи.

В 1608—1611 гг. Петер Кирстен, врач из Бреслау, наряду с другими арабскими книгами издал трехтомную арабскую грамматику, последний том которой содержал арабский текст и латинский перевод грамматического трактата (*Адиггитја* с примечаниями).

В дальнейшем благодаря деятельности Т. Ерпениуса, А. Гигениуса и Я. Голиуса, С. Де-Саси Европа стала знакомиться со всеми новыми и новыми творениями арабских языковедов и лексикографов.¹⁰ Это обстоятельство приводит к тому, что достижения арабских филологов, развиваемые ими теории постепенно проникают в систему европейской науки о языке, превращаясь в его существенный компонент. Так, например, вне всякого сомнения понятие корня и флексии, занимавшее такое видное место в теориях европейских ученых, непосредственно предшествовавших созданию принципов сравнительно-исторического языкознания, а затем и в работах самого Ф. Боппа, было заимствовано у арабских языковедов.¹¹

С XIX в. изучение концепций арабских языковедов принимает систематический характер. Работа с этой целью ведется по трем направлениям: 1) изучение сочинений арабских языковедов, создание переводов некоторых сочинений с целью ознакомления с достижениями арабской лингвистики более широкого круга специалистов; 2) исследование отдельных проблем арабского языкознания; 3) попытки по созданию общих очерков развития языкознания у арабов.

В этих исследованиях начиная с нынешнего века все более ощутимым становится вклад арабских ученых, которым принадлежит большое количество высококачественных публикаций и исследований в этой области.

Наибольший успех достигнут именно в области публикации и перевода основных источников по истории арабского языкознания. Так, например, сочинение Сибаваихи издавалось три раза: впервые оно было опубликовано в Париже Х. Деренбургом (т. I — 1881 г., т. II — 1889 г.), затем последовало булакское издание с извлечениями из комментариев Сирафи и Шантамари (1900 г.).

¹⁰ F ü c k J. Die arabischen Studien in Europa. Leipzig, 1955, S. 41—42, 56, 57—58, 63—68, 82—84, 144—149.

¹¹ Зегинцев В. А. История арабского языкознания. М., 1958, с. 78.

Это же издание было без изменений повторено в Багдаде. Текст по изданию Х. Деренбурга был переведен и издан Г. Яном в Берлине (1894, 1900 гг.). Подобное же издание осуществлено в отношении трактата ибн Малика с комментариями ибн 'Акиля (1851 г.), опубликован также немецкий перевод комментариев ибн 'Акиля. Несколько раз издавались как в Европе, так и на Востоке трактаты Замахшари, ибн Я'иша, ибн Фариса, ибн Джинни, Ал-Анбари, Суоти и многих других. Осуществлено также неоднократное издание крупнейших арабских словарей, принадлежащих средневековым арабским лексикографам.

Многочисленные исследования посвящены различным проблемам арабского языкоznания, но следует отметить, что в этих работах основное внимание уделялось проблемам фонетики. Монографии Г. Валлина, К. Фоллерса, А. Шааде, М. Бравмана, Ж. Кантино, А. Флейша, Х. Семаана и многих других создают прочную основу для создания исчерпывающего исследования концепций арабов по фонетике. Наименее изученными областями арабского языкоznания остаются морфология и синтаксис. Лишь за последнее время наблюдается некоторое оживление работы и по этим отраслям. Весьма значительной работой с этой точки зрения является исследование А. Флейша,¹² первый том которого опубликован в 1961 г. в Бейруте. В этом томе представлены результаты исследований автора в области фонетики и морфологии имени.

Заслуживают пристального внимания исследования Г. М. Габучана и австралийского арабиста Картира,¹³ в которых впервые делается попытка интерпретировать грамматические концепции арабов с точки зрения современных теорий языкоznания.

Примером монографического изучения целостной концепции одного из выдающихся арабских языковедов XI в. ибн Джинни является новейшая монография современного арабского ученого Мехири, в которой представлен последовательный анализ его взглядов как по общим вопросам языкоznания, так и структуре арабского языка.¹⁴

Значительным вкладом в изучение истории арабского языкоznания, в частности арабской лексикографии, являются работы Дж. Хейвуда, в особенности его монография по истории развития арабской лексикографии, охватывающая период VIII—XVIII вв.

Из высказанного становится очевидным, что большие пробелы, существующие в изучении языковедческого наследия арабов, не позволяют в настоящее время создать труд, претендую-

¹² F e i s c h H. *Traité de philologie arabe*, v. I. Beugruth, 1961.

¹³ Г а б у ч а н Г. К вопросу об арабских грамматических учениях. — В кн.: Семитские языки. М., 1963, с. 37—55; К вопросу о структуре семитского слова. — В кн.: Семитские языки, вып. 2 (ч. 1). М., 1965, с. 114—127.

¹⁴ M e h i r i A. *Les théories grammaticales d'Ibn-ǦiJinni*. Publ. Univ. Tunis, 1973.

ший на полноту изложения истории развития систем арабского языкоznания.

Несмотря на это положение, наука располагает несколькими очерками, в которых делаются попытки воссоздать историческую картину развития арабского языкоznания средних веков. Первый подобный очерк принадлежит Г. Флюгелю, в котором на основе данных арабских источников наряду с краткой характеристикой трех направлений в арабском языкоznании (басрийской, куфийской и багдадской) содержится обильный материал спра-вочного характера — биографические данные, перечень сочинений арабских авторов и др.

Очерк Флюгеля охватывает период с начала арабского языкоznания до X в. включительно.

Иной подход к изучению арабского языкоznания намечается в монографии В. Гиргаса «Очерк грамматической системы арабов». Не перегружая изложение излишними сведениями о самих языко-ведах, он пытается передать сущность концепций арабского языкоznания и в известном смысле вскрыть и их теоретические и методологические основы, но в ряде случаев оценки В. Гиргаса не учитывают именно специфики установок арабских ученых.

В 1958 г. появилась работа В. Звегинцева «История арабского языкоznания». Автора этой работы интересует именно эволю-ционная сторона вопроса, а также ряд культурно-исторических проблем, связанных с историей развития арабского языкоznания, но эта работа, как заявляет автор, «не претендует на ответственную задачу заполнения существующего пробела».¹⁵

Краткая глава об арабском языкоznании имеется в недавно изданном коллективном труде «Очерки по истории лингвистики».¹⁶

Следовательно, в науке уже накопилось определенное коли-чество материала — при дальнейшем пополнении, особенно ис-следованиями в области синтаксиса и морфологии, станет воз-можным создание работ, в которых с надлежащей полнотой и последовательностью будет представлена картина становления и развития лингвистической мысли арабского средневековья.

О взаимоотношении арабской лингвистической системы с системами других народов

Одной из наиболее дискуссионных и к тому же мало ис-следованных проблем истории арабского языкоznания является характер его взаимоотношений с лингвистическими теориями дру-гих народов. Взгляды, высказанные специалистами по этому по-воду, можно сгруппировать следующим образом.

¹⁵ Звегинцев В. А. История арабского языкоznания, с. 4.

¹⁶ Амирова Т., Ольховская Б., Рождественский Ю. Очерки по истории лингвистики. М., 1975, с. 146—162.

1. Арабская наука о языкоznании возникла под влиянием греческой науки.

Сторонники этого взгляда (Т. Нёльдеке, М. Бравман, А. Мец, И. Лихтенштедтер, В. Гиргас и др.) считают, что основные понятия языкоznания заимствованы арабами из греческой философии, в частности из аристотелевской логики. М. Бравман считает, что на теорию арабской фонетики влияние оказalo греческое музыковедение.

2. К концу прошлого века К. Фоллерсом впервые был поставлен вопрос об индийском влиянии на систему арабской фонетики,¹⁷ в дальнейшем к этому мнению присоединился К. Брокельман.¹⁸

3. Сама арабская традиция и большая группа европейских ученых (А. Крамер, Э. Ренан, И. Вейсс) считают арабское языкоznание автохтонным по своему происхождению; они отрицают какое-либо влияние извне.¹⁹

4. Оригинальную трактовку проблемы предложил Ф. Преториус. Он считал одним из основных источников развития арабского языкоznания латинскую грамматику.²⁰ Положение это не нашло последователей.

Доказывая правильность взгляда о тех или иных влияниях, специалисты приводят различные примеры совпадения некоторых принципов описания системы языка между арабскими и греческими авторами, с одной стороны, и между арабами и индийцами — с другой, подчеркивается в целом ряде случаев сходство в терминологии.

Говоря о влиянии тех или иных лингвистических систем на арабскую систему, следует исходить в первую очередь из широкого круга проблем культурно-исторических взаимоотношений между арабами и соприкасавшимися с ними народами Востока и Запада, особенно в первый же век распространения ислама и арабских завоеваний (ведь в VIII в. арабская лингвистическая система уже была создана и в последующие века в эту систему каких-либо коренных изменений не вносили).

Как было отмечено выше, арабы быстро распространили свое влияние на целый ряд высококультурных народов Азии, Африки и Европы. Эти народы были отлично знакомы как с эллинистической, так и индийской наукой. Иран и Сирия оказались теми странами, народы которых внесли неоценимый вклад в развитие науки и культуры нового государства, созданного арабами.²¹ Колossal-

¹⁷ V o l l e r s K. The System of Arabic Sounds, Transaction of the 9th International Congress of Orientalists. London, 1893, p. 132—155.

¹⁸ B r o c k e l m a n n K. Geschichte der Arabischen Literatur. Leiden, 1937—1949, G. I. 97; S. I, 156.

¹⁹ З в е г и н ц е в В. А. История арабского языкоznания, с. 15.

²⁰ W e i s s J. Die arabische Nationalgrammatik und Lateiner. — ZDMG, m. 64, S. 349.

²¹ F l e i s c h H. Traité de philologie arabe, v. I, p. 23.

ная работа, проведенная в Халифате с первых же дней его существования по освоению научных и культурных ценностей других народов, безусловно оказала благотворное влияние на быстрый рост науки и культуры арабов.

Исходя из этого мы должны думать, что арабская лингвистическая система явила результатом творческого освоения всего богатства знаний, накопленного многовековым трудом указанных народов, будь то в области философии, лингвистики, музыковедения, медицины, точных наук и др. Иначе трудно объяснить то совершенство и методологическую направленность, которых достигла арабская лингвистика. Вместе с тем основным достоинством арабской системы является то, что она полностью соответствует структуре арабского языка, чего невозможно было достичь простым подражанием какой-либо языковедческой теории.

Построив цельную систему грамматики, разработав теоретические проблемы языкоznания, арабы обогатили науку о языке многими важными положениями, которые сохранили научную ценность до сегодняшнего дня.

Арабская лингвистическая традиция оказала сильное влияние на европейскую арабистику. Можно без преувеличения сказать, что большинство грамматик арабского языка, созданных в Западной Европе на рубеже XIX — XX вв., в своем изложении и квалификациях следуют в основном положениям арабской грамматики средних веков. Даже такие исследования, как монографии Х. Рекендорфа по арабскому синтаксису, во многом повторяют положения арабских авторов о структуре предложения. К этому следует добавить принципы составления словарей, которые полностью соответствуют принципам, выработанным арабами. Конечно, сложная по своему характеру история взаимоотношений средневековых лингвистических концепций арабов с системами других народов и вообще проблема определения места арабской языковедческой теории в системе развития лингвистической мысли далеко еще не разработана соответствующе. Для достижения этой цели потребуется детальное изучение не только обширного материала по истории арабского языкоznания, но и истории лингвистических систем древних культурных народов Востока и Запада, в первую очередь индийцев, греков и народов Ближнего Востока.

Проблемы арабского языкоznания

Лингвистическая система арабов состоит из двух основных разделов: 1) общетеоретические проблемы — проблема происхождения языка, функции языка, взаимоотношение обозначающего и обозначаемого, взаимоотношение литературного языка и диалектов, проблема заимствований из других языков и др.; 2) конкретные проблемы структуры арабского языка — синтаксис,

морфология, словообразование, этимология, фонетика, лексикология, лексикография.

Теория происхождения языка была одной из популярных проблем арабской лингвистики и мусульманской теологии. С наибольшей интенсивностью эта проблема разрабатывалась в IX—XI вв. В этом вопросе арабские ученые разделились на два лагеря: сторонников божественного происхождения языка и сторонников возникновения языка в обществе по соглашению, договору. Теории основаны на предпосылках, различающихся иногда нюансами, иногда существенно. Последователи идеи божественного происхождения языка следующим образом формулируют свои положения. 1. Язык арабский (который, разумеется, был первым языком человечества) целиком создан Аллахом. Он всему богатству языка научил Адама. 2. Арабский язык является плодом божественного откровения, но он не был создан сразу. Основы арабского языка с определенным количеством лексики были преподаны Адаму, далее — всем пророкам с соответствующим обогащением его, и лишь Мухаммаду было сообщено все богатство языка. 3. Изначально язык не являлся божественным по происхождению, но окончательное усовершенствование его — результат божественного вмешательства (среди ученых это представление о генезисе и развитии языка фигурирует как народное).

При этом следует отметить, что с позиций этих течений многочисленные синонимы, а также принципы сочетания слов в предложении — синтаксические конструкции — необъяснимы.

Второе основное направление отрицает божественное начало языка и считает его продуктом человеческого творчества, результатом соглашения между людьми.

Иbn Джинни указывает, что большинство людей склоняется именно к подобному пониманию зарождения языка. Следовательно, к началу одиннадцатого столетия господствующей стала теория об общественном происхождении языка. И в данном направлении мы имеем дело с двумя различными трактовками проблемы. Первая из них считает язык продуктом творчества мудрецов, которые, стремясь обозначить те или иные предметы и понятия, договаривались между собой о введении в обиход соответствующих слов, которые впоследствии становились достоянием всего народа. Но в сочинении «Комментарии об основах фикха» Ас-Сикийа ал-Хараси (ум. 1110 г.) говорится, что язык возник в обществе из-за нужды указывать на предметы и понятия, дабы сообщить друг другу об этих предметах. В первое время язык состоял только из сигналов с одним согласным в сопровождении голоса, но в дальнейшем люди начали создавать сложные соединения из двух, трех, четырех и пяти согласных с соответствующими гласными и аффиксами, что в конце концов привело к созданию языка.²² Следовательно, по данному положению язык создан всем

²² Suñūt. Al-Mizhar. . . , p. 35—37.

обществом, которое нуждается в коммуникации в условиях совместной жизни.

Из приведенных положений арабских авторов явствует, что с определенными модификациями мы имеем дело с заимствованием греческих теорий о происхождении языка, особенно в той части, где речь идет о создании слов «мудрецами», — ведь, как известно, и греческие философы считали творцами слов «божественных людей» и философов, приписывая им роль «ономатомета». ²³

Арабские ученые подчеркивают, что язык имеет две функции — коммуникативную и экспрессивную. Как было отмечено выше, само возникновение языка арабы связывают с необходимостью установления связи между членами общества. По этому поводу Адад ад-Дин ал-Иджи говорит, что слова, которые существуют для того, чтобы ими пользовались отдельные личности, созданы с учетом общего дела, а чтобы это общее дело было понятно людям, предложения должны выражать смысл, для чего язык располагает именами, глаголами и частицами. ²⁴

Два течения возникло в арабском языкоznании в связи с решением вопроса об отношении обозначающего к обозначаемому, т. е. слова к предмету. По одному из них между словом и предметом существует естественная связь, звуковая оболочка слова соответствует сущности предмета. Но это направление не оказалось популярным среди арабских ученых, основная часть которых придерживается противоположного взгляда — о случайной связи обозначающего с обозначаемым. Согласно этой теории связь между словом и предметом или понятием является результатом соглашения между людьми. Невозможность естественной связи доказывается тем, что при ее наличии не было бы различий между языками и арабский язык был бы понятен всем людям и народам.

В связи с этим в арабской лингвистике рассматривается вопрос о количественном соотношении значений и слов. По единодушному признанию арабских ученых, количество значений не соответствует количеству слов, ибо значения, смыслы (*ta'āni*) не ограничены, а слова ограничены, поскольку они составлены из ограниченного по своей природе количества звуков. Отсюда вытекает положение, согласно которому одно слово не может быть закреплено за одним значением и не все значения могут иметь свое собственное обозначение в виде отдельного слова.

Взаимоотношение литературного языка и диалектов является одной из важнейших проблем арабского языкоznания. Исходя из пурристских тенденций басрийская школа ревностно охраняла литературный язык от проникновения диалектов.

Күфийцы хотя менее басрийцев проявляли строгость в этом вопросе, но и они проводили четкую грань между литературным

²³ Античные теории языка и стиля. Под общей ред. О. М. Фрейденберга. М.—Л., 1936, с. 40.

²⁴ S u j u t i. Al-Mizhar. . . , p. 46.

языком и диалектами. Но интересным фактом во всей этой проблеме является то, что при проверке правильности произношения того или иного слова или же допустимости той или иной грамматической формы и синтаксической конструкции в литературном языке арабские языковеды обращались к данным диалекта. Конечно, не все диалекты были пригодны для этой цели, но хиджазский диалект, особенно курайшитская речь, считался как бы эталоном арабской орфоэпии. Тем самым арабские языковеды признавали за хиджазским диалектом роль опорного диалекта.

Арабские ученые давали правильную оценку диалектологическим фактам; по этому поводу ибн Джинни говорил, что в диалектах имеется определенная традиция произношения и употребления форм и это не означает, что эти формы неправильны и ошибочны, наоборот, они образованы согласно модели каждого диалекта. Диалекты могут взаимодействовать, и тогда формы смежных диалектов проникают друг в друга и создают определенную парадигму, не оправданную моделью данного диалекта.²⁵

В трудах арабских языковедов накопилось большое количество диалектологических данных, являющихся бесценным материалом для изучения вопросов исторической диалектологии арабского языка.

Структура арабской грамматики

В арабской лингвистической литературе имеются сочинения трех типов: 1) трактаты, в которых представлены все разделы грамматики — синтаксис, морфология со словообразованием и фонетика, 2) трактаты, посвященные отдельным отраслям грамматики, и 3) монографии, в которых изложены конкретные вопросы структуры арабского языка.

Согласно традиции арабов, грамматика обозначается термином *naḥw*. Этот термин употребляется в двух значениях: 1) грамматика со всеми ее разделами и 2) синтаксис.

Арабская грамматика делится на три части: 1) синтаксис (*naḥw*), 2) морфология (*taṣrīf*), 3) фонетика. Эта последняя часть обозначается двумя различными терминами: *taḡwid* — самостоятельная наука о правильном произношении звуков и *iddigām*, *idgām* ‘слияние, геминация’ — специальная глава в грамматических трактатах. Все эти разделы наличествуют в первой же арабской грамматике Сибаваихи. Относительно морфологии в современной научной литературе существует мнение, что она как самостоятельный раздел грамматики выделилась лишь в X в.,²⁶ но данные арабских источников противоречат этому положению.

²⁵ Ibid., p. 262—265.

²⁶ М а м у л и я Л. *Naḥw у древнеарабских грамматиков*. — В кн.: Восточная филология, т. III. Тбилиси, 1973, с. 41—46.

В сочинении Сибаваихи мы читаем: «Эта глава относительно образования арабами имен существительных, имен прилагательных и глаголов правильных и слабых. . . и это то, что грамматики называют *taṣrif*-ом». ²⁷ Из этих слов яствует, что предмет морфологии со всей ясностью был определен как для самого Сибаваихи, так и для современных ему языковедов. С этой точки зрения интересно также сообщение Ал-Анбари, согласно которому Ал-Мазини (ум. 861 г.) был автором сочинения под названием «*At-taṣrif*». ²⁸ Вероятно, положение о более позднем выделении морфологии как самостоятельной отрасли грамматики связано с тем, что именно с X в. арабские языковеды пытаются представить обобщенные характеристики языковедческих понятий и терминов.

Согласно исследованию В. Ройшеля, основные положения морфологии были разработаны Халилем и другими предшественниками Сибаваихи.

Положения Халиля, извлеченные из трактата Сибаваихи, касаются пяти вопросов: 1) образования двух- и трехпадежных имен, 2) образования ряда глагольных форм, 3) структуры имени относительного, 4) структуры деминутива, 5) образования сложных слов — композитов.

В арабской грамматике большое место отводится словообразованию, которое называется *ištīqāq*. Этот термин в современной научной литературе переводится как «этимология». В действительности основное значение этого термина совпадает со словообразованием, но словообразование в арабской грамматике подразумевало и некоторые элементы этимологии, в частности делались попытки установления первичного вида корня, который претерпел изменения в результате действия различных фонетических процессов — субSTITУции, метатезы и др. Впоследствии, начиная с XI в., исследование проблемы корня возводится на новую ступень, ибн Джинни разрабатывает теорию двухсогласности корня и в арабском языкоznании появляется новое понятие — *al-ištīqāq al-akbar* ‘большая этимология’.²⁹ Именно этот новый раздел арабского языкоznания и является вершиной этимологических исследований арабских языковедов средневековья.

Предметом грамматики арабские языковеды считают выявление и установление правил арабского литературного языка, связанных с познанием законов функционирования его составных частей. Определяя сущность и назначение грамматики, ибн Джинни говорит: «Грамматика это руководство о правилах изменения арабского языка, происходящих от *īrāba* и других явлений, как например: образование двойственного и множественного

²⁷ *Kitab Sibawaihi. Bulaq*, 1316; *Le Livre de Sibawaihi traité de grammaire arabe par Sibouja, dit Sibawaihi*, éd. H. Derenbourg, II. Paris, 1889.

²⁸ *A l - A n b a r i. Nuzhat* . . . , p. 125.

²⁹ *Sa 'id A l - A f g ān ī. Fī uṣūl an-naḥw, maṭba'a al-ğāmi' a as-Suriya*. 1957, p. 127.

чисел, деминутива, имени относительного, сложных слов и др.». По мнению ибн Джинни знание этих правил необходимо в первую очередь для людей, не владеющих арабским языком, дабы в совершенстве познать законы этого языка и тем самым сравняться с людьми, владеющими арабским языком.³⁰

Традиционная структура арабских грамматических сочинений заключается в последовательном изложении вопросов синтаксиса, морфологии и фонетики; как бы исключением из этого правила является труд Замахшари «Al-Mufaṣṣal», в котором вопросы грамматики рассмотрены по частям речи — имени, глаголу и частичкам. В каждой части данного сочинения рассмотрены вопросы как синтаксиса, так и морфологии. Замыкает работу раздел фонетики.

Для уяснения методологии арабских языковедов следует определить значение двух основных понятий, являющихся краеугольными для лингвистических концепций арабов. Эти понятия суть *qījās* и *taqdīr*.

Qījās в специальной литературе переводится как «аналогия», и поскольку это понятие особенно эффективно использовалось басрийцами, то их называли «аналогистами». Но некоторые исследователи рассматривали *qījās* как гораздо более обширное понятие. В. Ройшель по этому поводу говорит, что «Аналогия» (*qījās*) проявляется при регулярном образовании форм. Она не является, как в современном языкоznании, вспомогательным средством для объяснения неправильных форм. Этим «методом» грамматической аргументации арабские грамматики в состоянии объяснить почти все языковые явления, стоящие вне их правил, как «регулярные».³¹

В действительности значение термина *qījās* сводится к образованию слов, форм, предложения согласно правилам литературного языка или диалекта, согласно реально существующей языковой модели.

taqdīr есть средство объяснения этой модели в некоторых случаях. Значение этого термина — «подразумеваемый, виртуальный».³² Следовательно, *taqdīr* — это подразумеваемый член предложения, посредством которого интерпретируются формы некоторых реально представленных членов предложения.

Синтаксис

Предметом синтаксиса является структурно-семантический анализ предложений (*kalām, ḡumla*). «Предложение — это есть выражение словесное с законченным смыслом, составленное

³⁰ I b n - Ġ i n n i. Al-Hasā'š fī n-naḥw, I. Qāhira, 1331/1913, p. 34.

³¹ Reuschel N. Al-Halil ibn-Aḥmad als Grammatiker, p. 16.

³² М а му л и я Л. Тақдір в арабской грамматической литературе. — Мәңне. Сер. лит. и яз., № 4. Тбилиси, 1973, с. 146.

по установлению».³³ Предложение состоит по крайней мере из двух слов, двух имен или имени и глагола, между которыми устанавливаются субъектно-предикативные отношения (*isnâd*). Предложения по своему составу могут быть большими (*ğumla kubrâ*) и малыми (*ğumla șügrâ*). Понятия эти относительные. Малыми могут быть предложения, а) состоящие из двух слов (подлежащего и сказуемого) или же б) являющиеся частью «большого предложения». В примере *Zajdun abîhu ǵulâmuhi munfâliqun* ‘раб отца Зейда отправился’ (досл. «Зейд, отец его, раб его отправился») малыми предложениями по отношению к целому являются: 1) «отец его, раб его отправился» и 2) «раб его отправился». Одновременно первое предложение является большим по отношению к второму.³⁴ Следовательно, в сложных конструкциях устанавливается ступенчатая классификация предложений, где одно из них является абсолютно большим и одно — абсолютно малым, а промежуточные предложения могут быть и большими и малыми, учитывая их отношения к другим частям целого или ко всему предложению.

Предложения по структуре могут быть именными, глагольными и обстоятельственными. «Именное предложение есть такое предложение, которое начинается именем как *Zajdun qâ'imun* ‘Зейд стоит’ (досл. «Зейд есть стоящий») . . . Глагольным называется предложение, которое начинается глаголом, как напр. *qâma* *Zajdun* ‘стоит Зейд’, . . . а обстоятельственным — предложение, начинающееся обстоятельством места и времени или частицей *ǵarr-a* (род. пад.) и именем в родительном падеже (*taǵrûr*): *a'indaka* *Zajdun* ‘у тебя Зейд?’’. Начальным словом мы считаем сказуемое и подлежащее и не принимаем во внимание частицы, предшествующие им».³⁵

В различных видах предложения главные его члены называются по-разному: подлежащее именного предложения — *tubtada*, сказуемое — *habar*; глагольного предложения — соответственно *fâ'il* и *fi'l*.

Согласно определению Замахшари, подлежащее именного предложения может быть определенным и неопределенным, сказуемое — отдельным словом или предложением. Имя — сказуемое может быть снабжено местоименной частицей: *Zajdun ǵulâmuka* ‘Зейд твой раб’; или же может быть представлено без данной частицы: *Zajdun munfâliqun* ‘Зейд отправляется’ (досл. «Зейд есть отправляющийся»).

Сказуемое именного предложения, выраженное предложением, может быть четырех родов: именным, глагольным, условным и обстоятельственным предложением.

³³ Сујүті. Аl-Mizhar, 40; Ibn-Ağurrum. Kitâb ab-Âğurrumijja, Brunnow/Fischer, Arabische Chrestomathie. Leipzig, 1964, S. 262.

³⁴ Ibн-Hišam. Muğnî al-labîb. Qâhira, p. 262.

³⁵ Ibid., p. 256.

Как правило, глагольное предложение состоит из глагола — сказуемого и имени — подлежащего, но помимо этого оно может быть выражено личной формой глагола, например *katabtu* ‘я написал’, в котором действие выражает основа *katab-*, а представителем подлежащего является показатель первого лица — суффикс *-tu*; следовательно, подлежащее в вербальном предложении может быть представлено «явно» и «скрытно».

В глагольном предложении, в котором сказуемое представлено в форме стародательного залога, место подлежащего занимает объект, который по-разному именуется в различных сочинениях — «дополнение, действующий которого не назван», «заместитель действующего», «стоящий на месте действующего».

Второстепенные члены предложения сгруппированы следующим образом: 1) дополнения (*maffūl*), 2) обстоятельство образа действия (*hāl*), 3) спецификация (*tamīz*), 4) исключение (*iṭṭiṭnā'*), 5) приложения (*tawābi'*). Признаком дополнения считается форма винительного падежа, но поскольку в этой форме стоят и другие второстепенные члены предложения, то эти последние называются «сходными с дополнениями по форме».

Сибаваих впервые дал развернутую картину употребления частей предложения в винительном падеже (*naṣb*), подробно описав соответствующие синтаксические конструкции. Ал-Фариси и Замахшари посредством обобщающих характеристик уже дают нам классификацию синтаксических конструкций с винительным падежом.

Арабские грамматики выделяют пять видов дополнения. 1. Абсолютное дополнение — масдар сочетаемы с однозначным с ним глаголом *ğalasa* *ğulūsan*, *ğalasa* *qu'ūdan* ‘сидел’ (досл. ‘сидел сидя’). Абсолютное дополнение употребляется в функции усиления действия. Оно может выражать также кратность и специфические черты действия. 2. Прямое дополнение — имя в винительном падеже, на которое переходит действие, выраженное глаголом. 3. Дополнение времени и места выражены наречиями времени и места. Комментатор сочинения Замахшари «Образчик по синтаксису» Ал-Ардабили говорит: «Третий вид дополнения — это *maffūl fihi*, оно выражено двумя обстоятельствами, т. е. обстоятельствами времени и места, и эти обстоятельства называются дополнениями потому, что действие субъекта совершается в них»³⁶ (т. е. на том месте и в то время, — *B. A.*). 4. Объект повода действия — масдар в винительном падеже, при условии, что действующее лицо в предложении — одно. 5. Дополнение соучастия ставится в винительном падеже после союза *wa*, который употребляется в значении частицы *ta'a* ‘с, совместно’. Согласно формулировке Ал-Аджуррума, «оно имя в пасбе, которое употребляется для пояснения, кто совершил действие вместе

³⁶ Z a m a h š a r i . U n t u ḍ a ǵ , с комментариями al-Ardabili . Казань, 1910.

с субъектом, например *ğā'a l-amīru wa l-ğajša* 'пришел эмир с войском'».

Помимо дополнений в трактатах рассмотрены обстоятельства образа действия, исключение, спецификация, которые иногда называются пояснениями (*tabīn* или *tafsīr*), с их конструкционными разновидностями, а также пять видов «приложений», которые, будучи связаны с определенными членами предложения, согласуются с ними в падеже или наклонении.

В связи с аккузативными конструкциями арабские авторы рассматривают словосочетания, выражающие восклицание, призыв. По теории арабов имя, к которому относится восклицание, стоит всегда в винительном падеже независимо от того, выражена ли эта форма соответствующим окончанием или нет. Необходимость винительного падежа доказывается опущением глагола *da'ā* 'позвал, призвал', который управляет именем как прямым дополнением.

Основой арабского синтаксиса является учение об *i'rāb-e*, который обычно переводится как «флексия». По пояснению Замахшари, *i'rāb* — изменение окончаний слова, обусловленное различием управляющих слов. Различия окончаний выражены или краткими гласными, как напр. *ğā'a Zajdun* 'пришел Зейд', *ra'ajtu Zajdan* 'я увидел Зейда' и *marartu bi Zajdin* 'я прошел около Зейда'; что касается согласных, то они наличествуют в шести именах (подразумевается имена типа *abūn*) в сопряженном состоянии, кроме имен с местоименным суффиксом первого лица».³⁷

Флексия реализуется двояким способом — формально и виртуально (*taqdīr*), последнее имеет место в именах, не изменяющихся по падежам, и в изафетных конструкциях с местоименной частицей первого лица единственного числа. Флектируемыми частями речи являются имена и глаголы в форме настояще-будущего времени. Частицы и глагольная форма прошедшего времени не флектируемы, поскольку частицы вообще не изменяют форму, а глагол прошедшего времени не имеет сопоставительных форм по наклонениям. Общими флективными формами для имени и глагола являются *taf* и *nasb*, т. е. окончания на -у и -а (именительный и винительный падежи имени и соответственно изъявительное и сослагательное наклонение глагола). Специфическим для имени является *ğarr* или *hafd* (окончание на -и родительного падежа) и *ğazm* (окончание на согласный) условного наклонения глагола.

Учение об *i'rāb-e* и причинах изменения слов уже довольно систематически было изложено Халилем, и грамматическая теория арабов в данной области фактически опирается именно на его взгляды. Тут же следует оговориться, что это касается в основном басрийских языковедов, что же до куфийцев, то именно в вопросах синтаксиса проявили они наибольшую оригинальность, касалось ли это практического оформления тех или иных членов пред-

³⁷ Там же, с. 20.

ложении или же теоретической трактовки установившихся конструкций.

Причиной изменения окончаний слов являются управляющие слова ('awāmil), которые ставят имена и глаголы в определенных формах. В роли управляющих могут выступать имена, глаголы, отглагольные имена (причастия и масдары), частицы и др.

Характерной чертой теории арабов в области грамматики является то, что в ней важное место отводится объяснению конструкций посредством подразумеваемого члена предложения (*taqdir*). Согласно теории арабов, существует определенная первичная структура, в которой субъект выражен именем в иминительном падеже, дополнение — аккузативом, а сказуемое (в вербальном предложении) — глаголом в изъявительном наклонении, но реальная языковая обстановка гораздо сложнее; выявляются различные вариантические конструкции упомянутой структуры, которые следует объяснить. Для этой цели служат: а) месторасположение члена предложения, б) виртуально предполагаемое управляющее слово и в) опущение управляющего слова.

Так, например: 1. Выражение *marartu bi Zajdin* 'прошел я около Зейда' — глагольное предложение, в котором сказуемое — глагол с окончанием *-tu*, выражающий имплицитно субъект в иминительном падеже, а *Zajdin* — прямое дополнение, стоящее в родительном падеже из-за частицы *bi*, но поскольку прямое дополнение вообще стоит в аккузативе, то и в данном предложении дополнение теоретически считается стоящим в аккузативе. Правильность этого суждения подтверждается предложением *a Zajdan marartu bihi* 'разве прошел я около Зейда?'. Халиль по этому поводу говорит: «место это — место аккузатива, и значение его — значение аккузатива».³⁸

Сирафи в комментариях к книге Сибаваихи подчеркивает, что «слово его (Сибаваихи): „когда говорится *marartu bi Zajdin wa 'Amran marartu bihi* ‘я прошел около Зейда и Амра‘ стоит в наисбе“ и т. д. означает, что выражение *marartu bi Zajdin* равноценно твоему же выражению *darabtu Zajdan* ‘побил я Зейда’, и если первый (глагол) не бывает переходящим без частицы, то следует отдать предпочтение наисбе имени во второй части предложения, подобно тому как отдается предпочтение наисбе имени во втором предложении — *darabtu Zajdan*».³⁹

2. Глагол подразумевается в предложении *a 'Abda l-lahi darabtahu* 'разве побил ты Абдуллу' — стоящим между вопросительной частицей 'а' и собственным именем. Именно этим подразумеваемым глаголом и обусловлен винительный падеж имени.

3. Ряд конструкций объясняется опущением глагола или причастия. В предложении *Zajdun fi d-dāri* 'Зейд дома' опущен глагол *istaqarrā* 'пребывать'. Часто восстановлением опущенного члена предложения меняется самый тип предложения. Так названные

³⁸ Kitāb Sibawajhi, I, p. 47.

³⁹ Ibid., p. 48.

предложения могут быть отнесены к именным или глагольным смотря по тому, какое слово восстанавливается в них, имя (*mustaqarrun*) или глагол (*istaqarrat*). Причиной опущения членов предложения, по мнению арабских языковедов, служит частое употребление выражения в речи.

Из синтаксических отношений арабы рассматривают согласование, управление и примыкание.

Правила согласования у арабских языковедов в основном совпадают с общепринятыми понятиями о согласовании, но ряд особенностей, вызванных структурой арабского предложения, проявляется и в данном случае. В именных предложениях подлежащее согласуется с сказуемым, но если происходит перестановка членов предложения и сказуемое оказывается перед подлежащим, то согласования уже нет между ними. Нет согласования и в глагольном предложении, когда сказуемое-глагол предшествует подлежащему.

Основное внимание уделяется управлению. Управление осуществляется как в пределах одного простого предложения, так и между членами двух предложений, находившихся в отношении гипотаксиса. Проблема эта детально разработана в сочинении Сибаваихи, который, опираясь на теоретические предпосылки своих предшественников, дает развернутую картину этого синтаксического явления. В дальнейшем в трудах ибн Джинни, Ал-Фариси и Замахшари проведена более последовательная группировка типов управления с учетом различных частей речи. Специальной монографией, посвященной этой проблеме, является труд автора XI в. Ал-Джурджани «Сто управляющих».

Арабские языковеды выделяют два типа управляющих слов: 1) управляющие, реально представленные в предложении, 2) управляющие предполагаемые, к которым относятся части предложения, вообще отсутствующие в данной конструкции или же опущенные из-за частоты употребления того или иного выражения.

Управляющие слова, как реально присутствующие, так и предполагаемые, управляют именами в падеже и глаголами в наклонении (изъявительном, сослагательном и условном).

В арабских грамматиках специально разработан вопрос об управлении в сложных условных предложениях. По этому поводу Сибаваихи говорит: «Знай, что частицы условного наклонения ставят глаголы в условном наклонении (*ǵazm*), в условном падеже — в настоящем времени, в наклонении — в прошедшем, в наклонении ставятся также *ǵawāb* (сказуемое аподозиса) тем, что предшествовало ему»⁴⁰ (т. е. подчиненному условному предложению). Аналогичное положение мы имеем, когда в протезисе глагол стоит в повелительном наклонении. По словам арабских авторов, сказуемое протезиса, стоящее в условном или повелительном наклонениях, управляет сказуемым аподозиса в условном наклонении.

⁴⁰ Ibid., p. 432.

нении. В связи с проблемой управления ставится вопрос о силе управляющего слова и направлении управления. Согласно арабским языковедам, максимальной силой управления обладает глагол-сказуемое. Управление может осуществляться как в прогрессивном направлении, так и регрессивно. Регрессивно могут управлять имена и глаголы; частицы же управляют только прогрессивно.

Из высказанного вытекает, что основы арабского синтаксиса были заложены и разработаны предшественниками Сибаваихи. В дальнейшем Сибаваихи дал развернутое исследование всех вопросов арабского синтаксиса. Последующие авторы, в особенности языковеды X—XII вв., дали более систематическое изложение проблем синтаксиса, лишь изредка выдвигая свои оригинальные взгляды.

Расхождения между басрийцами и куфийцами в этой области языкознания выявились в двух направлениях: 1) куфийцы допускали законность некоторых таких синтаксических конструкций, которые басрийцы считали неприемлемыми для литературного языка 2) куфийцы и басрийцы, будучи единодушными в наличии и пригодности той или иной конструкции для литературного языка, давали им различные теоретические оценки.

Морфология

В морфологии арабы рассматривают части речи и свойства их формообразования, не обусловленные синтаксическими отношениями. Этот раздел грамматики детально разработан в сочинении Сибаваихи, в котором обнаруживается немало положений его предшественников, в особенности Халиля ибн Ахмада. Сибаваихи рассматривает следующие вопросы морфологии: 1) части речи, 2) структура корня, 3) имена и их классификация, 4) глаголы и их формы, 5) двухпадежные и трехпадежные имена, 6) образование относительных имен, 7) композиты, 8) образование категорий числа и рода, 9) образование деминутива, 10) различные изменения формы слова, связанные со слабыми корневыми согласными, 11) паузальные формы и др. В работе Сибаваихи мы редко встречаем обобщающие формулировки относительно тех или иных морфологических явлений. Характерны в этом отношении рассуждения Сибаваихи о двухпадежности и трехпадежности имен (этому вопросу он посвятил 33 параграфа своего труда). В связи с этим вопросом он выставил лишь одно теоретическое положение: двухпадежными являются имена, сходные с глаголами и поэтому не принимающие нунации. Последующие же авторы, особенно начиная с Ал-Фариси, используя весь богатый материал Сибаваихи, дают нам исчерпывающие формулировки причин двухпадежности имен. Наконец, Замахшари, суммируя все сказанное его предшественниками о диптозии, излагает девять причин, одновременное наличие двух из которых обуславливает

двойнадежность имени. Мы этот пример привели как характерный с точки зрения развития арабского языкоznания с момента его зарождения вплоть до его расцвета.

Слова в арабском делятся на имя, глагол, частицы. Подчеркивая различия, существующие между ними, Сибаваихи говорит, что характерным признаком для имени является *ğagg* (окончание родительного падежа), а для глагола — *ğazm* (окончание условного наклонения), частицы же нефлектируемы вообще. Ал-Фариси говорит об артикле и нунации как о свойстве имени. Ибн Хишам считает признаками имени 1) артикль *al*, 2) звательную конструкцию, 3) сочетание со сказуемым.

Замахшари перечисляет пять признаков имени: 1) сочетание со сказуемым, 2) артикль *al*, 3) наличие родительного падежа (*ğagg*), 4) нунация, 5) статус конструктус.⁴¹ Ибн Малик дополняет эти признаки звательной конструкцией.

В класс имен включены существительные, прилагательные, местоимения⁴² личные, указательные и относительные. Имена по другим признакам объединяются в трех группах: «явные» (существительные, прилагательные), «скрытые» (личные местоимения) и «общие» (местоимения указательные и относительные).

По статусу имена делятся на определенные и неопределенные. Определенными имена могут быть сами по себе, т. е. по функции. К ним относятся собственные имена, местоимения личные, указательные, относительные; имена, определенные грамматическим способом, посредством артикля *al* и постановки в сопряженном состоянии.

Имена существительные со своей стороны делятся на две группы: собственные и нарицательные — «родовые имена» (*ism al-ğins*); эта последняя группа подразделяется на конкретные и абстрактные. Имена существительные в большинстве случаев образуются от глагольных основ. Дискуссионным вопросом в дальнем случае является имя действия — масдар. Как было отмечено выше, басрийцы считали его исходной формой в противовес куфийцам, которые за таковую выдвигают форму глагола прошедшего времени:

Помимо масдара, выражавшего абстрактное действие без относительно к времени и месту, арабские языковеды выделяют группу имен, образованных от первичных форм глаголов под названием «имена масдара», например *'ilm* ‘знание’; разница между масдарами и «именами масдара» устанавливается на основе того, что они по-разному осуществляют управление. От глаголов образуются имена существительные места и времени, орудия, сосуда. Существительные же однократности⁴³ и⁴⁴ образа действия являются видоизменениями масдара.

⁴¹ Z a m a h š a r i . Al-Muṣaṣṣal. Opus de re grammatica arabicum auctore Abū l-Qasīm Maḥmūd bin 'Omar Zamaḥšari, ed. Broch. Christianiae, 1879; Qāhirā, 1323, p. 6.

К отыменным существительным относятся имена единичности, образованные суффиксом *-t* от собирательных имен, имена изобилия, например *ma'sadatum* ‘место, изобилующее львами’ — от *asadun* ‘лев’, и различные формы деминутива.

Прилагательные в арабских грамматиках называются *sifa* ‘вид, описание’. Они также делятся на отглагольные и отыменные. Отглагольными являются прилагательные, образованные по формам причастий действительного и страдательного залогов. К отглагольным относятся также имена, выражающие постоянные свойства предмета, например *ħasanun* ‘красивый’. Поскольку эти имена изменяются по родам и числам подобно причастиями действующего залога, их называют «прилагательными, подобным имени действующего»; и, наконец, образованными от глагольных основ считаются формы элатива.

К отыменным прилагательным относятся имена относительные (*an-nišba*), которые образуются посредством присоединения суффикса *-ijjūn* к именной основе.

Одним из основных вопросов морфологии является классификация имен по количеству форм падежей. По этому поводу В. Ройшель говорит, что «различные высказывания Халиля дают почти завершенную картину известных нам правил толкования трехпадежных и двухпадежных имен».⁴² Тем более это касается Сибаваихи, который дает исчерпывающее описание распределения имен между трехпадежными и двухпадежными. Ал-Фариси и Замахшари, обобщив этот материал, сформулировали девять признаков, определяющих двухпадежность: «флектируемое имя — двух видов: один вид полностью принимает гласные *i'rab-a* и нунацию, как например *Zajdun*, *rağulun*, называется оно полностью флектируемым (т. е. трехпадежным, — *B. A.*); и другой вид имен опускает *garr* и нунацию, уподобляясь тем самым глаголу. Этот вид имени оформляется фатхой вместо предполагаемого *garr-a*, как например *'aħmadu* и *tarwānu*, но когда они ставятся в статус конструктуса или же принимают артикль *al*, то становятся трехпадежными».

Имена являются двухпадежными, если они употребляются в значении а) собственного имени типа *'af'alu*, б) собственного имени женщины типа *ħalħatu* и *su'ādu*; если в) глагольная форма выступает как мужское имя *quribu*, и г) имена типа *'af'alu* — как прилагательные; если это имена, д) отклоняющиеся от основной формы и выступающие в функции собственного имени ‘*ħallu*—‘*amīgu*, е) в формах ломаного множественного числа, не имеющих параллелей в единственном числе — *masāġidu*; если это имена собственные, ж) сложные — *ba'lbakku* или з) иноязычного происхождения, за исключением двухголосных имен типа *Nuħun*, *Lq̄un* и если имена и) несут суффикс *-ānu* и оканчиваются на —*a* (*sakrānu* : *sakrā*).⁴³

⁴² Reuschel W. Al-Halil ibn-Āħmad als Grammatiker, p. 41.

⁴³ Zamahšarī. Al-Mufassal, p. 16—17.

Касаясь образования категории рода, арабские языковеды говорят об отсутствии показателей у форм мужского рода. Формы женского рода бывают двух видов — «истинными» и «не истинными». К первому относятся имена, обозначающие существа женского пола, а ко второму — имена, обозначающие предметы, отнесенные к женскому роду по установлению и договору, например, *na'lun* ‘сандалии’, *zulumatun* ‘мрак’. При анализе категории числа арабы противопоставляют друг другу три формы — единственного, двойственного и множественного числа. Единственное характеризуется отсутствием признака, двойственное принимает окончания *āni* и *ajnī*, относясь тем самым к диптотам. Множественное число — двух видов: правильное (с суффиксами *īna*, *īna* (диптота) в мужском роде и *āt* в женском) и ломаное.

При наличии двух форм ломаного множественного для одной формы единственного числа одна из них рассматривается как «множественное множественного».

Подробному анализу подвергаются и другие части речи, относящиеся к именам, каковыми являются числительные. Сибаваихи детально описывает образование числительных количественных и порядковых, правила сочетания их с исчисляемыми. Замахшари, как бы подводя итог этим исследованиям, заключает, что основными именами числительными в арабском являются первая десятка, сто и тысяча. Эти двенадцать имен числительных создают систему исчисления. При простом исчислении предметов имена числительные не имеют флексий, она появляется только в предложении, когда числительные выступают в качестве его членов.

Порядковые числительные по своей форме соответствуют формам причастия действительного залога, и потому они называются *ismu-l-fā* ‘ili l-muṣtaqqū min al-‘adadi’ ‘имя действующего, образованное от числительного’.

Местоимения делятся на личные, указательные и относительные, эти последние употребляются и в функции вопросительных.

Замахшари, так же как и другие авторы, относит местоимения (*tiḍmar*, *damīr*) к нефлектируемым именам. Он говорит, что местоимения делятся на две группы — самостоятельные и связанные. Самостоятельные подразумеваются всегда в именительном падеже, а связанные могут выступать в любом падеже. К личным местоимениям арабы относят и личные окончания глаголов, которые могут быть «явными» и «скрытыми» (в так называемой форме *fāraba* местоимение выражает субъект скрыто).⁴⁴

Глагол занимает одно из центральных мест в грамматических трактатах арабов. В книге Сибаваихи сохранилось несколько цитат Халиля относительно некоторых форм арабского глагола, в частности о взаимоотношении типовых гласных в формах про-

⁴⁴ Ibid., p. 127—133.

шедшего и настояще-будущего времени. Он же рассматривает взаимоотношение значений I и IV пород. Интересно в связи с этим мнение о частичном совпадении этих пород — таким образом подчеркивается, что в разговорной речи указанные формы давно начали смешиваться. Халиль дает также четкую характеристику XII породы как интенсива, выражающего многочисленность и всеобщность явления.⁴⁵

Сибаваихи выделяет три формы глагола — *mādīn* (прошедшее время), *tiḍārī'* (сходная с формой причастия действительного залога — настоящее-будущее время) и *'amq* (повелительное наклонение) — и дает этим формам временные характеристики: для прошедшего — «то, что было», для настояще-будущего времени — «то, о чем повествуется и что не прекращается», и для повелительного — «чего еще не случилось, но будет». В дальнейшем Сибаваихи дает исчерпывающее описание различных категорий глагола: переходности, непереходности, залога, лица, числа, выражения рода; перечисляет аффиксы глаголов, выдвигает положение о нефлектируемости формы прошедшего времени и повелительного наклонения и флексии форм настояще-будущего времени.

Детально анализирует Сибаваихи значения и формы всех пятнадцати пород глагола, выделяет такие их функции, как интенсив (II, XI, XII породы), каузатив (II, IV), возвратные формы — рефлексив (V, VII, VIII), форму совместного действия (VI), выражение просьбы (X) и т. д. При этом Сибаваихи неоднократно подчеркивает наличие совпадений, как семантических, так и функциональных, между теми или иными породами глаголов.

В завершение Сибаваихи дает описание образования трех — и четырехсогласных глаголов с учетом типа корня — правильных и слабых, глаголов с первым слабым корневым, образующим парадигму народные правильных, геминированных глаголов и др.

Замахшири посвятил глаголу всю вторую часть своего сочинения. Основным признаком глагола, по его мнению, является способность указывать на время действия. Специфическими признаками глагола следует считать способность присоединения частиц *qad* (для прошедшего времени), *sa* и *sawfa* (для будущего), частиц условного наклонения и слитных «явных» местоимений, а также суффикса *-t* в третьем лице женского рода в прошедшем времени.

Форма прошедшего времени выражает действие, предшествующее моменту высказывания. Эта форма нефлектируема и оканчивается на краткий *a*. Помимо того, она принимает в качестве суффиксов личные слитные местоимения (resp. личные показатели глагола), в связи с чем происходит опущение краткого *a* конечного корневого.

⁴⁵ Reuschel W. Al-Ḫallī ibn-Āḥmad als Grammatiker, p. 48.

Форма настояще-будущего времени начинается аффиксами *'*, *n*, *t*, *j*, которые распределяются по определенным личным формам.

Эти аффиксы являются общими для форм настоящего и будущего времен.

Глаголы по своей структуре могут быть первообразными и производными. Первообразными являются те трех- и четырехсогласные глаголы, в которых нет дополнительных элементов, образующих новую основу, к ним относятся также отыменные глаголы или глаголы, образованные от целых фраз (типа *talmaza* и *basmala*).

Производными являются: 1) глаголы в производных породах (II—XV), 2) глаголы трехсогласные, распространенные удвоением последнего корневого согласного или вставкой согласных *n*, *w*, *j*, например *gandala* → *gadala* «опрокидывать на землю». Эти глаголы называются также «добавлением к четырехсогласным», поскольку они образуют масдари по модели четырехсогласных корней.

Замахшари, так же как и все басрийские языковеды, выделяет как основную форму повелительное наклонение, поскольку, по их мнению, она нефлектируема. Квалификации Замахшари и других авторов полностью совпадают с трактовкой Сибаваихи форм страдательного залога и категории переходности.

Частицы определяются как слова, не имеющие свойств имени и глагола, что выражается их абсолютной нефлектируемостью и отсутствием самостоятельного значения. Согласно функциям, Замахшари выделяет 27 видов частиц, при этом ряд частиц одновременно может оказаться в нескольких группах, поскольку они совмещают несколько функций (например, частица *li*, которая может быть частицей родительного падежа имени и сослагательного наклонения глагола).

Грамматическая теория (синтаксис и морфология) арабов является наиболее оригинальной частью их лингвистического учения. Знакомясь с древними языковедческими системами других народов (индийцев и греков), мы не можем обнаружить в них каких-либо предпосылок, могущих быть прообразом для арабских авторов. Если схождения между указанными системами мы находим в общих вопросах языкоznания, в фонетике и отчасти в лексикологии, то грамматика арабов, вне всякого сомнения, является плодом оригинального творчества, основанного исключительно на специфике структуры арабского языка.⁴⁶

Фонетика

В разработке проблем фонетики арабские языковеды добились больших успехов уже в VIII в. В трудах Халиля и Сибаваихи были заложены основы двум направлениям в этой об-

⁴⁶ Га бучан К. К вопросу об арабских грамматических учениях, с. 41—45.

ласти. Пионером в разработке вопросов фонетики является Халиль. Говоря о двух направлениях в арабской фонетике, мы имеем в виду концепции Халиля и его ученика Сибаваихи. Взгляды Сибаваихи в дальнейшем нашли наибольшее распространение среди средневековых арабских языковедов.

В арабской грамматической литературе мы встречаемся с двумя типами сочинений по фонетике, один из них — это самостоятельные исследования, посвященные общим вопросам фонетики, в которых содержится также описание артикуляции звуков арабского языка. Другой тип сочинений включен в общую систему арабской грамматики и, помимо описания артикуляции звуков, содержит детальный анализ комбинаторных и иных фонетических изменений.

Создавая систему фонетики, арабские ученые безусловно учитывали достижения других народов в этой области. По этому поводу ясно высказался К. Фоллерс: «Существовали лишь две цивилизации — индийцев и эллинов, которые имели по-настоящему ценные филологические системы».⁴⁷ Но греческая фонетика была гораздо беднее по своему содержанию и стояла на более низкой ступени, чем индийская. В. А. Звегинцев вполне справедливо говорит по этому поводу, что даже более поздние Александрийские грамматики — Дионисий Фракиец, Дионисий Галикарнасский и другие разделяли звуки — буквы только по их относительной полноте тона и функции в слоге на две группы: гласные (*φονήτα*) и согласные (*συμφωνα*), а последние в свою очередь на полугласные (*ἡμίφωνα*) и немые (*ἀφωνα*), причем участие голоса в образовании немых, т. е. согласных, отрицалось. Наблюдения над физиологическим образованием различных звуков проявляются у греков в делении немых по признаку мест их образования на губные, зубные и гортанные, а также в определении роли «прикладывания» языка, т. е. затвора и «складывания» губ, т. е. лабиализации.⁴⁸ Гораздо тщательнее была разработана система индийской фонетики, которая достигла высокого уровня развития уже в грамматике Панини.

К. Фоллерс впервые обратил внимание на совпадение целого ряда моментов между индийской и арабской системами. Эти совпадения наиболее ясно выступают в фонетической теории Халиля ибн Ахмада.

Влияние индийской концепции на систему Халиля особо проявляется в его восьмичленной классификации согласных по местам их образования:

1. Гуттуральные (*halqijja*) — ,*h*, *h*, *ḥ*, *ǵ*;
2. Увулярные (*lahawijja*) — *q*, *k*;
3. Нёбные (*šaǵrijja*) — *ǵ*, *š*, *d*;
4. Переднеязычные (*asalijja*) — *s*, *s*, *z*;

⁴⁷ V o l l e r s K. The System of Arabic Sounds, p. 139.

⁴⁸ См.: Звегинцев В. А. История арабского языкознания, с. 29—30.

5. Передненёбные (*niṭa'iija*) — ḥ, t, d;
6. Альвеолярные (*līṭawijja*) — z, d, t;
7. Какуминальные (*dalqijja*) — n, l, r;
8. Лабиальныe (*šafawijja*, *šafahijja*) — w, f, m.

В девятую группу, именуемую «воздушные» (*hawā'iija*), помещены w, j, ' и alif.⁴⁹ Халиль не смог определить места артикуляции этих согласных и, следуя за индийскими фонетиками, поместил их в группу «воздушных».

Не требуется особых изысканий, чтобы заметить недостатки в классификации Халиля. Это в первую очередь проявляется в неправильном объединении пяти согласных в одну группу гуттуральных. То же самое можно сказать и о других группах (например, лабиальных), а девятая группа является явной натяжкой.

Интересно отметить, что последователи Халиля стремились исправить его погрешности, внести некоторые корректизы в классификацию согласных. Наиболее ярким примером творческого освоения принципов классификации согласных Халиля является фонетический трактат выдающегося мыслителя средневековья Абу Али ибн Сина (Авиценна). Авиценна, будучи блестящим знатоком анатомии и физиологии человека, дал нам детальное описание органов речи и артикуляции согласных арабского языка, разместив их по девяти местам образования:

1. Глоттальные — , 'ḥ;
2. Фарингальные — ' , ḥ;
3. Увулярные — q;
4. Велярные — ġ, ḩ, k;
5. Палатальные — ġ, ū, j;
6. Препалатальные — d, t, ṭ, ḍ, n;
7. Альвеолярные — r, l, z;
8. Дентальные — t, d, s, ū, z;
9. Лабиальные — b, w, m, f.

Хотя Авиценна видит небольшие различия в образовании согласных, помещенных им в одной группе, с точки зрения мест их артикуляции, говоря, что тот или иной согласный образуется глубже или выше, но эти различия он не принимает во внимание при определении групп согласных по месту артикуляций (*maṭraq*).

Недостатки классификации Халиля побудили Сибаваихи создать новую классификацию с шестнадцатью местами образования, которая завоевала господствующее положение и по сей день является основой при изучении фонетической системы арабского языка.

Согласно фонетической теории арабов, для образования звука речи необходимо наличие трех компонентов: 1) воздушной волны, выталкиваемой диафрагмой и грудной мышцей из грудной полости; 2) преграды, возникающей в различных точках органов

⁴⁹ Al - Astarābādī. Šarḥ aš-ṣafijja, III, p. 254.

речи, по пути следования воздушной струи; 3) резонатора, создающего различные акустические эффекты (*duwaj* ‘эхо’, *gūnna* ‘назализация’ и др.).

Органами речи, в которых происходит обработка воздушной волны и образование звука, являются гортань, полость рта и полость носа. В этих органах расположены точки артикуляции (*maḥraq*, *mawfi'*, *mu'tamad*, *maḥbas* — место затвора — смыкания и щели). В образовании звуков речи принимают участие хрящи гортани, приводимые в движение несколькими парами мускулов; язык, который делится на корень, заднюю, среднюю и переднюю части: далее — нёбо твердое и мягкое с язычком, десны, зубы, губы и полость носа.

Тут же следует коснуться методов характеристики звуков, применяемых арабскими авторами. Таких методов три: 1) непосредственное описание артикуляционных признаков звука (физиологических и акустических), 2) сравнение как способ характеристики звуков, 3) корреляция как способ дефиниции звуков и установления отношений между ними.

Общеупотребляемыми из этих трех способов являются первые два, третий же способ пока что засвидетельствован лишь в трактате Авиценны.

Сущность способа сравнения в основном заключается в том, что путем синтеза взаимоисключающих признаков двух сопоставляемых согласных определяются нужные нам черты третьего согласного, например, ġ, š-образный — это ž.

В ряде случаев характеристика нужного нам согласного совпадает с одним из сравниваемых согласных, напр. s š-образный = s, который получен по ассимиляции от s.

Принцип корреляции, как было отмечено выше, засвидетельствован у Авиценны, который как бы дополняет этим способом характеристики согласных; например, описав артикуляцию согласных t, d, z, s, он завершает его словами: dāl так относится к tā, как zāj к sīn, т. е. $\frac{d}{t} : \frac{z}{s}$.

Звуки речи делятся на две основные группы: согласные и гласные. Арабские языковеды пользуются различными терминами для обозначения этих групп — sāmita (согласный) и muṣawwita (гласный), когда звуки речи характеризуются как самостоятельные единицы фонетической системы языка, ḥarf и ḥaraka при функциональной их характеристике как составных частей слова.

Согласно положениям Сибаваихи, которые почти без изменения повторяются у последующих авторов, согласные делятся на следующие 16 групп по месту артикуляции:

1. Дальняя часть гортани — ', h, alif;
2. Средняя часть гортани — ', ḥ;
3. Ближняя часть гортани — ġ, ḩ;
4. Между задней частью языка и неба (в некоторых случаях — корня языка) — g;

- 5. Между задним языком и твердым нёбом — к;
  - 6. Между средним языком и средней частью твердого нёба — Ӄ, ӂ, ӄ;
  - 7. Между краем языка и коренными зубами (до места артикуляции 1) — Ӂ;
  - 8. Между краем и кончиком языка и твердым нёбом, у верхних резцов и клыков — л;
  - 9. Между кончиком языка и верхними передними резцами — н;
  - 10. За местом артикуляции н, спинкой переднего языка — г;
  - 11. Между кончиком языка и основанием передних верхних резцов — д, д, т;
  - 12. Между кончиком языка и над передними резцами — з, с, ӂ;
  - 13. Между кончиком языка и краями верхних и нижних передних резцов — Ӂ, ӂ, ӄ;
  - 14. Между внутренней частью нижней губы и краями верхних передних резцов — ф;
  - 15. Между обеими губами — в, м, б;
  - 16. В полости носа — Ӣ (назализованный).

Воздушная струя, поступающая в органы речи, встречает в указанных 16 точках артикуляции различного рода преграды, в результате чего образуются три группы согласных: смычные (*śadīda*), щелевые (*riḥwa*) и полусмычные (*bajna aš-śadīda wa ar-riḥwa*). Смычных согласных — 8: ', g, k, ġ, d, t, d, b; щелевых — 13: h, ḥ, ḡ, ḥ, ſ, s, ḫ¹, z, s, ḫ, ṭ, ḫ, f; полусмычных — 8: ', l, n, m, r, w, j, alif.⁵⁰ (Тут же следует оговориться, что Сиба-ваихи характеризует ፲ как звонкий эмфатический смычный d, ፳ — как щелевой латеральный эмфатический спирант ḫ¹, а ፵ — как интердентальный звонкий эмфатический спирант ḫ.)

По другому признаку согласные делятся на *maḡhūra* и *maḥmūsa*. Значения этих терминов и по сей день остаются спорными. Арабские языковеды, определяя их смысл, повторяют одну и ту же фразу: «*maḡhūr* — это звук, в точке артикуляции которого затвор (или щель) насыщен; . . . что касается *maḥmūs*, то это звук, затвор или щель в точке артикуляции которого ослаблены в течении протока воздушной струи».⁵¹ Некоторым данным определение давало повод трактовать эти согласные как сильные и слабые, но мы согласны с мнением тех специалистов, которые воспринимают эти термины как «звонкий» и «глухой».⁵² В группу звонких объединены согласные — ’, *alif*, ‘, ġ, g, ġ, j, ḫ¹, l, n, r, ḏ, d, z, ḍ, d, b, m, w; глухих — h, ḥ, k, Š, s, t, ū, t, f.

Согласные могут быть «закрытыми» и «открытыми»; в группу закрытых (*muṭbaqa*) включены четыре согласных — *s*, *d*, *d^l*, *ḍ* (по другому описанию — *s*, *t*, *d*, *z*). По определению Сибаваихи, у этих согласных два места образования: кончик языка, создающий смыкание или щель у передних зубов или альвеол, и задняя часть языка, приподнимающаяся к нёбу. В углублении между

⁵⁰ Некоторые авторы делят согласные лишь на смычные или щелевые (см. Ахведидиани В. Фонетический трактат Авиценны, с. 40).

⁵¹ Kitāb Sibawayhi, II, 405.

⁵² Fleisch H. *Traité de philologie arabe*, I, p. 217—22.

языком и нёбом заключен воздух, который создает определенный звуковой эффект (эхо). Остальные 25 согласных причислены к открытым (*munfatiha*).

По подъему языка к нёбу согласные делятся на две группы: «приподнятые» (*musta'lissa*) и «опущенные» (*munħasiða*). Приподнятые суть семь согласных: *ṣ*, *d*, *ḍ*¹, *ḏ*, *g(q)*, *ḥ*, *ġ* (иногда эти согласные называются *muħħama* ‘зычные’). Остальные 22 согласных относятся к опущенным.

Пять согласных *g*, *d*, *ḍ*, *b*, *ġ* относятся к группе *qalqala*, что предусматривает придачу им сильного пазвука посредством толчка (*ħafz*) и давления (*fagħ*) воздушной струи.

В группу сибилянтов обычно помещают три согласных — *ṣ*, *z*, *s*. Исключение составляет Авиценна, у которого она представлена гораздо богаче: *s*, *z*, *ṣ*, *z*, *d*, *t*, *š*, *ġ*.

Арабские авторы противопоставляют друг другу две группы согласных: *dalaqa* — *r*, *n*, *l*, образуемых краем языка, *m*, *b*, *f*, артикулируемых краями губ, — и *mušmata* (немые), к которым причисляются все остальные согласные. Принцип группировки в данном случае не совсем ясен, но, судя по одному высказыванию Замахшари, он носит скорее функциональный характер: «От них (немых)» невозможно образование слов с четырьмя и пятью согласными без согласных *dalaqa*.⁵⁸

Вышеуказанный список классификаций завершается выделением назальных (*ġunna*) — *n*, *m*, выбранта с «повторами» (*takrīr*) — *r* и латерального (*munħarif*) — *l*.

В трудах арабских авторов, особенно тех, которые разработали общие вопросы фонетики и исследуют общие вопросы музыковедения, согласные определяются по тональности, выделены группы с высоким (*ħidda*) и низким (*tiql* ‘тяжелый’) тонами. Высокий тон образуется в узких каналах, в которых воздушная струя течет непрерывно и компактно, а низкий — в широких каналах, в которых происходит дисперсия воздушной волны. С обстоятельными рассуждениями по этому вопросу мы встречаемся в сочинениях Ихван ас-Сафа, Фараби и Авиценны.

Помимо указанных двадцати девяти согласных, в трактатах арабских авторов рассматриваются две дополнительные группы звуков, которые объединяются под общим названием *furg* ‘‘ответвление’’. Эти согласные и гласные являются вариантами основных фонетических единиц, полученными в результате различных фонетических изменений. Первая группа, именуемая *mustaħsana* ‘желательные’, часто употребляется при чтении Корана и образцов поэзии. В данную группу объединяются шесть согласных: *hamza* *bajna* *bajna* облегченная хамза, *alif imāla*, подразумевающий палатализацию *ā* (→ *ā*, *ē*, *ī*), *ġ* *š*-образный = *ż*, *s* *z*-образный = *z* (комбинаторный вариант полученный в результате ассимиляции) и *ā* — зычный (*taħbiżim*) = *ā*. Другая группа — *ġajr* *mus-*

⁵⁸ Z a m a ħ s a g i. Al-Mufassal, p. 395.

taħsaha 'ненежелательные', т. е. неприемлемые при чтении текстов классического языка, но являющиеся достоянием диалектов; таких согласных семь: k между ġ и k — палатализованный g, ġ k-образный = g, š ġ-образный = č, d — слабый (без эмфазы), s s-образный (s без эмфазы), t t-образный (t без эмфазы), ḫ ḫ-образный (ḥ без эмфазы и звонкости).

При характеристике гласных арабские языковеды ограничиваются весьма малым кругом вопросов. Отводя гласным подчиненное место по отношению к согласным, они дают нам описание самых общих черт их артикуляции. Гласных в арабском три — a, i, u с их краткими и долгими вариантами. Долгие гласные (*hurūf al-madd wa l-līn*) требуют в два раза большего времени при произношении, чем краткие гласные (*ḥarakā*). Наиболее широким каналом и полнотой звука произносятся — a, ā; огублением — u, ū; подъемом языка к твердому нёбу — i, ī.

В грамматических трактатах большое место отводится фонетическим изменениям различного характера. Одним из основных видов этих изменений является *idḡām* или *iddīgām*. Этот термин следует понимать как геминацию, которая может быть обусловлена в ряде случаев полной контактной ассимиляцией. При образовании геминат взаимодействуют: а) одинаковые согласные, б) согласные, относящиеся к одному месту образования, в) согласные, близкие по месту образования.

Формулируя причины геминации, Сибавахи цитирует слова Халиля по этому поводу: «Об этом Халиль предполагал, когда два согласных образуются на одном и том же месте, трудно им (говорящим) поднять язык с определенного места образования согласного, а потом снова вернуть его на то же самое место для образования второго аналогичного согласного. Поскольку же это является затруднением, то они предпочитают поднять язык один раз, например *ruddī*, и т. д.».⁵⁴ Следовательно, арабы рассматривают геминированный согласный как одну единицу, с одним приступом и отступом. Геминация имеет место и при взаимодействии согласных на стыке двух слов, а также на грани основы и формантов.

Полная ассимиляция, как регressiveвая, так и прогressiveвая, может быть лишь контактной:

а) прогressiveвая ассимиляция б) регressiveвая ассимиляция

r + n = rr	l + r = rr
t + t = tt	t + d = dd
s + t = ss	t + d = dd
z + t = zz	t + z = zz
d + t = dd	
t + t = tt	
ḍ + ṭ = ḍḍ	

Примером полной контактной прогressiveвой ассимиляции является также уподобление l (артикля al) тринадцати солнечным согласным.

⁵⁴ Kitāb Sibawajhi, II, p. 158.

Частичная ассимиляция может осуществляться как контактно, так и дистантно:

а) контактная прогрессивная б) дистантная (только регрессивная)

$$\begin{array}{l} s + t = \dot{s}t \\ z + t = zd \\ \dot{z} + t = \dot{z}t \\ \ddot{s} + t = \ddot{s}t \end{array}$$

$$\begin{array}{l} s - q = s - \dot{q} \\ s - \dot{g} = s - \dot{\dot{g}} \\ s - \ddot{b} = s - \ddot{\dot{b}} \end{array}$$

регрессивная

$$\begin{array}{l} \dot{s} + d = zd \\ s + \dot{q} = sq \\ s + \dot{d} = zd \\ \dot{s} + \dot{d} = \dot{zd} \\ \ddot{s} + d = \ddot{gd} \end{array}$$

Арабскими авторами описаны также случаи реципрока:

$$\begin{array}{ll} c + h = hh & z + t = tt \\ d + s = ts & \dot{d} + t = \dot{td} \end{array}$$

Во взаимодействии гласных и согласных уже Сибаваихи заметил ассимилирующую силу гласных, в частности *i*. Но уже у ибн Джинни взаимоотношение гласных и согласных представлено в развернутом виде: если кто-либо хочет воспроизвести точное произношение согласного, то он должен произнести его без гласных, ибо гласные удаляют согласные с мест их артикуляции. После этого заявления ибн Джинни дает детальный анализ взаимодействия гласных и согласных, в особенности гласных и слабых согласных.⁵⁵

Арабы основательно разработали вопросы замены согласных (*ibdāl*). Сибаваихи говорит, что «имеющийся в слове согласный заменяется ближайшим по месту образования согласным». Но он термин *ibdāl* употребляет в широком смысле, в частности как любую замену звука, происходит ли она в результате комбинаторных изменений или без них. В дальнейшем *ibdāl* обозначает субSTITУцию. Суюти, собрав обширный материал, в главе *ibdāl* говорит только о примерах субSTITУции,⁵⁶ группируя их по 32 видам.

Ценные мысли высказаны арабами о метатезе (*qalb*). Ибн Фарис считает метатезу обычаем арабов (*al-qalbu min sunani-l-'agabi*). По поводу метатезы разногласия возникли между грамматиками и лексикологами. Касаясь этих разногласий, ибн Дурайд говорит: «то, что лексикологами трактуется как метатеза, например *ğadaba* → *ğabada*, грамматики считают отдельными словами, но это не соответствует действительности». Как и в предыдущем случае, детальный анализ примеров метатезы содержится в труде Суюти.

Из других фонетических явлений арабы рассматривают утрату хамзы в середине слова и на стыке двух слов, элизию гласных в ре-

⁵⁵ I b n - G i n n i . S i r r a s - ş i n ā ' a al-i'rāb , II . Qāhira , 1914. 1956 , p. 7.

⁵⁶ S u j ü t i . Al-Mizhar . . . , p. 51.

зультате опущения хамзы на грани двух слов, возникновение власлы (связывающего гласного), палатализацию ā (*imāla*), что выражается в «наклонении» ā к ī возникновением промежуточных ступеней — ā, ē. Характерным для языка Корана является обратный процесс — веляризация (*tafḥīm*) долгого *a*, в результате чего его артикуляция приближается к ū.

Наконец, арабские языковеды касаются вопросов фонетического символизма. В зачаточном виде они имеются у Халиля и Сибаваихи, но детальный анализ этого вопроса представлен у ибн Джинни. Арабские языковеды в данном случае выделяют две группы слов. Первая группа содержит звукооподражательные слова, которые воспроизводят внешние звуковые эффекты, «как-то: удар грома, журчание воды, рев осла и т. д.». Другая группа слов, не воспроизводя акустических эффектов, выражает те или иные нюансы значения фонетическими средствами, усилением (удвоением) второго корневого согласного, в глаголе выражается интенсивность действия. Для различных слов с определенными нюансами используются свойства согласных, посредством чего выражается интенсивность, объем предмета, сила и даже степень влажности — например, в словах ḥaḍīma-qaḍīma посредством ḥ и q различается принятие влажной и сухой пищи, поскольку, пояснению ибн Дурайда, ḥ соответствует рыхлости и слабости сочного, а q твердости сухого. ḥ и ḥ в словах naḍḥ и naḍḥ выражают соответственно тонкость и полноту струи воды, так как ḥ сильнее ḥ.

По силе и величине обозначаемого противопоставляются слова с согласными d—t, ḡ—b, n—t, r—n, ṣ—d, s—ṣ, q—k, d—š; по интенсивности действия различаются слова с согласными t—d—t.⁵⁷

Вопросы, затронутые в данной главе, имеются без исключения во всех грамматических трактатах арабов и в трудах лексикологов; помимо этого, арабские языковеды неоднократно посвящали специальные исследования каждому из вышеуказанных вопросов.

Лексикология и лексикография

Лексический состав — один из основных предметов изучения арабских языковедов. В процессе изучения лексики арабского языка анализу подвергались как словарь литературного языка, так и диалектов, хотя этот последний никогда не был предметом самостоятельного изучения. Арабские лексикологи классифицируют слова с различных точек зрения, учитывая как их структуру, семантику, происхождение, так и частотность употребления. Этот фактор занимает не последнее место при определении правильности слов.

⁵⁷ Ibid., p. 184—185.

Наиболее общим является деление слов на употребляемые и неупотребляемые. Это деление тесно увязывается с теорией корня, разработанной в трудах арабских языковедов начиная с Халиля ибн Ахмада. Согласно этой теории, корень слова состоит из двух, трех, четырех и пяти согласных, с которыми и связано вещественное значение слова; большее количество согласных в слове указывает или на его неарабское происхождение, или же на наличие в нем аффиксов. Арабские лексикологи точно рассчитали возможное количество корней в арабском языке. Оно достигает нескольких миллионов единиц, но это количество сразу же оговаривается фактом действительно существующих в языке корней. Так, например, по теоретическим подсчетам больше всех в языке должно было быть четырехсогласных и тем более пятисогласных корней, но в действительности их гораздо меньше, чем трехсогласных. Вообще трехсогласные корни, по мнению арабских авторов, являются наиболее правильными. Одним из факторов, ограничивающих количество корней в языке, является несовместимость согласных в корнях.

Эта проблема тщательно разработана арабскими лексикологами, выведены точные правила совместимости и несовместимости определенных согласных в одном корне. Следовательно, исходя из теоретических возможностей языка, могут быть корни возможные и невозможные с точки зрения употребления; отсюда же вытекает деление слов на употребляемые (*musta' mal*) и неупотребляемые (*muhamal*).

Употребляемые в языке слова делятся на «чистые» (*faṣīḥ*) и «непристойные» (*qabīḥ*). Касаясь значения слова *faṣīḥ*, Сути говорит, что это слово употребляется в двух аспектах, один из них в отношении человека, а другой в отношении слова. Второй аспект наиболее важный, так как «чистый» араб может пользоваться словами, не являющимися «чистыми». Критерием «чистоты» слова, по словам Ас-Са'алиби, «является частое употребление его арабами». Одновременно слово по своему звуковому составу должно быть гармоничным и соответствовать модели образования (*qījās*) литературного языка. Такие слова, как *al-hu'hu'* и *mustaṣ-zīrun*, употребляемые арабами и даже встречающиеся в поэзии, из-за негармоничности (*tanāfur*) звукового состава не могут считаться «чистыми».

При анализе лексики выделяют устаревшие слова. Это касается малочисленной группы слов, имевших распространение среди арабов до ислама, как-то: название дней недели, месяцев и др. В противовес этим словам возникла лексика, которая обусловлена распространением ислама. К ней в первую очередь относятся религиозные и правовые термины, зафиксированные в Коране и хадисах. Ибн-Фарис в своей монографии⁶⁸ посвятил специальную главу исламским словам.

⁶⁸ I b n - F ā r i s . S ī h i b i f i fi q h al-lu g ā . Q ā h i r a , 1910.

Специальному рассмотрению подвергаются две группы слов — *taṣṣūf* и *muwallad*. Первые из них являются искусственными словами, которые не имеют исходных корней и введены в язык поэтами или же другими выдающимися людьми. Подобными искусственными словами сочинены целые бейты в стихах. В отличие от них *muwallad* ‘новообразование’ имеет своей основой реально существующий корень, но образованный по новой форме. В большинстве арабских словарей вышеуказанные слова выделены специальными пометами.

Большое внимание арабы обращают на изучение редких слов, употребляемых в литературном языке. В истории арабской лексикологии мы находим множество словарей и исследований, посвященных редким словам (*ḡarā'ib*, *nawādir*).

Одной из острых проблем арабской лексикологии является заимствование иноязычных слов. В арабской языковедческой литературе высказано немало тенденциозных суждений относительно происхождения тех или иных слов, но во всей массе этих рассуждений мы находим вполне рациональные высказывания относительно заимствований иноязычной лексики. В арабской лексике выделяется большая группа слов *ti'arrab*-ов, т. е. арабизованных иноязычных слов.

Заимствованные слова делятся на три группы, в которых: 1) заимствованное слово, изменяясь, подчиняется законам словообразования и формообразования арабского языка; 2) заимствованное слово, изменяясь внешне, не подчиняется правилам арабского языка; 3) слова, не изменяющие внешнего вида и не подчиняющиеся правилам арабского словообразования. Заимствование может иметь место в двух случаях: а) при отсутствии в арабском языке собственного слова со значением заимствованного, б) когда в арабском имеются исконные слова с нужным значением, но из-за редкости употребления или по другим причинам заимствованное слово оказывается более распространенным и общеупотребимым.

Интенсивность, с какой лексикологи занимались проблемой заимствования, привела к созданию ряда солидных работ в этой области, из которых особо следует отметить словарь заимствованных слов Ал-Джавалики.

Значение слова интересовало арабов с точки зрения как теоретических вопросов, так и изучения словарного состава арабского языка. Дискуссионным оказался вопрос, знаком чего является слово — внешних предметов или мысленных образов этих предметов. Сути приводит два противоположных мнения арабских ученых по этому вопросу. Часть ученых придерживалась мнения, что слова установлены по отношению к внешним предметам (Абу Исхак аш-Ширази). В противовес этому положению Фахр ад-Дин ар-Рази и Аснави считают слова знаками мысленных образов. Доводы, приводимые в пользу тех или иных положений по этой проблеме, показывают, что языковеды в данном случае опирались на различные философские предпосылки. Эти два направления

продолжали существовать в течение всего времени развития средневекового арабского языкоznания, и трудно сказать, которым из них было отдано предпочтение.

Слова могут быть однозначны и многозначны (*muštarak*). Многозначность слов по мнению арабских лексикологов, возникает в результате того, что в разных местах одно и тоже слово употребляется для обозначения различных предметов и явлений, что в конце концов приводит к полисемии. Слова многозначные могут иметь полярные значения (*aḍfād*). Арабские лексикографы составляли специальные словари для слов с полярными значениями. Одним из важнейших работ подобного рода является словарь ибн Даххана (ум. 1173 г.).

Слова имеют прямое (*ḥaqīqa*) и переносное (*taḍāz*) значения. По определению ибн Фариса, *ḥaqīqa* — слова, не имеющие метафорического значения. Нет в этих словах сравнения и не употребляются они в качестве эпитетов, а *taḍāz* — это перенос прямого значения на явления и предметы, близкие к нему по качеству и виду, и употребление их метафорами, сравнениями, эпитетами и др. Арабские ученые перечисляют 12 различных способов возникновения переносных значений, среди них: передача конкретных понятий общими, выражение результата через причину и причины через результат, обозначение посредством сравнения и др.

Слова могут иметь общие и конкретные значения, но, изменяясь, они расширяют или суживают значения, в результате чего слова могут переходить из одного класса в другой.

В работах арабов большое место отводится синонимам и омонимам. Синонимы могут быть абсолютными и относительными. Одной из причин возникновения синонимов является метатеза корневых согласных — *ḥamida//madaḥa* ‘хвалить’ и субSTITУция — *'ajn//'ajm* ‘жизнь’.

Возникновение новых значений связано со своеобразным видом композиции (*naḥt*), который называется «родом сокращения» (*ğins min iḥtiṣār*). В результате этого процесса чаще два слова, а реже целая фраза сливаются в одно слово, в котором, как правило, больше трех согласных.

В разделе лексикологии арабы рассматривают также некоторые устойчивые словосочетания (*itbā'*). Это два следующих друг за другом слова, которые срифмованы между собой, при этом второе слово меняет начальный согласный — *sāḡib lāḡib* ‘голодный’. *Itbā'* имеет два вида: а) когда оба слова имеют полное значение, б) когда второе слово только созвучно по рифме с первым, но значения не имеет. Между членами указанного словосочетания может появиться союз *wa* ‘и’, тогда словосочетание называется *ta'kīd* ‘усиление, подтверждение’. Арабы подчеркивают, что явление *itbā'*-а свойственно всем языкам и народам.

Завершая этот раздел, мы хотели бы подчеркнуть важное значение для данной области арабского языкоznания известного труда Суюти *«Mizhar»*. Если эта работа не изобилует оригинальными

идеями, то содержит все то, что было создано арабскими учеными в области лексикологии. Огромная эрудиция автора, точность и полнота изложения сделала эту работу настольной книгой для каждого, кто пожелает разобраться как в самих лексикологических проблемах, так и в истории арабской лексикологии.

Арабская лексикография возникла вместе с арабской грамматикой. Лексикографов арабы называют *lūgāwījūn*, противопоставляя их грамматикам (*naħwījūn*). В словарях арабы фиксировали лексику литературного языка. По содержанию словари делятся на шесть групп: 1) полные толковые словари, 2) предметные словари, 3) словари синонимов, 4) словари редких слов, 5) словари заимствований, 6) переводные словари.

По структуре словари различаются по принципу расположения слов: 1) словари, в которых соблюдается фонетический принцип расположения слов по последовательности мест образования согласных (начиная с фарингальных до лабиальных) и с учетом количества согласных в корне слова; 2) словари, построенные в алфавитном порядке с учетом последнего корневого согласного; 3) словари с алфавитным порядком расположения слов с учетом первого корневого согласного.

Первый арабский словарь под названием «*Kitāb al-‘ajn*» принадлежит Халилю ибн Ахмаду. Слова в нем расположены по фонетическому принципу согласно местам образования звуков, и поскольку Халиль считал, что самым глубоким согласным в гортани является ‘ајн, то им и начинается словарь. Помимо этого оригинального распорядка слов учитывается также состав корня, последовательно расположены двухсогласные, трехсогласные и многосогласные корни. В специальной литературе высказано мнение, что расположение слов по количеству корневых является реминисценцией некоторых санскритских словарей, в которых слова расположены согласно количеству слогов.⁵⁹

Особой чертой словаря Халиля является также примененный им анаграммический метод группировки корней.

Беря за основу один из корней, например *daғaba*, Халиль выводит из него все возможные модификации — *baғara*, *zaғaba* и другие — и помещает их вместе. При этом следует отметить, что Халиль строго различает теоретические возможности образования корней и реально существующие корневые единицы. В словарь он вносит только употребляемые в языке корни.

Метод составления словаря, избранный Халилем, просуществовал около трехсот лет. Последователи Халиля как на Востоке, так и в Испании вносили определенные корректизы в расположение согласных, пополняли словари, особенно производными словами, уточняли значения слов. Частичные изменения последовательности согласных в словарях были обусловлены достижениями в области фонетики.

⁵⁹ Heywood Y. A. Arabic Lexicography. Leiden, 1960, p. 39.

Из продолжателей принципов Халиля на Востоке в X в. были Ал-Азхари и Саахиб ибн 'Аббад, а на Западе (в Испании) Ал-Кали и Аз-Зубайди, которые составили обширные словари арабского языка, отражающие все достижения арабской языковедческой мысли этого периода. Список сторонников принципа Халиля завершает ибн Сида (ум. 1066 г.), деятельность которого также протекала в Испании. Основным его лексикографическим трудом является «Al-Muḥkam wa al-muḥīṭ al-a'ẓam». Труд ибн Сида создавался уже в то время, когда в арабской лексикологии начинали занимать господствующее положение новые принципы составления словарей.

Через сто с лишним лет после создания словаря Халиля ибн Дурайд (ум. 934 г.) составил свой «Kitāb al-ğamhara fī luğā». Он воспринял анахоретический метод Халиля, развил принцип расположения корней по количеству корневых, но построил словарь по алфавитному порядку.

За этот же период было составлено большое количество тематических словарей типа «Книга о лошади», «Книга о верблюде» и др. Подобные конкретные словари создавали прочную базу для составления исчерпывающих обширных словарей арабского языка.

К концу X в. в арабской лексикографии возникает новое направление, известное под названием «метод рифм». Лексикографы данного направления слова располагали по алфавиту, но с учетом последнего корневого согласного, исходя из потребностей поэзии.

Автором первого подобного арабского словаря является Ал-Джаухари (ум. ок. 1007 г.). Хотя традиция и приписывает ему изобретение «метода рифм», но остается фактом, что аналогичные словари существовали до него как для еврейского, так и для арабского языков.⁶⁰

Словарь Джакура вызвал множество критических замечаний по части полноты охвата лексики, появилось несколько «дополнений» к нему, но сам принцип расположения слов получил свое развитие в трудах выдающихся лексикографов последующих веков.

Кульминацией арабской лексикографии можно считать известный словарь ибн Манзура (ум. 1311 г.) «Lisān al-'arab», который как по своему объему, так и по продуманности структуры является образцовым сочинением в этой области. Словарь ибн Манзура, построенный «по методу рифм», содержит 80 тыс. единиц. Он по сей день остается одним из важнейших источников по изучению лексического богатства арабского языка. Почти четырехвековый период

⁶⁰ Ibid., p. 68—69.

развития данного направления в арабской лексикографии венчает словарь Фирузабади (1326—1414) «Al-Qāmus al-muhibb», который в сокращении же автора приобрел большую популярность на Востоке. Он был переведен на персидский и турецкий языки.

Вышеуказанный лексикологический принцип был повторен в словаре автора XVIII в. Муртада аз-Забиди (1733—1791) «Tāq al-‘arūs».

Одновременно с Халилем в Багдаде развил свою деятельность представитель куфийской школы Исхак ибн Миран аш-Шайбани. Помимо множества тематических словарей он составил большой словарь «Kitāb al-ğīm», в котором слова расположены в алфавитном порядке с учетом первого корневого согласного. Более двухсот лет развивался этот принцип, чтобы прийти к своему логическому завершению — к современному принципу расположения слов в словарях арабского языка. Но в период господства методов Ал-Халиля и Ал-Джаухари принцип куфийцев не нашел широкого распространения. Им пользовались в тематических словарях, из которых особо следует отметить словарь Ал-Джауалики (1073—1134) «Kitāb al-mi‘arrab», содержащий заимствованные слова.

Основоположником современного принципа составления арабских словарей является выдающийся арабский ученый X в. ибн Фарис, который в двух своих специальных словарях «Miğmal» и «Maqājjis» расположил слова по алфавитному принципу с учетом первого и второго корневых. Каждый из указанных словарей делится на 28 глав, а каждая глава — на три части по количеству корневых: двухсогласных, трехсогласных и в одной части — четырех- и пятисогласных. Дальнейшее применение принципы ибн Фариса получили в словаре корана Ар-Рагиб Ал-Исфахани. Но совершенства этот принцип достиг в работах Замахшари, в особенности в его словаре «Asās al-Balāg». Замахшари снабжает пометами слова со значениями основными и метафорическими. Наконец, при расположении корней учитываются все три корневые согласные, т. е. полностью соблюдается так называемый внутренний алфавит. Этим трудом Замахшари полностью воплотил принцип, применяемый в современных словарях.

В арабской лексикографии превалируют одноязычные словари, но мы встречаемся с примерами составления переводных словарей. И в этом первенство принадлежит Замахшари, который является автором арабско-персидского словаря. Имеются сведения, что в составлении этого словаря принял участие известный комментатор поэтических текстов Аз-Заузани.

Арабская лексикография оказала большое влияние как на лексикографию народов Востока (Иран, Турция, частично Индия), так и на Европу.

Труды арабских лексикографов оказались прочной базой для развития этой отрасли языкоznания в современной науке.

Дальнейшее детальное изучение сочинений арабов позволит правильнее и глубже понять сущность их языковедческой системы, а также позволит выявить во всей полноте те элементы, которые составляют содержание эволюции этой системы на протяжении долгих восьми веков.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиргас В. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873.
Al-Anbarī. *Asrār al-'arabiya*, ed. Seybold. Leiden, 1886.
Al-Anbarī. Die grammatischen Streitfragen der Basrer und Kufer, hrsg. von Gotthold Weil. Leiden, 1913.
Al-Bustānī. *Muhit al-muhit*. Beirut, 1286.
Bravmann M. Materialien und Untersuchungen zu den phonetischen Lehren der Araber. Göttingen, 1934.
Bräunlich E. Al-Halil und das Kitab al-'ajn. — *Islamica*, 2, 1926.
Cantineau J. Études de linguistique arabe. Paris, 1960.
ibn Challican. *Vitae illustrium virorum*. E cold. nunc primum arabice, ed. variis lectionibus, indicibusque locupletissimis instruxit Ferd. Wustenfeld. Goettingae, 1835—1850; Bulaq, 1275, 1299.
ibn Dāhhān. *Kitāb al-Addād*. Bağdād, 1953.
Dawriš. al-Ma'āgim al-'arabiya. Qāhira, 1956.
Dieterici Fr. Ibn 'Aqil's Commentar zur Alfijja des Ibn Mālik, aus arabischen zum ersten Male übersetzt von Fr. Dieterici. Berlin, 1852.
ibn Durāj d. Ġamhara al-luġa. Haidarabad, 1926—1927.
ibn Fāris. as-Šāhibi fi fiqh al-luġa wa sunan al-'arab fi kalāmihā. Qāhira, 1328; Beirut, 1964.
al-Firuzābādi. al-Qamūs al-muhit. Calcutta, 1817; Bulaq, 1279, 1301—1302; Qāhira, 1319, 1330—1332; Stambul, 1272.
Fleisch H. La conception phonétique des arabes d'après le *Sirr sinā'at al-i'rāb* d'Ibn-Ġinnī. — ZDMG, H. 1, 1958.
Flügel. Die grammatischen Schulen der Araber. Leipzig, 1862.
Fück J. *Arabia*. Berlin, 1950.
al-Gawāliqī. al-Mu'arrab, éd. Sachau. Leipzig, 1867.
al-Ğawharī. *Sahāh al-'arabiyya*. Bulaq, 1282.
ibn Ġinnī. *Sirr as-sinā'a al-i'rāb*, I—II. Qāhira, 1914; 1954.
İhwān as-Safā. Rasā'il iħwān as-safā, I. Beirut, 1957.
Jahn G. Sibawaihi's Buch über die Grammatik, nach der Ausgabe von H. Derenburg und dem Commentar des Sirāfi übersetzt und erklärt... von. G. Jahn, 2. Bd. Berlin, 1894, 1900.
Ibn-Jā'iš. Commentar zu Zamachşarī's *Mufassal*, hrsg. von Dr. G. Jahn, 2. Bd. Leipzig, 1882—1886.
al-Mubarrad. al-Kāmil, ed. W. Wright. Leipzig, 1864, 1892.
ibn Manzūr. *Lisān al-'arab*. Qāhira, 1300—1307; Beirut, 1955—1956.
an-Nagdi. 'Alī al-Faħrī, Sibawaihi imām an-nuħāt. Qāhira, 1953.
Nöldeke, Landberg C. La langue arabe et ses dialectes. — ZDMG, 59, 1904.
Rabin Ch. Ancient West-Arabien. London, 1951.
As-Sa'īd, 'abd ar-Rahmān, Madrasa al-Baṣra n-nahwijja, Miṣr.
Schaaade Ph. Semitische Sprachen, Archiv für vergleichende Phonetik, I, 1937, p. 246—250.
Schaaade Ph. Sibawaihi's Lautlehre. Leiden, 1911.
Ibh Sīda. Al-kitab al-muhaṣṣas fil-luġa, I—XVIII. Kāhira, 1316—1321.
Troupéau G. La grammaire à Bagdād du IX au XIII siècle. — *Arabica*, V. Leiden, 1962.
Vollers K. Transaction of the IX Congress of Orientalists, I. London, 1893.

- V o l l e r s K. Volkssprache und Schriftsprache in altem Arabien. Strassburg,
1906.
- W a l l i n G. Ueber die Laute des Arabischen und ihre Bezeichunng. —
ZDMG, IX, 1855; XII, 1858.
- W e i l l G. Zum Verständnis der Methode der mosleminischen Grammatiker,
Festschrift E. Sachau. Berlin, 1915.
- W e i s s I. Die arabische Nationalgrammatik und Lateiner.—ZDMG, 64, 1909.
- Z a b i d i. Sajjid Murtada, Tāg al-‘arūs, I—X. Qahira, 1907.
- Z a ġ ā ġ i. Al-Ǧumal, ed. M. Ben-Cheneb. Alger-Paris, 1927.
- Z a m a h ū r i. Asas al-balāqā, I—II. Bulaq, 1299, Kahira, 1922/23.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ИРАНЕ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Древнейшие представления иранских народов, а также их предков — индоиранского и индоевропейского «пранародов» — отражены в сохранившихся фрагментах мифов, вошедших в такие памятники, как Авеста¹ (II или I тысячелетие до н. э.), нартовский эпос осетин или «Шахнаме» Фирдоуси (XI в. н. э.). К общеиндоевропейскому состоянию восходит, например, представление о некотором «установителе имен»:

авест. nāmāṇ daθagə 'имена установили'
др.-инд. nāma(ni) dhā- 'устанавливать имя'
др.-гр. гом. ὄνομα τίθεσθαι 'устанавливать имя'
ст.-чеш. dieti jmé 'устанавливать имя'
индоевр. *n̥óm̥t̥ *dʰh₂²

Зороастризм, возникший у древних иранцев в I тысячелетии до н. э., воспринял представления о магической функции языка. На их основании сложилась тройственная формула, определяющая поведение благочестивого зороастрийца: авест. humatəm hūx-təm hvarštəm, перенятое затем в среднеперсидском humat hūxt huvaršt 'с добрым мыслию, с добрый речью, с добрым деянием'. Не к этой ли поре относится зарождение мысли о соотношении слова, мысли и дела — или даже плана выражения, структуры содержания и субстанции содержания?

Во второй половине I тысячелетия н. э. судьба среднеперсидской культуры сложилась так, что на первый план выдвинулись задачи практические; возрождение зороастризма в Сасанидской державе обусловило необходимость создания особого шрифта для точной, передающей оттенки, записи священного текста Авесты, а также специальных лексикографических пособий педагогического предназначения. При этом примечательно, что этот — авестийский — шрифт, как показывают ногейшние разыскания,

---

¹ См., например: Darmesteter J. Le Zend-Avesta, v. I—III. Paris, 1892—1893.

² Троинский И. М. Из истории античного языкознания. — Советское языкознание, 1936, II.

был результатом единократного индивидуального творения.³ Произошло это в ту же эпоху, в которую были созданы грузинский, армянский и агванский («албанский») шрифты; авестийский шрифт, подобно им, представляет усовершенствование письма арамейского происхождения; сходство всех этих алфавитов наводит на мысль о том, что их разрабатывали в каком-то едином центре.

Появление авестийского письма позволило составить не только авестийско-среднеперсидские словари, но и записывать авестийским письмом среднеперсидские слова: такая запись носит название «пазенд». Когда некоторое время спустя после арабского завоевания среднеперсидский стал мертвым языком, используемым лишь в качестве сакрального в зороастрийских общинах, то пазенд стал средством для чтения среднеперсидского текста, хотя зачастую и неверным; дело в том, что традиционно среднеперсидский записывался консонантным письмом, в котором к тому же многие согласные обозначались одинаково.

Какие же лексикографические пособия сасанидского времени сохранились?

До нас дошли авестийско-среднеперсидские, арамейско-среднеперсидские, согдийско-среднеперсидские словари и фрагменты словарей. Точное число словарей не известно. Крупный ученый-парс XIX в. Дестур Хашангджи Джамаспджи Аса, который издал один из словарей,⁴ имел известия о семи других словарях. Два словаря содержится в рукописи Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; они описаны академиком К. Г. Залеманом.⁵

Существование вышенназванных словарей свидетельствует о том, что за несколько веков до «Luγat-i Furs» Асади Туси, даже до тех утраченных источников, на которые он ссылается, — создавались словари на среднеперсидском языке.

Один из наиболее интересных памятников среднеперсидской лексикографии — «Frahang-i oīm-ēvak», авестийско-пехлевийский словарь. Он содержит толкование слов и оборотов на двух мертвых языках. В этом фарханге 1000 авестийских слов, 2250 пехлевийских и 833 других слова (арамейских), а также 24 на пазенде.

Автор и точное время создания словаря не известны. «Oīm-ēvak» в названии словаря представляет не что иное, как начало текста; для авестийского слова *oīm* ('один', форма им. вин. пад. ср. р.) приводится среднеперсидский эквивалент *ēvak* в том же значении.

³ Hoffmann K. Zum Zeicheninventar der Avesta-Schrift. — In: Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971, S. 64—73, 168; Idem in: Aufsätze zur Indoiranistik, Bd I. Wiesbaden, 1975, S. 316—326.

⁴ Asa H. J. M. Haug. An Old pahlavi-pazand Glossary. Bombay, 1870, p. XIV—XV.

⁵ Salemann C. Über eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek zu SPb., 1878.

«Frahang-i oīm-ēvak» издавался трижды⁶ и известен по шести рукописям. Лучшая из них — МН-6, относящаяся в 1397 г. Первое издание, как и издание других авестийских текстов, относится к 1771 г. и осуществлено французским ученым Анкетилем Дюперроном.⁷ Вторично опубликовали этот словарь упоминавшийся ученым Дестур Хашангджи Джамаспджи Аса и немецкий филолог Мартин Хауг.⁸ Они приняли за основу вышеупомянутую рукопись МН-6, хранящуюся в Мюнхенской научной библиотеке.

Последнее издание фарханга осуществлено в 1900 г. австрийским ученым Х. Рейхельтом.⁹ Он добавил авестийско-пехлевийский алфавитный указатель. Рейхельт также дает толкование непереведенных слов, широко привлекая авестийский материал.

Построение всего словаря и отдельных слов позволяет предположить, что автор предназначал свой труд для зороастрийского читателя, желавшего изучить авестийский язык.

«Frahang-i oīm-ēvak» состоит из 27 глав. Они посвящены различным темам:

- I. Количественные и порядковые числительные;
- IIa. О назначении словаря;
- IIb. Толкование парадигмы ав. uva-;
- IIc. Примеры форм числа;
- IId. Местоимения 2 л. мн. ч.;
- IIe. Формы числа от rəgənāyi-;
- IIf. О словах, обозначающих женщин;
- IIIa. Прилагательные с приставкой hu-;
- IIIb—h. О частях тела;
- IVa—b. Союзы;
- IVc—d. Относительные местоимения;
- IVe. О наречии «yavata»;
- IV—XXIV. Слова в алфавитном порядке (y; ū, k, k, xš, š, m, a, v, u, p, m, s, f, d, j, b, r, t, č, z, g, γ, θ, h);
- XXVa. О грехах и пороках;
- XXVb. О религиозных обычаях;
- XXVI. О свойствах людей и об их деятельности;
- XXVIIa. Традиционные единицы измерений (палцы, шаг и т. п.);
- XXVIIb. Сутки и их части.

⁶ Известно, что в настоящее время немецкий учений Б. Клингеншмидт готовит новое издание. См.: Rossi A. V. Linguistica mediopersiana 1966—1973. Napoli, 1975, p. 76.

⁷ Anquetil du Perron. Zend Avesta ouvrage de Zoroastre, 3 vol. Paris, 1771.

⁸ Asa H. J. M. Haug. An Old Zand-Pahlavi Glossary. Bombay, 1867.

⁹ Reichelt H. Der Frahang-i oīm I (WZKM, Bd XIV, N. 3, 1900); II (WZKM, Bd XV, 1901).

Структура словаря заставляет предполагать, что автор неставил своей целью создание полного алфавитного словаря, либо что какие-то части его до нас не дошли и уже не были известны некоторым поколениям ученых-парсов. Ряд слов снабжен чрезвычайно содержательными комментариями на среднеперсидском языке.

Приводим примеры толкования грамматических категорий в «Frahang-i oīm-ēvak».

Категория рода находит довольно точное толкование в словаре; для наглядности данные слова представим в виде таблиц:

Авестийские слова	Среднеперсидские толкования	Род
"va	apar har 2 nāg 'о (каждых) двух мужчинах'	м.
"vaiē	apar har 2 žan 'о (каждых) двух мужчинах'	ж.
"vaibya	har 2 nāg u žan, apar har 2 xvarišn u vastrak, apar har 2 gētik u mēnōk 'о (каждых) двух мужчинах и женщинах' 'о (каждых) двух видах пищи и одежды'	По-видимому, речь идет об «общем» роде

В качестве примера взяты слова "va 'оба' («Frahang-i oīm-ēvak», II b.), все авестийские формы в двойственном числе.

Категория числа интересна тем, как составитель фарханга объясняет формы отсутствующего в среднеперсидском двойственного числа; для объяснения множественного числа используется значение «тройственности»:

Ср.-перс. слово и русский перевод	Авестийские слова со ср.-перс. объяснениями числа		
	Ka 1 'когда 1' (ед. ч.)	Ka 2 'когда 2' (дв. ч.)	Ka 3 'когда 3' (мн. ч.)
rignāy 'полнолетний' arignāy 'молодой' mart 'мужчина'	rəgənāyuš apəgənāiukō narš	rəgənāiu apəgənāiuka nara	rəgənāiunām apəgənāiukanām narō

Категория падежа в словаре специально не рассматривается. Некоторые авестийские слова приводятся в родительном падеже, другие в именительном. Предварительные наблюдения приводят

к предположению о том, что имена со значением одушевленности (включая мифологические персонажи) даются в родительном падеже.¹⁰

А.в.	Ср.-перс.	Перевод
narō yaθwām pairikāmča ¹¹	mart yatūkān parikān	мужчина волшебники пери (мн. ч.)

Неодушевленные существительные, напротив, приводятся в именительном падеже:

Ав.	Ср.-перс.	Перевод
pāsanuš hīzva aoštara	xāk huzvān lap	почва язык губы

Отношение именительного и родительного падежей, по-видимому, связано с известной перестройкой синтаксической конструкции. Мы видим, что факты данного словаря говорят о существовании не только лексикографических, но и своеобразных грамматических традиций в середине I тысячелетия н. э., в эпоху Сасанидов.

Приводим в качестве образца главу IIId:

Здесь представлены следующие слова (авестийские слова в транслитерации, среднеперсидские — в транскрипции): ainiko — āník 'лоб', igrua — rōd 'лицо', dōiθra — čašm 'глаз', pašnəm — pēš-i čašm 'веко', nājha — vēník 'нос', uzyazdāna — spär-i mayān vēník 'переносица', åntyå paråntyå — äyišn и šavišn-i vēn 'вдох—выдох', aoštra — lap 'губа', dantənō — dandān 'зуб', sparjha — hačādar-i dan-dān 'десна'.

¹⁰ Исходя из этимологических соображений, подобное предположение высказывал Готто (Gauthiot R. De l'accent d'intensité iranien. — MSL, v. 20, p. I ff.).

¹¹ Cp. vātām, suxrām, ahmākōng (cm.: Bartholomae Ch. Awestasprache und Altpersisch. — GIPh, Bd I, Abt. I. Strassburg, 1895—1901, S. 223).

Учебным пособием является дошедший до нас словарь, который получил среди ученых-иранистов название «*Frahang-i pahlavīk*», в то время как современные зороастрийцы-парсы в Индии называют его по традиции «*Mana khoda*». Такие названия, как известно, давались по первым словам текста, толковавшегося по принципам пазендейского чтения.

До нас дошло довольно много рукописей этого ценного памятника. Они не являются очень древними, хотя и продолжают весьма архаическую рукописную традицию. Самая старая дошедшая до нас рукопись является примерно современником Хафиза, многие же написаны в дни Ахмада Дониша. Копии именно этого словаря находятся в Ленинграде, в рукописи Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.¹²

Впервые «*Frahang-i pahlavīk*» был опубликован в 1771 г. Анкетиль Дюперроном.¹³ Словарь он издал не критически, точно так, как ему указал его наставник, известный ученый парс конца XVIII в. Дестур Дараб. Второе издание принадлежит Дестуру Джамшеджи Барджорджи.¹⁴ Первое критическое издание было осуществлено индийским ученым Дестуром Хошангдже Джамаспдже Аса в содружестве с немецким ученым Мартином Хаугом через 100 лет после первого издания, в 1870 г.¹⁵

Дестур Хошанг и Мартин Хауг не смогли полностью разобраться в сложном соотношении арамейских гетерограмм, пехлевийских и пазендейских транскрипций. Они полагали, что средне-персидский язык — смешанный язык, в котором даже местоимения имеют семитское происхождение. При этом они предполагали, например, что одно местоимение заимствовано из одного семитского языка, а другое местоимение из другого семитского языка. Одно иранское слово они объясняли при помощи афганских форм, а другое непонятное слово они пытались объяснить, например, при помощи белуджского языка.

Более строгий подход к тексту и анализу словаря стал возможен после того, как академик К. Г. Залеман¹⁶ в 1878 г. сделал доклад о Петербургской рукописи на международном конгрессе востоковедов в Гааге.

На основании текстов словаря, приведенных К. Г. Залеманом, а также использовав ценные рукописи, хранившиеся в семье потомственных зороастрийских ученых Унвала, и с привлечением других рукописей немецкий ученый Генрих Юнкер¹⁷ в 1912 г. издал критический текст словаря с важным теоретическим преди-

¹² См. сноски 5.

¹³ См. сноски 7.

¹⁴ *Destur Jamshedi Bargjorji*. — In: Kawasji Nushirwanji Kanga. *Khordeh Avesta*. Bombay, 1859.

¹⁵ См. сноски 8.

¹⁶ См. сноски 5.

¹⁷ *Junker H. F. J. Das Frahang-i Pahlavīk*. Heidelberg, 1912.

словием и алфавитными указателями. Алфавитный указатель был заново издан Юнкером в 1955 г.¹⁸

Сравнение разных списков этого словаря позволило Генриху Юнкеру¹⁹ восстановить чрезвычайно интересную историю среднеперсидской лексикографии — от ее возникновения, когда среднеперсидский язык был живым разговорным языком, и до наших дней, когда он стал мертвым и используется лишь как сакральный язык.

Юнкер выделил следующие этапы.

1. Древнейший этап, когда главной задачей при изучении грамоты было выучить арамейские написания для среднеперсидских слов. Юнкер предложил называть эти арамейские написания гетерограммами, а их реальное произношение, фонетическое написание — этеограммами. Соответственно в эту древнейшую эпоху словарь состоял из расклассифицированных по значению групп арамейских слов, возле каждого из которых стоял его среднеперсидский эквивалент или, как мы сказали бы сегодня, «перевод».

2. Следующий этап наступил после арабского завоевания. Зороастрйцы, сохранившие свою религию и не принявшие ислам, утратили, однако, свой язык. Те из них, которые остались в Иране, перешли на язык дари, а те, которые эмигрировали в Индию, усвоили язык гуджарати. Поэтому им было уже трудно читать среднеперсидские слова, в которых группы звуков обозначались совершенно одинаковыми буквами, а значительная часть звуков не обозначалась вообще.

Тогда к среднеперсидским словам стали дополнительно приписывать их произношение. Для этого использовали авестийский шрифт, в котором, по-видимому, обозначали не только звуки речи, но и различные оттенки звуков.

Таким образом, в эту эпоху каждая словарная статья состояла уже из трех частей: из арамейской гетерограммы, пехлевийской этеограммы и пазендской транскрипции. Нужно отметить, что тогда текст писался без абзацного выделения словарных статей и словарные статьи отделялись друг от друга особым знаком препинания в виде небольшого кружка.

3. С течением времени зороастрийцев стало меньше. Многие рукописи погибли, древняя ученость значительно сократилась. Немногие люди, сохранившие знание древнего письма, стали забывать значения слов. Это привело к дополнительному расширению словаря: во многих рукописях между строчками вписаны арабским или индийским шрифтом переводы всех слов на таджикско-персидский или гуджаратский языки. Следует отметить, что в про-

¹⁸ J u n k e r H. F. J. Das Frahang-i Pahlavīk in Zeichengemäßer anordnung, Leipzig, 1955 (Iranische Texte und Hilfsbücher hrsg. von H. F. J. Junker, N 1).

¹⁹ См. споску 7.

цессе таких сложных преобразований возникли фантастические слова, которые реально не существуют (*ghost-words*). Это получилось в результате того, что переписчики пытались при помоши пазендских транскрипций отображать произношение арамейских гетерограмм, не имея представления об арамейском языке. Эти формы проникли не только в разные пехлевийские словари, но и в такие известные памятники таджикской лексикографии, как например «Burhān-i qāte’».²⁰

Если продолжать мысль об историческом развитии текста словаря «Frahang-i pahlavik», то можно заметить, что в современной науке он как бы вступил в четвертый фазис своего существования: в настоящее время ко всем упомянутым толкованиям присоединяют перевод на один из европейских языков. Таким образом, в результате длительного и очень сложного исторического развития каждая словарная статья в настоящее время включает пять языковых форм.

Первоначально рассматриваемые словари выполняли функцию учебного пособия, которое выучивалось на память. Поэтому они не имели особенно большого объема. «Frahang-i pahlavik» содержит всего около 1300 слов, причем ученые полагают, что в ранних его вариантах было не более 1000 слов. Известно, что самые старые словари языка дари — «Luγat-i Furs» — примерно такого же объема. Для заучивания наизусть было удобно располагать слова по тематическим группам. «Frahang-i Pahlavik» содержит тридцать одну такую главу:

- I. О божествах и космических объектах;
- II. О мире;
- III. О воде;
- IV. О зерне и плодах;
- V. О еде и вине;
- VI. Об овощах и травах;
- VII. О домашних животных и об их молоке и масле;
- VIII. О птицах;
- IX. О диких зверях;
- X. О частях тела;
- XI. О разных людях;
- XII. О титулах царей;
- XIII. О различных социальных группах;
- XIV. Военная терминология и терминология коневодства;
- XV. О канцелярском деле и о награждении халатами;
- XVI. О богатстве, золоте и серебре;
- XVII. О наказаниях и тюрьмах;
- XVIII—XXIII. О глаголах;
- XXIV. О местоимениях;

²⁰ Burhān-i gāte’, ta’ līf M. H. Tabrizī muxtallas bī Burhān, Tehrān, 1963 (на перс. яз.).

- XXV. О служебных словах;
  - XXVI. О прилагательных;
  - XXVII. О временах и датах;
  - XXVIII. О днях и месяцах;
  - XXIX. О числительных;
  - XXX. О деньгах;
  - XXXI. О разных словах.

В качестве приложения к словарю обычно присоединяются различные зороастрейские молитвы.

Приводим для образца главу X:

В ней представлены такие слова (арамейские гетерограммы даны в транслитерации, их среднеперсидские толкования — транскрипции): ŠLM — drōd ‘привет’, hud’myh²¹ — tan ‘тело’, ctr²¹ čīhr ‘лицо’, BSRY — gōšt ‘мясо’, DNY — xōn ‘кровь’, ’RKT — astak ‘кость’, ’QBY — rād/y ‘нога’, rag ‘жила’, R’YŠH — sar ‘голова’, SBSB — mūd ‘волос’, Š’RH — vars ‘локон’, ’WNY — gōš ‘ухо’, GBYNH — pēšānīk ‘лоб’, ’YNH — čašm ‘глаз’, nkugr — nikās.nigāh ‘взгляд’, DHKYN — xanda ‘смех’, ’NPH — rōd/y ‘лицо’, TL — vēník ‘нос’, PWMH — dahān ‘пот’, ŠPTYN — lap ‘губа’, Š’RH — awrušt ‘усы’, KK — dandān ‘зуб’, gwby’šn²¹ — huzvān ‘язык’, ’DM’Č — āvāč ‘голос’, MLY — saxvan ‘слово, речь’, Q’L — vang ‘войль’, SLKWT — rāč ‘тайна’, ZDQ — rāst ‘правильный’, KDB — drōg ‘ложь’, HLQ — DYQ(N) — rēš ‘борода’, SWRH — grēv ‘шея’, YDH — dast ‘рука’, WSTPH — angušt ‘палец’, HD(D)Y — var ‘грудь’, GPH(gbbh) — pušt ‘спина’, ḤY — yān ‘душа’, LBBH, KRZMR — dil ‘сердце’, G/KRŠH — aškamb ‘живот’, PPL — avsang ‘колено’, B(Z’N)RK — zānūg ‘колено’, RGLH — pād/y ‘нога’.

Последняя аналитическая обработка словаря «*Frahāng-i Pahlavīk*» принадлежит перу персидского ученого Джавада Маш-

²¹ Ложные гетерограммы (в самом же деле — исконно иранские слова).

кура.²² На основании исследования словаря Машкур написал книгу, состоящую из следующих разделов:

I. Введение;

II. Текст «*Frahang-i Pahlavīk*» (по изданию Юнкера);

III. Словарь пехлевийских гетерограмм (на основе «*Frahang-i Pahlavīk*» в алфавитном порядке);

IV. Гетерограммы, не учтенные в «*Frahang-i Pahlavīk*»;

V. Парфянские и среднеперсидские гетерограммы из надписи Пайкули по изданию Герффельда;²³

VI. Гетерограммы глаголов и служебных слов по списку Залемана;²⁴

VII. Общий список всех гетерограмм с английским переводом;

VIII. Указатели.²⁵

Сохранились также фрагменты среднеперсидско-согдийского словаря (VI—VII в.).

Как отмечалось выше, значительная часть среднеперсидских памятников написана манихейским шрифтом.²⁶ В их числе до нас дошли фрагменты среднеперсидско-согдийских словарей, исследованные и опубликованные выдающимся иранистом Хенингом.²⁷ Каждый фрагмент приводится им в транслитерации; вслед за фрагментами дается их толкование и ценный этимологический комментарий. Приведем для примера фрагмент «а»: 1. /bcurm — cmbt'ryh ‘струна’; 2. ’xšwzyhyst — wš'tk'm β(w)/t/ ‘страстно желающий’; 3. ’mwrzyynd — prm'ndy kwn'nd ‘проявляют милосердие’; 4. ’n'byš ○ pw ðþys ‘не проявляющий вражды’; 4a. ’myzyš(n) /○/ wryð'h ‘вам надлежит смешать’; 5. ’ndwcyhyynd — ðþxstyyw t 'собранные’; 6. ’n'mwrz'yd — pw prm”n ‘ тот, к кому не проявлено милосердие’; 7. ’bzyn ○○ šwmyu ‘шить’; 7a. ’nmyuu o pw'rtyyy ‘вы отворачиваетесь’; 8. ’bzynynd ○ šwm'nd ‘шью’; 8a. ’bwg ○ pn'nc ‘ко-жена’; 9. ’wp'y bwynd — prywj'ndt ‘они победоносны’; 10. ’m'xšyst — m'msw' [я] пахал’; 11. (')bnd ○ ”yþtuyy ‘необуздан-

²² *Frahang-i Huzvariš, ta'lif M. J. Maškūr. Tehrān, 1968* (на перс. яз.).

²³ Herzfeld E. Paikuli. Monument and inscriptions of the early history of the Sasanian Empire, vol. I—II. Berlin, 1924.

²⁴ См. сноска 5.

²⁵ Для таджикских студентов учебное издание списка гетерограмм на основе «*Frahang-i Pahlavīk*» было осуществлено в 1969 г. Р. Х. Додыхудоевым. См.: Лугати ҳетерограммаҳои паҳлавӣ. Душанбе, 1969. — Новое критическое издание «*Frahang-i Pahlavīk*» было подготовлено скончавшимся в 1974 г. крупнейшим иранистом Ниубергом. Его готовят к печати ученики Ниуберга Б. Утас и Ю. Юзефсун. См.: Rossia A. V. Linguistica Medioperiana 1966—1973. Napoli, 1975, S. 76.

²⁶ Мани (216—284 гг.) писал свои произведения на одном из диалектов среднеперсидского языка и составил свой алфавит на основе арамейского: язык этих рукописей — манихейская литературная форма среднеперсидского языка.

²⁷ Henning W. B. Sogdica. London, 1940, c. 12—58 (Idem in: Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes fondée à l'occasion du 2500e anniversaire de la fondation de l'empire perse par Cyrus le Grand, vol. 15. Téhéran—Liège, 1977, p. 17—22).

ный, извращенный'; 11а. 'wst ○ pcpry_h 'твёрдый, укрепленный'; 12. ('') // zyyq'm — ''zyh гују 'жадный, похотливый'; 13. 'bwd 'stbr — stmb tk(wš) // 'казаться суровым'; 14. ('m')dg ○ /β/(r)tw_γ 'готовый'; 14а. 'gyrd ○○ n'fršt 'невозделанный'; 15. 'b(уг)nz ○ rw_γm (b)/n/ 'безмятежный'; 15а. 'bryšwm ○○ pw_γ 'шёлк'; 16. '(mwr)d'd hrwd'd — hrwwt mrwwt 'Амурдат и Хурдат (персонажи зороастриского пантеона)'; 17. ''whryd ○ fruyd_h 'совершать покаяние'; 17а. ''уп ○○ p'nwdyh 'обычай'; 18. ''ps'ngy_h_l — pr w_β'stgy_h 'повествовательно'; 19. 'g'ruyhyyd — pw 'rq_βwt 'он бездеятелен'; 20. 'ndwxnyndr — tr_γtry_h 'более печальный'; 21. ('')uwxšyst'n — šxt_hγwš_l 'металл'; 22. 'wb(x)t ○ n(w)y_βynd '(вы) распределили'; 22а. 'mwrg ○○ fðys 'образ, знак';?; 23. 'γr'wyft // — 'xsnq'wy_h 'великолепие'; 24. 'frym' m ○ 'frym_h 'я молю'; 24а. 'ng'zyd ○○ py'ff 'он украшает'.

П р и м е ч а н и е . В таких фрагментах номера проставлены издателем, относятся к строкам и имеют вспомогательное значение. Глоссы — «словарные статьи» располагаются в два столбца; среднеперсидское слово и согдийский перевод отделены значком ○ или ○○. Из словарных фрагментов видно, что расположение глосс было алфавитным. Необходимо отметить, что согдийские слова в рассматриваемых фрагментах в ряде случаев объясняются не при помощи среднеперсидских, а при помощи парфянских слов.

Среднеперсидская лексикография несомненно оказала влияние на дальнейшую судьбу словарной работы в Иране. Одним из ранних памятников персидской мусульманской лексикографии являются «постатейные» словари в ранних тафсирах — комментированных переводах Корана. Примером таких тафсиров является «Лисāн ут-танзīل» («Язык передачи»), составленный в XII в. н. э. или ранее.²⁸

В качестве образца приводится лексикографический комментарий к одному из стихов первой суры.

ал-хамд — sutūdan wa sitāyiš 'восхвалять и восхваление';
 ли-л-лахи — mar xudāy rā 'господу';
 рабба-л-'аламайн — parwardigārī 'alamain wa xudāwandi jahānīyān 'повелителю миров';
 ийака на'буду — mar tu rā mēparastēm u bas 'тебе поклоняемся';
 ал-'ибādat — parastīdan 'поклоняться';
 ва ийака настā'йн — wa az tū, yārī mēxwāhēm u bas 'и у тебя просим помощи';
 ал-истī'ānat — yārī xwāstan 'просить помощи'.

Приведенный фрагмент показывает такие специфические лексикографические приемы, как постепенный перевод — сперва словосочетания, затем его компонентов; перевод одного словосочетания парным синонимическим словосочетанием; перевод арабского масдара синонимической парой из персидского инфинитива и персидского отглагольного имени; приведение масдара с переводом в пояснение личной глагольной формы. Эти приемы свиде-

²⁸ Lisān ut-tanzīl, ed. Mahdi Muhaqqiq. Tehrān, 1965 (Maǰmu'ayi 'mu-tūni fārsī, Šumārayi 22).

тельствуют о значительном развитии лексикографической техники по сравнению со словарями среднеперсидской эпохи.

В недрах мусульманского, преимущественно шиитского, богословия протекала своеобразная творческая работа, требовавшая серьезных лингвистических способностей, знания языков, переводческих навыков. Как они формировались, показывают тафсиры другой категории — те, которые содержали перевод стихов Корана и различные теологические комментарии, но не словари. Такие тафсиры очень многочисленны; интересно и поучительно сопоставлять перевод одного и того же коранического стиха в тафсирах, относящихся к разным векам, например: *har ki būd ki pindārad ki yārī nakunad xudāy o-rā ya'ne Muhammad-rā* (перевод арабского тафсира Табари, осуществленный в XIII в.); *har ki gumān barad ki xudāyi ta'ālā nusrat nakunad rauyambar-i xvēš-rā* (тафсир XIII в., хранящийся в Кембридже, в Великобритании); *har ki bāšad ki gumān barad ān ki nusrat nadīhad xudāy rauyambar-i xvad-rā* (тафсир XV в., составленный Камалиддином Хусайном Кашифи); *har kas ki gumān mēbarad . . . ki haq ta'ālā rauyambar-āš Muhammad-rā nusrat naxvāhad kard* (тафсир XVII в., составленный Мухаммадом Маасумом Астарабадий) «. . . всякий кто думает, что Аллах не возлюбит пророка своего. . .» (15-й стих 22-й суры Корана).

Рассчитанные на активную религиозную «пропаганду», тафсиры были особенно близки к живому языку и являются неисчерпаемым источником по истории языка как в области лексики (ср. выше *pindārad* // *gumān barad*), так и в области грамматики (. . . *nakunad* // *naxvāhad kard* . . .).²⁹

Как указывалось, от своеобразной сасанидской цивилизации сохранились лишь практические лингвистические труды, хотя знакомство с греческой и индийской философской мыслью должно было привести и к размышлению об онтологической и гносеологической природе языка. Косвенным свидетельством является небывалый расцвет разысканий в этой области, наступивший после утверждения ислама, расцвет, который явно был бы невозможен на пустом месте. Блестящими представителями философии языка этого периода — начала нашего тысячелетия — были уроженец Мавераннахра энциклопедист Аль-Фараби и великий персидский философ Ал-Газзали. Их философско-лингвистические концепции представляют мост от античной мысли к современным теориям языка.

Средневековую мусульманскую схоластику характеризует богатство лингвистических идей. В самом конце первого тысячелетия нашей эры в этом русле работали крупнейшие мыслители Ирана и Мавераннахра, писавшие, естественно, на языке науки

²⁹ Подробные сведения о тафсирах см.: Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Перевел с английского, переработал и дополнил Ю. Э. Брегель, т. I. М., 1967, с. 8—208; т. III, М., 1977, с. 1328—1369.

своего времени — на арабском языке. Греческая философия и грамматика явились теоретической канвой, на основе которой анализировались данные арабского языка. Но арабские формы и парадигмы не втискивались в категории и разряды греческой системы; возникавшие противоречия вели к приспособлению и совершенствованию «метаязыка», а что особенно существенно, к теоретическому осмыслению классификационных параметров, к попыткам определения семантических инвариантов, а также к построению знаковой модели языка.

Выдающимся и оригинальным интерпретатором античной грамматической мысли был Ал-Фараби.³⁰ Своеобразие его научных взглядов, во-первых, в том, что он опирается не столько на эллинистическую традицию, сколько непосредственно на учение Аристотеля; во-вторых — в глубоком толковании выделяемых категорий с точки зрения их содержания

Известно, что в арабской грамматике была воспринята аристотелевская триада:

Др.-гр. ὄνομα	сир. šmā	араб.	ism	'имя'
Др.-гр. βῆμα	сир. mēmrā	араб.	грам. fi'l	'глагол'
Др.-гр. σύνδεσμος	сир. essārā	араб. грам. harf араб. рит. ribāt		'частицы'

В то время как традиционно эта классификация проводилась чисто логически, Ал-Фараби выясняет положительное значение каждой «части речи».

При этом важнейшим, хотя и не определенным логическим инструментом его становится значение возможности, потенциальности. Рассуждая об имени, Ал-Фараби характеризует его значение как могущее быть абстрактным или конкретным, единичным или общим.

Чрезвычайно интересно указание на то, что наряду с прошедшим временем, настоящим временем, будущим временем особо нужно выделить категорию, выражаемую арабским наречием

³⁰ M e r g x A. Historia artis grammaticae apud Syros (AKM, IX, 2, Lpz., 1889); R o s e n t h a l F. Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldke's Veröffentlichungen. Nachdruck, Leiden, 1964; R o b i n s R. H. Ancient and mediaeval grammatical Theory in Europe. London, 1951; R u b e n s D u v a l. Traité de Grammaire Syriaque. Paris, 1881; S t e i n t h a l H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. Berlin, 1891; L e r s c h L. Die Sprachphilosophie der Alten. Bonn, 1838—1840; T k a t s c h S. Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles (von Abu Bisr Matta bn. Yunus, t. 360/970), Wien, 1928—1932; D e r e n b o u r g H. Le Livre de Sibawaihi. Paris, 1881; J a h n G. Sibawaihi's Buch über die Grammatik. Berlin, 1895—1900; S i l v e s t r e d e S a c y. Anthologie Grammaticale Arabe. Paris, 1829; B r o c h I. P. Al-Mufassal . . . auctore . . . Zamahsario. Christianiae, 1869; A l - F a r a b i. Kitāb al-alfār al-muṣta'mala fi l-mantiq. Ed. M u s h i n M a h d i (Alfarabi's Utterances employed in Logic). Beirut, 1968; P r a n t l C. Geschichte des Logic in Abendlande. Lpz., 1855.

al-āna ‘сейчас’. Такое, кажущееся весьма непоследовательным вовлечение наречия в изложение своей концепции о глаголе можно объяснить лишь тем, что арабский язык не был родным языком ученого; здесь как бы намек на сопоставительный метод. Выделение значения «определенного настоящего времени» может быть понято как косвенное указание на существование соответствующих грамматических форм в языке дари (и в тюркском) того времени. Таким образом восполняется лакуна: в среднеиранских языках данное значение засвидетельствовано (оно выражается производными от stā- в аналитических формах — ср.-перс. estādan, хот.-сак. stam); в современном таджикском (с *истодан*) и персидском (с dāštan) оно тоже известно; в классическом же дари, хронологическом посреднике между упомянутыми языками, формы с данным значением не выявлены вследствие трудностей анализа глагольных форм. Указание Ал-Фараби говорит о необходимости интенсивных поисков соответствующих форм.

Особенно ценно учение Ал-Фараби о частицах. В отличие от греческой грамматики, где частицы рассматривались как не имеющие значения (ἀστηρος), он исключительно глубоко и содержательно толкует их как указывающие на значение, внося в систему рассуждений понятие направления, вектора. В то время как Абу Бишр Матта еще характеризовал частицы как ḡair mad-lul, Ал-Фараби квалифицирует их как . . . dāllatān ‘alā ma’ānin ‘указующие на значение’.

Несколько позже это положение было конкретизировано им: . . . dālla ‘alā ma’ānan fi ḡairihī ‘указывает на значение вне его’; это предвосхищает чтение Р. О. Якобсона о шифтерах

Чрезвычайно детально Ал-Фараби разработал двухступенчатую классификацию частиц. Первый уровень деления в основном восходит к античному:

др.-гр.	ἀγνῶνυμία	сир.	ḥlāp šmā (позже — ḡamir)	араб.	ḥawālīf
др.-гр.	ἄρθρον			араб.	wāṣilāt
др.-гр.	πρόθεσις	сир.	qaddimāt syāmā	араб.	wāṣitāt
др.-гр.	ἐπίρρημα	сир.	‘al(mēm rā) am meltā	араб.	ḥawāši
др.-гр.	σύνδεσμος	сир.	essārā	араб.	rawābiṭ

Разделение «частиц» на приведенные разряды производится на основе того, относятся ли они к имени или же определяют состояние (ḥal) всего высказывания (qawl — Λόγος). Под местоимением понимаются морфемы (sic! слова, суффиксы, флексии), замещающие имя; «wāṣilāt» следует понимать отнюдь не как артикль, а как детерминант, логический квантор, уточняющий имя, определяющий имя относительно другого значения; сюда относятся артикли, указательные и определительные местоимения; предлоги связывают имена; наречия логически определяют все высказывание, характеризуя его истинность, ложность, модальность и другие аспекты, связанные с логическими и философскими категориями; частицы в узком смысле отчасти напоминают союзы

и сообщают о типе логической связи нескольких высказываний. Иначе говоря, имя и высказывание могут либо быть замещены, либо пояснены посредством отнесения к другому имени или высказыванию, либо входить в сложную единицу путем соединения с себе подобным; речь идет о деиксисе, анафоре и соединении.

Функция			
	замещение	пояснение (т. е. частичное замещение)	связь (соединение)
Имя		wāsilat	wāsitāt
Высказывание	xawālif	hawāši	rawabit

Большой детальностью отличается классификация наречий, среди которых Аль-Фараби выделил тринацать разрядов. Они в какой-то степени могут рассматриваться как рефлексы аристотелевских философских категорий. Им выделены следующие разновидности:

- отмечающие истинность (*innīya*) существования (*wuğūd*), сущности (*dāt*) или субстанции (*gauhar*); ср. др.-гр. ἀπόδειξις;
- отмечающие ложность; ср. др.-гр. ἀπόφασις;
- содержащие подтверждение (например, па'ам 'да'); ср. др.-гр. *κατάφασις*;
- указывающие на сомнение; ср. др.-гр. διάλεξις;
- отмечающие вероятность; ср. др.-гр. δονατόν;
- характеризующие в отношении меры или количества (*kamīya*); ср. др.-гр. ποσόν;
- характеризующие в отношении времени; ср. др.-гр. ποτέ;
- характеризующие в отношении места; ср. др.-гр. ποῦ;
- характеризующие существование вообще (*tauğūd*);
- характеризующие сущность; отличие их от предшествующего класса в том, что наречия существования соотносятся с общим вопросом (например, *hal*), а наречия сущности с вопросом об имени (например, *mā*); этот разряд называется *māhiya* (ср. др.-гр. οὐσία, лат. *quidditas*);
- определяющие форму (*śīga*) или облик (*hai'a*) и отвечающие на вопрос «как?» (*kaifa*); они подразделяются далее на характеризующие сущность (*kaifiyāt dātiya* или *kaifiyāt gauhariya*) и на характеризующие «акциденцию» (*kaifiyat'aradīya* или *kaifiyat'gair dātiya*); и это различие осталось продуктивным до наших дней и лежит, например, в основе учения Бенвениста об индоевропейских суффиксах *-ti и *-tu, хотя в современную лингвистику оно проникло не через традиции мусульманской, а европейской сколастики; ср. др.-гр. πνέον;
- определяющие отличия: здесь в качестве аналогии можно привести значение и.-е. суффикса -tero-; ср. др.-гр. πρός τι, πρός έτερον;

- указывающие на причину (*sabab*); ср. др.-гр. *ἀιτία*.
- Частицы-союзы «*rawabit*» делятся на восемь классов:
  - соединяющие высказывания, каждое из которых отличается чем-то особенным; разделительные союзы;
  - соединяющие возможное условие и следствие из него (... *šara'it* ...);
  - соединяющие наличествующее условие и следствие (... *harf* *mufammin* *ğazman* ...);
  - соединяющие два высказывания, каждое из которых обуславливает отличие другого от самого себя (... *ribat* *mufassil* ...);
  - соединяющие с уступительным значением, т. е. с нарушением условия (... *ħurūf al-istiħnā*);
  - соединяющие высказывания, в которых одно указывает на цель;
  - соединяющие высказывания, из которых одно указывает на причину;
  - соединяющие высказывания, из которых одно выражает следствие.

Эта логическая классификация восходит в основном, как предполагается, к концепциям Аристотеля и Теофраста.

Все рассмотренные единицы (*ağzā'* *al-aqāwīl*=μέρη λόγου «части речи» в расширенном понимании, служат для образования языкового знака, высказывания (*qawl*: λόγος), чисто грамматически рассматриваемого как предложение (*kalam*), состоящее из слов (*kalimat*); термин *kalimat*, однако, двузначен, так как в логике он обозначает предикат.

Более глубокий анализ языкового знака, сопоставимый с выкладками семиотической теории, принадлежит крупнейшему учёному и просветителю XI в. Ал-Газзали,³¹ писавшему как на арабском языке, так и на классическом дари. Его концепция, весьма современная во многом, сводится к следующим положениям.

С точки зрения отношения языка ко всему внеязыковому выделяются три уровня или три «слоя» действительности.

1. Реальная или объективная действительность (*al-wuġūd*).
2. Научная или гносеологическая действительность (*al-wuġūd al-‘ilmī*).
3. Языковая действительность (*al-wuġūd fi l-lisān*).

Закономерности связи языковой действительности («действительности в языке») с другими уровнями действительности

³¹ G ä t j e H. Logisch-semasiologische Theorien bei Al-Gazzali. — Arabicica, t. 21, f. 2, Leiden, 1974, p. 151–182; Die Gliederung der sprachlichen Zeichen nach al-Farabi. — Der Islam, 1971, Bd 47, S. 1 ff; Palacio M. A s i n. El justo medio en la Creencia, compendio de teología dogmática de Algazel. Madrid, 1929; G a r d e t L. al-Asma' al husna. — EI, Bd I, Leiden—London, 1960, p. 717; V a g l i e r i L. Vecchia e Rubinacci R. Scritti scelti di al-Ghazali. Torino, 1970; A b u Ḥ a m i d a l - G a z a l i. 1) Al-Maqṣad al-asna fi sarḥ ma'am asma' Allah al-husna. — Ed. F. A. Shehadi. Beyroth, 1971; 2) Kitab al-alfaz al-musta'malah fi al-Mantiq. Ed. M. Mahdi. Beirut, 1968.

вительности зависят от тех основных черт и особенностей, которые характеризуют каждый уровень относительно языкового. Устройство каждого из уровней определяется свойственными именно для него компонентами (*aşyā'*).

В реальной действительности выделяются три вида компонентов.

1. Предметы (*a'yān*), предстающие в качестве конкретно-индивидуальных сущностей и обладающие пространственно-временной определенностью.

2. Свойства (*şifāt*), присущие предметам; они вполне независимы и самостоятельны, но их основное качество — «присущность».

3. Отношения (*iḍāfāt*), подобные свойствам по признаку «присущности» и вместе с тем подобные предметам по своей конкретной индивидуальности.

Признавая онтологическую первичность (*aşlı*) и истинность (*haqīqī*) этих компонентов, Ал-Газзали ближе к приемлемой для современного лингвистического анализа позиции, чем те ученые, которые различали лишь самостоятельные сущности (*taħall*) и несамостоятельные «присущности» (*'araḍ*). Он как бы стоит на полпути к такой точке зрения, согласно которой выделение функций и функционирования зависит от глубины анализа, от степени проникновения в сущность вещей.

Для языковой действительности важнейшим качеством компонентов реальной действительности является их познаваемость, их свойство становиться объектами для познания (*ma'lūm*).

В гносеологической действительности выделяются единицы двух видов: понятия или представления (*taṣawwur*) и суждения, могущие быть положительными (*taṣdīq*) или отрицательными (*takdīb*). Природа этих единиц сложна.

Понятие-представление состоит в следующих отношениях с компонентом реальной действительности. Оно не исчерпывает его, оставляет его истинную природу (*haqīqa*) неопределенной (*mubham*). Отношение рассматриваемого компонента гносеологической действительности к соответствующему компоненту реальной действительности может быть двояким.

1. Он может быть — видимо, в какой-то степени — равен ему (*tiwāzī*).

2. Он может быть сходен с ним — *muhākī*.

В целом речь идет об отношении отражения (*miṭāl*): облик (*şūrat*) компонента реальной действительности отражается (*inṭaba'a*), достигая воображения (*ḥayāl*).

Так же как рассмотренный компонент гносеологической действительности не вполне идентичен терминам современной науки — понятию и представлению, так и второй компонент, который условно можно назвать суждением, не совпадает с суждением в его современном понимании, а покрывает, если исходить из языко-

вых реалий, как атрибутивные, так и предикативные отношения. Этот компонент состоит из трех частей.

Первая часть — поясняемое, определяемое, субъект, «ядро» (*mawṣūf*).

Вторая часть — «адъюнкт», или предикат, или определение, или поясняющее — *ṣifa*; дальнейшая дихотомия ведет к отделению внутренне присущего, постоянного, «сущностного», существенного свойства (*ṣifat al-dāt* или *ṣifat al-nafs*) от свойства, проявляющегося в деятельности (*ṣifat al-fi'l*). Это напоминает рассматривавшиеся выше разновидности *kaifiyāt*.

Понятия поясняемого и поясняющего обозначаются различными терминами:

а) *maṣūf* ~ *musnad ilaihi* ~ *muḥbar 'anhu*;

б) *ṣifa* ~ *ḥunar* (ср. др.-гр. *κατηγορούμενον*).

Третья часть — связка, отношение.

Данные три части — отражения трех видов компонентов реальной действительности. Ал-Газзали, естественно, не рассматривает возможность того, что три вида компонентов реальной действительности являются проекцией структуры суждения. Здесь — проявление аристотелевского метода переноса устройства языка на анализ объективной действительности, присутствующего независимо и в древнеиндийской философии и логике.

Ал-Газзали дает следующую классификацию отношений.

а. Отношения полного совпадения (*huwiyya*) или полного несовпадения (*gāyriyya*).

б. Отношения частичного совпадения, т. е. включения признаков (*tadāḥul*).

в. Отношение наиболее отдаленной близости (*ab'adu l-wuğūh*), понимаемое как отношение двух независимых признаков одного и того же объекта.

В языковой действительности различаются звуковая стихия (*wuğūd al-lafzī*) и значение (*ma'nā*). В «звуковой стихии» функционируют звуковые комплексы (*alfāz*), которые, видимо, соотносятся со значением, и отдельные звуки (*aşwāt*), имеющие соответствия в буквах. Значение близко к содержанию понятия и к тому в самом компоненте реальной действительности, что познаемо и может также быть передано в языке.

Применительно к таким представлениям о трех «слоях» действительности объясняется устройство языкового знака (*waṣf*). В нем четко различаются три аспекта.

I. Имя в широком смысле или знак в узком смысле (*ism*), языковая единица, обозначающая что-либо и дуальная сама по себе («звучание»+«значение»). Оно устанавливается (*wada'a*) лицом, человеком, «обозначателем» (*musammī*). То, что обозначено, именуется «установленным» (*mawḍū' lahū*) или «обозначенным» (*madbūl 'alayhi*).

II. Обозначение или наименование (*tasmīya*), понимаемое как акт, производимый «обозначателем», тем, кто

употребляет знак. Оно имеет две разновидности: во-первых, первичное наименование, установление или образование имени, обозначение чего-то при помощи некоторого имени; во-вторых, повторное употребление, использование однажды установленного имени. Иначе говоря, речь идет, с одной стороны, о введении имени, знака — в язык; с другой стороны, об употреблении его в речи, в конкретном высказывании (*aqawīl*).

III. Обозначаемое, называемое (*musammā*), соотносящееся с компонентом реальной действительности и с понятием (*mafhūm*) на уровне гносеологической действительности.

Каждый из «слоев» действительности по своему строю во многом своеобразен, три рассмотренных «слоя» отнюдь не изоморфны. В языковой действительности, например, среди единиц выделяются такие, которые не имеют самостоятельного значения, а как бы указывают на значение другой, самостоятельной единицы. Так разделяются служебные, грамматические единицы (*harf*) и самостоятельные, «лексические» (*ta' nā fī nafsihi*). Самостоятельность и относительная независимость уровней действительности является причиной многозначности, причиной того, что содержательная часть знака, пока она не употреблена в речи, обладает значительной неопределенностью (*mabham*). Эта неопределенность и общий характер (*ta'mīm*) языкового значения находятся в противоречии с точной структурой (*wad'*) языка. Поэтому при каждом употреблении, в зависимости от контекста, происходит актуализация значения (*ta'yīn*).

Хотя «слои» действительности и компоненты языкового знака независимы и самостоятельны, между ними существуют связи, обусловленные отнесенностью к одному и тому же определенному компоненту реальной действительности. В пределах этих связей «функции» либо просто соотносятся (*taṭābaqa*), либо даже обнаруживают сходство (*tawaza*).

Приведенные лингвистические материалы из тафсиров и теории Ал-Фараби и Ал-Газали, конечно, не исчерпывают всего богатства средневековой иранской лингвистической мысли: такое существенное для откровения явление как язык не могло не привлекать мыслителей самых различных толков — философов и врачей, суфиев и исмаилитов. Достаточно сослаться на фонетические выкладки Авиценны, прекрасно изданные и истолкованные В. Г. Ахвlediani.³²

---

³² Ахвlediani В. Г. Фонетический трактат Авиценны. Тбилиси, 1966.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПЕРСИДСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Развитие лингвистической мысли в средневековом Иране шло главным образом по линии составления толковых словарей. Лексикография составляла одну из важных областей персоязычной письменной культуры средневековья. Толковые словари персидского языка — фарханги — стали составляться с IX в., т. е. одновременно с развитием литературы на новоперсидском языке. Грамматики персидского языка в Иране появились значительно позже, с XVIII в., причем первые опыты грамматического осмысливания языка возникли в XIV в. именно в связи со словарной работой — в виде кратких лексико-грамматических очерков, являвшихся частью авторских предисловий к словарю.

Словарная работа имела несколько основных направлений. Это — составление толковых словарей персидского языка; двуязычных словарей; толковых словарей к отдельным литературным произведениям или к отдельным авторам; терминологических словарей.

Толковые словари персидского языка — фарханги — играли значительную роль в культурной жизни персоязычных народов. Наука располагает сведениями, что толковых словарей персидского языка было создано более двухсот. Столь большое число лексикографических сочинений, создаваемых из века в век, само по себе свидетельствует о большом спросе и широкой распространенности этого рода научной литературы. До нашего времени дошло сравнительно большое количество рукописей персидских фархангов, коллекции их в крупных хранилищах мира насчитывают десятки манускриптов, — все это говорит о широком бытovanии этого ряда рукописных книг как в территориальном, так и в социальном отношении.

Чем определялся этот спрос?

Богатейшая письменная культура иранского средневековья в значительной своей части состояла из текстов стихотворных. Поэтические формы письменной речи были присущи не только художественной литературе, но и науке, дидактике, богословию. Широко распространенный усложненный стиль, цветистость и метафоричность стихотворного языка, особый полисемантизм персидского языка обусловили развитие пособий для чтения и по-

нимания поэтических текстов. Влияние арабского языка при формировании новоперсидского языка проявилось, в частности, в гипертроированном развитии синонимии. Некоторые иранские ученые высказывают мнение, что по существу персидский язык обладает двумя словарными составами — арабским и персидским.

Но в не меньшей степени на развитии синонимии сказался тот исторический факт, что персидская поэзия, бурно развивавшаяся в X—XII вв. одновременно на огромной территории, где стал господствующим персидский язык, неизбежно испытывала более или менее сильное влияние местных диалектов и территориальных особенностей лексики. Кроме того, произведения ранних классиков персидской поэзии, прежде всего «Шах-наме» Фирдауси, в последующие века требовали пособий для ясного и полного понимания тех лексических элементов, которые к этому времени вышли из общего употребления, иногда вместе с реалиями и понятиями, которые они обозначали, но часто просто уступив место новым наименованиям.

Персидская лексикографическая литература, дошедшая до нашего времени в большом количестве памятников, предоставляет исследователю редкую возможность продемонстрировать последовательно совершенствование методов словарной работы на протяжении тысячелетия.

Самым ранним памятником персидской лексикографии, сохранившимся до наших дней, является «Лугат-и фурс» («Словарь персидского языка»), составленный в Азербайджане приблизительно в 457/1065 г. поэтом Асади Туси.¹ Однако персидская лексикографическая традиция уходит своими корнями в более отдаленные времена.

Источники зафиксировали существование нескольких персидских фархангов, составленных ранее «Лугат-и фурс». Наиболее ранний из них по времени — «Фарханг-и Абу Хафс Согди» («Словарь Абу Хафса Согди»), относящийся к концу IX—началу X в. Сведений об авторе этого словаря мало. Известно, что он умер в 300/912 г., был известным в свое время музыкантом и теоретиком музыки, автором двух трактатов по музыке. Лексикографы Ирана и Индии вплоть до XVII в. ссылались на этот словарь как на один из источников и вводили в свои труды цитаты из него.

Еще более ранние достоверные свидетельства зафиксировали факт существования другого утраченного персидского толкового словаря, составленного в Азербайджане, по-видимому, между 1046 и 1064 гг. известным поэтом Катраном (ум. 465/1072—1073 г.).

¹ Об этом словаре см.: Капринов В. А. «Лугат-и фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии. Душанбе, 1964.

Этот словарь был, вероятно, очень невелик (согласно одному из источников, он включал около трехсот слов), однако он также находил отражение в трудах последующих лексикографов вплоть до XVII в.

Отдельные средневековые источники сообщают данные, что выступили составителями словарей два крупных поэта: основоположник персидско-таджикской литературы Рудаки (ум. 329/940—41), словарь его назывался «Тадж ал-масадир фи-л-лугат-и фурс» («Венец инфинитивов в персидском языке»), и другой ранний классик новоперсидской литературы — Фаррухи (ум. 429/1037—38 г.), создавший фарханг под названием «Навадир ал-лугат» («Редкости слов»). Следует заметить, что опыт составления словарей на материале иранских языков, накопленный к XI в., был более продолжительным и широким: сохранились два письменных памятника еще от доисламского времени, представляющие собой глоссарии, — авестийско-среднеперсидский словарь, получивший название соответственно первому разъясняемому слову «Фраханг-и оим-евак», и арамейско-среднеперсидский словарь «Фраханг-и пахлавик». Создание их специалисты относят к позднесасанидской эпохе, к VI—VII вв.²

Однако именно «Лугат-и фурс» Асади Туси, сохранившийся в ряде рукописей, следует считать тем трудом, который по существу заложил прочные основы словарной работы на материале новоперсидского языка.

Асади Туси ввел следующие основные принципы составления толкового словаря персидского языка: разделение лексического материала на главы; алфавитный принцип, определяющий как выделение глав, так и порядок их следования; иллюстрирование толкования документированными стихотворными примерами. Автор «Лугат-и фурс» был, по-видимому, первым персидским лексикографом, расположившим толкуемые слова по единому — алфавитному принципу; при построении словаря Асади Туси взял за основу последнюю букву толкуемых слов.

В истории персидской лексикографии мы можем выделить следующие основные периоды. Традиции составления толковых словарей персидского языка были заложены указанными выше памятниками и успешно развивались до XIV в. в основном в Иране и Средней Азии. От этих веков дошло до нашего времени всего три персидских лексикографических сочинения: «Лугат-и фурс», «Сихах ал-фурс» («Правильность персидского языка», XIV в.) и «Мийяр-и Джамали» («Джамалов эталон», XIV в.).

Начиная с XIV в. вплоть до XIX в. центром персидской лексикографии становится Индия. Персидский язык стал широко распространяться в Индии с первых лет XI в., т. е. со времени завоевательных походов в Индию Махмуда Газневида, создавшего в XI в. обширное государство, включившее в себя Иран,

² О них см. предыдущую главу настоящего тома.

Среднюю Азию, Афганистан и значительные территории Северной Индии. С XIII—XIV вв. в Делийском султанате и отдельных княжествах персидский язык становится официальным литературным языком. Он получил еще большее распространение в Индии с XVI в., со времени походов Бабура. Персидский язык в это время становится языком канцелярского делопроизводства, языком придворной историографии и поэзии. При дворах возникли и развивались крупные литературные центры, здесь творили такие известные классики персидской поэзии, как Масуд-и Сад-и Салман и Амир Хосров Дихлави. Раннеклассическая поэзия на персидском языке также получила широкое бытование в Индии. Все это стимулировало развитие персидской лексикографии. В развитии персидской лексикографии в Индии можно выделить три основных этапа: XIV—XV вв. — появление первых персидских фархангов, XV—XVII вв. — период бурного и интенсивного развития; XVIII—XIX вв. — продолжение традиции.

Как же развивались структурные принципы построения персидского фарханга?

Построение словаря по последней букве толкуемого слова, введенное Асади Туси, было основным принципом расположения лексического материала для персидских толковых словарей раннего периода, т. е. в XI — начале XIV в. Этот структурный принцип находился в прямой связи с прямым назначением раннего фарханга — быть словарем-справочником для чтения поэтических произведений. Составляемые, как правило, поэтами и предназначаемые для поэтов, фарханги, построенные на лексике поэтических произведений, воспроизводили структурный принцип диванов — сборников стихов, где стихотворения внутри разделов следовали в алфавитном порядке конечных букв рифм.

Точно повторили структуру «Лугат-и фурс» (21 глава, выделенная соответственно последней букве толкуемого слова) ранний фарханг «Мийтар-и Джамали» (XIV в.) и, несколько позже, «Даниш-наме-йи Кадар-хан» («Книга знаний Кадар-хана», XV в.). Но уже один из первых фархангов, следующих за «Лугат-и фурс», а именно словарь «Сихах ал-фурс», составленный в 728/1327 г. Мухаммадом Хиндушахом Нахчивани, ввел в лексикографическую практику более совершенный структурный принцип: главы, выделенные по последней букве толкуемых слов, подразделены на разделы соответственно первой букве толкуемых слов. Мухаммад Хиндушах упорядочил расположение «вокабул» и внутри разделов: они следуют в алфавитном порядке вторых и третьих букв.

Принцип построения фарханга по последней букве, образующей главы (*баб*), разбитые на разделы (*фасл*) по признаку первых букв, напел, однако, продолжение только в отдельных лексикографических трудах. Это фарханг XVII в. «Фараид ал-фаваид» и еще несколько словарей к отдельным литературным произведениям.

С середины XIV в. этот принцип прочно сменяется новым: персидские лексикографы строят словник, руководствуясь первой буквой толкуемых слов; внутри глав вокабулы следуют по разделам в алфавитном порядке последних букв. Введение этого принципа правомерно, по-видимому, связать со словарем «Дастур ал-афазил» («Руководство ученых») и близким к нему по времени словарем «Зафангуйя ва Джакханпуйя» («Словарь говорящий и мир изучающий»). Все последующие лексикографы следовали неуклонно этому новому порядку. Для персидских фархангов XV—XVI вв., тем более последующих веков, характерен рост объема толкуемой лексики. Так, если в «Лугат-и фурс» толковалось приблизительно 1700 слов, в «Мийяр-и Джамали» — 1600 слов, то в словаре XVI в. «Тухфат ас-саадат» («Подарок на счастье») уже около 14 000 толкуемых слов. Показательно также значительное расширение состава этой лексики — включение иноязычных слов,ialectизмов, разговорной лексики, фразеологии. Последовательное расположение слов по начальным буквам обеспечивало более быструю и надежную ориентацию для пользующегося фархангом.

Вторичным структурным признаком при организации лексического материала — при ведущей первой букве — лексикографы избрали конечную букву толкуемого слова. Так построены многие известные крупные фарханги: «Шараф-наме-ии Ахмад Мунайари» («Книга славы Ахмада Мунайари», XV в.), «Тухфат ал-ахбаб» («Подарок любимым», XVI в.), «Муайд ал-фузала» («Помощник ученым», XVI в.), «Мадар ал-афазил» («Орбита ученых», XVI в.), «Фарханг-и Мирза Ибрахим» («Словарь Мирзы Ибрахима», XVI в.), «Тухфат ас-саадат» («Подарок на счастье», XVI в.), «Маджма ал-фурс Сурури» («Собрание персидских слов Сурури», XVII в.), «Кашф ал-лугат ва-л-истилахат» («Раскрытие слов и терминов», XVI в.), «Хафт кулзум» («Семь морей», XIX в.).

С середины XVII в. словник в фархангах строится на последовательном учете начальных букв слова: первой, второй и т. д. По этому принципу построен уже самый обширный толковый словарь XVII в. «Бурхан-и кати» («Решительный аргумент», 1652 г.), насчитывающий 20 000 слов, и составленный годом позже словарь «Фарханг-и Рашиди». Этот метод построения словаря, продолженный фархангами «Чираг-и хидайят» («Светильник руководства», XVII в.), «Гийас ал-лугат» («Помощь в словах», XIX в.) и «Фарханг-и анандарадж» («Словарь в честь Анандараджа», XIX в.), становится обязательным для персидских толковых словарей XX в. Интересно, однако, заметить, что первый опыт такого близкого к европейскому построения словаря (по первой и второй буквам) имел место в персидской лексикографии уже в начале XV в.: так построен в первой своей части, содержащей толкования простых слов, фарханг «Адат ал-фузала» («Инструмент ученых», 1419 г.).

Совершенно особое место с точки зрения структуры занимает в истории персидской лексикографии словарь XVII в. «Фарханг-и Джахангири» («Словарь Джахангири»). Словник его, насчитывающий свыше 9000 единиц, ориентирован на вторую букву толкуемого слова; внутри глав, образованных по второй букве, толкуемые слова расположены относительно первой буквы. Распространения этот сложный принцип не имел, однако сам словарь «Фарханг-и Джахангири» занимает почетное место в персидской лексикографии: его, как один из самых авторитетных и полных словарей, учитывают все последующие лексикографы. Оригинальный структурный принцип, проведенный «Фарханг-и Джахангири», был повторен лишь одним из лексикографов XVIII в. в малоизвестном фарханге «Бурхан-и джаме» («Общий аргумент»).

Алфавитный принцип был безусловно основным в практике составления персидских толковых словарей. Можно отметить только одно отступление от него — это один из фархангов XIV в., «Фарханг-и Фахр-и Каввас» («Словарь Фахр-и Кавваса»), построенный по тематическому признаку. «Словарь Фахр-и Кавваса» делится на пять частей (*бахш*) соответственно пяти темам: 1) то, что на небе, 2) земля, 3) растения, 4) животные, 5) то, что сделано человеком. Эти пять тематических частей делятся в свою очередь на главы (*гуне*), также по темам. Так, в первой части содержатся главы об именах бога, об ангелах, о небе и звездах и др. В третьей части — о травах, о цветах, о деревьях и пр. Этот опыт, напоминающий древние словари и списки идеограмм (шумерские в аккадском, арамейские в среднеперсидском), хорошо известный в лексикографии многих народов, в персидской лексикографии позднее повторения не нашел.

Но и алфавитный принцип, оставаясь ведущим, нередко сочетался в фархангах с другими структурными элементами.

Наблюдения над сложным словарным составом персидского языка побуждали составителей фархангов к поиску средств классификации материала и его лексической трактовки. Не владея еще системой кратких помет и гнездовым способом построения словарной статьи, персидские лексикографы с начала XV в. практикуют нередко классификацию толкуемых слов по языковому признаку, раздельно помещая арабские, персидские и тюркские слова. Осуществляется и более сложная классификация по лексикологическому и грамматическому принципам. Новатором в этой области выступил составитель словаря «Фарханг-и Зафангуйя ва Джаханпуйя»; по оригинальности построения этот фарханг занимает особое место в персидской лексикографической традиции.³ Словарь разбит на семь частей (*бахш*). В трех из них

³ См.: Бадр-ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и Зафангуйя ва Джаханпуйя (Словарь говорящий и мир изучающий). Факсимile рукописи. Издание текста, введение, список толкуемых слов, приложения С. И. Баевского. М., 1974.

толкуются — обособленно — арабские, тюркские и греческие заимствования, составляя по существу отдельные словарики. Остальные части классифицируют собственно персидскую лексику: слова простые, слова сложные, в отдельную часть выделены инфинитивы.

Стремление классифицировать лексику проявилось и в другом фарханге начала XV в. — «Адат ал-фузала»; этот словарь разбит на две части (*кисм*): первая из них разъясняет простые слова, вторая — словосочетания и выражения.

Выделение иноязычных, прежде всего арабских и тюркских заимствований в виде структурно обособленных частей внутри фарханга можно наблюдать и в нескольких других словарях XV—XVI вв., в частности в таких известных лексикографических трудах, как «Шарафнаме-и Ахмад Мунайри», «Муайиид ал-фузала», «Мадар ал-афазил». В двух других больших толковых словарях — «Тухфат ас-саадат» и «Фарханг-и Рашиди» — проведена собственно лексикологическая классификация: каждый из разделов делится на два подраздела, где толкуются простые слова и словосочетания.

Фразеологические и идиоматические выражения иногда выносились составителями за пределы глав, в своеобразное приложение к словарю. Первый опыт такого рода опять-таки можно наблюдать в «Фарханг-и Зафангуйя», приложение к которому составляет краткий словарик фразеологизмов. Подобного же рода приложения — метафорических и идиоматических выражений — есть и в более поздних словарях, например в известных фархангах «Тухфат ал-ахбаб» и «Маджал-фурс Сурури». Встречаются и иные приложения. В приложении к словарю «Адат ал-фузала» даны арабские фразы из «Гулистана» Саади, в «Мадар ал-афазил» — свод некоторых грамматических правил; целую систему приложений разработал для своего словаря автор «Фарханг-и Джакангири». Он дал в приложение к словарю пять самостоятельных глоссариев, где толкуются: 1) метафоры и поэтические термины, 2) сложные слова, образованные из персидских и арабских слов, 3) слова, содержащие одну из характерных арабских букв, 4) слова «zendские» и «пазендские», 5) слова иноязычные — тюркские, индийские, греческие. Есть приложение и у словаря «Бурхан-икати», включающее пояснения к словам иноязычным и именам собственным.

Количество глав в средневековых персидских фархангах варьирует от двадцати до тридцати одной, в зависимости от варианта алфавита, положенного в основу. Ранние словари содержат обычно двадцать — двадцать четыре главы, в них чаще всего опускались буквы, характерные для арабских слов: *са*, *ха*, *сад*, *зад*, *та*, *за*, *айн*. Дополнительные буквы, введенные в арабский алфавит для персидского языка, — *на*, *чим*, *жа*, *гаф* — объединяются с предшествующими им буквами в одну главу. Так, слова на *на* толкуются в главе на *ба*, слова на *чим* толкуются в главе

на джим и т. д. В поздних словарях персидский алфавит в реестре глав соблюдался более последовательно.

Текст в рукописях персидских фархангов всегда переписывался слитно. Толкуемые слова выделялись в тексте либо надчеркиванием, либо были написаны красными чернилами — в отличие от остального, выполненного черными чернилами текста.

Из каких же элементов состояла словарная статья?

Словарная статья могла быть очень краткой, всего из двух слов — толкуемого и его пояснения. Однако чаще словарная статья была более пространной. Она включала не только пояснения толкуемого слова, но давала его произношение, а также описание предмета или явления, обозначаемого этим словом, указывала материал, из которого предмет изготовлен, его функционирование в реальной жизни и пр. Иногда составитель фарханга включал в словарную статью указания на иные мнения в толковании или произношении данного слова, нашедшие место в трудах предшествующих лексикографов. Фарханги указывали на диалектальный вариант наименования или произношения слова, приводили и иные значения, имеющие хождение в той или иной области. Толкование подтверждалось документированной стихотворной цитатой, содержащей пример на употребление этого слова в контексте.

Средневековые фарханги выполняли роль справочников по орфографии и орфоэпии. Словарные статьи давали пояснения к правильному написанию слова, точному чтению и произношению.

Большое количество омографов в персидском языке, порожденное применением арабского алфавита, с пропуском при письме кратких гласных звуков, крайне затрудняло чтение и понимание персидского текста. Средневековые рукописные книги на персидском языке не содержали огласовок; вспомогательные надстрочные и подстрочные знаки — харакаты — в литературных текстах, в частности в поэтических произведениях, которые широко читались и даже служили своего рода пособиями для овладения литературным языком, проставлялись переписчиками только в исключительных случаях. Тем самым персидские фарханги на протяжении веков выполняли важную функцию фиксации и хранения литературной произносительной нормы.

Составители персидских фархангов прибегали к разным способам обозначения правильного чтения и произношения толкуемых слов. Самым ранним из них, заимствованным из арабского, было применение харакатов. Этот способ был применен уже для самого раннего из сохранившихся персидских толковых словарей, «Лугат-и фурс» Асади Туси, однако только в единичных, особо сложных случаях.

В значительной степени цели обозначения точного чтения толкуемого слова служил в этом словаре и способ приведения иллюстративной стихотворной цитаты. В словаре Асади Туси, а вслед

за ним и у всех последующих составителей персидских фархангов почти каждое толкование снабжено стихотворным примером. Толкуемое слово весьма часто повторялось в нем в составе рифмы, в строках парнорифмующегося двустишия или в четверостишии, и тогда стихотворный размер и соседствующие рифмы утверждали необходимость того или иного правильного чтения.

Способ характеров был применен и в дальнейшем — для почти сквозной огласовки толкуемых слов — еще в нескольких персидских фарханах — в словаре Шамс-и Фахри «Мийар-и Джамали», и в XV в. «Даниш-наме-йи Кадар-хан» и др.

Начиная с XIV в. в практику составления персидских фархангов вошел новый, более надежный способ отражения правописания и произношения толкуемых слов, а именно способ описательный. Автор словаря стал вводить в текст словарной статьи развернутые пояснения по точному написанию толкуемого слова и его чтению: вслед за написанием толкуемого слова он излагал порядок следования звуков в слове и давал их характеристику.

Введение этого способа или во всяком случае его последовательную разработку в персидской лексикографии следует связать с именем Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани, автора словаря «Сихах ал-фурс», составленного в 728/1327—28 г. в Тебризе. Вот как обычно делал он это в своих вокабулах: «*Фарахч* — с фатхой *фа* и *ра*, и с сукуном *ха* и *чим*», — т. е. «звуки *фа* и *ра* произносятся с кратким гласным звуком *а*, а звуки *ха* и *чим* — без гласных». Мухаммад ибн Хиндушах часто предваряет текст толкования орфографическими пометами, подчеркивающими необходимость употребления определенного буквенного знака для согласного звука, например: «*К а б* — с буквой *ба* с одной точкой, а согласно другому чтению — с тремя точками».

Мухаммад ибн Хиндушах также, по-видимому, первым коснулся в предисловии к своему словарю вопроса персидской орфографии и орфоэпии и сформулировал настойательную необходимость их отражения в фарханах. После словаря «Сихах ал-фурс» внимание лексикографов к фиксации орфографической и орфоэпической нормы прочно вошло в практику составления средневековых персидских фархангов. Последующие лексикографы развили описательный способ, детализировав его. Так, автор другого раннего фарханга, «Зафангуйя ва Джаханпуйя», отмечает в ряде случаев возможности вариантов правильного произношения: «а некоторые произносят так-то...». Для автора «Зафангуйя» характерно внимание, не имевшее места в более ранних словарях, к орфоэпической характеристике некоторых долгих гласных звуков. Как известно, арабская графика не отражала при письме присущие персидскому языку долгие звуки «е» и «о», обозначая их графически так же, как долгие «и» и «у». Словарные статьи «Зафангуйя» содержат особые пометы, различавшие «мааруфные» и «маджхульные» гласные, — автор «Зафангуйя» дает им свое

название, соответственно: «вав-и араби» и «йа-йи араби», «вав-и фарси» и «йа-йи фарси».

К описательному способу фиксации правописания и произношения вскоре присоединяется, соседствуя с ним, так называемый способ аналога, при котором составитель словаря рядом с толкуемым словом приводил другое, общезвестное слово, совпадающее с ним по числу букв и с точным подобием размещения гласных звуков. Вот пример из известного словаря XVII в. «Бурхан-и кати»: «Б а л с а н, по фонетическому размеру как слово с а р т а и, название одного из деревьев».

Описательный способ при всей своей громоздкости показал себя наиболее жизнеспособным по сравнению со способами характеров и аналога. Он прошел через многовековую традицию составления персидских толковых словарей, сохранившись и в современной словарной практике в Иране. Так, опубликованный в 1958 г. толковый словарь «Фарханг-и Амид» целиком построен на применении описательного способа обозначения произношения. И только в самом последнем, шеститомном, толковом словаре персидского языка, подготовленном М. Муином, применен современный европейский способ передачи произношения посредством латинской транскрипции.

В качестве средневековых орфографических и орфоэпических справочников, зафиксировавших точное чтение и произношение слова для той или иной эпохи, персидские фарханги дают научно ценный и обильный материал для исторической фонетики персидского языка.

Подтверждительные иллюстративные цитаты на словоупотребление характерны для персидских толковых словарей начиная с самых ранних. Документирование того или иного толкования ссылками на стихи из диванов самых известных поэтов — признанных авторитетов — было правилом уже для самых ранних персидских лексикографов. Так, Асади Туси пишет в предисловии, что сын его, поэт, просил составить словарь так, «чтобы к каждому слову было подтверждение из стихов персидских поэтов, бейт или два».

Персидские лексикографы XI—XV вв. цитируют обычно стихи, принадлежащие классикам; цитаты из произведений современников — редкое явление в этих словарях. Однако иногда составители фархангов иллюстрируют то или иное словоупотребление собственными стихами, как это можно видеть на примере «Лугат-и фурс». Шамс-и Фахри в «Мийтар-и Джамали» приводит в качестве примеров собственные достаточно длинные касыды. Автор словаря «Сихах ал-фурс» цитирует стихи своего отца, поэта.

Иллюстративные стихи — как правило, *бейт* (двустшие), *мисра* (полустшие), реже — четверостишие, иногда фрагмент в несколько бейтов, — предваряются в словарях указанием имени их автора и вводятся следующими формулами: «Шахид сказал...», «Унсури говорит...», «У Рудаки сказано...», «Фирдауси со-

изволил говорить . . .», «У Фаррухи. . .». Изредка составители отмечают название цитируемого сочинения, например в «Сихах ал-фурс»: «Хаджу Кирмани в „Сам-наме“ сказал: . . .», «Фирдауси в конце „Шах-наме“ сказал. . .».

Включение стихотворных примеров с указанием имени поэта, изредка и названия произведения придает исключительную ценность персидским лексикографическим сочинениям, так как именно фарханги, как показала наука, оказались в ряде случаев единственными источниками, сохранившими тексты утраченных литературных произведений наиболее раннего этапа развития поэзии на новоперсидском языке.

Метод подтверждительного цитирования персидских стихов показал себя весьма ценным и для исследования языка. Приведение подтверждительных цитат, документирующих пример того или иного употребления слова, дает возможность проследить наиболее отчетливо смысловые и стилистические оттенки толкуемого слова в его литературном контексте, особенно в редком, метафорическом, иносказательном контексте.

Непременной частью персидского средневекового фарханга начиная с «Лугат-и фурс» было авторское предисловие. В нем составитель словаря излагал обстоятельства, побудившие его к созданию фарханга, говорил о задачах и целях своей работы. Традиционным для средневекового составителя фарханга было утверждение, что приступил он к своему труду в ответ на многочисленные просьбы группы друзей, испытывавших необходимость в пособии для чтения поэзии. Автор в предисловии нередко оценивал и опыт своих предшественников, отмечая в существующих словарях ряд недостатков, в частности слишком малый объем толкуемой лексики, также не всегда правильное толкование, ошибочное написание и произношение отдельных слов. С самых первых словарей вошло в традицию перечислять в предисловии источники, т. е. использованные при составлении фарханга труды предшествующих лексикографов.

На развитие персидской лексикографии, особенно на раннем этапе ее становления, оказала влияние арабская лексикография. Традиция составления толковых словарей арабского языка прослеживается дошедшими до нашего времени памятниками начиная с VIII в. Многие принципы словарной работы, развитые в арабской лексикографии, были восприняты составителями толковых словарей персидского языка. Это главным образом принцип деления на главы и выделение глав соответственно последней букве толкуемого слова, введенный в арабскую лексикографию Джаяхари, составившим словарь «Сихах ал-лугат» (ум. 1003 г.). В то же время другой принцип расположения словарного материала — тематический, получивший развитие в ранних арабских словарях, — нашел в персидской лексикографии только единичное употребление. И совсем не получил развития еще один принцип построения словаря, разработанный в первом по времени араб-

ском толковом словаре «Китаб ал-айн», составленном Ибн Халилем (718—791 гг.), а именно принцип фонетический.

Говоря о взаимовлиянии арабской и персидской лексикографии, развивавшихся параллельно, следует сказать, что отличие персидской лексикографии заключалось в основном в том, что если базой для ранних словарей арабского языка служили в основном Коран и поэзия, то для персидских толковых словарей на протяжении многих веков основной базой оставалась поэзия. Именно составителями персидских фархангов был введен такой важный принцип, как иллюстрирование толкования документированными поэтическими цитатами на словоупотребление. Построение словаря по первой букве толкуемого слова, которое ввели персидские лексикографы с XIV в., также относится к традиции персидских фархангов.

Помимо общих толковых словарей персидского языка, предназначенных в основном для чтения поэзии, в истории персидской лексикографии с XIV в. отмечается особое направление — составление толковых словарей к отдельным наиболее известным произведениям художественной литературы или к отдельным авторам. С XIV в. вошло в практику и составление терминологических словарей, а именно составление словарей суфийских терминов.

Авторы, к которым наиболее часто составлялись специальные толковые словари, были Фирдауси, Низами, Джалал ад-Дин Руми, Саади, Хафиз. Среди основных произведений, к которым персидские лексикографы создавали отдельные толковые словари, следует прежде всего назвать «Шах-наме» Фирдауси, а также «Искандер-наме» Низами, «Месневи маанави» Джалал ад-Дина Руми, «Гулистан» и «Бустан» Саади. Эти словари в основном повторяли принципы составления персидских фархангов общего типа, но были меньшими по объему. Лексический материал располагался в них как по первой, так и по последней букве. В состав этих словарей иногда входили и авторские предисловия. Сохранился и принцип документированного цитирования на словоупотребление в поэтических текстах.

Параллельно с широкой практикой составления персидских толковых словарей на протяжении ряда веков составлялись двуязычные словари — арабско-персидские и персидско-турецкие.

Арабское завоевание Ирана в VII в. привело к распространению арабского языка в Иране как языка канцелярии, религии, административного управления, а также языка науки и литературы.

Влияние арабского языка на развитие новоперсидского языка было столь значительным, что оно ощущалось многие столетия и после того, как новоперсидский язык стал государственным и литературным языком Ирана. Необходимость изучения и владения арабским языком поставила перед иранцами задачу составления арабско-персидских словарей. Они стали составляться с XI в. и нашли в Иране развитую многовековую традицию.

Арабско-персидские словари были разнообразны по структуре и подаче материала. Существовали тематические арабско-персидские словари (такие как «Китаб ас-Сами фи-л-Асами», составленный в 1104 г., «Мукаддимат ал-адаб», составленный в XII в.); алфавитные, по последней букве толкуемого слова (самые ранние из них — «Китаб ал-масадир» Зузани, ум. в 1093 г.; «Тадж ал-масадир», XII в.); словари в стихах, удобные для запоминания наизусть и для обучения языку в школах. Наиболее распространенным среди словарей в стихах был «Нисаб ас-Сабийан», составленный в 1220 г. и популярный вплоть до ХХ в.

Арабско-персидские словари составлялись как самостоятельные лексикографические труды, а в ряде случаев перерабатывались и переводились из арабских толковых словарей. Так, например, арабско-персидский словарь «Сурах мин ас-Сихах», составленный в 1282 г., представляет собой сокращенную переработку и перевод на персидский язык известного арабского толкового словаря «Сихах ал-лугат», составленного Джаухари в X в.

Основным центром составления персидско-турецких словарей была Турция, Османская империя.

Персидский язык в Малой Азии был языком поэзии и языком придворного общения на протяжении ряда столетий, с начала господства сельджуков, т. е. с конца XI в. Распространение персидского языка было столь велико, что в XIII в. было сделано специальное распоряжение, запрещающее пользоваться в официальных местах и во дворце каким-либо другим языком, кроме турецкого. Однако это распоряжение не имело никакого значения, так как отсутствовали необходимые условия для замены арабского и персидского языка языком турецким.⁴ Османско-турецкий язык сложился как литературный язык только на рубеже XV—XVI вв. С этого времени, с XV в., и стали создаваться персидско-турецкие словари, которые имели целью помочь тюркоязычному населению в чтении и понимании богатой персидской поэзии.

Особенно плодотворными в составлении персидско-турецких словарей были XV—XVI в. В это время были созданы такие известные памятники, как «Шамил ал-лугат» (1494), «Василат ал-макасид» (1497), «Лугат-и Халими» (1511), «Тухфе-ий Шахиди» (1514), «Лугат-и Ниматалла» (не позднее 1540) и др. Эти словари имели широкое распространение — судя хотя бы по тому, что до нашего времени они сохранились в большом количестве рукописей.

Персидско-турецкие словари составлялись по типу персидских фархангов, нередко имея последние в качестве источников. Основным материалом для персидско-турецких словарей была персидская поэзия. Словари составлялись по алфавитному принципу, соответственно первой и последней букве толкуемых слов. Толку-

⁴ См.: Конопнов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, с. 63.

емые слова распределялись по главам, главы следовали в порядке персидского алфавита. Толкование и словоупотребление документировалось стихотворными цитатами. По типу популярного арабско-персидского словаря в стихах «Нисаб ас-Сабийан» создавались персидско-турецкие словари в стихах, например «Тухфе-йи Шахиди». Персидско-турецкие словари включали обычно достаточно широкий круг толкуемой лексики.

Значение персидско-турецких словарей для иранской филологии — лингвистики и литературоведения — очень велико. Они содержат ценный материал по средневековой персидской лексике, почерпнутой из литературных произведений и проиллюстрированных многочисленными цитатами из ранних персоязычных поэтов. Интересно отметить, что персидско-турецкие словари нередко включали и лексико-грамматические очерки персидского языка. Самым ранним из них можно назвать грамматический очерк персидского языка, написанный по-персидски и включенный в словарь «Шамил ал-лугат». В очерке описывались способы образования времен и наклонений в глагольной системе персидского языка, также способы образования множественного числа имен существительных.

Можно к этому добавить, что были созданы и тюркско-персидские словари — «Лехджет ал-лугат», «Санглах» и «Хуласе-йи Аббаси», однако этот вид двуязычных словарей не был широко развит, их можно насчитать всего единицы, и они были созданы значительно позже, в XVIII в.

Ранние персидские *фарханги*, которые принято квалифицировать как толковые словари, в действительности представляли собой особый жанр научной литературы, сложно сочетавший в себе и другие аспекты: лингвистический, литературоведческий, энциклопедический. Показательно, что для такого рода трудов был применен термин *фарханг*, изначальное значение которого — образованность, разум, знание, наука, просвещенность, школа. Этот старый термин применялся, как известно, не только для словарей новоперсидского языка. Этим же словом, в форме *фраханг*, названы и словари домусульманского времени, упомянутые выше авестийско-среднеперсидский глоссарий «Фраханг-и ОИМ» и среднеперсидский словарь идеограмм «Фраханг-и пахлавик».

Ранние персидские толковые словари новоперсидского языка представляли собой не только пособия для чтения поэтических текстов, но и своего рода учебники литературного мастерства. Они совмещали в себе словари трудных рифм, словари синонимов, пособия для построения метафор, т. е. расширяли представление о художественных возможностях слова. *Фарханги* служили и своего рода справочниками: словарями-ономастиконами (именниками), энциклопедическими пособиями.

Ранние персидские *фарханги* играли несомненно важную роль в сложении и обогащении литературного языка. Они закрепляли

правильную терминологию и орфографию, фиксировали новое метафорическое словоупотребление в литературе и тем самым способствовали совершенствованию полисемантических и фразеологических возможностей персидского языка.

Фарханги были своеобразными учебниками образованности в средние века. Лексикография входила в качестве одной из обязательных дисциплин в комплекс наук, обозначаемый термином *улум-и адаби*, который был необходим для образованного человека, в частности для поэта.

Словарная традиция намного опередила появление других языковедческих дисциплин.

Лексикография вплоть до начала XIV в. оставалась единственным путем научного осмыслиения для персоязычных народов родного языка. С XIV в., и опять-таки в связи с развитием словарной практики, в состав лексикографических работ начинают включать вводные краткие грамматические очерки; они или вводились авторами словарей в традиционное предисловие, или выделялись в самостоятельный вводный раздел. Первым словарем такого нового типа, судя по сохранившимся до нашего времени памятникам, был фарханг «Сихах ал-фурс», составленный в Тебризе в 1327 г.

В дальнейшем это дополнение толкового словаря грамматическим очерком становится нормой лексикографической работы. Лексико-грамматические очерки — в составе словарей — разрастались, включая в себя все более и более широкий круг лингвистических вопросов, касающихся не только вопросов лексики, но и фонетики, словаобразования, грамматики.

Появление такого развернутого теоретического очерка можно связывать со словарем начала XVII в. «Фарханг-и Джахангири» («Словарь Джахангира»), и именно автора этого словаря, Хусейна Инджу, следует считать основоположником персидской нормативной грамматики. Ближайший его последователь — составитель словаря «Бурхан-и кати», лексикограф Мухаммад Хусейн ибн Халаф Табризи, действовавший в середине XVII в., — ввел в свой словарь уже обширный грамматический трактат, еще более расширив круг вопросов.

МАХМУД КАШГАРСКИЙ О ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммед, родившийся в Кашгаре (около 1029—1038 г.) и получивший поэтому письму Кашгарский, автор выдающегося труда «Дивану лугат ат-турк» («Словарь тюркских языков») с объяснениями на арабском языке, является первым известным науке тюркологом — лингвистом, этнографом, историком, фольклористом.

Местом составления «Словаря тюркских языков» Махмудом Кашгарским обычно называют Багдад, столицу халифата, центр мусульманской культуры того времени, хотя сам автор словаря ни разу не упоминает этого города в своем труде.

На основании последних разысканий (Л. Базен), Махмуд Кашгарский приступил к составлению своего словаря 25 января 1072 г. и закончил его, после четырехкратного редактирования, 27 октября 1083 г. н. э.¹

Единственный — хранящийся в Стамбуле в Национальной библиотеке — список Словаря Махмуда Кашгарского дошел до нас в копии, датированной 1 августа 1266 г.

Тюркско-арабский словарь Махмуда Кашгарского в соответствии с арабской лексикографической практикой составлен на основе структурно-алфавитного принципа с учетом деления лексики на части речи: имя и глагол.

Словарь — единственный в своем роде труд, в котором представлены:

1) лексика с указанием ее племенной принадлежности, 2) сведения о расселении тюркских племен, 3) классификация тюркских языков, 4) сведения по тюркской исторической фонетике и грамматике, 5) сведения по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрок, 6) самая старая тюркская карта мира.²

С достаточной степенью уверенности можно сказать, что в XI в. сформировавшейся школы арабской тюркологии еще не существовало. Поэтому ничего не известно о прямых предшественниках Махмуда Кашгарского в области изучения тюркских языков.

¹ Подробнее см.: Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк». — Советская тюркология, 1972, № 1, с. 3—17.

² Там же, с. 11—12.

В «Диване» нет указания на трактаты и работы по тюркским языкам, которыми он пользовался, нет также характерных для средневековых трудов заявлений о том, что данный труд является более полным, чем известные до сих пор аналогичные работы. На основании этого можно заключить, что Махмуд является первым ученым, взявшим на себя нелегкий труд описания лексики и грамматического строя тюркских языков в свете достижений арабского языкоznания — передовой лингвистической мысли своей эпохи.³ Глубокие знания в области арабского языкоznания, пытливый ум и понимание разносистемности тюркских и арабского языков, практическое владение рядом тюркских языков и диалектов позволили ему создать оригинальную систему описания тюркских языков и выявить специфические черты языков тюркской семьи.

Достижения арабского языкоznания в области фонетики, грамматики и составления толковых словарей основывались обычно на изучении арабского языка. Перед Махмудом Кашгарским стояла задача выявления специфических черт отличия грамматического строя языков тюркской группы и составления двуязычного тюркско-арабского словаря. «Диван», по замыслу его автора, преследует сугубо практические цели — он должен был служить пособием при изучении тюркских языков лицами, владеющими арабским языком. О практических целях своего сочинения Махмуд пишет во многих местах (I, 43—47).⁴ Несмотря на свое практическое назначение «Диван» является самым ранним из известных нам научных исследований по тюркским языкам, и материалы «Дивана» по прямым или косвенным данным позволяют определить лингвистические взгляды его автора.

Тюркское языкоznание еще не ответило на вопрос, последователем какой школы и какого конкретно арабского языковеда является Махмуд Кашгарский. Т. А. Боровкова считает его последователем выдающегося арабского лексикографа Халиля ибн Ахмада Фарахиди.⁵ Однако это мнение кажется необоснованным, так как, во-первых, сам Махмуд пишет, что при составлении «Дивана» он не следует за Фарахиди (I, 45—46), во-вторых, принципы составления «Дивана» и система расположения слов в «Китаб ул-айн» Фарахиди совершенно различны. Не совпадает также порядок следования букв в алфавитах, используемых в «Диване» и «Китаб ул-айн».⁶

³ Об арабском языкоznании в X—XI вв. см.: Гиргас В. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873; Зегинцев В. А. История арабского языкоznания. Краткий очерк. М., 1958; Ахведиани В. Г. Арабское языкоznание средних веков. — Наст. том, с. 53.

⁴ Ссылки на тома (римские цифры) и страницы (арабские цифры) «Дивана» даются по узбекскому переводу С. М. Муталлибова (т. I—III. Ташкент, 1960—1963).

⁵ Боровкова Т. А. Грамматический очерк языка «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгари. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, с. 13.

⁶ В алфавите Фарахиди буквы располагаются в зависимости от места образования обозначаемых ими звуков. Порядок следования идет от гор-

Еще в 1921 г. Г. Бергштрессер в своей краткой заметке выдвинул мысль о том, что прообразом «Дивана» мог служить «Диван ул-адаб фи-л-байани лугат ил-араб» арабского языковеда Фараби (учителя и дяди более знаменитого арабского лексикографа, автора «Сахах» ал-Джавхари, труд которого оказал большое влияние на дальнейшее развитие арабской лексикографии).⁷ Однако, по справедливому замечанию Г. Хазаи, данное мнение нуждается во всестороннем и глубоком обосновании.⁸

Следует заметить, что труд Махмуда Кашгарского является не только двуязычным словарем, но и грамматическим пособием по изучению тюркских языков, энциклопедией этнографических, исторических, географических, фольклорных данных по тюркским народам. Поскольку «Диван» как по цели своего создания, так и материалу принципиально отличается от толковых словарей арабского языка, непосредственно связывать «Диван» ни с одним из них нельзя.

Переходим к рассмотрению лингвистических взглядов автора и прежде всего остановимся на некоторых вопросах общего языкоznания, затронутых в «Диване».

Махмуд Кашгарский понимает язык как средство общения между людьми. Поэтому в связи с усилением тюркских племен (народов) и переходом верховной власти в ряде стран ислама к выходцам из тюркской среды он призывает образованных людей своей эпохи к изучению тюркских языков. По мнению Махмуда, самым важным условием сближения с тюрками является знание их языка, которое позволяет узнать нравы и обычай этих народов (I, 43).

Судя по данным «Дивана», при решении вопроса о взаимоотношении языка и бытия, жизни его носителей автор стоял на интуитивной материалистической позиции. Об этом говорят его неоднократные указания о том, что экстралингвистические факторы (уклад жизни, род занятий, особенности географической среды и др.) оказывают большое влияние на язык, обусловливают наличие в нем тех или иных слов и выражений. В этом аспекте привлекают внимание комментарии, например, к тюркским словам *йалма* и *дағ*, которые были заимствованы также иранскими народами. При слове *йалма* он пишет: «*йалма* 'ватный халат'. Иранцы заимствовали это слово у тюрков. . . Никто не может утверждать, что это слово заимствовано тюрками у иранцев, так как я слышал

тани к губам. Поэтому книга Фараходи начинается со слов на 'айн'. Некоторую аналогию с алфавитом Фараходи имеет система расположения знаков в так называемой Радловской транскрипции (К о н о н о в А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк», с. 11).

⁷ В е г с т р ä s s e r G. Das Vorbild von Käsgari's *Divan lugat at-turk*. — Orientalistische Literaturzeitung, 1921, N 7—8, S. 154—155.

⁸ H a z a i G. Genel leksikografya açısından Käsgarlı Mahmut hakkında düşüneler. — Türk Dili Bilimsel Kurultayına sunulan Bildiriler, 1972. Ankara, 1975, s. 419—424.

это слово у непросвещенных тюрков, живущих вдали (от ираноязычных народов). В стране этих тюрков много снега и дождя, поэтому они больше (чем иранцы) нуждаются в подобного рода одеяниях, защищающих от осадков» (III, 41—42). При слове *дағ* читаем: «*дағ* ‘тамга, метка, которой метят скот’. Иранцы заимствовали это слово у тюрков. Иранцы не занимаются скотоводством, поэтому они не нуждаются в таком слове» (III, 167).

Решением вопроса о взаимоотношении языка и бытия с материалистических позиций обуславливается также признание Махмудом равноправности языков. Он не следует за мусульманской догмой об особом месте арабского среди других языков, о его привилегированности, божественном происхождении арабского и неполнопочленности всех других, в том числе и тюркских языков.⁹ Автор ставит тюркский в один ранг с арабским и сравнивает эти два языка с двумя скакунами, равными в беге (I, 46). Поэтому при пояснении фонетических изменений в тюркских словах он очень часто находит аналогичные явления в арабском; ср.: «*урқ* ‘канат, бичевка’. [Данное слово] сокращенное (редуцированное) от *урук*. Такое же явление наблюдается в арабских словах *عنق* и *عنق*.

Такие сравнения преследуют две цели: во-первых, через аналогию с арабским языком поясняются фонетические явления в языке тюрков; во-вторых, этими сравнениями ученый хочет подчеркнуть, что такие явления не являются «дефектом» языка тюрков, признаком его отсталости, неразработанности, так как встречаются и в арабском.

Махмуд Кашгарский отчетливо понимал разносистемность тюркских и арабского языков. Специфическую черту тюркских языков — явление агглютинации — он четко отличает от внутренней флексии арабского языка. На примере образования форм залогов и времен глагола в арабском и тюркских языках он наглядно показывает неизменяемость корневого гласного и структуры корня тюркских слов при слово- и формообразовании (II, 40). В то же время он имеет четкое представление о причинах наличия сингармонистических вариантов аффиксов в тюркских языках, о чем речь пойдет ниже.

Важное место в «Диване» занимают вопросы взаимовлияния разносистемных языков. Как известно, в X—XI вв. на обширных территориях Ближнего Востока, Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая тюркские народы взаимодействовали со многими народами, говорящими на нетюркских языках. Это взаимодействие не прошло бесследно ни для тюркских языков, ни для арабского, персидского (таджикского) и других языков. Интуитивно-мате-

⁹ Ср. отношение Алишера Навои к арабскому, персидскому, тюркскому языку и к хинди (Алишер Навоий. Асарлар. 15 томлик, т. XIV. Тошкент, 1967, 106—107 бетлар). Характеристика взглядов Алишера Навои на язык дается в настоящем томе отдельной главой (с. 143—154).

реалистическое решение вопроса о взаимоотношении языка и жизни, а также признание равноправности разносистемных языков позволили ученому правильно понять и оценить взаимовлияние тюркских, иранских и арабского языков друг на друга. Он далек от мнения, что влиять на другие языки могут только «привилегированные» языки — арабский и персидский. Поэтому он указывает на лексические заимствования как из арабского и персидского языков в тюркские (см.: I, 106; I, 114; I, 125; I, 338; I, 341; I, 344 и др.), так и из тюркских языков в иранские (I, 87; I, 333; III, 167; III, 41—43).

Как было сказано выше, для Махмуда важнейшим средством доказательства тюркского происхождения того или иного слова, вошедшего также в арабский или персидский языки, являются степень распространенности данного слова среди тюркских народов и мотивированность данного слова жизнью и бытом тюркских народов.

В лексических заимствованиях автор оправданными считает только те слова, которые называют предметы, отсутствующие в быту народа. Поэтому замена некоторых тюркских слов иранскими и арабскими заимствованиями (например, *афтаба* вместо тюркского *құмған*, *қалыда* вместо *бақан* и др.) вызывают у автора скрытое недовольство (I, 405—406).

Ученый понимал, что взаимовлияние разносистемных языков не исчерпывается только лексическими заимствованиями и может охватить фонетический и грамматический строй. Поэтому тюркскую речь двухязычного населения он считает неправильной, нечистой (см. ниже).

При характеристике звуков тюркской речи он подчеркивает отсутствие в ней гортанных звуков, передаваемых арабскими буквами °, ڇ. Употребление звука h в подражательных словах и в речи хотанцев и представителей племени канджак объясняется им фонетическими аномалиями подражательных слов и влиянием арабского языка и хинди на речь хотанцев и канджаков (I, 48—49).

Подводя итог общим лингвистическим взглядам Махмуда Кашгарского, можно заключить, что он:

- 1) понимал язык как средство общения между людьми;
- 2) рассматривал язык как отражение бытия народа;
- 3) осознавал самобытность, равноправность и разносистемность неродственных языков и стремился выявить специфические черты отличия грамматического строя тюркских языков от языков арабского и иранских;
- 4) правильно оценивал благоприятное взаимовлияние разносистемных языков друг на друга.

Переходим к рассмотрению вопросов тюркского языкоznания, представленных в «Диване», и остановимся 1) на методе исследования, 2) на его классификации тюркских языков и диалектов XI в., 3) на интерпретации фонетического и грамматического строя тюркских языков в «Диване».

В тюркологии было высказано мнение, что метод исследования Махмуда Кашгарского является сравнительно-историческим и что его следует считать основоположником этого метода.¹⁰ Однако с этим мнением нельзя согласиться, так как сущность сравнительно-исторического метода не сводится к простому сопоставлению фактов и наряду со сравнением разных языков ставит перед собой вопросы исторического развития языков, доказательства их родства, а также принципов реконструкции праязыка и праформ. Исследователь не ставит в своем «Диване» подобных задач; в «Диване» не уделено места также проблеме родства тюркских языков, так как тюркские языки и диалекты, материалы которых анализируются в «Диване», настолько близки друг другу, что нет необходимости доказывать их родство. Однако автор признает историческое единство всех тюркских языков и диалектов — и в этом вопросе он следует за мусульманским ортодоксальным учением и считает, что все тюркские народы и языки восходят к потомкам Тюрге, сына Яфета, сына Ноя (I, 84; I, 333). Однако в «Диване» не предпринято ни одной попытки к установлению праформ.

Метод исследования Махмуда Кашгарского синхронно-сопоставительный, он сравнивает факты разных тюркских языков и диалектов одного и того же периода. Этот метод был очень развит в арабском языкознании (что само по себе связано с многодиалектным характером арабского языка); им пользовались почти все исследователи тюркских языков XI—XIV вв. — распространение на одной территории разных тюркских племен настоятельно требовало сравнения фактов разных тюркских языков и диалектов. Однако в «Диване» имеются зачатки применения закона фонетических соответствий (например, соответствие звуков *z* : *ž* : *й*, *m* : *b*, *i* : *n* в разных тюркских языках, — см.: I, 66—69), который был достаточно хорошо разработан в арабском языкознании.

Один из важных вопросов тюркского языкознания, получивший свое освещение в «Диване», — первая в истории тюркологии классификация тюркских языков и диалектов.¹¹ В «Диване» предложено два критерия классификации тюркских языков и диалектов: 1) по степени «чистоты» языка, 2) по фонетико-морфологическим особенностям тюркских языков и диалектов.

Кратко остановимся на каждом из критериев этих классификаций.

По признаку чистоты тюркские языки и диалекты разделены на две группы — на «чистые» и «смешанные». Под «чистотой языка» подразумевается отсутствие (или незначительность) ино-

¹⁰ Д жа фар А. Из истории применения сравнительно-исторического метода к изучению тюркских языков. — В кн.: Материалы Первого всесоюзного совещания востоковедов. Ташкент, 1959, с. 856—957.

¹¹ См.: Н е ъ ма тов Х. XI асрдаги туркий тилларнинг М. Кошварий томонидан қўлинганд таснифи. — Ўзбек тили ва адабиёти, 1969, № 4, с. 51—55.

язычного влияния в речи представителей тюркских народов и степень близости того или иного языка (диалекта) к «самому чистому и правильному языку» — литературному тюрк хакани. Махмуд Кашгарский пишет: «Правильной и чистой является речь людей, говорящих только на тюркском языке и не смешавшихся с иранцами» (I, 65). К чистым (несмешанным) он относит тюркские языки (диалекты) племен (племенных объединений) ягма, тухси, чигил, огуз, уйгур, кыпчак, емек, башкирд, булгар, печенег, играк, джарук, а также других тюркских народов, обитающих на берегах рек Итиль (Волга), Или, Ямара (приток Иртыша).

Смешанные тюркские племенные языки и территориальные диалекты Махмуд Кашгарский делит на три группы:

а) язык согдийцев, канжаков, аргу, населения городов Баласагун, Тыраз, Мадинатулбайз — эти языки (диалекты) характеризуются тем, что их носители являются двуязычными и говорят по-турецки и по-согдийски, поэтому в тюркской речи этих народов автор находит сильное влияние согдийского языка этих народов считает неправильным, «нечистым» (I, 65—66);

б) язык хотанцев, тибетцев и тангутов, которые тоже были двуязычными (I, 66), — видимо, речь идет о тюркско-китайском (или тюркско-тибетском) двуязычии;

в) языки племен кай, ябаку, татар, басмыл ученый называет особыми (видимо, речь идет о монгольских языках),¹² но представители этих племен говорили и по-турецки (I, 66).

Особо следует отметить, что эта классификация тюркских языков и диалектов по степени иноязычного влияния на них до сих пор остается единственной в тюркологии, — классификация тюркских языков на уровне современной науки по данному признаку пока еще отсутствует, хотя выявление степени влияния языков того или иного семейства на конкретные тюркские языки было бы небезынтересно для тюркологии.

Перейдем к рассмотрению классификации известных Махмуду тюркских языков (диалектов) по их фонетико-морфологическим признакам. В ней учитывается также и географическое распространение языков.

При указании фонетико-морфологических (отчасти и лексических) особенностей тюркских языков (диалектов) Махмуд делит тюркские языки на две группы.

I. Языки племен (племенных объединений) чигил, ягма, тухси, уйгур, карлук и др., которые распространены вплоть до Верхнего Чина (Китая); сюда же относится и литературный язык тюрк хакани.

II. Языки (или диалекты) огузов, кыпчаков, суваров, булгаров, емеков и других племен, населяющих территорию от Руси до Византии.

¹² См.: Бартольд В. В. Сочинения, т. V. М., 1968, с. 207.

Условно назовем языки (диалекты) первой группы восточными, а второй группы — западными.

В «Диване» указаны следующие фонетические различия между языками (диалектами) восточной и западной групп:

1) в языках (диалектах) восточной группы в середине слова сохраняется интердентальный звонкий [з], которому в языках западной группы соответствует либо среднеязычный [й], либо дентальный [з] — *ајаң* : *айаң* : *азаң* ‘нога’ (I, 68);

2) анлаутному [й] языков восточной группы в языках западной группы соответствует ноль звука или же аффриката [дж] — *ылығ* : *ылығ* ‘теплый’, *йиндәжүй* : *җиндерҗүй* ‘жемчуг’ (I, 67);

3) анлаутному [м] языков восточной группы в языках западной группы соответствует [б] — *мэн* : *бэн* ‘я’ (I, 66);

4) анлаутному глухому [т] языков восточной группы в языках западной группы соответствует звонкий [д] — *тәвәй* : *дәвәй* ‘верблюд’ (I, 167);

5) в середине слова звонким [г], [д] языков восточной группы в языках западной группы соответствуют глухие [к], [т] (I, 67);

6) губно-зубному [в] языков восточной группы в языках другой группы соответствует билабиальный [в] — *эв* : *äv* ‘дом’;

7) если в языках восточной группы аффиксы начинаются на звук [ф], [ç], то эти звуки в языках западной группы выпадают — *барған* : *баран* ‘идущий’, *тамғаң* : *тамаң* ‘горло’.

Вышеуказанные фонетические соответствия автор рассматривает как регулярные. Кроме них он указывает и многие другие нерегулярные звукосоответствия, из которых особо следует отметить соответствие узких и широких гласных в тюркских корнях и аффиксах. По данным исследователя, узким гласным в корнях и аффиксах ряда слов и форм языков восточной группы в языках западной группы соответствуют широкие гласные: *бардым* : *бардам* ‘я ходил’, *син/сэн* : *сән* ‘ты’ (III, 153).

Помимо фонетических признаков, указан также ряд регулярных морфологических различий между языками (диалектами) западной и восточной групп. К основным из этих различий можно отнести следующие:

1) аффиксу *-қу/-гу*, образующему в языках восточной группы отлагательные имена, в языках западной группы соответствует аффикс *-асы* — *барғу* : *барасы* ‘имеющий пойти’ (II, 71);

2) показателю имени деятеля *-гучы/-қучы* языков восточной группы в языках западной группы соответствует аффикс *-дачы/-тачы* — *барғучы* : *бардачы* ‘имеющий пойти’ (II, 56—58);

3) форма прошедшего категорического времени в ряде диалектов западной группы образовывалась с помощью неспрягаемой формы на *-дуң*, в то время как в языках (диалектах) восточной группы данная форма образовывалась регулярно по модели «*-ды+личные показатели*» (II, 51—52).

Сравнивая признаки регулярных фонетических и морфологических соответствий в языках восточной и западной групп по клас-

сификации Махмуда Кашгарского с данными современных классификаций тюркских языков, можно заключить, что в первой противопоставлены в основном языки карлуко-уйгурской и огузо-кыпчакской групп.

Глубокие познания в области арабского языкознания и практическое владение рядом тюркских языков и диалектов, а также обстоятельное исследование тюркских языков позволили автору «Дивана» выявить специфические черты отличия сопоставляемых тюркских языков (диалектов). Это доказывается хотя бы тем, что почти все фонетические признаки, приведенные Махмудом Кашгарским, повторяются в сложнейших классификациях тюркских языков, предложенных В. В. Радловым, Ф. Е. Коршем, А. Н. Самойловичем, Н. А. Баскаковым и др.

Теперь переходим к рассмотрению фонетических особенностей тюркских языков.

Судя по данным «Дивана», автор довольно четко различал звуки и буквы. Об этом говорят, в частности, его данные о звуках тюркской речи, не имеющих соответствующих знаков в арабском алфавите. Таких звуков семь: глухой [п], плоскощелевой [ж], аффриката [ч], губно-зубной [в], звонкий [г], носовой [ң], язычковый плоскощелевой [f]¹³ (I, 48). При указании характеристик звуков тюркской речи, отсутствующих в арабском языке, исследователь объясняет место и способ артикуляции этих звуков, сравнивая близкие по произношению звуки арабского языка. Например, тюркский плоскощелевой [ж] характеризуется как звук, сочетающий в себе место и способ образования звуков [з] и [ш] (I, 48).

С различием звуков и букв теснейшим образом связана дифференциация произношения и написания. При этом ученый постоянно указывает на два явления:

1) на обозначение разных звуков одной и той же буквой; ср., например, ت [с твердо произносимым алифом] 'имя', [с мягко произносимым алифом] 'мясо' (I, 71); это говорит о том, что автор понимал фонологическую значимость признака «переднерядность : заднерядность» в противопоставлении гласных тюркских языков;

2) на специфическое отличие в написании и произношении гласных тюркских слов от таковых арабского языка; Махмуд неоднократно подчеркивает, что буквенное обозначение гласных в написании тюркских слов с помощью букв алиф, вав и йай не является признаком долготы в произношении данного звука; он пишет: «В тюркском письме принято писать вместо заммы — вав, вместо фатхи — алиф, вместо кесры — йай» (I, 49); Махмуд не считает признак долготы/краткости фонологически значимым, — он

¹³ Видимо, произношение тюркского [f] довольно сильно отличалось от произношения звука арабского языка, передаваемого буквой ظ (гайн) арабского алфавита.

пишет: «долгое или краткое произношение [гласных] не влияет на [значение] слова» (I, 385; см. также I, 308—327; II, 44).¹⁴

Помимо характеристики гласных и согласных звуков тюркской речи он очень удачно и точно определяет сущность нёбной гармонии в тюркских языках и делит тюркские корни на две группы:

- а) корни с заднерядными (твёрдыми) звуками,
- б) корни с переднерядными (мягкими) звуками.

Махмуд Кашгарский неоднократно подчеркивает, что звуки [қ], [ғ] встречаются только в словах от корней первой группы, а звуки [к], [г] — в словах от корней второй группы и в аффиксах, присоединенных к этим словам. Поэтому причины наличия фонетических вариантов аффиксов исследователь объясняет через сингармонизм. Он следующим образом поясняет, например, варианты показателя дательного падежа: «-қа присоединяется к словам с твёрдыми звуками» (III, 229); «-қә/-ғә . . . присоединяется к словам с мягкими звуками» (III, 230). Ни в одном из трудов филологов XI—XIV вв. по тюркским языкам наличие фонетических вариантов аффиксов в тюркских языках не было интерпретировано так точно и удачно;¹⁵ например, ибн Муханна приписывает вариантам -қа и -ға дательного падежа различные значения.

Кроме регулярных фонетических соответствий между тюркскими языками Махмуд Кашгарский перечисляет ряд частных, нерегулярных звукосоответствий и звукопереводов. К таковым относятся соответствия й : н (қанда : қайда 'где' (I, 396), қ : ө (сүкмін : сүғмін 'фазан' (I, 415)), ғ : ө (ұғрұғ : ұғрұғ 'аркан' (I, 140)), қ : ш (ұлжік : ұлжіш 'часть, доля' (I, 93)), ң : қ (әчә : әкә 'старшая сестра' (I, 114)), м : н (өкүм : өкүн 'куча' (I, 105)), ұ : м (аҳсуұ : аҳсұм 'пьяный' (I, 139)), б : в (құлабұз : құлавуз 'проводник' (I, 449)), л : н (ин- : ил- 'спускаться' (I, 181)), т : с (сұлақ : тулақ 'селезенка' (I, 390)), р : л (арқа- : алқа- 'обыскивать' (I, 280)) и др. Все эти фонетические соответствия как частные, нерегулярные отмечаются также в современных исследованиях по сравнительной фонетике тюркских языков (В. В. Радлов, М. Рясицен, А. М. Щербак и др.).

Из фонетических явлений, наблюдаемых в тюркских словах, помимо сингармонизма, Махмуд Кашгарский неоднократно останавливается на явлениях метатезы (I, 408; I, 425), редукции (I, 365; II, 188—189) и ассимиляции (II, 336—337; II, 369; II, 406).

В области морфологии тюркских языков в «Диване» наиболее разработанными являются словообразование имен и глаголов, а также формообразование глаголов.

¹⁴ Написание ряда слов с двумя алиф'ами (см. I, 107—110), вероятно, является данью традиции, которая когда-то, может быть, отражала реальное произношение.

¹⁵ Исключение составляет, пожалуй, сочинение Абу Хайяна, где тюркский сингармонизм объясняется почти так же, как у Махмуда Кашгарского. Близость между ним и Абу Хайяном отмечается и в интерпретации ряда других явлений грамматического строя тюркских языков. Поэтому некоторые исследователи допускают, что Абу Хайян был знаком с «Диваном».

Различая производные и непроизводные слова (I, 50), Махмуд Кашгарский выделяет продуктивные и непродуктивные словообразующие аффиксы. При продуктивных и высокопроизводительных словообразующих аффиксах он после приведения значительного количества слов, образованных с помощью того или иного аффикса, формулирует правило словообразования и всегда подчеркивает: «Данное правило можно приложить ко всем словам. Однако мы ограничились отдельными примерами. Остальные (становятся понятными) по аналогии» (I, 277; ср.: I, 50; I, 420; III, 217). Говоря о системном характере продуктивных словообразовательных моделей, он замечает, что в тюркских языках не употребляется глагол, образованный с помощью афф. *-лан-* от имени *чав* (т. е. глагол **чавлан-*), и добавляет: «По правилу можно образовать глаголы [на *-лан-*] от всех имен. Поэтому если кто-нибудь образует глагол [на *-лан-*] и от имени *чав*, его нельзя упрекнуть» (III, 217).

При рассмотрении слов, образованных по непродуктивным и малопроизводительным моделям, Махмуд приводит исчерпывающий список известных ему слов (I, 385—386; II, 129—135; II, 300) или же указывает на ограничения в употреблении того или иного словообразующего аффикса (I, 279; II, 393; III, 165); например, при рассмотрении имен, образованных с помощью аффикса *-чыл*, он пишет: «*-чыл* указывает на обилие чего-либо... Однако это правило действует ограниченно» (III, 65).

Махмуд Кашгарский различает не только продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели, но и продуктивные и непродуктивные значения словообразовательных и залоговых аффиксов. Продуктивные значения этих аффиксов он объединяет в особые типы (I, 167; I, 459—460; II, 200; II, 230; II, 375; II, 374), а непродуктивные значения указываются им как лексикализованные (I, 463; I, 478; II, 129; II, 187; II, 191; II, 233; II, 275; II, 313).

При рассмотрении вопросов формообразования ученый опирался на некое представление о норме. Это видно из его утверждений о том, что образование формы мн. ч. от слов *эр* и *օғұл* с помощью афф. *-ан* (I, 71), а также формы понудительного залога с помощью афф. *-з-* (II, 91) являются «ненормальными» (т. е. несистемными); идея понудительности в афф. *-ғур/-қур*, по мнению Махмуда, выражается только с помощью *-р*; афф. *-ғу/-қу* выполняет факультативную роль (II, 232).

Как было выше сказано, в «Диване» наибольшее внимание уделяется формообразованию глагола. Исходной для образования различных форм глагола принята форма повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. без аффикса *-ғыл* (I, 185), и все залоговые показатели присоединяются именно к этой основе.

Махмуд Кашгарский удивительно точно определяет сущность каждого тюркского залога. Понудительная форма от непереходных глаголов понимается им как средство превращения непереходного глагола в переходный, а от переходных глаголов — как

средство сигнализации опосредованного участия грамматического субъекта в выполнении действия (II, 200; II, 230; II, 375). Сущность страдательного и возвратного залогов понимается им как превращение переходного глагола в непереходный (III, 121—123; II, 160). Поэтому неопределенно-личное значение аффиксов страдательности (*ыштын қорқулды* 'убоялись работы') и имитативное значение аффикса возвратности $\text{⁻}h$ ('делать вид, как будто бы делал что-то') резко противопоставляются всем остальным типам значений этих аффиксов. Исследователь тонко отмечает сосуществование медиального и страдательного значений в формах с афф. $\text{⁻}l/\text{⁻}h$ от ряда глаголов.¹⁶

Автор подробно описывает образование и значение «отглагольных прилагательных» (т. е. причастий), имен действия и деятеля на $\text{⁻}p\text{-маз}$, -дүк , $\text{-ғу}/\text{-қу}$, -мыш , -мақ , ⁻f , -ғұчы , -ған , ⁻ғсақ , -ғулук , ⁻ғлы и др. Из временных форм глагола он указывает образование, значение и употребление прошедшего на -ды , прошедшего на -мыш , будущего на $\text{⁻}p\text{-маз}$, будущего на -ғай , ближайшего будущего на -ғалыр .

Словоизменение имен в «Диване» специально не рассматривается, хотя в различных местах «Дивана» выделены в особые словарные гнезда основные словоизменительные аффиксы имен и указаны их значения.

В «Диване» при описании отдельных слов и форм иногда даны этимологические справки. Большинство этимологических сведений основываются на фонетическом и семантическом сходстве и имеют характер народной этимологии; см., напр.: *йазуқ* 'сущеное (мясо)' от *йаз-оқ* *йэ* 'ешь только летом' (III, 23); *тутмач* 'название пищи' от *тутма ач* 'не оставь (не держи) голодным' (I, 422); *Самарқанд* (название города) от *сәмиз кәнд* 'большой город'; *көжәз-* 'следить, ждать' от *көз эт-* (II, 91) и др. Однако следует отметить, что в своих этимологических пояснениях автор опирается на закономерные фонетические и семантические изменения, широко распространенные в тюркских языках; ср., например: *ајуқ* 'неизвестное' поясняется им как образование на *-дүк* от глагола *ағ-* 'меняться, изменяться (о цвете лица)' через выпадение [f] в конце слова и через широко распространенное фонетическое соответствие [z] : [d] (I, 96). Это свидетельствует о том, что в своих этимологических изысканиях автор основывался на внутренних законах фонетического и семантического развития языка.

При составлении «Дивана» ученый должен был выступать не только как лексикограф, но и как лексиколог. Как лексиколог он указывает многозначность большинства тюркских слов, понимает роль контекста, лексической сочетаемости для реализации тех или иных оттенков значения слов и различает омонимы. Ср., например, *эрік* 'мягко/мягкий, плавленный, растопимый',

¹⁶ Об этом более подробно см.: Нигматов Х. Г. Залоги глагола в восточнотюркском языке XI—XII вв. — Советская тюркология, 1973, № 1.

эрик нэү ‘растопимые вещества, вроде масла и др.’ (I, 100), *эрик эр* ‘быстрый, ловкий мужчина’ (I, 100). В словарных гнездах он не ограничивается приведением только арабского семантического эквивалента данного тюркского слова, но и дает иногда характеристику значения слова через его синонимы и антонимы; ср.: «*кэвгин* ‘малокалорийная (пища)’, антоним [слова] *чиегин*» (I, 415).

Автор «Дивана» понимает, что наличие фонетических вариантов и многозначных слов создает потенциальные возможности для расщепления единого слова и для закрепления отдельных типов значения за каждым фонетическим вариантом слова; ср. пояснение при словах *қырға/қарға* и *йалавар/йалафар* (I, 333—334).

В «Диване» неоднократно приводятся примеры на переносное употребление слов (I, 391—392), на перенос значения по смежности, сходству и по общности функции (см., например, I, 103; I, 148; I, 352 и др.).

Беглое ознакомление с основными положениями лингвистических взглядов Махмуда Кашгарского позволяет поставить автора «Дивана» в ряд крупнейших исследователей тюркских языков, труды которых не утрачивают своего значения через столетия. Ряд вопросов тюркского языкознания, поднятых им (в частности, вопросы классификации тюркских языков, взаимовлияния и смешения языков, разграничения продуктивных и непродуктивных значений слово- и формообразующих аффиксов, соответствия широких и узких гласных в корнях и аффиксах тюркских языков и др.) ждут своего решения и в наше время. В освещении этих и многих других проблем грамматического строя тюркских языков ссылка на мнение автора «Дивана» сохраняет такую же доказательную силу, как ссылка на новейшие исследования. Это нагляднее всего показывает проницательность ума, научную обоснованность исследовательских приемов и выводов Махмуда Кашгарского — тюрколога, намного опередившего свою эпоху.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АЛИШЕРА НАВОИ

В истории культуры и науки тюркских народов яркая личность Алишера Навои — великого поэта средневековья, знатока поэтики, мыслителя, одного из образованнейших людей своего времени, мецената, крупного государственного деятеля — занимает видное место. Алишер Навои много сил отдал утверждению нового литературно-письменного языка, признанного классическим языком тюркской литературы средних веков и сыгравшего исключительную роль в становлении литературных языков в огромном регионе, границы которого выходили далеко за пределы Средней Азии. Перу поэта принадлежит и отдельный труд, посвященный лингвистическим проблемам, которые были связаны со своеобразной языковой ситуацией в период возвышения и падения государства тимуридов. И в этом произведении, и в литературном творчестве Навои в целом, естественно, нашли свое отражение отдельные представления о языке, бытовавшие в XV в. у среднеазиатских народов, вот почему обращение к трудам Навои может представить интерес для истории лингвистических учений.

Историческая эпоха, когда жил и творил Алишер Навои, — это эпоха дальнейшего распада и разложения некогда обширной и могучей державы тимуридов. И хотя годы правления Султана Хусейна Байкары в Герате (1469—1506), с которым по преимуществу была связана жизнь поэта, отличались относительным спокойствием, но и они сопровождались постоянной борьбой вокруг престола и с наместниками. Однако определенная устойчивость верховой власти способствовала некоторой стабилизации хозяйственно-экономической жизни и позволила развернуть, в частности в Герате, общественное строительство, в котором весьма заметен и вклад Навои. Герат — тогдашняя столица провинции Хорасан — становится в эти годы одним из ведущих центров мусульманской культуры. Расцвет культуры вообще характерен для той эпохи. Это обстоятельство позволило В. М. Жирмунскому провести историко-культурную параллель между эпохой Навои и эпохой Ренессанса на Западе.¹

¹ Жирмунский В. М. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока. — В кн.: Жирмунский В. М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979, с. 174—184.

Алишер Навои ('Алӣ Шёр Навā'й) родился 9 февраля 1441 г. (17 рамазана 844 г. х.) в Герате в просвещенной семье, принадлежавшей «к знатной служилой аристократии».² Молодой Алишер много учился, проявляя особый интерес к литературе, поэзии.³ И уже к пятнадцати годам он прославился в поэтическом мире как сочиняющий на двух языках — родном, тюркском, и персидском; позже Навои становится известным в качестве крупнейшего тюркского поэта и одного из просвещеннейших мужей своего времени.⁴ Перу Навои принадлежит около тридцати значительных поэтических и прозаических произведений, насчитывающих десятки тысяч бейтов — двестишиль — и сотни страниц текста. Среди них известные «Хазойин ул-маоний» («Сокровищница мыслей», четыре поэтических дивана), «Хамса» («Пятерица», пять крупных поэм: «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширина», «Семь планет», «Вал Искандера»), «Язык птиц» — произведения разных поэтических жанров. О разносторонности дарования поэта говорят его трактаты по поэтике (о принципах арабо-персидской метрики), по лингвистике, по истории, а также биографии и характеристики поэтов его эпохи. В Герате Навои достиг уровня видного государственного деятеля, он занимал в разные годы посты хранителя печати, визиря, «приближенного его величества султана» при дворе правителя Хорасана Султана Хусейна.⁵ Умер Алишер Навои 3 января 1501 г. (12 джумадиссани 906 г. х.) в возрасте 60 лет.

Важным событием в биографии Алишера Навои было его сближение с поэтом и ученым-суфием Абдурахманом Джами, которого он признал в качестве своего шейха — духовного наставника. Эта связь, возникшая около 1469 г., переросла в дружбу, освященную единством теоретических взглядов обоих поэтов на смысл и содержание литературной деятельности, близостью творческих замыслов и идейных возврений. Под влиянием Джами Навои вступил в суфийский орден Накшбенди (Накшбандий), что в известной мере совпало с его идеально-философскими позициями. Этот суфийский орден, возникший в XIV в., принадлежал к умеренным направлениям суфизма, противопоставлявшим себя мистико-экстатическим течениям.⁶ Вступление в орден не вылилось

² Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. — В кн.: Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 113. — Навā'й — это таҳаллус (< араб.), т. е. литературный псевдоним, используемый поэтом в своих произведениях (навā'й 'мелодичный, звучный' от араб. навā' 'мелодия, звук'). Поэт употреблял и другой таҳаллус — Фāни (< перс. фāни 'тленный, бренный').

³ См.: Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948; Малаев Н. Гениал шоир ва мутафаккир. Тошкент, 1968 (здесь библиография); см. также кн.: Родоначальник узбекской литературы. Ташкент, 1940; Алишер Навои. М.—Л., 1946; Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948; Алишер Навои. Библиография (1917—1966). Ташкент, 1968.

⁴ Бертельс Е. Э. Указ. соч., с. 93 и сл.

⁵ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 112—163.

⁶ См.: Климович Л. И. Ислам. М., 1962, с. 171—181. — Суфизм (тасаввуф) — религиозно-мистическое течение в исламе, получил значитель-

в уход поэта от мирских дел, Навои был «суфием в душе и знатоком этого учения, но суфием-практиком он не стал».⁷ Это важно отметить, так как неприятие Алишером Навои крайнего мистического квииетического суфизма позволяло ему оставаться на передовых позициях современной философской мысли, тяготеющей к рационализму и пантеизму и находящейся под благотворным влиянием античной философии перипатетиков и самого Аристотеля.⁸ Такая прогрессивная философия и идеино-политическая позиция четко прослеживается во многих трудах поэта. «Взгляды Алишера Навои на мир полностью противоположны платоновским. Навои верил в существование материального мира, призывая изучать его и пользоваться его богатствами. Навои выступил представителем прогрессивного течения общественно-философской мысли на Востоке, связанного с учением Аристотеля, школами Фараби, Беруни, Ибн Сины, Улугбека».⁹

Единство взглядов Джами и Алишера Навои проявлялось также в их отношении к проблеме смысла, содержательного наполнения поэзии. Оба поэта ратовали за высокую содержательность литературы, критически относясь к формалистическим тенденциям поэзии XV в.

Уважительное отношение Навои к человеку, как к высшему творению в природе, превознесение его качеств и способностей также объясняется мировоззрением поэта. «Гуманизм Навои тесно связан с его пантеизмом, с пантеистической концепцией о божественной сущности человека и субстанциональной идентичности его с богом».¹⁰

На этом же основана и философская концепция любви, развиваемая Алишером Навои и выступающая у него как первооснова единения человека и бога. «Таким образом, суфизм в некоторых передовых своих течениях становится для восточного поэта эпохи Навои такой же своеобразной „школой вольнодумства“ в философско-мистической оболочке, как для философов и поэтов западноевропейского Ренессанса — натурфилософия флорентийских неоплатоников. . .».¹¹

Указанные идеино-философские и гуманистические воззрения Алишера Навои нашли свое отражение также и в его трактовке некоторых вопросов о существе языка, которые занимали передовые умы в то время.

ное развитие в Средней Азии и Иране особенно со второй половины XI в., хотя основы учения были разработаны ранее (см.: Б е р т е л ь с Е. Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965).

⁷ Б е р т е л ь с Е. Э. Суфизм и суфийская литература, с. 419.

⁸ См.: Г р и г о р и я н С. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966; З а х и д о в В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент, 1961; А р и п о в М. Философские и этические воззрения Алишера Навои. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

⁹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1974, с. 105.

¹⁰ А р и п о в М. Указ. соч., с. 11.

¹¹ Ж и р м у н с к и й В. М. Указ. соч., с. 183.

Алишер Навои в вопросе происхождения языка опирался в целом на догматы ислама, согласно которым человека наделил языком, речью Аллах и тем самым выделил его среди всех живых существ.

Бог, соторив человека кладом всех тайн,
В отличие от животных дал ему преимущество — дар речи.

(Смятение праведных)¹²

«Сердце и язык — наилучшие органы человека, как лилия и розовый бутон — наилучшие растения цветника. Человек отличается языком от других животных, и людей отличает друг от друга тоже языки».

(Возлюбленный сердец)

«... любое созданье имеет свой голос, и все производят разные звуки. Но поскольку целью речи является смысл, а человек выше упомянутых тварей, то именно он — проявление разума и общения; слово содержитя в его речи, и способность к речениям — в его словах».

(Суждение о двух языках)

Знай же мудрость творца четырех этих сил:
На земле человека создать он решил.
Сделал он человека вершиной творенья,
Нет в созданьях земных человеку сравненья.
Силу знания в сердце его заключил он,
И в тайник тот свое существо заключил он.

(Язык птиц)

Навои, естественно, не задается вопросом, откуда овладел речью, словом сам Аллах. Для Навои бог — абсолютное бытие, лишенное материально-качественных атрибутов. Однако бог проявляется в окружающем мире, природе, вселенной; и этот мир, природные явления отражают божественную сущность наподобие зеркала. Зеркал много, и каждое из них отражает частицу божества. Сущность божества может отразиться в каждом из зеркал, в этом многообразии явлений природы, в том числе и самом совершенном — человеке. Так Алишер Навои приходит к идеи пантегиизма, слияя воедино бога, мир-природу и человека, и далее — к прославлению человека, высшего совершенства природы, отмеченного даром человеческой речи.

Как сокровище, скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.

(Язык птиц)

¹² Навои цитируется по изд.: Н а в о и Алишер. Соч. в 10 томах. Ташкент, 1970 («Смятение праведных» — пер. В. Державина; «Возлюбленный сердец» — пер. А. Рустамова и А. Старостина; «Язык птиц» — пер. С. Иванова; «Суждение о двух языках» — пер. А. Малеховой). Прозаические переводы из поэм «Пятерицы» даются по кн.: Б е р т е л ь с Е. Э. Навои. — Узбекский текст см.: Н а в о и й Алишер. Асарлар. 15 томлик. Тошкент, 1968—1969.

Поскольку человек предстает как высшее и совершенное творение, он должен бережно обращаться со своим великим даром — человеческой речью, направлять его только на благо: доброе слово — одно из важнейших проявлений человечности, в чем был глубоко убежден Навои-гуманист.

От доброго слова всем людям отрада,
И силу оно отнимает у яда.

(Возлюбленный сердце)

Слово — самопвет россыпи человечества,
Слово — плод из сада людского.

(Смятение праведных)

В связи с этим Алишер Навои большое внимание уделяет смыслу слова, используемого в литературном произведении. Он резко выступает против бесполезных формалистических ухищрений, ставших почти нормой для восточной поэзии XV в., когда «расцвела техника, умирала литература, становившаяся игрушкой и забавой».¹³ Это заставляет обращаться поэта к содержательной стороне языка, к его выразительным средствам, задумываться над лексическим богатством языка.

Основа в стихах — содержание,
Пусть форма их будет какой угодно.
Стихи, в которых содержание не увлекает,
Для разумных людей — не хороши.

(Смятение праведных)

Язык является духовной сокровищницы замком,
а слово — к этому замку ключом.

(Возлюбленный сердце)

Только тот человек — водолаз в море слова,
К которому досталась жемчужина смысла.

(Смятение праведных)

Таким образом, с точки зрения Навои, основное достоинство и действенная сила истинной поэзии, литературы вообще — в их содержательности. И слову здесь принадлежит первое место. Слово — носитель смысла, через слово передается человеческая мысль, в нем отражается деятельность разума, познавательные способности человека.

Содержание слова — его душа, а словесная оболочка, не выражаящая смысла, — есть бездушная, безжизненная оболочка.

(Смятение праведных)

В научном наследии Алишера Навои особо должен быть выделен полностью посвященный лингвистическим вопросам трактат

¹³ Б е р т е л ь с Е. Э. Навои, с. 51.

«Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках», «Тяжба двух языков»), созданный поэтом за год до смерти (1499): здесь концентрированно изложены его взгляды на место тюркского языка в литературно-художественном творчестве. Основная цель этого труда — показать художественные совершенства тюркского языка, не уступающего в этом языку персидскому, а в некоторых случаях и превосходящего изобразительные возможности последнего, укрепить его социальный престиж как языка литературы. «И мнится мне, — писал Навои, — что утвердил я для знатоков речи страны тюрок величое право ведать высокую истину их речей и содержащихся в оных выражений и достоинства собственного языка их и слов его, и они избавились от порицающего их за несовершенства речи высокомерия говорящих на фарси».

В этом трактате содержатся также интересные высказывания о языке вообще. Например, Навои отмечает многообразие языков на земле: разные племена в странах семи климатов (поясов) земли говорят по-своему. Из всех языков арабский является избранным, божественным языком Корана. Кроме этого исключительного языка, ставшего у мусульман языком религии, есть на свете еще три достойных языка, которые славятся «сокровищами своих выражений», — тюркский, фарси (персидский) и хинди. Интересно, что Навои говорит о трех «основных» языках, которые ему хорошо были известны, как жителю Хорасана, где население говорило по-турецки, по-персидски и на хинди. Однако их происхождение и распространение он связывает с известной библейской легендой о сыновьях Ноя — Симе, Хаме и Яфете, с потомками которых распространялись языки, соответственно иранские, индийские и тюркские.

И в этом трактате Алишер Навои обращает внимание на смысловое содержание слов: «Слово — это жемчужина, море, где находится жемчужина, — сердце, а сердце — средоточие всех мыслей, малых и больших. . . жемчужина слова извлекается из сердца обладателем дара речи и приобретает ценность и известность по своему достоинству».

Но основной пафос трактата направлен на оценку тюркского языка как языка литературно-письменного, на пропаганду и утверждение его художественно-выразительных достоинств, не уступающих другим литературным языкам региона. Такая направленность этого произведения определялась прежде всего социально-историческими условиями развития тюркских языков в эпоху Навои, той особой языковой ситуацией, которая сложилась в Мавераннахре (междуречье Амудары и Сырдарьи) и в Хорасане (Восточный Иран) к XIV—XV вв. Здесь в качестве наиболее функционально значимых выступали тюркский, персидский и арабский языки. Монгольский язык, хотя и был привнесен монгольскими завоевателями (с начала XIII в.), никогда не играл, видимо, в этом регионе особой роли как из-за относительной мало-

численности его носителей, так и из-за ограниченного использования преимущественно в кругах монголоязычной администрации, быстро отторгнутой.

Иранцы являлись одним из самых древних и мощных этнических компонентов сельского и городского населения этих областей. Вторым столь же сильным компонентом были кочевые и оседлые тюрки. Новый значительный приток тюркского населения (и что особенно важно — оседание кочевых племен, рост сельского и городского населения) был связан с созданием в X—XI вв. мусульманского государства тюркской династии Карабанидов. В XIII в. и позже «везде последствием монгольского нашествия было, по-видимому, значительное увеличение числа турок (т. е. тюрок, — Д. Н.), везде рост турецкого национального самосознания под влиянием блеска монгольской державы, считавшейся турецкой, соединившейся с культурным строительством».¹⁴ Таким образом, тюркский и иранский языки были прежде всего разговорными языками основного населения указанного региона в течение многих веков. Однако их судьбы как литературных языков и языков государственных в Мавераннахре и Хорасане были своеобразны и исторически изменчивы.

Тюрки обладали древней литературно-языковой традицией, нашедшей отражение уже в памятниках орхоно-енисейской письменности VII—XI вв., эта традиция была продолжена в древнеуйгурских памятниках (IX—XIII вв.), а затем нашла отражение и в литературных произведениях последующих эпох. Древней и развитой литературно-письменной традицией, корни которой уходят в глубь веков, славились ираноязычные народы.¹⁵

Арабское завоевание Средней Азии и последовавшая исламизация населения (VIII—X вв.), принесли с собой арабский язык, который стал «на долгое время почти единственным литературным языком».¹⁶ Этот язык распространился и в государственную сферу, он стал языком науки и искусства, религии. Все это приводило к широкому проникновению арабской лексики (прежде всего религиозной и социально-политической) в народно-разговорные местные языки. После падения арабского владычества (X в.) и с приходом к власти местных иранских династий (такириды, саманиды, газневиды) начинает быстро и интенсивно развиваться литературный язык на основе дарий, который в качестве литературного «просуществовал много веков, уступив в конце концов место в Средней Азии — литературному таджикскому языку,

¹⁴ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 105. См.: Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.

¹⁵ См.: Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.

¹⁶ Там же, с. 110.

в Герате — языку персидскому».¹⁷ Но арабский язык в это время прочно сохранял свои позиции в области науки и богословия.

В то же время в областях, где преобладало тюркское население, в частности в государстве Караканидов, возникает мусульманская по содержанию литература на тюркском языке, в которой находят отражение и древние литературные традиции тюркских народов, устойчиво сохранявшиеся также и в буддийском Уйгурском государстве (Восточный Туркестан). Крупнейшим памятником этой эпохи является дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Знание, как быть счастливым») Юсуфа Баласагунского (XI в.),¹⁸ а также словарь Махмуда Кашгарского «Дивану лугат ат-турк».¹⁹

В тимуридских государствах (XV в.) тоже существовала литература на тюркском языке, причем наибольшее развитие получили здесь поэтические жанры. «Вместе с тем нет сомнений в том, что, несмотря на начавшийся в то время мощный рост тюркской литературы, господствовавшим литературным языком по-прежнему оставался язык персидский»,²⁰ при этом в самой литературе основное внимание уделяется формальной стороне произведений, — как отмечает Е. Э. Бертельс, происходит «паразитическое разрастание техники в ущерб содержанию».

Стремительный подъем тюркоязычной литературы в конце XV в. с ее противопоставленностью персоязычной объяснялся многими факторами, но исключительное значение имела здесь интенсивная тюркизация. В этот период происходит ускоренное формирование тюркских народностей Средней Азии, и прежде всего — узбекской народности.²¹ Естественно, что в таких условиях активно действуют «символические функции» языка, особенно такие социально направленные, как объединяющая, выделяющая и престижная.²² Следует отметить, что тимуридские правители поощряли создание художественно-исторических произведений на тюркском языке, многие тюркоязычные поэты сами сознавали важность своего творчества и подчеркивали это в своих произведениях. Нельзя также забывать, что тюркские языки на территории Средней Азии были представлены рядом племенных и местных диалектов, находящихся в сложных взаимодействиях между

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Кононов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 3—12; Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг». — Там же, с. 82—86.

¹⁹ Об этом памятнике см. в настоящем труде: Кононов А. Н., Нигматов Х. Г. Махмуд Кашгарский о тюркских языках, с. 130—142.

²⁰ Бертельс Е. Э. Навои, с. 25; см. также: Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века. М., 1963.

²¹ Термин «узбек» всеобщее распространение получает несколько позже; он связан с кочевыми узбекскими племенами, которые вторглись в Мавераннахр в начале XVI в., низвергли последних тимуридов, создав ряд новых политических образований, и позднее растворились среди местного населения. См.: Кармышева Б. Х. Указ. соч., с. 162—164, 209—211.

²² См.: Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976, с. 143—144.

собой, которые были обусловлены постоянным перемещением племен и большой динамикой участвующих в частых военных походах масс населения. Данные обстоятельства осложняли нормализацию литературно-письменного языка, выработку единого его варианта. Однако все усиливающаяся национальная консолидация в условиях развитого тюрко-персидского билингвизма способствовала образованию тюркского наддиалектного койне, осознаванию «нормализованного», «стандартного» типа языка и в сфере литературной деятельности, который четко противопоставлялся бы привычным нормам персидского литературного языка. Именно в такой сложной языковой ситуации необходимо было появление яркого талантливого реформатора, способного своей литературной и общественной деятельностью утвердить в жизни новую форму литературно-письменного языка, которая, с одной стороны, учитывала бы старую книжно-письменную традицию и, с другой, отвечала бы новым культурно-историческим требованиям. Алишер Навои явился таким основоположником нового типа, варианта тюркского литературно-письменного языка. Навои оказался его канонизатором именно «благодаря мощи и творческой силе своего таланта, благодаря преобразованию, обогащению и созданию авторитета родному языку, благодаря утверждению его права на литературное существование и общее признание в литературе».²³

В научной литературе еще не устоялся однозначный термин, приложимый к этому новому типу языка тюркской литературы, наиболее распространены термины «туркӣ», «чагатайский язык», «староузбекский язык», «среднеазиатско-турецкий письменный литературный язык».²⁴

Если теперь обратиться к трактату «Суждение о двух языках», то можно увидеть, насколько тонким и зрелым социально-историческим чутьем обладал Алишер Навои в области лингвистических проблем своего времени. Он в полной мере уясняет себе задачу создавать свои произведения именно на тюркском языке и сознательно возвеличивать его изобразительные возможности. «... и дано мне было приготовить себя к служению почетному, гордому и высокому. И с годами проник я в суть языка тюркского, в правила и основы стихосложения его, кои были неведомы мне дотоле, и превозмог затруднения мои на пути преданнейшего разрешения трудностей, и я обрел великие преимущества и узрел высшие свершения».

В своем труде Навои удивительно точно и наглядно рисует языковую ситуацию своей эпохи и конкретно — в Хорасане. Во-первых, он верно оценивает социальную роль трех языков —

²³ Усманов А. Мухакамат ал-лугатайн Алишера Навои в аспекте его борьбы за узбекский язык и узбекскую литературу. Ташкент, 1948, с. 44.

²⁴ См.: Благова Г. Ф. Тюркск. чагатай — русск. чагатай/-джагатай-. (Опыт сравнительного изучения старого заимствования). — В кн.: Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 167—205.

арабского, персидского (фарси) и тюркского: первого — как языка богословия и науки, второго — как доминирующего государственного и литературного языка и последнего, тюркского, — «красочного», широко распространенного, но который еще не поднялся до высот признанного языка поэзии и литературы. Отмечает Навои и смену литературных языков в Средней Азии, когда на место арабского приходит язык персидский; и затем, когда «держава перешла от арабских и сартских (иранских, — Д. Н.) султанов к тюркским ханам, то после эпохи Хулагу-хана... стали появляться поэты, писавшие на тюркском языке... Однако не было среди них людей, которые могли бы быть поставлены в ряд с упомянутыми персидскими поэтами...».

Во-вторых, Навои обращает внимание на тюркско-иранское двуязычие: «И между тем и другим народом наблюдается смешение и общение, а разговор между ними и понимание ими друг друга беспрепятственны». При этом он подчеркивает, что «все тюрок — дети и старики, воины и беки — понимают сартский язык», могут на нем свободно объясняться, а иранцы почти не владеют тюркским языком. Следует учесть, конечно, и тот факт, что жил Навои в Хорасане, местности искони с ираноязычным населением. Такая обстановка еще более затрудняла ту задачу, которую взял на себя поэт, прославляя тюркский язык.

Навои подчеркивает богатые синонимические возможности тюркского языка, для чего он приводит сто глаголов, значение ряда которых невозможно передать точно на персидском языке. Он показывает также и синонимию имен, наличие многих слов для обозначения названий деталей палатки-шатра, зверей, разновидностей дичи, названий лошадей по возрасту и масти, названий предметов быта и т. п.

Очень интересны грамматические сопоставления. Навои отмечает, что в тюркском глаголе имеются совместный и побудительный залоги, которые знает и арабский язык, но которых нет в морфологии персидского глагола. Рассматривает он также тюркский аффикс имени действующего лица, образование двух деепричастий, отглагольного имени, редупликацию прилагательных для выражения интенсива и другие грамматические особенности тюркского языка на фоне персидского и арабского. «В этих словах и выражениях (т. е. формах, — Д. Н.) много тонкостей подобного рода, но до нынешнего времени это было скрыто, так как никто не обращал внимания на истинное содержание их... Далее, поскольку совершенство тюркского языка подтверждается столькими доказательствами, следовало бы, чтобы появившиеся из среды этого народа даровитые люди приложили бы способности и дарования свои к собственной речи, а не проявляли бы себя в иных языках и не стремились бы к этому делу».

Навои показал, что обилие омонимов и омографов в тюркском языке позволяет шире и изящнее, по сравнению с персидским

языком, строить тажнис и ийхом — поэтические приемы, основанные на омонимии рифмующихся слов.

Алишер Навои пошел в своем творчестве по трудному пути создания большой литературы на тюркском языке. В конце трактата он как бы подводит итоги своей разносторонней деятельности в этом направлении, перечисляет свои основные произведения, ставшие крупнейшим культурно-историческим событием его эпохи. Именно Навои смог поднять престиж тюркоязычной литературы в глазах современников. Навои писал, что «есть надежда у меня, что помянут (за все сделанное в литературе, — Д. Н.) доброй молитвой меня, недостойного, и тем возврадуют дух мой». Алишер Навои был признан не только современниками, его имя и произведения навсегда остались в памяти потомков, он выдающийся классик средневековой тюркоязычной литературы.

Знамя тюркских стихов я поднял над собою,
Повеленьем страну покорил я без боя.

(Язык птиц)

О большой популярности Навои и о постоянном интересе к языку его произведений свидетельствуют многочисленные появившиеся позже на Востоке толковые и переводные словари к его сочинениям и грамматические комментарии, помогавшие лучше понимать произведения поэта.

Реформа тюркского литературно-письменного языка велась Навои в двух направлениях.²⁵ Опираясь на традиции своих предшественников — тюркоязычных поэтов, Алишер Навои в своем поэтическом творчестве мастерски совершенствовал тот тип (вариант) поэтического языка, который, развиваясь в рамках старой уйгуро-карлукской литературной традиции, характеризовался в грамматике и лексике включением определенного числа огузско-туркменских элементов, обилием арабо-персидских заимствований и изощренными поэтическими приемами. Именно такой язык представлен в его знаменитых диванах и поэмах. В то же время Навои «положил начало ограничению прозаического и поэтического

²⁵ См.: Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: Мир-Али-Шир; Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В кн.: Алишер Навои. М.—Л., 1946; Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1947, № 6; Благова Г. Ф. 1) Смена диалектной ориентации среднеазиатско-турецкого литературно-письменного языка XV—начала XVI в. — Советская тюркология, 1975, № 6; 2) О соотношении прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-турецкого литературно-письменного языка XV—начала XVI в. (К постановке вопроса). — В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976; 3) О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-турецкого письменно-литературного языка XV—начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабура). — В кн.: Тюркологический сборник. 1975, М., 1978.

вариантов литературно-письменного языка».²⁶ Он интенсивно развивал прозаический вариант языка путем расширения его языковой базы и обогащения новыми словами и формами из разговорного языка Средней Азии и Хорасана XV в., где известную роль играл и кыпчакский языковой компонент.²⁷ Этот функционально-стилистический вариант письменного языка базировался преимущественно на новых тенденциях развития тюркского литературного языка XV в. (как отмечали современники, язык Навои был близок говору андижанских тюрок). Дальнейшее развитие и закрепление данный тип языка получил в произведениях младшего современника Навои — султана Бабура, основателя империи Великих монголов в Индии.²⁸ Таким образом, Алишер Навои сыграл исключительную роль в лингвистической жизни своего времени.

Литературный язык, созданный Алишером Навои, развитый Бабуром и их преемниками и последователями, занял ведущее место среди тюркских литературных письменных языков, он оказал сильное влияние на ход последующей эволюции тюркских языков Средней и Малой Азии и Поволжья, представленных в многочисленных письменных памятниках.²⁹

---

²⁶ Благова Г. Ф. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов . . . (К постановке вопроса), с. 11.

²⁷ См.: Да нияров Х. 1) Эски ўзбек адабий тили ва қипчоқ диалектлари. Ташкент, 1976; 2) Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975.

²⁸ См.: Благова Г. Ф. Смена диалектной ориентации . . . , с. 28—32; Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 222—246.

²⁹ См.: Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — Вопросы языкоznания, 1979, № 2, с. 85—90.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Язык для индийской цивилизации явился исторически первым предметом специализированного теоретического¹ знания; навсегда он остался и одним из главнейших его предметов. Даже в XVIII в., когда творческая активность в прочих сферах уже практически замерла, Нагеша смог создать свои итоговые для паниниевской школы труды.² Исключительную важность грамматики для традиционной индийской культуры прекрасно выражает следующая строфа «Трактата о предложении и слове» (*Vakyapadīya*), принадлежащего перу крупнейшего лингвофилософа Индии — Бхартрихари (VI в.):

Tad dvāram apavargasya vāñmalāṇī cikitsitam
pavitraṇī sarvavidyānām adhividyaṇī prakāśate (1.14)

‘Она (т. е. грамматика) есть врата к бессмертию, целебное средство от загрязнений речи, освятительница всех знаний. Она светится в каждом знании’.

Ему вторит Анандавардхана, автор «Света дхвани», знамени того трактата о поэтике (IX в.): «Из ученых первые — грамматисты, ибо грамматика есть основание всех [прочих] наук». Наконец, подобное же высказывает и современный европейский исследователь: «Грамматический метод Панини был исторически столь же основополагающим для индийской мысли, сколь геометрический метод Евклида — для западной мысли».³

Постигая или описывая⁴ индийское языкознание, как, впрочем, и любую другую область чуждой нам, но высокоразвитой

---

¹ Слово «теоретический» следует понимать не в строгом смысле. Индийская «теория» безусловно противоположна эмпирии. Но теория, кроме того, есть форма представления научного знания, а индийская грамматика наукой не является (это никоим образом не означает, что она ниже науки).

² Субкомментарий на «Восьмикнижие» Панини и сборник правил интерпретации текста Панини (*Paribhāṣenduśekhara*).

³ Staal F. J. Twee metodische richtlijnen voor de filosofie (цит. по: Репоу L. Pānini. — Current trends in linguistics, v. 5, 1969, p. 497).

⁴ В европейской философии и науке окончательное разделение понимания и описания произошло сравнительно поздно; теперь они, правда, ста-

культуры, мы подвергаемся опасности впасть в одну из двух методологических крайностей, которых следует избежать. Существует, во-первых, соблазн исходить исключительно из своего собственного понимания объекта данной сферы знания (в нашем случае это язык), членить его в согласии с канонами современной науки, а затем выяснить, что было придумано и сказано индийцами о знакомых нам вещах. Будучи абсолютизирован, подобный способ рассмотрения лишит результаты древних всякой самостоятельной значимости — они станут лишь «ступенью» или «подходом» к нынешнему состоянию знания; в виде особой похвалы индийцам можно будет говорить тогда о «предвосхищении» ими достижений европейской лингвистики. Так мыслить, однако, было бы антиисторично, и просто неверно. Ведь преемственность, если отвлечься от частностей, не связывает европейское языкознание с традиционной индийской грамматикой; индийцы, описывая свой язык по крайней мере не хуже, чем это делают современные европейцы, делали это совсем не с той целью, что нынешние ученые; выработанная же ими методология вполне уникальна и не находит себе в Европе не только в сфере лингвистики, но и в науке в целом никакого аналога.

Такой подход уместно назвать гносеологическим эгоцентризмом; кратко он выражается в следующих словах: «Если в изучаемом тексте что-то кажется странным или непонятным, то его авторы чего-то недопонимали или ошибались». Противоположной крайностью оказывается ученически-традиционный подход. Он гласит: «Если в изучаемом тексте что-то странно или нелепо, то это означает, что я его еще не понял». Недостатки его также очевидны: во-первых, чтобы стать продуктивным для самого исследователя, он требует такой основательной начитанности в индийских грамматических — и не только грамматических — сочинениях и такой необъятной памяти, которые почти недостижимы; во-вторых, требуемое им безоговорочное принятие традиционных индийских категорий, таксономии и методологии игнорирует то обстоятельство, что потенциальными читателями работы, созданной в рамках этого подхода, будут европейски образованные лингвисты, т. е. люди, говорящие уже на своем «родном научном» языке; а известно ведь, что родной язык мешает изучению иностранного; с этим борются, сопоставляя и противопоставляя два языка.

В статье Т. Е. Катениной и В. И. Рудого «Лингвистические знания в древней Индии»,⁵ основное содержание которой предполагается известным читателю, уже затрагивалось индийское языкознание в средневековый период. Также и в данной статье мы

новятся уже противоположностями: иные лингвисты не говорят больше (наверное, и не думают тоже!) об истинности постижения, но лишь об удобстве описания. Для традиционной же Индии описание и понимание всегда были парой фундаментнейших противоположностей, соответствующая двум излюбленным предметам размышления и осознания — языку и психике.

⁵ История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 66.

не ограничиваемся Средними веками, описывая суммарно некоторые результаты древности, ими не упомянутые.

Лингвистическое наследие традиционной Индии настолько богато и обширно, являемая им степень технической изощренности настолько высока, что было бы неуместно и бесполезно описывать здесь какие-либо частности ради них самих; они поэтому служат исключительно примерами. В основном мы изложим главные методологические принципы индийского языкоизучания, по большей части пренебрегая хронологической последовательностью. Индийцы, во всяком случае до мусульман, были совершенно равнодушны к истории и хронологии; датировать их грамматические трактаты и словари — внешняя по отношению к изучению их и довольно маловажная задача при наблюдаемом в них преобладании преемственности и традиционности формы. Поделить развитие индийской лингвистики на древнюю (античную) и средневековую эпохи будет явной натяжкой, за исключением разве что лексикографии, появившейся в начале средневековья.

Историю изучения индийцами языка и размышлений о языке можно представить в виде некоторого круга. Познание языка началось с практических нужд сохранения в неизменном виде текстов *вед* и традиции их понимания и использования в прагматике ритуала, преследовавшего посюсторонние цели — обретение богатства, потомства, власти и пр. Исторически были развернуты мощные средства анализа и описания планов выражения (фонетика, фонология, грамматика, лексика) и содержания. В дальнейшем эти средства были использованы для реставрации и пересоздания ритуала, приобретшего новый смысл и примененного в религиозно-йогических целях достижения потустороннего. Таким образом, начало и конец пути, пройденного индийским теоретическим знанием о языке, равно находятся в сфере практического использования языка, работы с ним. По-видимому, сознание того, что язык есть прежде всего вид деятельности (противоположное как старому европейскому пониманию языка как номенклатуры или множества наименований, так и новейшему толкованию его как системы знаков), никогда не оставляло древних и средневековых индийских теоретиков.⁶ Такое понимание языка, весьма несходное с привычными нам взглядами, продолжающими, несмотря на частое признание их неадекватности, влиять на практику научного исследования, значительно затрудняет осмысление и интерпретацию лингвистических достижений индийцев, приводя к искажениям и модернизациям. Например, как совершенно справедливо заметила недавно Т. Е. Катенина, в труде Панини безосновательно видели лингвистическую теорию.⁷

⁶ Staal F. Oriental Ideas on the Origin of Language. JAOS, v. 95, N 1, p. 9.

⁷ История лингвистических учений. Древний мир, с. 81.

Обозначив таким образом отправную точку развития индийской лингвистической и лингвофилософской мысли и его итог, нужно сказать и о его внутреннем механизме. Логически — а в той скучной мере, в какой это можно проверить для индийских условий, и исторически — он представляет собою тенденцию снимать содержание, низводя его до формы: формалистическая грамматика, учитывая значение слова только тогда, когда оно может повлиять на план выражения, создана была раньше, чем словари; факт наличия у слов «не вполне словарных» и вполне несловарных значений был систематически осмыслен еще позднее. Наше изложение упорядочено по тому же принципу: после описания методологии грамматистов на примере классического и наиболее известного труда Панини мы переходим к лексикологии и далее к высшим уровням семантики.

Интерпретировать лингвистическое и лингвофилософское наследие Индии мешает еще обычное игнорирование буддийской культурной традиции, достижения которой, причем в первую очередь не лингвистические, составляют далеко идущую параллель развитию брахманистской собственно языковедческой мысли. Сопоставление *абхидхармы*, зафиксированной первым этапом буддийской философии, с трудами школы Панини позволяет вычленить важные аспекты методологии, общие буддийским философам и брахманским грамматистам и в текстах нигде явно не выраженные.

Предварительно дадим самые общие сведения об абхидхармистских текстах.

Будда (VI в. до н. э.), как известно, отверг авторитет вед. У его последователей место вед заняли передававшиеся по памяти беседы и проповеди учителя — *сутры*. Буддийские сутры тяготеют к блочной структуре, к повторам. Учение излагается в стереотипных, отшлифованных формулах; построение соседних блоков тождественно или почти тождественно, замене подвергаются лишь входящие в формулу элементы, а сами блоки, как правило, располагаются сериями. Элементы, заменяемые в соседних блоках, образуют разного рода оппозиции, легко вычленимые. Совокупный объем сутр весьма велик, а слова-элементы формул, включенные в оппозиции и выступавшие также как фиксированные элементы коротких списков (вроде «нравственность, вера, энергия, памятование, мудрость»), охватывали практически всю семантическую сферу, описывающую психическую жизнь человека. Была, таким образом, создана первоначальная классификация одной из важнейших частей лексики.

Учение Будды именуется у самих буддистов *дхармой*. Этим же словом обозначается и содержание учения. Наименьшая структурная единица канонического текста получила у ранних комментаторов наименование *dharmaskandha* 'часть, небольшой раздел учения как текста'. Данное значение этого сложного слова, очевидно, является исконным. Однако эта композита может быть раз-

ложена и иным способом: не dharmasya skandha, что дает выше-приведенное толкование, а dharmāt̄ skandha, т. е. 'пучок, связка дхарм', и слово «дхарма» получает смысл не учения, а его предмета — мира индивидуальной психической жизни и способов его радикального преобразования. Дхарма, таким образом, становится «элементом психической жизни», приобретает значение, характерное для ранней буддийской философии — *абхи-дхармы*. Литература первичной абхидахармы, составляющая третий крупный раздел буддийского канона, выросла из классификации, упорядочения и систематизации элементов блочной структуры сутр. Смысловой единицей учения становится не дхармаскандха, а дхарма — термин, выражющий психическое явление, полагаемое фундаментальным, не выводимым из прочих явлений психики. Абхидахармистская литература состоит из нескольких трактатов, в главном из которых дан перечень всех первичных (элементарных) дхарм, список терминов — оснований классификации дхарм, а также исчислены все реально (с точки зрения абхидахармистов) встречающиеся их сочетания. Все эти спискилагаются конечными и закрытыми, а сам трактат дает полное и исчерпывающее знание всех возможных психических состояний. Остальные трактаты можно назвать обслуживающими главный.

Сопоставим теперь абхидахарму и «Восьмикнижие», прежде всего — названия этих двух дисциплин. Труд Панини (и подобные ему не дошедшие до нас более ранние работы) называется *vedānāt̄ veda* 'веда вед', 'веда о ведах' или, допуская варварское сочетание санскрита с греческим, 'мета-веда'. У буддистов, как мы видели, место вед в смысле безусловного авторитета заняло «слово Будды», дхарма. Согласно абхидахармистской философии, все, что существует, суть дхармы и сочетания дхарм. Стало быть, сама эта философия тоже есть сочетание дхарм. Но это дхарма, толкующая о дхармах. Значит, она есть «мета»-дхарма. Итак, «Восьмикнижие» и абхидахарма оба суть комплексы знаний, созданные на основе некоторых текстов и сами текстуально закрепленные; задача их — обосновать и канонизировать тексты, служащие им основой. В отношении того, что ими канонизируются, данные дисциплины противопоставлены: труд Панини закрепляет способ в я р а ж е н и я, форму текстов; абхидахарма же закрепляет с о д е р ж а н и е учения Будды.

Слово «веда», далее, означает первично «знание», а раз так, то «веда вед» оказывается «знанием знания», иначе — абсолютным знанием. Равно и абхидахарма толкуется как «незапятнанная мудрость».⁸ Мудрость же в буддийской философии есть способность видеть все, как оно есть, т. е. то же абсолютное знание.

Рассмотренная пара названий, сведенная нами к «мета»—дхарме или веде, указывает как на предмет знания, так и на его

⁸ Abhidharmakośakārikā, I. 3: Abhidharmo'māla prajñā.

метод. «Восьмикнижие», кроме того, называется часто словом *vuyākaraṇa*, обозначающим только метод. Переводимое обычно как «грамматика», это слово означает этимологически «расчленение» и одновременно «делание явным» и употребляется не только применительно к лингвистическим трудам, но и к абхидхарме (что малоизвестно): комментатор палийского буддийского канона указывает, что вся абхидхарма именуется также *veyyākaraṇa* (соотв. санскр. *vuyākaraṇa*).⁹

Таким образом, обнаружилось, что буддийская философия-психология и брахманская грамматика имеют по два попарно сходных наименования, относящихся к используемому ими методу. Это совсем не случайно: примененная в этих двух дисциплинах методология, в которой неразличимо слиты собственно метод познания, рефлексия этого метода и способ текстуального представления результатов познания, в основных своих чертах действительно одна и та же. Приоритет в ее разработке принадлежит, по всей вероятности, грамматистам, а не буддийским философам, поскольку для описания языка она явно подходит больше, чем для программы-теории переустройства психики, однако излагать ее лучше будет сопоставительно: если не упоминать об абхидхарме, то может показаться, что выделяемые нами характеристики придуманы *ad hoc* или случайны. Но еще до изложения внутренних черт этого метода необходимо определить все отличие его от европейской науки. В европейской науке вопрос «зачем это изучать» традиционно не ставился и возник только в XX в. (ср. в связи с этим дискуссии о соотношении науки и нравственности и пр.). Можно, пожалуй, утверждать, что ученые склонны изучать нечто просто потому, что предмет изучения интересен (вызывает любопытство) и поддается познавательным усилиям (удовлетворяет любопытство). Конечным результатом изучения предполагается познание сущности предмета. Напротив, индийцы никогда не изучали чего бы то ни было из чистого любопытства. Если создается или уже имеется комплекс специального знания, то всегда известна цель — социальная или индивидуально-психологическая — его создания, известен и адресат, который должен воспринять это знание, и все это знание с самого начала строится с ориентацией только на эту цель и только на этого адресата. Вопрос «как это на самом деле?» не имеет для традиционного индийца смысла в отрыве от вопросов «для кого?» и «зачем?». Абхидхармисты изучают не психику вообще, а психику в видах ее преобразования — и только. Грамматисты занимаются языком не просто так, а обеспечивают чистоту сакрального языка и понимание вед.

Имея в виду сделанную оговорку, сформулируем такие характеристики методологии «абсолютного знания».

⁹ Atthasālinī. Ed. PTS, v. 29. London, 1897, p. 26.

1. Вся подлежащая познанию область явлений порождающаяся-описывается (нераздельность познания и его текстуального представления!) сочетаниями конечного набора первичных и явно заданных в тексте единиц. — Для абхидахармистов это первичные дхармы. Для грамматистов это фонемы, корни и суффиксы.

2. Коль скоро набор единиц конечен, любое явление в принципе «исчислимо». Познание не движется от явления к сущности; эти категории оказываются совершенно излишни. Поэтому нет и не может быть единого термина, обозначающего некоторый предмет вообще как носителя своих свойств (ибо этот термин должен был тогда отражать сущность предмета, а говорить о ней нет смысла): он получает столько наименований, сколько качеств необходимо в нем выделить для целей данной дисциплины. В палийском комментарии на каноническую абхидахарму об этом говорится прямо. Вот несколько примеров из грамматики: нет термина «дательный падеж» (т. е. для самих грамматистов нет и дательного падежа, а не только термина), а есть «окончание дательного падежа», причем в единственном, двойственном и множественном числах по отдельности, есть «дательный падеж как член падежной парадигмы» (обозначается просто порядковым номером — «четвертый») и есть «значение дательного падежа» (или «глубинный дательный») — «давание». Нет просто «долгих» или «кратких» гласных, есть отдельно «просодически долгие и краткие» (букв. «тяжелые и легкие») и «фонематически долгие и краткие». Нет некоторого конкретного глагольного корня как такового: если корень спрягается несколькими способами, то он помещается в списке глагольных корней соответствующее число раз, т. е. считается не одним, а несколькими.

3. «Исчислимость» явлений имеет еще одно важное следствие: можно обходиться без понятий, используя вместо них имена классов. А именно набор первичных единиц членится многими способами на классы, из которых каждый получает наименование. Отличие классов от понятий в том, что первые не обязаны как слова обладать внутренней формой, дающей пищу интуиции. В грамматике имена классов часто вообще не являются нормальными словами. Если они все же слова и имеют внутреннюю форму, то это скорее вопрос удобства. Было бы вполне в духе индийских грамматистов назвать префиксы, корни и суффиксы хотя бы «столом», «стулом» и «пивной кружкой», как предлагал заменить термины «плоскость», «прямая» и «точка» немецкий математик Гильберт. Имена классов, далее, все явно вводятся, тогда как «невозможно дать непосредственное определение понятия» (Гегель).

4. Процедуру образования классов можно повторять, строя классы классов и пр. Так создается иерархия определяемых и определяющих. Вполне определяемыми оказываются классы некоторого предельного порядка, далее в классы не группируемые. Вполне определяющими являются элементы первичного набора. Внутри самого корпуса знания они определяются только друг

через друга, а на «входе» знания лишь поясняются со ссылкой на обыденное словоупотребление.

5. Данная сфера знания впервые была возвещена носителем более нежели простого человеческого разума. В грамматических кругах полагали, что Панини получил главные сведения и метод от бога Шивы; текст, изреченный Шивой («Шивасутра»), предполагается самой грамматике. В буддийских источниках утверждается, что абхидхарму проповедовал Будда, но не людям, а богам, и это знание стало известно людям лишь благоприятным стечением обстоятельств.

6. Сверхчеловеческий автор преподал не готовое знание, а его матрицу (ср. абхидхармистский термин *māṭka*), т. е. генотип, порождающую модель. Свернутая форма знания далее развертывается усилиями людей — абхидхармистами для буддистов, Панини и его комментаторами для грамматистов. Развертывание есть не создание нового, но лишь явное выражение знания, которое потенциально заложено уже в генотипе. Чем умнее человек, тем менее он в этом развертывании нуждается.

7. Поэтому адепт данного знания стоит выше обыденных людей. Занятие своей дисциплиной ведет его к религиозным достижениям — счастливому будущему рождению или освобождению. Превосходит он прочих людей, в частности, тем, что имеет возможность наблюдать непосредственно единицы первичного набора, ненаходимые в сфере обыденного опыта. — Йогин в состоянии сосредоточения «видит» дхармы как таковые. Грамматист оперирует вычлененными из обычной речи морфемами, которые при общедневном пользовании языком самостоятельно не встречаются, и *анубандхами* — искусственными морфемами, присоединяемыми к корням и суффиксам для указания особенностей словоизменения, словообразования, места ударения и пр. Анубандхи и вовсе не имеют аналога в обыденной речи.

Рассмотрим теперь еще раз обозначающее грамматику словосочетание «веда вед», обратив сейчас внимание на первое слово в нем — «веда». Им утверждается, что «Восьмикнижие» тоже веда, имеет с ведами общие свойства. Каковы же они? И есть ли они вообще? Такие свойства действительно обнаруживаются. Согласно точке зрения Мимансы, наиболее ортодоксальной из всех индийских философских систем, веды вечны и не сотворены, не имеют автора. Подобная самодостаточность текста не только означает приписывание ему уникального онтологического статуса; она также превращает его в уникальный лингвистический объект. А именно в таком тексте оказываются тождественными, неразличенно осуществленными две основные функции языка: реализация мышления и коммуникативная. В самом деле, в тексте, лишенном автора, не актуализовано ничье мышление, поскольку индийцам вполне чужда идея мышления, не являющегося функцией некоторой личности. Никем и никому в этом тексте ни о чем не сообщается. Однако в любом акте его использования — в ри-

туале, например, — наличны коммуникация, в аспекте восприятия, и мышление. Паниниевское «Восьмикнижие» также обладает указанным свойством, но уже не только для ведийских ортодоксов, но и для нас. Применительно к ведам высказанное выше суждение об их уникальности как текста было лишь выражением традиционной точки зрения в современных терминах. Не так с Панини. Тождество мышления и сообщения в «Восьмикнижии» выступает сначала как чисто негативное, как тождество двух ничто: и то и другое в нем на первый взгляд отсутствует. Сообщения нет, т. е. коммуникация не осуществляется, поскольку труд Панини совершенно невразумителен для знающего обычный санскрит. Мысления тоже нет, если считать необходимым признаком мышления оперирование понятиями. Понятия, хотя и не отсутствуют полностью в данном тексте, находятся на крайней периферии его содержания, а тенденция обойтись без них вовсе бесспорна.

Однако текст «Восьмикнижия» должен эффективно функционировать в обществе, выполняя свою задачу, а прежде всего — быть понятным. Это объясняет следующую и последнюю выделяемую нами характеристику методологии «абсолютного знания».

8. Для дальнейшего разъяснения данного предмета знания создается комментарий-толкование к основному тексту — *bhāṣya*. Существенная черта такого комментария — разделение и, следовательно, раздельное появление в нем двух языковых функций. Бхашья пользуется, во-первых, понятиями, которые частично дублируют имена классов, но, будучи словами, обладают в отличие от последних внутренней формой и прямо не определяются, частично же составляют интерпретирующую надстройку над ними. Коммуникативная функция, далее, явно осуществлена построением текста в диалогической форме. Например, для текста «Махабхашьи» Патанджали выявлены три роли — ученика, молодого учителя и мэтра, знающего все.¹⁰ В других бхашьях изложение часто строится в виде дискуссии с действительными или воображаемыми оппонентами. Труд Патанджали, по-видимому, стал таким же образцом жанра бхашьи, как «Восьмикнижие» — образом жанра сутры. Об этом свидетельствует само его название — «Великий комментарий», великий не своим объемом и не как лучший из комментариев на Панини, а как комментарий вообще.

Вернемся к «Восьмикнижию». На каком языке составлен этот текст? Разумно считать, что на санскрите. Ведь общеизвестно, что только этот язык обслуживал брахманскую образованность. Равно обоснованно и утверждение, что труд Панини составлен не на санскрите, поскольку справедливо требование, что любой текст, составленный на некотором языке, должен быть первично понятен человеку, знающему этот язык, — понятен просто в лингвистическом смысле, т. е. как языковая форма. Для «Восьмикни-

¹⁰ Schärf e H. Die Logik im Mahabhaṣya. Berlin, 1961.

жия» это условие не соблюдается. Итак, «Восьмикнижие» составлено на санскрите и не на санскрите. Получившуюся антиномию следует разрешать так: данный текст составлен на санскрите, который еще не стал санскритом; язык санскрит есть итог, результат этого текста. Этот вывод не противоречит второй вартике Катьяяны siddhe śabdārthaśambandhe ‘связь слов с предметами считается заранее установленной’, ибо в ней имеется в виду наличие языка вообще, куда включаются как правильные языковые формы (*śabda*), так и неправильные (*apaśabda*), а санскрит — это только правильный язык. Но в некотором смысле создается и вообще язык. Язык вначале налично дан, затем он свертывается в чистую потенцию, в генотип, в котором нет еще ни слов, ни морфем, и вновь развертывается, обосновывая тем самым самого себя. Это развертывание и называется вьякараной. Результатом развертывания языка в «Восьмикнижии», далее, является есть язык, а значит, этот труд содержит полное и исчерпывающее знание о нем, т. е. вновь абсолютную истину. Данная формулировка решает дилемму о методе «Восьмикнижия»: представляет ли оно собою теорию языка или необычайно искусное его описание (эмпирию)? Понятно, что абсолютное знание равно противостоит как теории — знанию, выраженному в законах и понятиях, так и эмпирии — знанию единичных фактов.

Изложенные характеристики представления знания в виде текста, а также традиционного отношения к этому знанию более всего оправдываются языковедческими работами, прежде всего «Шивасутрой» и «Восьмикнижием». «Шивасутра» есть организованный список фонем, кроме того, вариантов фонем, фонологизированных искусственной грамматической терминологией. Поэтому есть доля истины в традиционном утверждении, что грамматика заложена уже в них. «Грамматика» (вьякарана) изучает и порождает наблюдаемые языковые формы, первичные элементы текстов. Но никакой текст не выходит за пределы фонем, наличен вначале только как их последовательность, значит в некотором смысле уже заложен в «Шивасутре». Каким же образом генотип «Шивасутры» развертывается в грамматику? Фонемы и группы фонем определяются в «Шивасутре» через фонемы же, иными словами, в ней ни одной морфемы нет. Из этого должно следовать, что данный текст вполне бессмыслен, но тогда непонятно, зачем он нужен. Однако, рассмотрев любую *pratyaharу* (обозначение фонемного класса), мы видим, что она есть двусторонняя единица, т. е. морфема. Означаемое этой морфемы — фонемы, из которых она сама (в сокращенном виде) составлена. Итак, в «Шивасутре» фонемы, определяя самих себя, в процессе этого определения порождают единицы следующего языкового яруса — морфемы; вполне допустимо назвать это эманацией морфем из фонем. Подчеркнем, что взаимоопределение фонем в данном тексте существенно отлично от обычной лексикографической практики определения синонимов друг через друга. Цель словарного опре-

деления — значение с л о в а; круговое определение показывает только, что это значение есть и п в а р и а н т значений синонимов, но не что оно есть само по себе. Значение, общее группе синонимов, лежит за ее пределами и не может быть определено никакими операциями в и у т р и данной группы. Напротив, фонемы как таковые ничего не означают, и при построении из них пратьяхар мы не выходим за пределы их, ибо ничего, кроме них самих, не определяем.

В «Шивасутре» фонемы порождают морфемы, обозначая самих себя. По аналогии можно ожидать, что в «Восьмикнижии» морфемы породят слова, также обозначая самих себя. Действительно, это так. Понятие морфемы у Панини отсутствует, но это не удивительно. Отсутствует также и имя класса, которое бы объемно совпадало с данным понятием. Морфемы обычного языка, далее, не встречаются у Панини в своем чистом виде, изолированном от морфологического окружения, присущего им в санскрите. Корневые морфемы (*dhatu*) приводятся вместе с анубандхами в тексте «Дхатупатхи». Вводимые в сутрах постфикссы (*pratyaya*) равным образом никогда не выступают без анубандх. Одноморфемные служебные слова собраны в «Ганапатхе» без анубандх, за двумя исключениями, где анубандхи различают омонимы, но эти единицы не только морфемы, они именуются у Панини *nirāta* 'выпавшие' (из грамматики в обычный язык, не претерпев изменений). Искусственные морфемы (анубандхи), когда они используются, составляют только часть операнда в тексте грамматики. Набор постфикссов, снабжаемых одной и той же анубандхой, образует класс; например, безударные суффиксы получают анубандху *P*. Имя класса образуется прибавлением к *P* метаанубандхи. Итак, ни естественные, ни искусственные морфемы изолированно не употребляются. Исключение составляют только два класса искусственных морфем: 1) морфемы, полученные в «Шивасутре», и 2) (некая) анубандха, обозначающая анубандху (как таковую). Этот второй класс представлен единственным элементом — *IT*. Искусственная морфема, обозначающая искусственную морфему, а именно это есть *IT*, является полным аналогом фонем, обозначающих фонемы; она употребляется самостоятельно — *ādirantyena sahetā* (Аштадхьяи, 1.1.71), — принимая падежные окончания, и, следовательно, является с л о в о м. Таким образом, морфемы породили слово вообще, как возможность всякого конкретного слова. Так как Панини описывает и некоторые аспекты синтаксиса, должна иметься возможность породить предложение. Для этого необходимо, чтобы существовало слово, значением которого было бы слово, во-первых, как таковое — в о о б щ е слово, а во-вторых, как именно с л о в о — единица языка, качественно отличающаяся от единиц низшего порядка. Слово отличается от морфемы тем, что имеет не только означаемое, но и референт. Значит, ожидаемое нами в тексте грамматики слово должно переводиться как «референт», или наоборот — «знак», поскольку,

задав одно из этих понятий, мы неизбежно задаем и второе. «Знак» на санскрите *samjñā*, и это слово принадлежит к самым употребительным у Панини, уступая в частоте немногим, вроде «нет», «или нет» (=«не обязательно»), «начальный [элемент]», «конечный [элемент]» (соответствует *na*; *vibhaśā*, *vā*, *anyatarasyam*; *ādi*, *rūgva*; *anta*).

Слово *samjñā* создает предложение; логически первым этапом построения грамматики является введение классов, т. е. поименование или присваивание знака. Первая сутра Панини *vṛddhir ādaic* означает *ādaic vṛddhisamjñāḥ* ‘вридхи есть знак для а, ai, au’. Укажем для сравнения, что «дхарма» — неопределенное в «матричной» абхидхарме имя класса — в комментариях толкуется как «то, что может быть обозначено».

Возможность порождения языковых единиц любого яруса теперь гарантирована. Опишем главнейшие из имен классов.

1. *Dhātu*, переводимое традиционно как «корень». Сначала элементы этого класса задаются по сутре 1.3.1 *bhūvādayo dhātavāḥ* ‘*bhū* и т. д. [называются] *dhātu*’ ссылкой на список («Дхатупатха»), прилагаемый к тексту грамматики. Затем в третьей книге излагаются правила порождения из них производных глагольных основ — дезидератива, каузатива и интенсива, а также правила образования деноминатива, и все эти основы получают по сутре 3.1.32 то же название *dhātu*. Интересно, что подобный способ определения, примененный у Панини не однажды, широко используется в современном машинном программировании, где называется «языком Бэкуса».

2. *Pratyaya* ‘постфикс’. Определяется управляющей сутрой 3.1.1. *pratyayaḥ*, как то, что описывается в разделе грамматики, ею управляемом. Это книги III—V. Постфиксы подразделяются на следующие подклассы: 1) *sUP* ‘падежное окончание’; 2) *tiN* ‘личное окончание’; названия этих двух классов образованы из *первого* члена каждого из них (окончания именительного падежа единственного числа и третьего лица единственного числа активного залога, соответственно) и анубандхи *последнего* члена каждого класса, т. е. по методу «Шивасутры»; 3) *sanādayaḥ* — образующие из *dhātu* или из именных основ производные глагольные основы; 4) *kṛt* — постфиксы, присоединяемые к *dhātu* и образующие основы имен (к которым далее могут присоединяться падежные окончания и суффиксы следующего класса *taddhita*), а также деепричастия и инфинитивы; 5) *taddhita* — постфиксы, присоединяемые к именной основе; 6) *striyām* ‘образующие форму женского рода’.

Особый класс составляют *uṇādayaḥ* ‘постфиксы, первый из которых [называется] *uN*’. Они не описываются в тексте Панини, но служат предметом отдельного труда *Uṇādisūtra*. *Uṇādayaḥ* представляют собой подкласс *kṛt*, а выделяются из них по соображениям семантики: значение этих постфиксов неясно (отмечается, что они не обозначают *kāraka* ‘участников ситуации’,

кроме деятеля), тогда как описываемые у Панини постфикс-классы класса *kṛt*, как правило, прозрачны семантически. Помимо того, все *upādayaḥ* непродуктивны и нечастотны. Трактат *Upādisūtra*, хотя и не связан с «Восьмикнигием» так тесно, как «Дхатупатха» и «Ганапатха», вполне может считаться если не приложением, то дополнением к нему. Так его воспринимали, по-видимому, позднейшие грамматисты: Чандрагомин (см. о нем ниже) написал не только грамматику типа паниниевской, но и согласованную с ней «Унадисутру». В связанный с «Восьмикнигием» «Унадисутре» приведено примерно 1600 слов, произведенных от корней с помощью 211 аффиксов. По большей части возведение слов к корням корректно, нередко вызывает сомнения, иногда очевидно неверно (например, *go* ‘бык’ возводится к *gam* ‘ходить’, *tri* ‘три’ — к *tṛ* ‘переправлять, спасать’), а в некоторых случаях просто анекдотично, как с *mūrdhan* ‘голова’, которое производится от корня *mūh* ‘дуреть’, поскольку, «если ударить человека по голове, то он одуреет». Однако даже ложные и абсурдные этимологии обнаруживают у автора «Унадисутры» отличное знание того, каким фонетически может быть санскритский корень. Разлагая фактически одноморфемное (например, заимствованное) слово на корень и аффикс, он выделяет как корень группу фонем,ирующую фонетически быть корнем, — односложную, имеющую на конце (если вообще имеющую) лишь определенные согласные или их сочетания и пр.

Выделение *upādayaḥ* в отдельный трактат вполне объяснимо: именно наличие в языке слов, образованных суффиксами такого типа, дает основание считать уровень слов особым и отделенным от уровня морфем с чисто лингвистической, а не только с семиотической точки зрения. Если бы все слова получались соединением корня или первичной основы с аффиксом таким образом, что значение слова выводилось бы из суммы значений составляющих его морфем, то тогда единственным признаком, отличающим слово от морфемы, была бы его способность к референции, а этот признак лежит за пределами собственно лингвистики.

3. *Prātipadika* ‘именная основа’. Определяется сутрой 1.2.45. *arthavat adhātūr apratyayāḥ prātipadikam* ‘то, что имеет смысл, [но] не есть [ни] *dhātu*, [ни] постфикс, [называется] *prātipadika*’.

4. *Pada* ‘словоформа изменяемого слова’ есть «оканчивающееся на личное или падежное окончание» (*suptiñantaṁ padam*, 1.4.14).

5. *Avyaya* ‘неизменяемое’. Определяется в сутрах 1.1.37—1.1.41 перечислением подклассов. Сюда попадают первообразные наречия и служебные слова, инфинитивы, деепричастия, местоименные наречия и пр.

Если счесть *avyaya* пересечением классов *pada* и *prātipadika*, что будет нарушением паниниевской терминологии, но не породит противоречий, то соотношения между введенными классами

можно будет представить в виде такой таблицы, где знак «→» следует понимать как «переводит, превращает в»:

sanādayaḥ:	1. dhātu → dhātu
kṛt:	2. prātipadika → dhātu
taddhita:	dhātu → prātipadika
sUP:	prātipadika → prātipadika
tiṄ	pada → pada

6. Samāsa ‘сложное слово’ определяется в сутре 2.3.1 так: «то, что [описывается] до [первого появления в тексте после данного правила слова] кафага, [называется] samāsa (prākkaṭārāt samāsaḥ). Виды сложных слов у Панини следующие: avyayībhāva ‘ставшее неизменяемым’, tatpuruṣa, bahuvrīhi, dvandva. Последние три названия теперь вошли в европейскую лингвистическую терминологию. Изящную классификацию разрядов сложных слов мы находим у Патанджали, который толкует их соответственно как композиты «с главным первым компонентом» (это оправдывается строением слов данного типа в санскрите, ср. anugāṅgam ‘вдоль Ганга’); «с главным вторым компонентом» (tatpuruṣa, например puruṣa ‘человек’, tat — основа местоимения третьего лица, tatpuruṣa ‘его человек, слуга’); «с главным компонентом, находящимся вне данного слова» (адъективные композиты bahuvrīhi, например vrīhi ‘рис’, bahu ‘много’, bahuvrīhi ‘тот, у кого много рису’); «с равноправными компонентами» (сочинительное сложное слово, ср. mātāpitaraḥ ‘отец и мать’, ‘родители’).

Основные понятия комментаторов Панини не всегда полностью согласуются с системой имен классов в «Восьмикнижии». Патанджали во вводной главе своего труда интерпретирует ведическую цитату, в которой описывается бык с четырьмя рогами, семью ногами и пр., утверждая, что бык есть речь, четыре его рога суть четыре части речи — имя (nāma), глагол (ākhyāta), предлог (upasarga) и частица (nipāta), семь ног — семь падежей (vibhakti) и т. д. Четырехчленная система частей речи не оправдывается материалом «Восьмикнижия», в котором upasarga является подклассом pīṭa, а последнее подклассом auyaua. Термин же vibhakti объемлет у Панини не только падежные окончания (а не падежи), но и личные окончания глагола. Эти понятия были, по-видимому, заимствованы комментаторами из другой и более ранней традиции, как и другие термины вроде vikarāṇa ‘элементы, образующие основы презенса от глагольных корней’.

Поскольку примененная Панини генотипическая форма представления знания действительно дала описание-порождение языка, близкое к идеальному, большого простора для творческой активности в рамках основанной им школы не оставалось. Комментаторство, разъяснение не только основного текста, но и толкования Патанджали, вартики Катьяяны и даже субкомментариев становится почти единственным занятием позднейших предста-

вителей этой традиции. Это закономерно, ибо сама грамматика Панини тоже может с традиционной точки зрения рассматриваться как комментарий к «Шивасутре».

Если форма «абсолютного знания» принимается, то нечто новое, хотя бы композиционно, если не содержательно, может появиться при изменении взгляда на предмет знания. Предмет «Восьмикнижия» назван в вартике Катьяяны *yathā laukikavaidikeśu* ‘согласно ведическому и обиходному [в среде брахманов] словоупотреблению’. Неортодоксальные философско-религиозные школы, не признававшие авторитета вед, — буддисты и джайны — не нуждались в описании особенностей ведического языка; для их потребностей грамматика Панини содержала частично ненужные сведения. Следует еще учесть, что абсолютное знание бесконечно, а поэтому его развернутое, полное текстуальное представление также должно быть бесконечным, и проблема наиболее с ж а т о г о изложения, сохраняющего все содержание и одновременно достаточно понятного, становится важнейшей. Существует легенда о том, как бог Брихаспати излагал богу Индре грамматику в несвернутом виде. Он приводил все словоформы существительных и глаголов, но и через тысячи лет не смог прийти к концу. В изложении легенды дается резюме: если даже богам не хватит времени на пространное представление грамматики, то тем более необходимо свернутое изложение ее людям с их короткой жизнью. Комментатор абхицхармы также утверждает, что каждый из абхицхармистских трактатов в своем полном виде «неизмерим и бесконечен».

Для текста, столь высоко формально организованного, как «Восьмикнижие», выбрасывание части сутр, трактующих особенности языка вед, должно приводить к изменению всей структуры и к необходимости переписать оставшуюся часть заново. Данные обстоятельства проясняют, почему авторами позднейших трудов типа паниниевского оказывались буддисты и джайны. К V в. н. э. относятся работы буддиста Чандрагомина и джайна-дигамбара Джайнендры. В обеих заметна тенденция к достижению еще большей, сравнительно с Панини, краткости. Чандрагомин сократил на одну пратьяхару «Шивасутры», объединив *hayavaraṭ* и *laṇ* в *hayavaralaṇ*. Вместо термина *samjñā* он пользуется его синонимом *nāma*, что несколько короче. В подавляющем большинстве случаев его сутры представляют собой переформулировки паниниевских, и лишь 35 принадлежат ему самому. Все они были позже включены в комментарий паниниевской школы. Еще более стремление к краткости характерно для Джайнендры. Так, термин Панини *sāṃyoga* ‘последовательность согласных, не разделенная гласной’ он заменяет на искусственный термин *spha*; *avuya* ‘неизменяемое’ называет *jhi*; *vrddhi* ‘сильную ступень гласного’ — *aip*. К VIII в. относится грамматика джайна-шветамбара Шакатаяны (не путать с древним грамматистом Шакатаяной). Она еще менее оригинальна. Позднейшие грамматические описания

санскрита представлены либо учебными пособиями, составлявшимися преимущественно в рамках школы Панини, либо сектантскими грамматиками, не представляющими научного интереса. Система анубандх в них не употребляется; иллюстрации на грамматические правила и термины грамматики берутся из имен почитаемых сектой богов и связанных с ними мифов. Например, в грамматике Рупагосвамина (XV—XVI вв.) гласные обозначаются именами воплощений Вишну.¹¹

Грамматики пракритов (кодифицированных в литературе форм среднеиндийской речи) опираются на санскрит, рассматриваемый как эталонный язык; составлены они также на санскрите. Самая ранняя и авторитетная из них принадлежит Вараручи. В дошедшем до нас виде она состоит из 12 глав, из которых подлинными признаются только первые девять, где описывается важнейший пракрит — махараштри. Трактат начинается правилами замены единиц низшего яруса языка-эталона (т. е. санскритских фонем) на пракритские. Эта первая группа правил расположена в порядке санскритского алфавита: излагаются замены санскритского а, ā, i, ī и прочих гласных, затем одиночных согласных, групп согласных (главы первая, вторая и третья соответственно). В четвертой главе рассматриваются уже замены единиц следующего яруса, т. е. дается морфонология и частично морфология — замены некоторых суффиксов, изменение в типах основ существительных и пр. Пятая глава трактует изменения в склонении и принадлежности имен к грамматическому роду, шестая — словоизменение местоимений, седьмая — спряжения. Наконец, в восьмой главе заменяемыми элементами становятся уже не служебные, а корневые морфемы (она так и называется — «глава о замене корней»), а в девятой главе перечисляются частицы, не совпадающие с санскритскими и не выводимые из них по правилам замены единиц низших ярусов. Таким образом, труд Вараручи построен как описание отклонений пракрита от санскрита на всех ярусах языка, начиная с низшего. Это наиболее экономный способ, поскольку предписывать изменения в высших ярусах, используя его, нужно только тогда, когда они еще не описаны в низшем ярусе.

Пракритская грамматика Хемачандры (XIII в.) заключает его санскритскую грамматику, будучи последней ее главой. Она значительно подробнее труда Вараручи и лучше отражает формы пракрита, реально наблюдаемые в литературе; ценна она и описанием поздней формы среднеиндоарийского языка — *апабхрampa*.

Поскольку пракриты никогда не описывались исходя из них самих, а только на основе санскрита, можно считать, что для самих индийцев они были не самостоятельными языками, а его стилистическими разновидностями. Это подтверждается одним из двух

¹¹ Belvalkar S. K. Systems of Sanskrit Grammar. Poona, 1915, p. 113.

существующих толкований слова *prākṛta*: «то, природа (т. е. основа, *prakṛti*) чего есть санскрит». Кроме грамматических сочинений о пракритах, составлялись еще списки пракритских слов, не возводимых к санскритским по правилам, изложенным в грамматике отклонений. К началу второго тысячелетия н. э. расхождение между живыми формами речи, стилизацией которых являются пракриты, и санскритом возросло настолько, что описание их, отправляющееся от лексического и грамматического эталона, сделалось невозможным. Мы не имеем грамматик поздних среднеиндийских и ранних новоиндийских языков, написанных самими индиями, и это крайне затрудняет исследование памятников на этих языках.

Единственным индоарийским языком, описывающимся и осознавшимся в средневековой Индии как самостоятельный, был паликанонический язык южного буддизма (тхеравады). Самая ранняя палийская грамматика приписывается Каччаяне. К его сутрам прилагается комментарий Сангханандина и примеры на применение правил, собранные Брахмадаттой. Работа Каччаяны написана в традиции санскритской грамматической школы Айндра (последователи Индры). Эта школа архаичнее паниниевской, но все ее труды, сохранившиеся до настоящего времени, относятся к гораздо более позднему периоду, нежели «Восьмикнижие». В традициях грамматики Айндра составлена, помимо трактата Каччаяны, санскритская грамматика «Катантра» (начало н. э.).

Материал сгруппирован у Каччаяны тематически. Первая глава излагает правила сочетания фонем на стыках морфем (внутреннее сандхи) и слов (внешнее сандхи). Список, подобный «Шивасутре», отсутствует. Набор фонем задается во второй сутре перечислением их в порядке индийских алфавитов, в которых гласные, как известно, предшествуют согласным. Отсюда определения: «Первые восемь [в списке], последняя из которых *o*, [называются] гласными»; «Прочие — согласные» (1.1.3; 1.1.6). Далее в правилах даются дистрибутивные определения обоих классов: «Гласная перед согласной не изменяется» (1.3.1) и «Гласная перед гласной элиминируется» (1.2.1). Глава делится на пять параграфов, трактующих: 1) сандхи гласных с гласными; 2) гласных с согласными; 3) назализованного гласного с согласными; 4) назализованного гласного с гласными; 5) морфонологическое сандхи.

Вторая глава «Об имени» открывается сутрой, определяющей предмет всего сочинения: *Jinavacanayuttamhi* 'В согласии со словами Будды'. Первые пять параграфов описывают склонение. Вводятся «падежные окончания» (*vibhatti*); некоторые из них суть искусственные значки, другие — реально встречающиеся падежные окончания наиболее распространенного словоизменительного типа. Согласно последующим правилам, они при необходимости подвергаются заменам. В шестом параграфе описываются *kāraka* 'деятели', близко напоминающие глубинные падежи

современной лингвистики; затем они ставятся в соответствие с поверхностными падежами. Седьмой параграф посвящен сложным словам, которые подразделяются на те же типы, что и у Панини. В восьмом параграфе даны правила присоединения постфиксов *taddhita* (см. выше). Третья глава трактует образование личных глагольных форм, а четвертая и последняя — первичную суффиксацию посредством постфиксов *kita* (от скр. *kṛt*, см. выше).

Труд Каччаяны не отличается ни основательностью, ни оригинальностью. Он целиком зависит от санскритских авторов как в терминологии, так и во взглядах на свой предмет. Например, выделение дательного падежа в особую граммему подсказано фактами санскритской грамматики и не оправдывается языком пали, где этот падеж слился с родительным, за исключением одного словоизменительного типа, в котором флексии дательного падежа стали скорее знаком непарадигматического образования типа сутина. Влиянием санскрита объясняется и выделение в особую категорию перфекта: форма перфекта сохранилась в пали лишь у одного глагола, ни в какой другой форме не употребительного.

Словари появились в Индии значительно позже грамматик. Первый из дошедших до нас словарей был составлен в V в. буддистом Амарасимхой и носит название «Амаракоша» (сокровища Амарасимхи). Принадлежность автора самого знаменитого словаря буддизму может и не быть случайным совпадением; ведь уже практика составления абхицхармы на основе сутр содержала элементы классификации лексики по содержательным признакам, в отличие от группировки слов в «Ганапатхе», имеющей смысл чисто грамматический. Принципы построения словаря выступают в «Амаракоше» уже в готовом виде и впоследствии оставались почти неизменными. В лексиконе не включаются глаголы ни в каких формах. Словарь всегда делится на неодинаково построенные части: тематически упорядоченный список синонимов и упорядоченный по формальным признакам список многозначных слов с толкованиями; первая часть, как правило, гораздо объемнее второй и задает членение всего текста на книги (*kāṇḍa*) и главы (*varga*). Последние в некоторых словарях отсутствуют. Словари составлялись в метрической форме и предназначались для заучивания наизусть. Основной корпус текста предварялся описанием лексикографической техники — «[слово], перед которым стоит [частица] *atha* или после которого стоит [частица] *tu*, не является синонимом предыдущего», — и указаниями, как определять из словаря грамматический род слова. Наиболее употребительные слова не толкуются; в группе синонимов более частотный или стилистически нейтральный служит объяснением других. Слова сравнительно специального значения поясняются примерно так же, как в европейских словарях: — указанием родового термина и видового отличия.

«Амаракоша» состоит из трех книг: (1) «Книга о небе и прочем», (2) «Книга о земле и прочем», (3) «Сборная книга». Первая книга делится на две главы: (1) «Небеса» и (2) «Преисподняя».

В первой главе первой книги приводятся существительные, описывающие, с точки зрения традиционной индийской космографии, горний мир. По порядку: «небо» (10 синонимов), «боги» (26 синонимов), различные классы богов, «демоны», «Будда», «последний (исторический) Будда», имена и эпитеты важнейших богов индуистского пантеона, названия их атрибутов, смысловые сферы, объединяемые понятиями «пространство» и «время», т. е. стороны света, единицы измерения пространства и времени, названия месяцев; названия небесных и метеорологических явлений, созвездия, планеты, «свет», «день», «ночь», названия важнейших областей знания и искусств (поскольку все они имеют божественное происхождение), искусствоведческие термины и слова, обозначающие психические состояния («радость», «гнев») и свойства характера. Вторая глава описывает не только «ад» и его разновидности, но и все, объединяемое смыслом «нижний», «подземный» и «водный», например «пропасть», «дыра», «змей» (обитатель подземного мира), «пытка» (состояние в аду), «океан», названия главных рек Индии, рыб и морских животных, «волна», «озеро», «канал» и пр. Основанием объединения двух первых глав в отдельную книгу является общий им признак — это области мира, где не живет человек.

Вторая книга состоит из десяти глав: (1) «Земля» — «земля», «страна», «Индия», «варварские земли», «дорога» и т. п. (2) «Город» — «город», «деревня», «дом», «зал для собраний», «рынок» и др. (3) Короткая главка «Горы» — названия главных горных хребтов Индии, «скала», «гора». (4) Наземные растения (не сельскохозяйственные). (5) «Лев и прочие» — «дикие звери и птицы». (6) «Человек» — синонимы для «человека» (11 слов), «женщины» (более 10), термины, описывающие родственные отношения, возраст, анатомию, болезни, притирания и благовония и пр. В главах с седьмой по десятую, названных соответственно «Брахманы», «Кшатрии», «Вайшьи» и «Шудры», дается лексика, тематически связанная с занятиями этих четырех сословий традиционного индийского общества, например в главе о брахманах — «жертвоприношение», «обет», «ученик», «учитель», «жертвенный огонь», «ницепство», «поклонение», «аскеза»; в главе о кшатриях — военная лексика, «коњ», «правление», «царь»; в главе о вайшьях — «пахарь», «торговец», «рис», «корова», «деньги» и пр.; в главе о шудрах — «слуга», «ремесленник», «водка», «мошенник» и др.

Третья книга включает в себя шесть глав. В них перечисляются (1) прилагательные, относящиеся по преимуществу к существительным, обозначающим людей, — «богатый», «умелый», «счастливый», «жадный», «жалостливый» и пр.; (2) прилагательные, обозначающие качества неодушевленных предметов, — «красивое», «большое», «многочисленное», «подвикное», «противное», «сломанное», «полное», «сказанное»; (3) существительные абстракт-

ные или/и не обозначающие ни лиц, ни предметов — «свобода», «спокойствие», «достижение», «поломка», «убийство», «усилие», «множество» и т. д.; (4) многозначные слова, упорядоченные по алфавиту (учитывается не первая буква, а последняя согласная); (5) неизменяемые слова — список первообразных наречий, частиц и междометий с толкованиями. В последней, шестой главе излагаются правила определения грамматического рода существительных, образованных разрядами аффиксов *kṛt* и *taddhita*, и рода сложных слов.

Из других словарей следует упомянуть «Абхидаханараптамалу» («Венок сокровищ слов в прямом значении»), составленный индуистским автором Халаюдхой, «Абхидаханачинтамани» («Драгоценное [собрание] прямых значений слов») джайна Хемачандры и подобный же словарь пали «Абхидаханаппадипика» («Светильник прямых значений слов») Моггалланы. Все они относятся к XI—XIII вв. Количество слов, приводимых в словарях, колеблется от 6—7 тысяч в «Абхидаханаппадипике» до примерно 14 тысяч в «Абхидаханачинтамани». Тематическое членение словарей Халаюдхи и Хемачандры однотипно. Первой главе Халаюдхи («Небеса») у Хемачандры соответствуют главы «Сверхбоги» (джайны святые) и «Боги». Второй главе («Земля») также отвечают две главы — «Люди» и «Животные» (названия растений приводятся здесь же). Третья глава Халаюдхи и пятая Хемачандры называются соответственно «Преисподняя» (*Pātala*) и «Ад» (*Naraka*), последние две — «Общие понятия» и «Многозначные слова» — называются у обоих авторов одинаково. Построение «Абхидаханаппадипики» близко напоминает «Амараконшу».

Индийские лексиконы имеют целью дать классификацию мира, отражающуюся в лексической системе языка. Все слова и значения всех слов, приведенных в лексиконе, должны были быть безусловно известны всякому образованному индийцу. Знания словаря и грамматики достаточно для овладения обычным, неспециализированным санскритом. Для того же, чтобы войти в специальную область, требуется изучение основных текстов, ее трактующих, и непременное личное общение с учителем. Термины конкретной области поясняются в текстах этимологизированием (обычно возведением их к глаголу), развернутыми сравнениями, проясняющими функцию понятия в данной сфере знания уподоблением отношений между понятиями отношениям между предметами и действиями в некоторой обиходной ситуации, и пр. Большая часть значений отглагольных существительных полностью выводима из этимологии.

Ближайший аналог индийских словарей — идеографические словари современных языков. Для понимания идеи словаря весьма существен элемент *abhidhāna* 'прямое значение, слово в прямом значении', входящий в состав названия большинства их. Это есть первый уровень значения, выделяемый индийской семантикой, и только он находится в ведении традиционного индийского языкоznания.

Чтобы ввести понятие о высших семантических уровнях, нам необходимо вернуться к параллели между буддийской абхидахармой и брахманской грамматикой. Как мы видели, метод, которым пользуются обе дисциплины, почти тождествен. Грамматисты, изучая план выражения исходят из одноплановых единиц — фонем (называемых в терминологии Ельмслева фигурами выражения). Абхидахармистов интересовал в первую очередь психический мир, который можно рассматривать как хранилище сигнификаторов. Но атомы этого психического мира полагались ими также и элементарными единицами мира предметов. Для этих единиц (дхарм) было введено специальное обозначение «дхармы, не связанные с сознанием». Внутренний мир психических явлений и внешний мир вещей в совокупности исчерпывают план содержания языка, и, если принять атомистическую точку зрения абхидахармистов, дхармы, неделимые единицы этого плана, оказываются так же, как фонемы, одно плановыми единицами, т. е. фигурами содержания, найти которые безуспешно пытались гlosсематики. Слова, означаемыми которых являются дхармы, были выделены, как мы помним, из проповедей Будды и поставлены в нее контекста. «Дхарма» в комментаторской буддийской литературе поясняется как «то, что имеет свой признак (*lakṣaṇa*)». Это же слово в форме женского рода (*lakṣaṇā*) употребляется в семантике для обозначения второго семантического уровня. Первый уровень (*abhidhāna*) и второй могут быть описаны как «значение слова (или «слово в значении»), являющееся инвариантом контекстов» и как «контекстно обусловленное значение слова» соответственно. Изменение значений слов в зависимости от контекста, иначе — метафорическое и метонимическое словоупотребление, свойственны обычному языку, но этому не учат, это не нужно знать (оно получается само собой); потому и нет оснований включать переносные значения слов, осознаваемые в этом качестве, в словари. Названная особенность индийских словарей демонстрирует большую их важность для индологии. Ведь адекватное понимание стиля любого письменного памятника, его содержания и назначения невозможно, если исследователь не отличает первичные, исходные значения слов от вторичных, а в переводныхсанскритско-европейских словарях различие этих семантических уровней не проводится. Использование слов в переносных значениях свойственно поэтическому языку в гораздо большей степени, чем общедиому. В согласии с этим изучение лакшаны попадает в сферу компетенции теоретической поэтики, предметом которой является продукт поэтического творчества. Самому поэту знать науку о лакшане не обязательно. Как пишет ранний теоретик поэзии Бхамаха, «создателям поэзии должно знать грамматику, метрику и прямые значения слов» (остальные перечисляемые им знания, необходимые поэту, к лингвистике не относятся).

Итак, второму семантическому уровню соответствует этап развития буддийской мысли, на котором, в философском аспекте,

был осуществлен переход от рассмотрения наблюдаемых вещей и психических явлений к рассмотрению фигур содержания — дхарм, а в аспекте отношения к тексту — переход от предложений и составленных из них блоков к изолированным словам. Но развитие философии буддизма не заканчивается на этом этапе. Позднейшие буддийские философы считали «пустыми», т. е. лишенными сущности, и сами дхармы, выходя на еще более глубокий уровень. Что же, однако, может быть глубже фигур содержания? Вспомним, что язык для индийцев есть всегда деятельность; свойства этой разновидности деятельности таковы, что внутри нее выделяются два момента, обозначаемые как план выражения и план содержания. Глубже фигур обоих планов может быть только атом самой этой деятельности как таковой, где оба плана неразличимы и тождественны. «Язык говорит» (Хайдеггер); атом языковой деятельности есть мельчайшее высказывание, оно есть высказывание, не преследующее ни целей осуществления мысли, ни коммуникативных. Оно должно быть тождеством фигуры выражения — фонемы и фигуры содержания — дхармы. Оно, далее, должно быть в действии, т. е. произноситься, и не иметь существования иначе, как в процессе произнесения. Такие высказывания называются *мантрами*; они появляются впервые в буддийских сочинениях второго этапа развития буддийской философии. Мантры становятся одним из важнейших средств осуществления реорганизации психики. Предполагается, что результат их применения превосходит результат, получаемый изучением и созерцанием дхарм. Мантры представляют собою группы фонем; иногда это переосмысленные междометия. Произнесение мантр должно вызвать в упражняющемся устранение нежелательных и появление желательных дхарм. Семантику, значение мантры можно понимать только как ее функцию в деятельности, как цель, с которой она произносится. Уровень значения, определяемый через цель произнесения данного высказывания, так же свойствен обыденному языку, как и первые два. В частности, он проявляется во лжи. Если один грибник говорит другому: «В том перелеске много змей», — намереваясь испугать собеседника, чтобы самому собрать все грибы, то это его намерение и составляет значение произнесенной им фразы, принадлежащее третьему уровню семантики. Он также присущ поэтической речи, что было осознано в индийской поэтике в учении о «дхвани». ¹² Но лишь в йогическом использовании языка этот уровень, уровень значения, определяемого внеязыковым контекстом, ситуацией, является конституирующими. Его постулирование и практическое применение возвращает знание о языке в сферу прагматики, откуда оно некогда появилось, и является последним принципиальным достижением индийцев в разработке проблем языка.

¹² См.: Анандавардхана. Дхваньялока («Свет дхвани»). Перевод ссанскрита, введение и комментарий Ю. М. Алихановой. М., 1974.

ТИБЕТСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СООТНОШЕНИИ С САНСКРИТСКОЙ (ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ)

Вводные замечания

Время истории классического тибетского языкоznания занимает более тысячелетия: от VII—VIII вв. н. э., к которым относят создание древнейших частей первых дошедших до нас грамматических трактатов, до XVIII—начала XX в. н. э., когда все еще продолжалось комментирование этих трактатов (и в свою очередь — отчасти в духе индийской традиции, отнюдь не только лингвистической, — создание комментариев к комментариям).¹

Для тибетской традиции на всем ее протяжении характерно разделение на основной корпус лаконичных первичных сочинений, обычно чрезвычайно кратких, и достаточно пространные комментарии к ним.

Мы ставим перед собой задачу прежде всего выяснить (с учетом многочисленных европейских, американских и японских исследований последнего времени) степень зависимости тибетского языкоznания от повлиявших на него санскритских источников. Соответственно необходимо определить и характер тех самобытных его черт, которые сопряжены со своеобразием структуры тибетского языка, рано осознанной тибетскими лингвистами. Эти проблемы связаны и с вопросом хронологии древних тибетских сочинений о языке.

---

¹ Из последних вторичных комментариев, написанных на первичные комментарии, составленные приблизительно в начале XIX столетия, можно отметить недавно изданные, но написанные несколько ранее: Ven. Kachen Padma. Modern Tibetan grammar, ed. by Lama Jamspal. Varanasi, 1966; Idem: A mirror of the rTags-Jug grammar, publ. by E. K. Lhondup, Varanasi, India, [б. д.]. — См. подробнее об этих сочинениях и их авторах: K la f k o w s k i P. Some remarks on Tibetan traditional grammar — the Sum'Cu'Pa' or Thirty Verses on Grammar by dbYains'Can'gRub'Pa'i'rDo'rJe'. — Lingua Poznaniensis, 1975, XVIII, p. 81; 1978, XXI, p. 26.

Проблема исторической реальности Тхонми Самбхоты

Наиболее радикальный пересмотр традиционных взглядов на деятельность Тхонми Самбхоты, которому приписывалось создание двух (если не восьми) первых грамматических трактатов и выработка тибетской письменности, был начат Р. А. Миллером,² которого отчасти поддержал и выдающийся японский исследователь истории тибетской лингвистики Сёдзю Инаба.³ В построениях Миллера представляется целесообразным разделить две части. Одна, несомненно ценная, заключается в разбираемом ниже опыте хронологической стратификации ранних тибетских трактатов о языке. Другая же, явно гиперкритическая, касается его сомнений в историчности Тхонми. Ранние сведения об этом последнем как авторе грамматических трактатов немногочисленны. В знаменитой истории Будона (1290—1364 гг.),⁴ написанной в 1322 г., сказано, что Тхонми Самбхота «составил восемь трактатов (тиб. *bstan-bčos*=санскр. śāstra) о буквах (тиб. *ui-ge*=санскр. akṣara)⁵ и языке» (языковых единицах — тиб. *sgra* ‘звуковой комплекс’).⁶ Из этих восьми трактатов до нас дошло только два, относительная хронология которых будет рассмотрена ниже. Но по названию известны еще два трактата, ему приписывавшиеся: «*Klu dban mgul rgyan*» (=санскр. «Nāgendra kāṇṭhabhāraṇa»).⁷

² M i l l e r R. A. Studies in the grammatical tradition in Tibet (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, ed. by E. F. K. Koerner. Series III. Studies in the history of linguistics). Amsterdam, 1976, p. XIII—XIV, 1—18, 96—100 (здесь и далее все ссылки на многочисленные работы Миллера по истории лингвистики в Тибете, до того печатавшиеся в разных современных изданиях, даются по этой последней сводной публикации, где часть воспроизведимых фототипических статей переработана или снабжена дополнениями, и в соответствии с его общей пагинацией).

³ И н а б а С ё д з ю. 1) Тон-ми ни кисэраэта тбаску ни цуитэ. — Отани гакухо, 1967, т. 46, в. 4, с. 24—35; 2) Тибетто котэн бумпö гаку. Кёто, 1966 (2-е изд.), с. 3 (в первом издании книги, вышедшем в 1954 г., Сёдзю Инаба излагал еще традиционную точку зрения).

⁴ См.: В о с т р и к о в А. И. Тибетская историческая литература. М., 1962, с. 91, 257; Т у с с и G. Tibetan painted scrolls, v. 2. Roma, 1949, p. 661.

⁵ M i l l e r R. A. Studies . . . , p. 42, 75.—Ср., однако на с. XIV—XV, 2, 121 о возможности перевода ‘фонема’. Но предполагаемый этим переводом фонологический характер тибетского письма вызывает серьезные сомнения, см.: П е й р о с И. И., С т а р о с т и н С. А. О генетическом сравнении китайского и тибетского языков (фонетические соответствия). — Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977, с. 209—210, 214.

⁶ S i m o n s s o n N. Indo-tibetische Studien. Die Methoden der tibetischen Übersetzer, untersucht im Hinblick auf die Bedeutung ihrer Übersetzungen für die Sanskrit-philologie, I. Uppsala, 1957, S. 250, 265. — Миллер предлагал для позднейшего грамматического трактата перевод ‘морфема’ (M i l l e r R. A. Studies . . . , p. 124). Но в других своих работах, в том числе и в переводе данного места из Будона и других аналогичных источников (там же, с. 2, 97), Миллер нередко переводит *sgra* как ‘язык’.

⁷ Т у с с и G. Tibetan painted scrolls, v. I. Roma, 1949, p. 123; M i l l e r R. A. Studies . . . , p. 2, 87, 96; И н а б а С. Тон-ми . . . , с. 25—26 (там же

и «Munprahi sgron-me», о котором позднейший комментатор сообщает, что в этом не дошедшем до нас трактате описывается способ чтения индийского языка, а не тибетский язык. Это известие представляет особый интерес потому, что Тхонми связывается с Индией и с индийским письмом в традиционном рассказе об изобретении им тибетского письма. Более того, число восемь (тиб. brgyad) в цитированном сообщении Будона о восьми трактатах (тиб. bstan-bčos brgyad) Тхонми сопоставляется с заглавием «Восьмикнижия» (санскр. «Aṣṭādhyāyī») Панини⁸ и с названием раннего тибетского трактата преимущественно о санскритской грамматике «Gnas-brgyad čhen-poḥi rtsa-ba» («Основы восьми великих предметов»), сочинение которого приписывается Че-кхий-бругу Lčekhui-hbrug, жившему, согласно тексту «Sgra-sbyor bam-po gñispa» (перв. четв. IX в.), около 798—815 гг. н. э. На этом сопоставлении Р. А. Миллер строил свою гипотезу, согласно которой именно этот последний автор, а не Тхонми, и имелся в виду первоначально в тибетской традиции, в преобразованном виде дошедшей до нас через Будона и других позднейших писателей.⁹ Вместе с тем Миллер обращал внимание на то, что самое имя Тхонми передается и Будоном, и другими авторами в разных формах: Thon-mi, Thu-mi, Ḥthon-mi, Mtho-mi. Чередование гласных о~и в корне и наличие префиксов m- и h-, чередующихся с σ- в позиции в анлауте, делает правдоподобным сближение этих форм с тиб. m-thun-pa (h-thun-pa) 'согласоваться, быть единым' (mthun 'согласование'), часто выступающим в самых ранних тибетских грамматических трактатах в качестве специального служебного слова, эквивалентного санскр. anu-. По гипотезе Р. Миллера, ассоциация с этим последним санскритским словом существенна для понимания 'А-ни в сочетании Thon-mi 'A-nuḥi bu 'Тхонми, сын (рода) Ану' (по обычной интерпретации) или 'сын Тхон-ми Ану' (толкование Миллера). С той же семой, имеющей значение 'быть единым, быть тождественным, согласованным', по Миллеру, могло быть соотнесено и sam- в его санскритском имени Samboṭa <

см. и о названиях и содержании других трактатов Тхон-ми, до нас не дошедших).

⁸ И на ба С. Бумпö гаку, с. 3.

⁹ Miller R. A. Studies. . . , p. 3, 13. — В пользу сопоставления говорит и заглавие комментария на это сочинение о санскритской грамматике «Sgraḥi bstan bčos», буквально совпадающее с частью цитированной формулировки Будона. К соединению brgyad 'восемь' и sgra 'звук(овой комплекс)'ср. в древнетибетском: sgra-ni gnām-pa brgyad yod-do 'звук имеет восемь разновидностей' (Abhidharma-kośa, I, 10); ср. также применительно к Тхонми в позднейшем сочинении «Dpag-bsam ljon-bzaṇ»: sgraḥi skor brgyad mdzad '(он — Тхонми) установил восемь видов звуков'; см.: Schubert J., Tibetische Nationalgrammatik, I Teil: Das Sum-cu-pa und Rtags-kyi 'ajug-pa des Lama Dbyaṇs-can-grub-pai-rdo-rje, Ein Kommentar zu den gleichnamigen Schriften Thon-mi Sam-bho-ta's (Aus dem Tibetischen übersetzt, erlautert und mit dem Text herausgegeben). — Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen (в дальнейшем MSOS), 1928, Bd 31, S. 6, Anm. 1b.

Sambhañūd̄jtra < *Samputra.¹⁰ Нельзя считать полностью исключенным, что этой лингвистической игрой в бисер, основанной на сопоставлении эквивалентных по значению частей тибетских и санскритских собственных имен, в данном случае занимался не только Миллер,¹¹ но и предметы его исследования — ранние тибетские авторы, увлекавшиеся проблемами, возникавшими при установлении таких эквивалентностей. Но даже если и будет доказано, что имя Тхонми Самбхоты и его рода Ану связано с тибетской и санскритской грамматической терминологией, это немногим больше приблизит к разрешению проблемы исторической реальности легендарного зачинателя тибетского языкоznания, чем, скажем, этимология фамилии Шекспира помогает решению шекспировского вопроса. Лица, совершившие крупные культурно-исторические подвиги, часто бывают позднее окутаны недомолвками и сомнениями, порождающими и попытки отвергнуть их реальность.

В том, что касается имени Тхонми, остается возможность (признаваемая с оговорками и Миллером) этимологизировать его в духе позднейшей тибетской традиции как «человек (тиб. mi), относящийся к Тхон (или Txy)» (или занятый делом thon). Однако представляется необходимым принять во внимание вариант имени Тхонми ḥbr̄i tho-regis 'A-nu,¹² позволяющий заново осмыслить уже предлагавшееся сравнение с именем Тхонми известного из списка великих советников дунъхуанской хроники имени Mthon myi ḥbr̄iñ-po¹³ (полная форма Mthon. myi. ḥbr̄iñ. po).

¹⁰ Miller R. A. Studies. . . , p. 4, 6. — Ср. там же сопоставление с именем индийского лингвиста Anubhūti, которое в тибетском могло быть сокращенно передано как 'Anu. Миллер происходит из эквивалентности тиб. bu 'сын'—санскр. putra и характерного для древнетибетского озвончения n и более позднего изменения dr > t в центральнотибетском. Варианты Sambhadra и Sambhūdra реально засвидетельствованы в тибетских источниках: Schubert J. Tibetan Nationalgrammatik. Das Sum' cu pa und rtags 'kyi' 'ajug' pa des Grosslamas von Peking Rol'pai rdo'gje, Ein Kommentar zu den gleichnamigen Schriften Thon'mi Sambo'a's auf Grund der Erklärung des Lamas Chos'skyoñ'bzañ' po, Lo'tsa'ba von Zha'In (Artibus Asiae, Supplementum primum). Leipzig, 1937, s. 70, Anm. 14; Tucci G. Tibetan painted scrolls, v. 2, p. 647.

¹¹ Ср. приводимую им цитату из «Игры в бисер» Г. Гессе («Ich bin Glasperlenspieler»): Miller R. A. Studies. . . , p. XVIII. — Ср. там же определение его занятий историей тибетского языкоznания как «этого определенного вида игры в бисер» («this particular beadgame»).

¹² Stein R. A. La civilisation tibétaine (Collection Sigma, 1). Paris, 1962, p. 38, 260. — Форма встречается в гл. 3 «Blon-po-bkañi thañ-yig» — «Сказания о министрах» (ср. о наличии ранних источников у этого текста, относимого ко второй половине XIV в.: Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 40—41).

¹³ Bacot J., Thomas F. W., Toussaint C. Documents de Touen-houang relatifs à l'histoire du Tibet (Annales du Musée Guimet, t. 51), Paris, 1946, p. 100 (II, строка 10), 129. — С другим пониманием, опровергнутым Г. Ураем, см.: Miller R. A. Studies. . . , p. 18, 70. — Не исключена возможность попарных сопоставлений: Mthon. myi=(M)thon-mi, Mthon-mi, tho-(rīgs); ḥbr̄in(-po-rgyal)=ḥbr̄i; Bcan. nu='A-nu.

rgyal. bcan. nu, где, согласно Гезе Ураю, Mthon. myi — имя рода — тиб. rus, ḥbriḥ-po-rgyal — первое личное имя — тиб. mkhan, Bcan-nu — второе личное имя — тиб. tuyin). Предлагаемое сопоставление, пока гадательное, может подтвердить наличие известий о Тхонми уже в ранний период.¹⁴

Последовательность, хронология и содержание ранних тибетских сочинений о языке

Традиция, связывающая создание тибетской письменности и тибетской грамматической традиции с одним лицом и одним периодом, оправдана в том отношении, что самое создание письма требовало усвоения индийской фонетической теории, примененной к тибетскому языку при введении специфических графем для обозначения тех знаков, которые в санскрите отсутствовали. Упражнения в тибетском письме, найденные в Центральной Азии, показывают, что уже в VIII в. н. э. оно преподавалось практически так же, как сейчас, с выделением рядов и строк в соответствии с фонетическими принципами санскритской традиции.¹⁵ Поэтому традиционное отнесение создания этого письма и первых трактатов, описывающих его структуру, к VII в. н. э. делается правдоподобным (хотя это не исключает и возможностей более раннего использования других систем письма, известных только по именам их творцов).¹⁶

¹⁴ Некоторые другие данные этого рода см.: Thomas F. W. Tibetan Alphabet. — In: Festschrift zur Feier des Zweihundertjährigen Bestehens der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, II, Philologisch-historische Klasse. Berlin, 1951, S. 146—165. — Но ср. возражения: Miller R. A. Studies. . . , p. 3.

¹⁵ Franks A. H. Aus der tibetischen Schule Alt-Turkestans. — MSOS, 32, 1929, S. 147—152 (особенно S. 149).

¹⁶ Перих Ю. Н. Тибетский язык. М., 1961, с. 36; Miller R. A. Studies. . . , p. 18 (со ссылкой на эту книгу Ю. Н. Периха). — Там же см. о других возможных формах раннего тибетского письма. Для предыстории раннего тибетского письма представляет интерес, возможно, связанный с упомянутыми выше именами термин ḥbri ‘писать’ (основа II bris), ḥbri mo ‘рисунок’, который внутри языка этимологически сопоставим с гī-mo ‘картина’ (ср. ri-mo bris mkhan ‘рисовальщик’), ris ‘узор, рисунок’ (из *sr- > hr-, см.: Dugg J. A. Morphologie du verbe tibétain. Heidelberg, 1950, p. 130—131; созвучие с лат. scrib- теоретически возможно в миграционном термине, но все же скорее всего случайно; ср. показательную типологическую параллель в семантике корня лат. pingo); менее ясно отношение к тиб. rtsi ‘считать’, rtsis ‘счет’. Из древних соответствий ср. тиб. k(h)ra ‘записывать’: др.-кит. *krō's 記 (Пейрос И. И., Старостин С. А. О генетическом сравнении. . . , с. 217). Тиб. yi-ge, yig ‘письмо, буква’, очевидно, родственно основе кит. eaq-ox ‘писать’, ассан. eŋ-, кет. id-in, ср. также возможное сближение tho- в приведенных именах, тиб. tho- ‘счет’ и убых. tyl- ‘писать’, tya: k'a ‘писец’, tyl ‘письмо’, tylaw ‘средство для письма’ (Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963, p. 191, N 1862—1869), зап.-черкес.

В недавнее время в составе тибетского текста «Rgyal rabs gsal ba'i me loṇ» («Светлое зерцало царских родословных»), написанного Шуканбой Лэгби-шэйрабом около середины XV в.,¹⁷ были обнаружены (в X главе текста) отрывки двух древних языковедческих трактатов, в которых проводится последовательно сопоставление структуры тибетского и санскритского письма и дается характеристика тибетской письменности. Первый отрывок¹⁸ состоит всего из первоначальных 14 строк, в которые включены вставки из позднейшего комментария. Отрывок начинается с противоположения пятидесяти (тиб. lha bču) «букв» (=слоговых знаков) индийского письма (тиб. rgyaḥi uige, ср. то же выражение в применении к Тхонми в уже упоминавшемся позднейшем сочинении «Dpag-bsam ljon-bzaṇ») тридцати (тиб. sum ču) буквам тибетского письма (сочетание Bod yig sum ču 'тридцать тибетских букв' в строке 9 можно понять как заглавие некоего упоминаемого сочинения, ср. заглавие одного из дошедших до нас трактатов Тхонми: тиб. «Luṇ-ston-pa rtsa-ba sum-ču-ra»=санскр. Vyākaraṇa mūla triṃśat 'Объяснение тридцати основных [букв]', в дальнейшем «Sum-ču-ra»). Как в этом архаическом отрывке, так и в других позднейших сочинениях, грамматических и исторических (в частности, в апокрифической лхасской хронике), противоположение этих чисел основано на достаточно рано вошедшем в употребление системе тибетской транслитерации санскритских слов.¹⁹

Далее в рассматриваемом отрывке утверждается, что для тибетского характерны особые ограничения на сочетаемость букв (в отличие от индийского, если следовать толкованию Миллера). Затем речь идет об удачном внешнем строении знаков письма. После этого автор переходит к характерной именно для тибетского языкознания функциональной характеристике букв в терминах, которые с современной точки зрения можно было бы считать морфонологическими. Выделяется множество (тиб. gtso 'класс') двадцати (тиб. ḥi šu) букв (строка 12, симметричная по отношению

ma. tye 'он пишет' (Dumézil G. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives. — Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Nouvelle série, t. I, 1975, p. 29).

¹⁷ Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 60—61; Kuznetsov B. I. Rgyal rabs gsal ba'i me long (The Clear Mirror of the Royal Genealogies): Tibetan text in transliteration with an introduction in English (Scripta Tibetana, I). Leiden, 1966; Тибетская летопись «Светлое зерцало царских родословных». Вступительная статья, перевод и комментарий Б. И. Кузнецова. Л., 1961 (далее сокращенно: Тибетская летопись); см. о X главе, в этом издании не переведенной, с. 11; Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 187.

¹⁸ Иаба С. Тон-ми...; Millie R. A. Studies..., p. 85—101 (нумерация строк ниже дается в соответствии с реконструкцией всего фрагмента текста, включающего оба отрывка с двумя комментариями, по Иабе и Миллеру).

¹⁹ Ugray G. On the Tibetan letters *ba* and *wa*. Contribution to the origin and history of the Tibetan alphabet. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1955, t. V, fasc. 1—2. Budapest, p. 114—115.

ко 2-й строке фрагмента, где выделяется тридцать букв). В первоначальном тексте фрагмента в соответствии с индийской традицией, которой следовали древнетибетские языковеды, буквы не называются; в данном трактате (как и в других ранних сочинениях) их заменяют числовые обозначения целых групп знаков. Но из позднейших вставок, включающих часть комментария, видно, что к этим двадцати буквам относятся те, которые не имеют словоизменительных функций и не присоединяются к корню в качестве префикса или суффикса, а также не участвуют в сложных сочетаниях графем в начале и конце корня. Отдельно выделяется из двадцати перечисленных комментатором одна (тиб. *gčig*) буква (согласно позднейшей вставке комментатора *wa*), которая могла бы и «не существовать» (тиб. *med*; позднее эта формулировка повторялась и в некоторых других сочинениях). Эта (предпоследняя) строка (13) первого фрагмента представляет исключительный интерес для определения его хронологии в сопоставлении с датированной тибетского письма. Именно исследование истории знака для *wa* позволило показать, что «*Sum-či-ra*» (как и второй дошедший до нас трактат Тхонми) составлены после установления тибетского алфавита (возможно, в связи с реформой письма).²⁰ Первоначально знак, соответствующий позднейшему *wa*, был сочетанием двух знаков — *h+wa*, что соответствует архаическому произношению чрезвычайно немногочисленных слов, начинающихся с этого знака, ср. диал. тиб. [χwa] при написании *wa* ‘лиса’ в тибетском письме и *gw~k'* в словах родственных языков.²¹ Знак для *ba*, в древнейших образцах тибетского алфавита стоящий на месте санскр. *va* и происходящий из знака брахми *va*, использовался в древних текстах для передачи и тиб. *ba*, и тиб. *wa* (в сочетаниях типа *[?]*w*), и санскр. *va*. Но позднее (уже в раннюю эпоху письменной истории тибетского языка) по мере превращения *wa* из сочетаний двух знаков для *hwa* ([?]*w*) в единый знак для *w* оба эти знака (*wa* и *ba*) выступают параллельно. В качестве одного из доказательств можно привести следующую показательную группу слов из санскритско-тибетского списка граffем с лингвистическими

²⁰ Ibid., p. 120—121; ср. р. 112—113, разбор приводимого места из «Светлого зерцала» (однако автор, не зная о том, что речь идет о древнем фрагменте, не вполне точно его интерпретировал как упрек, адресованный Тхонми, что не соответствует характеру текста).

²¹ Ibid., p. 110, N 5; ср. о тиб. *wa* ‘лиса’: кет. *k'agan* ‘лиса’: L e w y E. Zum Jenissei-Ostjakischen (Ketischen). — Kleine Schriften. Berlin, 1961, S. 599 (там же ряд других существенных сопоставлений с тибетским); I v a n o v V. V. The structure of the Ket myth of the «dénicheur des aiglons» and its American Indian parallels (Centro Internazional di Semiotica e di Linguistica, serie D, Working paper 78—79). Urbino, 1978, p. 4. (К типу соответствия ср. тиб. *tshwa* ‘соль’ при наличии начальной аффрикаты, но не *w*, в енисейском: Иванов В. В. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тональными. — В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975, с. 36, — тиб. *rtswa* ‘трава’, в диалекте балти произносимое в соответствии с написанием, при убых. *šx^á*, каб.-черк. *utsə* ‘трава’).

пояснениями, найденного в Дунъхуане,²² представляющего по сути самый ранний датируемый текст о языке, включающий тибетские слова: тиб. kāka-swa-ra=санскр. kākasvara ‘резкий звук’, тиб. kumba-swa-ra=санскр. kumbhasvara ‘звук горшка’, тиб. tṣue-ga-swa-ra=санскр. meghasvara, передаваемая в «Mahāvyutpatti», № 99, тиб. ḥbrug sgra ‘звук грома’, кит. лун инь 龍音 ‘звук дракона’,²³ тиб. tṣuir-rga-swa-ra=санскр. mṛgasvara ‘звук дикого оленя’. Цитируемый дунъхуанский текст X в. представляет особый интерес для определения относительной и абсолютной хронологии употреблений тиб. wa и ba, потому что в одном случае (тиб. tṣi-kasa-ra=санскр. mukhasvara ‘звук рта’) санскр. v в сложном слове с той же второй частью вообще не передано, а в другом (тиб. ’a-sid-ti-byi-ḥdza-na=санскр. aśītivyāñjana) передано посредством сложной графемы, начинающейся с b (палатализованного в позиции перед гласным переднего ряда), тогда как еще в двух случаях (тиб. ka-ya-va-ga-tsīd-ta=санскр. kāya vāk citta ‘тело, слово, мысль’, в том же тексте дальше переведенное или поясненное тиб. sku gsum thugs, что в тибетском, однако, напоминает гонорифическое сложение; тиб. ba-tin-sad-da-lag-ša-na=санскр. dvatriṁśat-lakṣana ‘тридцать два отличительных признака высшей личности — Будды’,²⁴ позднее переданное в том же тексте тиб. mtsan bzañ po sum ču rtsa gñis) тиб. ba- передает санскр. va-. Из приведенных форм следует, что в X в. н. э. в одном и том же тексте наблюдались существенные противоречия в транслитерации, вызванные развитием $w > w$ и соответствующим изменением функций знака wa.²⁵ В разбираемом древнетибетском фрагменте, с одной стороны, косвенно отражена память о времени, когда этот знак «мог и не быть» (тиб. med) отдельной буквой, с другой же стороны, общее число знаков определено как 30, что предполагает (как и поясняет комментатор) его включение в алфавит. Согласно предлагаемому объяснению,

²² Hackin J. Formulaire sanscrit-tibétain du Xe siècle (Mission Pelliot en Asie Centrale, Série petit in-octavo, t. II). Paris, 1924, VI, с. 94—103; см. об этом тексте в целом: Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 159.

²³ Вопреки Миллеру (Miller R. A. Studies. . . , p. 51) в данном случае для тибетской передачи санскритского слова скорее следует предпочесть значение ‘звук грома’ (предполагаемое тиб. ḥbrug ‘гром’), а не ‘звук дракона’ (как имя Будды-Татхагаты), см. аналогичное замечание Ф. Веллера относительно данного тибетско-санскритского соответствия в пятиязычном словаре имен Будды; «eigentlich: Donnerstimme, Tausend Buddhanamen des Bhadrakalpa. Nach einer fünfsprachigen Polyglotte herausgegeben von F. Weller. Leipzig, 1928, S. 145 (комментарий к тибетской части стр. 75 текста, см. там же, с. 67, стр. 551: санскр. garjitasvara = тиб. ḥbrug gi sgra dbyāns).

²⁴ Edgerton F. Buddhist hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary, v. II. Dictionary. New Haven, 1953, p. 458—460a.

²⁵ Cp.: Uray G. On the Tibetan letters *ba* and *wa*, p. 115, n. 8; Сонгогор Б. Some problems concerning Chinese texts written in foreign scripts. — Труды 25-го Междунар. конгр. востоковедов, т. V. М., 1963 (далее сокращенно: Труды), с. 110.

этот фрагмент косвенно отражает период, предшествующий той реформе письма, которая могла быть связана с деятельностью Тхонми.

Последняя (14) строка разбираемого древнего фрагмента содержит фразу, которая по-другому выражена в следующем предложении, начинающем отрывок из другого трактата, соединенного, таким образом, с первым достаточно механически. В этой последней строке речь идет о десяти (тиб. དୋସ) буквах, которые могут непосредственно следовать (тиб. མୁଖ རେନ) за другими в пределах слова, включающего корневую морфему с ее аффиксами (т. е. могут быть либо суффиксами, либо последними фонемами корня в современных терминах), и пяти (тиб. བ୍ୟା) буквах, которые могут предшествовать (тиб. ཤ୍ରୀହୁଲ) другим в тех же морфонологических условиях (т. е. могут быть либо префиксами, либо первыми фонемами корня в современных терминах). В следующей (15) строке, начинающей отрывок из второго фрагмента, эти последние пять букв (согласно вставке позднейшего комментатора ga da²⁶ ba ma ḥa) названы «значительными» (тиб. གେସ ພାଲି).²⁷ Второй фрагмент возвращается далее к внешнему виду букв, но упоминаемому не в контексте общей похвалы ему (как в первом фрагменте), а с совершенно конкретной характеристикой внешнего вида тех девяти (тиб. ད୍ଗୁ) из них, которые в строке 16 названы «обладающими ногами» (тиб. རୁକ୍ଷ-ରା-ଚାନ),²⁸ ср. будд. гибрид.санскр. pādalikhita-lipi 'вид письма, написанного так, что [у букв] есть ноги'.²⁹

Согласно вставке позднейшего комментатора, речь идет о буквах ka, ga, ta, da, na, ña, ža, ša, ha, которые объединяются тем,

²⁶ В соответствии с вариантом текста, использованным в работе: И на ба С. Тхон-ми...; ср.: Miller R. A. Studies..., p. 89—90. — В другом лхасском издании (видимо, ошибочно?) ཡା. Однако именно такая последовательность ga ña ba ma ha отмечена как образующая единую группу с точки зрения следования за ними частицы ste (a ne de или te) в комментарии на «Sum-ču-ra», — см.: Miller R. A. Studies..., p. 83 (сам Миллер эти два текста не сопоставил).

²⁷ J a s c h k e H. A. A Tibetan-English dictionary, with special reference to the prevailing dialects, to which is added an English-Tibetan dictionary. London, 1884, p. 145a.

²⁸ Ibid., p. 15в (в том варианте текста, который использован в статье Сёдзю И набы «Тхон-ми...», разночтение རୁକ୍ଷ ba).

²⁹ Ср.: Edgerton F. Buddhist hybrid Sanskrit Grammar..., v. II, p. 340 (само выражение не разъяснено, хотя указано, что у него есть тибетское соответствие в переводе «Lalitavistara»); относительно санскр. likha-ti 'писать' см. там же, т. I, с. 228; санскр. lipi (имеющееся уже у Панини и позднее в надписях Ашоки) < др.-перс. tipi < элам. tupi (хурр. tupi) < акк. dupri < шум. DUB 'клинописная табличка' представляет значительный интерес для выяснения того, в какой мере Панини мог быть знаком с письменностью. Представляется чрезвычайно важным то, что в архаической традиции использования особого письма индийского типа akṣar śrieng (современ. акар трен) у чамов (во Вьетнаме), сведениями о котором автор обязан любезности вьетнамского лингвиста Буи Хань Тхе, сохраняется обозначение букв с 'ногами,' что делает вероятной связь с той же первоначальной письменной традицией, что и в древнем Тибете.

что в древнем или южном письме (тиб. *yig-t'iñ*, *Lho-yig*) соответствующие знаки пишутся с идущими далеко вниз (от объединяющей все знаки верхней горизонтали, соответствующей принципам индийского письма) вертикальными или загибающимися линиями.³⁰ Поскольку письмо этого типа, сохранившееся в Бхутане, близко к письму дунъхуанских тибетских текстов, данная графическая деталь позволяет признать второй фрагмент весьма архаическим. Особенно показательно, что к числу *gkai'-ra* не отнесен знак для 'а, в последующей традиции образующий подгруппу именно с этим названием вместе со знаком для *ha*. Другим любопытным свидетельством времени, когда был составлен этот фрагмент, может быть и утверждение в следующей (17-й) строке о том, что в тибетском письме есть шесть (тиб. *drug*) букв, которых нет в индийском (сами эти буквы позднейший комментатор указал неверно).³¹

Характерно, что в первом фрагменте дается аналогичное числовое сопоставление, но с другими результатами и направлением сопоставления — подчеркивается разница не в шести дополнительных, а в двадцати буквах, наличествующих в санскритском, но не в тибетском письме. Замечания, высказанные по этому поводу в двух разбираемых фрагментах, сходны с итогом в уже цитированном дунъхуанском санскритско-тибетском списке графем — *sum ču rtsa bži* '(всего) тридцать четыре основных', — где при характеристике общего числа перечисленных до этого 34 санскритских согласных (от *k* до *kṣ*) использовано сочетание *sum ču rtsa* 'корень, основной элемент или признак', сходное с полным заглавием трактата «*Sum-či-ra*» (носр. также и приведенное выше аналогичное *sum ču rtsa gnis* 'тридцать два основных' признака Будды). Можно думать, что подобные постоянные сопоставления числа тибетских и санскритских графем (и фонем) были характерны именно для первого этапа тибетской лингвистической традиции (VII—X вв.), к которому по всем указанным причинам можно отнести оба фрагмента (поэтому и замечание о 34 индийских согласных в лхасской хронике может восходить к раннему источнику).

Отличительной особенностью второго фрагмента является то, что в нем комбинации букв (в частности, начальных или префиксальных) со следующими за ними буквами корня описываются

³⁰ См., примеры древних написаний *ta*, *da*, *na*, *ka* в табл. в кн.: Рерих Ю. Н. Тибетский язык, с. 37; о знаке для *ha*='а см.: Угай G. On the Tibetan letters *ba* and *wa*, table II. — С точки зрения позднейшего уставного письма (тиб. *dbu-čan* 'имеющий голову'), отчасти и курсивного письма (тиб. *dbu-med* 'безголовое'), классификация менее понятна, так как есть и другие знаки с линиями, идущими достаточно далеко вниз (ср. показательное невключение *kha*, знак, для которого в древнем письме не идет далеко вниз, в группу девяти букв, «имеющих ноги», п. т. п.).

³¹ Детальный анализ сходной ошибки в текстуально близком месте лхасской хроники см.: Угай G. On the Tibetan letters *ba* and *wa*, p. 114–115.

терминами «мать» (тиб. *ma*) по отношению к начальной согласной и «сын» (тиб. *bu*) по отношению к следующей: в сочетании *bla b* называется матерью, *la* — сыном (как видно из поясняющегося комментария, в лхасском издании отпечатанного курсивом и выделенного особым мелким шрифтом в дэргэсском издании). Эти два термина не известны ни первому фрагменту, ни тем трактатам, которые приписываются Тхонми. Они обоснованно сопоставляются с китайской терминологией.³²

Действительно, согласно методу фаньце, возникшему под буддийским индийским влиянием в конце эпохи Хань,³³ начальная часть слога называлась *му* (母 ‘мать’),³⁴ соответственно *цызы-му* (字母 ‘буква’) именовались иероглифы, обозначавшие начальный согласный. Наиболее ранняя система таких согласных известна как по косвенным данным о «Юнь ин» 韻英, так и по двум дуньхuanским рукописям, одна из которых содержит список, по числу (тридцать согласных) совпадающий с древнетибетским, другая дает также дополнительные указания об их классификации,³⁵ подтверждающие исключительную близость к древнетибетской первоначальной китайской системе, которая, по традиции, под-

³² Millie R. A. Studies. . . , p. 93. — Миллер ограничивается этим беглым замечанием, не приводя китайского соответствия и не говоря о его хронологии. В другом месте своей книги Миллер высказывает также любопытное предположение о возможном следе воздействия китайского *мин* 名 ‘имя’ — греч. *ὄνομα* (ср.: Яхонтов С. Е. История языкоznания в Китае (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) — В кн.: История лингвистических учений; Древний мир. Л., 1980, с. 94) на позднейшее употребление тиб. *тий* ‘имя’ (китайское заимствование? из *тиёй? как грамматического термина уже в ранних трактатах (Millie R. A. Studies. . . , p. 13—14). Эта гипотеза представляет бесспорный интерес потому, что употребление тиб. *тий* в качестве чрезвычайно общего термина, обозначающего любую часть речи, не имеет санскритских параллелей, однако тиб. *тий* скорее является словом, родственным др.-кит. **mi(e)ng* (ср.: Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М., 1965, с. 15; Пейрос И. И., Старостин С. А. О генетическом сравнении. . . , с. 212), что лишает эту гипотезу основной ее опоры. К числу возможных следов влияния китайской грамматической терминологии на тибетскую относится деление слов на грамматические частицы — пустые и знаменательные — полные (Васот Ж. Grammaire du tibétain littéraire. Paris, 1946, p. 15), но его следует отнести к позднейшему времени.

³³ Яхонтов С. Е. История языкоznания в Китае, с. 99—101, ср. с. 106 (о Шоувэне).

³⁴ См. сохраняющее до сих пор значение ясное изложение в книге: Gabelenz G. von der. Chinesische Grammatik. Berlin, 1953, S. 26—27. — Родство тиб. *ма* и кит. *му* к этому времени едва ли ощущалось, хотя созвучие и могло способствовать калькированию значений (ср. выше примеч. 32 относительно тиб. *тий*: кит. *мин*). Первая буква в сочетании называется ‘матерью’ также и в чамском письме *akṣar črieng* (см. о его сходстве с тибетским выше, примеч. 29).

³⁵ Puleybank E. G. Late Middle Chinese. — Asia Major, 1970, v. XV, p. 2, p. 206 (там же литература вопроса); см. также таблицу на с. 210. — Система среднекитайских инициалей, реконструируемая в этой статье, в последнее время снова пересматривается, см.: Старостин С. А. Проблемы реконструкции древнекитайской фонологической системы. Автореф. канд. дисс. М., 1979, с. 5—11.

тверждаемой дуньхуанской рукою, приписывается буддийскому монаху Шоувэню. В то время как сходство среднекитайских групп я инь 牙音 'заднезубных' (k k' kh ɿ по Паллиблэнку, k kh ɿ ɿ по Старостину) с тиб. ka kha ga ña (тиб. sde-pa dañ-po 'первая варга'), шэ тоу инь 舌頭音 'звуков кончика языка' (ср. t t' tf n по Паллиблэнку, t th d n по Старостину) с тиб. ta tha da na (тиб. sde-pa gñis-ra 'вторая варга'), шэ шан инь 舌上音 'надъязычных' (tr tr' trf по Паллиблэнку, t lh d по Старостину; группа в древних списках включает только три элемента) с тиб. ča čha dža ña (тиб. sde-pa gsum-ra 'третья варга'), чунь инь 脣音 'губных' (р p ph m по Паллиблэнку, r ph b sh по Старостину) с тиб. pa pha ba ma (тиб. sde-pa bži-ra 'четвертая варга') объясняются просто общим происхождением из первых варг индийской системы, из которых единообразно изъята вся варга церебральных и по одному элементу (типа dha, gha и т. п.) из других варг, для следующего подкласса ڦ ڻ 'легких' (f lh v по Паллиблэнку, w по Старостину) губных (позднее появившегося в китайской системе) обнаруживается любопытный аналог в тибетском письме. Среди факторов, которыми объясняли первоначальное отсутствие соответствующих знаков в среднекитайской системе описания начальных согласных, указывали и на отсутствие прототипа в тибетском.³⁶ Но когда рассмотренный выше знак wa был включен в позднейший алфавит, он функционировал в качестве последнего знака в группе — варге (тиб. sde-pa lñia-ra 'пятая варга'), как и w в более поздней китайской системе. Любопытно, что именно со знаком для передачи этой фонемы связана эволюция обеих систем. Эта же тибетская (пятая) группа знаков, кончающаяся wa, за исключением последнего знака обнаруживает разительное сходство с китайской группой чи тоу инь 齒頭音 'звуки кончика передних зубов' (ts ts' tsf s sh по Паллиблэнку, с ch z s z по Старостину), тиб. tsa tsha dza (знаки, начинающие группу, специфическую для тибетского алфавита в отличие от брахми). Но в тибетском звонкие спиранты отнесены не к этой группе (где на четвертом месте находится wa), а к следующей (тиб. sde-pa drug-ra 'шестая варга'), внутри которой за ū за следует знак для гортанный смычки в сочетании 'а' (=ha в принятой в настоящей статье транслитерации) — последний специфический знак в этой группе тибетского алфавита — и ua (знак, начиная с которого тибетский следует снова порядку знаков брахми). Наличие двух последних знаков позволяет сопоставить эту (шестую) четверку тибетских графем со ср.-кит. хоу инь 喉音 ([?] x xf ɿ по Паллиблэнку). Наконец, ср.-кит. бانь шэ инь 半舌音 'наполовину язычный' la и бань чи инь 半齒音 'наполовину переднезубной' g образуют пару, сопоставимую с началом тибетской седьмой четверки га la (тиб. sde-pa bdun-ra 'седьмая варга'), но ее продолжение ša sa содержит глухие спиранты, в китайском входящие в конец той группы, где в тибетском

³⁶ Pullen blank E. G. Late Middle Chinese, p. 218.

их заменяет *wa*. Соответственно две стоящие изолированно последние графемы тибетского письма *ha* и специфически тибетская графема 'а (тиб. ཁྫ-ର୍ ପ୍ରେଯ) отвечают половине того ряда (*խօս ին්*), который в тибетском разделен между концом шестой и началом (неполной, как и в среднекитайском) последней группы. Проделанное сопоставление приводит к выводу, согласно которому тибетский алфавит образован путем вставки в последовательность знаков брахми нового ряда знаков, специфических для тибетского: от *ža* до 'а (-*ha*) (последний знак 'а мог быть добавлен после *ha* позднее). При этом сопоставление с самыми ранними тибетскими алфавитными перечнями из Центральной Азии показывает, что сходство с описанной китайской системой увеличилось при последующей реформе алфавита (осуществленной еще до написания «*Sum-ču-ra*»), когда знак для *ba* (занимавший ранее последнее место в группе *ua ga la ba* в соответствии с местом знака для *va*) был перемещен в четвертую варгу (до этого трехчленную), а знак для 'wa > *wa* был помещен в конец пятой варги.³⁷ В древнетибетских языковедческих трактатах, до нас дошедших, собственно фонетические комментарии к алфавиту отсутствуют, тогда как среднекитайская фонетическая система описания инициалей основана на достаточно хорошо разработанной фонетической системе, созданной по индийской модели, но с учетом среднекитайских фонетических особенностей, что отражено и в специфике терминологии. В тибетской же графической системе при сохранении ряда знаков, видимо не имеющих реального фонетического смысла,³⁸ ряд знаков, усвоенных из источника тибетского письма, возможно отражает не фонемы, а их позиционные варианты и сочетания с палатализованным *у*.³⁹ Поэтому вопреки достаточно распространенной в литературе (в частности, китайской) точке зрения, согласно которой тибетское письмо могло послужить моделью для создания китайской системы, приписываемой Шоувэню,⁴⁰ более вероятным представляется обратное. Изобретатель

³⁷ См.: Ugray G. On the Tibetan letters *ba* and *wa*, p. 118—119. Если, как допускается в этой статье, специфические знаки не сразу были включены в основанную на брахми систему, использовавшуюся для тибетского, то модель среднекитайских инициалей могла способствовать именно этому последнему изменению.

³⁸ Ср. о глухих придыхательных: Benedict P. K. Sino-Tibetan. A conspectus. Cambridge, 1972, p. 20.

³⁹ Пейр ос И. И., Старостин С. А. О генетическом сравнении, с. 209—210.

⁴⁰ См.: Pulleyblank E. G. Late Middle Chinese, p. 218—219 (с библиографией). — Остается еще выяснить, в какой мере (возможно, что и в пренебрежимо малой) в этой более поздней традиции (как и вообще в системе фонетического применения китайских знаков) могли оказаться и следы значительно более ранних алфавитообразных использований китайских иероглифов (в частности, астрологического цикла): Pulleyblank E. G. The Chinese cyclical signs as phonograms. — Journ. of the American Oriental Society, 1979, vol. 99, N 1. p. 24—38.

или реформатор той дошедшей до нас формы тибетского письма, которая используется в «Sum-ču-ra», знал ранний вариант среднекитайской системы, который он учитывал при добавлении для тибетского графем, отсутствующих в брахми, и при окончательной группировке графем по варгам. Но эти графемы объединены в последних группах — варгах не по единому фонетическому принципу, что и делает невероятным предположение о том, что тибетское письмо могло послужить образцом для среднекитайской системы описания инициалей. Эта гипотеза согласуется и с явным китайским влиянием, сказывающимся в обозначении начального согласного в сочетании графем как 'матери' следующего за ним согласного ('сына').

В анализируемом (втором) грамматическом фрагменте, возможно отражающем период, непосредственно следовавший за реформой алфавита и влиянием китайского буддизма, ей способствовавшей, эти термины применяются для описания внешнего вида букв. С вниманием (вообще характерным для тибетской традиции) к утверждениям, где может быть квантор общности, сочетание «матер всех» (тиб. kun gyi ma) используется (в строке 20) по отношению к г, л, с, которые (как и в современном письме) могли надписываться над знаками для других согласных, но при этом выделяются (в строке 22) комбинации этого рода, специфичные (как и в позднейшем письме) только для л (lča, lha).⁴¹ Особо отмечены буквы (к, г, б, з), под которыми может быть подписано л (как и под г, с, которые остаются и здесь в функции «матерей для всех»), следовательно, правила для подписаного л (позднейшее тиб. la-btags) являются такими же, как и для позднейшего письма. Одновременная возможность функционирования к и г и как префиксов выделяет их в особую группу (строка 26). Явное стремление трактата к исчерзывающему описанию подписьемых букв вызывает целый ряд интересных вопросов, позволяющих в принципе его датировать в соотнесении с тибетской палеографией. Поскольку wa перечислено (в комментарии к строкам 23—25) среди десяти (тиб. bču) букв, которые не стоят ни до (тиб. hphul, ср. о первом фрагменте), ни после (тиб. mthaḥ rten, ср. о первом фрагменте), не являются ни «матерями», ни «сыновьями», можно считать несомненным, что в то время подписаного w (тиб. wa-zur btags-pa), еще не существовало — или же если он существовал, то не как подписанной согласный, а как сложное сочетание со знаком h-+ba (ср. примеры его использования в тибетских транслитерациях китайских слов в IX—X вв.).⁴² Эта деталь, как и возможный

⁴¹ В комментарии (курсивном или петитном), по-видимому, не вполне понята основная мысль, заключающаяся в указании сочетаний, характерных для данной графемы, и поэтому добавлена строка о некоторых сочетаниях с г, не являющихся (во всяком случае, для позднейшего письма и языка) исключительными.

⁴² Угай Г. On the Tibetan letters ba and wa, p. 107—108.

след китайского влияния в терминологии, более вероятный до собора в Лхасе в конце VIII в.,⁴³ позволяет считать второй рассматриваемый фрагмент во всяком случае не менее (если не более) ранним, чем рассмотренный выше первый, где *wa* упоминается также среди двадцати букв, не являющихся ни префиксами, ни суффиксами (что аналогично упоминанию *wa* во втором фрагменте), но в то же время указывается ненужность этой буквы (следовательно, подписанного *w* еще не было). Во втором фрагменте подобная оговорка отсутствует, но можно ли считать это существенным для датировки, не вполне ясно из-за неполноты текста. Отсутствие же указаний про подписанное *w* во втором фрагменте бесспорно существенно, потому что в нем при этом сформулированы совпадающие с современными приведенные правила об употреблении подписанного *l*, а также даны (в строке 31—32 и комментарии) указания (без употребления терминов «мать» и «сын») относительно употребления «подписанного» (в современных терминах) у (позднейшее тиб. *ya-btags*) с теми же семью буквами, что и в современном письме, и «подписанного» г (позднейшее тиб. *ra-btags*) с одиннадцатью буквами вместо тринадцати в современном: есть только -dr-, но нет -tr-, -thr-, что могло бы указывать на наличие раннего озвончения зубного в этих сочетаниях (как и вне них),⁴⁴ позднее восстановленных только на письме (не в языке) в силу вторичных процессов. При почти полной выработанности правил, годных для «подписных» букв и в позднейшем письме, но сформулированных уже во втором фрагменте, обращает на себя внимание терминологическое различие между описанием подписанного *la* как «сына», с одной стороны, и других «подписных» (в современном смысле) букв — *ya*, *ta*, — с другой стороны, как идущих внизу (других знаков) вместе с гласным -i- (названным в строке 34, как и в современном употреблении, *žabs kyu*), вместе с которым они противополагаются знакам над строкой для о, i, e, названным (как и в современном употреблении) *na-ro*, *gi-gu*,⁴⁵ *geñ-ro* (строка 28).

Особенно наглядно это различие проявляется в том, что *ya* (как и *wa*) упомянуто среди десяти букв, не являющихся ни «сыновьями», ни «матерями». В то же время *ya* и *ta*, как и четыре

⁴³ D e m i é v i l l e P. Le Concile de Lhasa, une controverse sur le quiétisme entre bouddhistes de l'Inde et de la Chine au VIIIe siècle de l'ère chrétienne (Bibliothèque de l'institut des hautes études chinoises, vol. VII). Paris, 1956. — О роли китайского буддизма для Тибета в VII в.ср. также: Тибетская летопись, с. 13 сл.; M i l l e r R. A. Studies. . . , p. 5.

⁴⁴ По статистике Бако, на 614 da приходится всего 34 ta и 72 tha: В а с о т J. Grammaire du tibétain littéraire, p. 79, N 2. — Ср. выше о предположении относительно развития имени *Sam-putra* > *Sam-büdra*, что пришлось бы считать весьма древним. См. также выше о вероятном отсутствии th как отдельной фонемы.

⁴⁵ В свете сказанного выше представляется возможным сравнить это обозначение для i со среднекитайской терминологией для слогов с медиалью -i-, см.: P u l l e y b l a n k E. G. Late Middle Chinese, p. 231 (кит. *kai-kou* 開口 'открытый рот').

«надписные» и «подписные» гласные, названы в самом тексте (а не в комментарии) и соответственно в согласии с традицией получают особые имена. Для уа и га использованы (в строках 31—33) весьма любопытные метаязыковые обозначения уа-та, га-та, явно свидетельствующие о знакомстве с принципами санскритского грамматического метаязыка (уа-та=yat, га-та=rat). Относительно этих букв сказано, что они «соединяются» (тиб. ḥdogs-pa) соответственно с семью и одиннадцатью буквами (строки 32—33).

Может представить палеографический интерес выяснение того, в какой мере это различие в описании подписанного -ла- как «сына», с одной стороны, -уа- и -га-, как «соединяющихся» с другими буквами, — с другой, отражает особенности сочетаний граем в древнем письме. Из приведенного обзора содержания второго фрагмента видно, что он в очень большой степени посвящен описанию внешней структуры тибетского письма того времени. Ряд особенностей второго фрагмента делает возможным отнесение его к очень раннему времени, близкому ко времени первой реформы письменности. Примыкающий к нему по содержанию первый фрагмент может быть (судя по замечанию о знаке wa) несколько более поздним, но и в его архаизме не приходится сомневаться.

С. Инаба, первым предположивший исключительную архаичность этих фрагментов, высказал гипотезу, по которой они представляют собою извлечение из древнего сочинения, о котором идет речь в следующем за разобранным тексте места «Светлого зерцала», где предлагается обратиться к тексту «Кратких правил, составленных Тхонми, о языковых законах». В пользу отрицаемого Миллером⁴⁶ предположения С. Инабы, согласно которому речь идет именно о заглавии, говорит то, что сочинение с таким заглавием упомянуто в позднейшем произведении XVI в. среди восьми трактатов Тхонми.⁴⁷ Рассматриваемый текст «Светлого зерцала» заканчивается предложением прочитать «этис» (тиб. de dag) тексты (где dag имеет значение множественности, если не двойственности).

Если два рассмотренных фрагмента так или иначе связаны с этим известным по заглавию трактатом Тхонми, то они, — как, возможно, и этот трактат, — занимают промежуточное место между известным тоже лишь по названию и краткой аннотации трактатом об индийском письме и языке и «Sum-či-ra». Этот последний трактат на основании текстологического анализа может считаться весьма ранним, так как некоторые его части включают материал, предшествовавший реформе языка и системы буддийских переводов, осуществленной в первой четверти IX в. н. э.⁴⁸

Трактат «Sum-či-ra» начинается с характеристики букв (тиб. yi ge) тибетского письма как состоящих из двух (тиб. gñis) основ-

⁴⁶ Miller R. A. Studies..., p. 97.

⁴⁷ Инаба С. Тхон-ми, с. 32—34. — Там же см. анализ всех других ранних известий о сочинениях Тхонми начиная с Будона.

⁴⁸ Miller R. A. Studies..., p. 7—16.

ных разновидностей; 'aḥ-li 'а и другие гласные', число которых четыре, и kaḥ-li 'к и другие согласные', число которых тридцать.⁴⁹ Употребляемые в этой первой шлоке древнетибетского трактата санскритские термины ali и kāli встречаются также в уже цитированном дуньхуанском санскритско-тибетском списке грахем, который они заканчивают. Эти два санскритских термина, возможно восходящие к сочетаниям ādi < a-ādi 'начинающееся с а' и kādi < ka-ādi 'начинающееся с ка', в буддийском санскрите чаще употребляются не просто как грамматические обозначения,⁵⁰ а в качестве вспомогательных элементов мнемотехники тантристов — ваджраянистов; в частности, ali 'название серии слогов, начинающихся с гласных и слоговых сонорных', kāli 'название серии слогов, начинающихся с согласных'⁵¹ в качестве магической формулы используются в сочинении «Sādhanamāla». Это ваджраянистское тантрийское сочинение вместе с тем обнаруживает любопытные аналогии с описанной выше техникой обозначения конечных слогов с помощью конечного t, характерной для рассмотренного древнетибетского трактата (ср. выше ya ta=yat, ra ta < rat). Сходно с этим описание того, как образуется мантра, в «Sādhanamāla»: «Я говорю сейчас, как это раньше делал Будда, четвертый слог, содержащий pha и сообщающий все виды совершенств. Для того чтобы закончить манту, услышь половину слова, содержащего t, который лишается а и благодаря своему произнесению все спасает»; согласно комментарию, речь идет об образовании формулы будд. санскр. phat=pha-t(a),⁵² что вполне аналогично тиб. ya-ta, ra-ta. Но особенно любопытные аналогии между терминологией ваджраянистских тантрийских трактатов на буддийском гибридном санскрите и древнетибетских грамматических трактатах (в частности, «Sumči-ra») обнаруживаются в том, как каждая из букв (фонем — частей слогов слогового письма) обозначается посредством ее номера в определенной группе письменных знаков (=фонем). В «Sādhanamāla» так обозначаются фонемы, из которых складываются формулы мантр: r обозначается как второй слог седьмой группы (antaḥ stha), h —

⁴⁹ Cp.: Bacot J. Les slokas grammaticaux de Thonmi Sambhoṭa, avec leurs commentaires, traduits du tibétain et annotés. (Annales du Musée Guimet, Bibliothèque d'études, t. 37). Paris, 1928, p. 76; И на б а С. Бумпаку, с. 325; Miller R. A. Studies..., p. 125—148.

⁵⁰ Cp. об этой функции: Yu yata A. Indian manuscripts and Chinese Blockprints: Non-Chinese texts of the Oriental collection of the Australian National University Library (Occasional paper, 6; The Australian National University, Centre of Oriental Studies). Canberra, 1967, p. 101—103, 105.

⁵¹ Edgerton F. Buddhist hybrid Sanskrit Grammar..., vol. II. Dictionary. New Haven, 1953, p. 106, 181 (использование в тибетском не указано).

⁵² Sādhanamāla, ed. by B. Bhattacharyya (Gaekwad's Oriental Series, v. I), Baroda, 1928, v. I, p. 335; vol. II, p. LXXIII. — Миллер, правильно указавший на сходство терминологии этого трактата с древнетибетскими грамматическими сочинениями (Miller R. A. Studies..., p. 46—47), на данном специфическом сходстве не останавливается.

как четвертый в восьмой группе. Сходная техника использована в «Sum-či-ра», где (в 3-й шлоке) все 30 согласных разделены на семь с половиной перечисленных выше групп (тиб. sde-ra =санскр. *varga*). Представляется возможным, что древние части трактата написаны вскоре после проведения этого последовательного разделения, которое и могло быть осуществлено Тхонми.

По-видимому, для составителя тибетского алфавита и для автора «Sum-či-ра» был важен принцип образования варг именно по четыре элемента в каждой.⁵³ В следующих шлоках «Sum-či-ра» фонемы обозначаются (как в указанном ваджраянистско-тантрийском сочинении на буддийском гибридном санскрите) посредством указания их места в каждой из этих групп: в 4-й шлоке «последние две в первой, третьей и четвертой» варгах означает *g* (a), *ñ* (a), *d* (a), *n* (a), *b* (a), *m* (a); «третья в шестой» (варге) означает *h*, «седьмая без š (a)» означает *g* (a), *l* (a), *s* (a); в 13-й шлоке «первая в третьей» варге означает *t* и т. п. В 8-й шлоке такой же метод обозначения применяется к специфичной только для древнетибетской лингвистики группе десяти графем, выделяемых потому, что они могут быть присоединены (тиб. *gṝes-hjug* ‘сзади идущий’, *gṝes* ‘след’, *h-jug*, основы II и IV *g-zug-s* ‘быть присоединенным’) к другим (та же группа из 10 графем выделяется по этому признаку и в конце первого из разобранных выше древнетибетских фрагментов). Соответственно *s* обозначается как десятая в этой группе. Морфа *-su* описывается в той же шлоке «Sum-či-ра» соответственно как соединение десятой согласной в этой группе с второй гласной (*u*). Сходство этой тибетской грамматической техники с тантрийской позволяет датировать соответствующие шлочки, составляющие значительную часть «Sum-či-ра», приблизительно временем усиления тантрийского влияния в тибетском буддизме, относимого к X в.⁵⁴ Это согласуется с тем, что в «Mahāvyutpatti», фиксирующей словоупотребление первой четверти IX в., тантрийские термины *kali* и *ali* отсутствуют, но есть (под № 2013) соответствие употребленного в той же 1 шлоке «Sum-či-ра» тиб. *gsal byed* — санскр. *vuabjana* ‘слог, согласный, буква’. В «Sum-či-ра» использован язык ранних переводов буддийских санскритских текстов, но уже в сочетании с несколько более поздней тантрийской терминологией.

В соответствии с вышеизложенным можно предложить следующую предварительную датировку трех рассматриваемых древнетибетских сочинений: самым ранним может быть второй из фрагментов, близкий ко времени реформы основанной на брахми

⁵³ Schubert J. Tibetische Sprachprobleme im Lichte der einheimischen Grammatik. — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, 1963, Bd VIII, N. 3, S. 427.

⁵⁴ Миллер (Miller R. A. Studies..., р. 125—147), собравший лексические данные, подводящие к этому выводу, тем не менее не использовал этого общекультурно-исторического факта (ср.: Рерих Ю. Н. Тибетский язык, с. 31).

письменности под возможным влиянием китайского буддизма (VII—VIII вв. н. э.), к нему примыкает, вероятно, несколько более поздний первый фрагмент и самые ранние части «Sum-ču-ra»,⁵⁵ тогда как временем после первой четверти IX в. датируется написание некоторых позднейших частей «Sum-ču-ra», как и второго из дошедших до нас трактатов, приписываемых Тхонми Самбхоте, — «Rtags-kyi-ljung-ra» (в дальнейшем «Rtags-kyi»=санскр. «Vyākaraṇa liṅga batāra», относительно тиб. ljung- ср. выше в связи с гjes-ljung). Анализ этого последнего трактата подводит к выводу, что он весь написан после реформы, осуществившейся в начале IX в., так как структура глагола, в нем описываемая, соответствует языку переводов этого более позднего периода, тогда как грамматические замечания о таких частицах, как ste, в «Sum-ču-ra» отражают язык более ранней поры.⁵⁶

Отражение структуры тибетского языка в ранних грамматических трактатах

Из вышеизложенного видно, что все наиболее ранние дошедшие до нас древнетибетские грамматические сочинения сосредоточены на проблеме морфонологической сочетаемости единиц языка, целиком определяемой специфической структурой тибетского слога. Уникальные (и весьма архаические) особенности представленных в нем сочетаний фонем, уже к концу прошлого века обратившие на себя внимание наиболее проницательных лингвистов,⁵⁷ в последнее время стали предметом для изучения именно тех лингвистов, которые сосредоточены на описании общей

⁵⁵ В частности, архаическое буддийское китайское влияние, приведшее к проникновению переосмыслинного la (использовавшегося для общего обозначения морф еще у Панини), можно видеть в использовании la в 13 шлоке «Sum-ču-ra», ср.: Miller R. A. Studies..., p. 11; о китайском см.: Gulk R. H. van. Siddham. An essay on the history of Sanskrit studies in China and Japan. Nagpur, 1956, p. 18, 141.

⁵⁶ Miller R. A. Studies..., p. 7—16.

⁵⁷ Gabelentz G. von der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891, S. 34, 167, 206. — Следует подчеркнуть, что в этой замечательной книге, непреходящее значение которой, давно отмеченное Поливановым (см.: Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных ВУЗов. И. М., 1928, Предисловие), становится для современной лингвистики все заметнее (ср. особенно: Cseri E. Georg von Gabelentz et la linguistique synchronique. — In: Tübingen Beiträge Zur Linguistik, I. Tübingen, 1969; Jakobson R., Waugh L. R. The sound shape of language. Bloomington, 1979, p. 178), содержит и целый ряд очень глубоких мыслей о структуре древнетибетского языка, в специальной литературе о нем редко используемых.

комбинаторики языковых единиц.⁵⁸ Если описанный выше принцип нумерации графем путем задания их номера в одном из подмножеств всего множества предвосхищает недавние опыты глоссематики (опиравшейся на идею Соссюра относительно возможности нумерации — порождения в строгом смысле всего множества фонем индоевропейского праязыка) и математической лингвистики, то модель описания графем по их сочетаемости несомненно была последовательно дистрибутивной (в морфонологических терминах, отчасти связанных и с характером тибетского письма после ранней его реформы, ср. сохраняющееся до настоящего времени задание частич в их канонической морфонологической форме, в известной мере прямо противоположной установке на фонетически точную запись в индийском письме).⁵⁹ В этом смысле иногда встречающиеся похвалы тибетской классификации гласных и согласных⁶⁰ едва ли уместны. Древнетибетская наука о языке интересна именно тем, что, отойдя от индийской строго фонетической классификации, она обратилась не к субстанции, а к форме плана выражения. Предложенная в «Rtags-kyi» пятичленная классификация фонем используется для описания изменений на морфемных швах между слогами и на них ориентирована; возможно, что ее автору удалось описать при этом те различия, которые соответствуют последующим тоновым.⁶¹

Существенные споры вызывает использование в двух больших грамматических трактатах, приписываемых Тхонми, и в позднейших комментариях семантического метаязыка, основанного на переводах санскритских обозначений падежей и других грамматических категорий, для описания плана содержания тибетского языка. Именно в этом многие видят слабую сторону и классической тибетской традиции, и в особенности тех новых европейских грамматик, которые ей следуют.⁶² Но необходимо заметить, что тибетская грамматика своей ориентированностью на чисто смысловое

⁵⁸ Лекомцев Ю. К. 1) Об одном способе описания сочетаемости фонем в слоге (на материале классического тибетского языка). — Кр. сообщ. Института народов Азии АН СССР, LVII, 1961, с. 71—72; 2) Дистрибуция фонем и генерация слогов (на материале графических слогов классического тибетского языка). — В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964, с. 7—46.

⁵⁹ Ср. о выделении в «Sum-ču-ra» частей, отражающих и более раннюю фонетическую орфографическую норму: Miller R. A. Studies..., р. 9—10.

⁶⁰ Ср.: Pouocha P. The Tibetan language as example of general validity of linguistic laws. — In: *Asienswissenschaftliche Beiträge. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*, H. 32, Bd 1978, S. 112.

⁶¹ Schubert J. Sprachprobleme.

⁶² Pouocha P. The Tibetan language as example..., р. 114; Кузнецов Б. И. О традиции изучения тибетского языка и о проблемах частей речи в тибетском языке. — В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1965, в. 2, с. 118—131; Седлачек К. К функциональному определению основных частич в тибетском языке. — Тибетика (Материалы тибетологического семинара). Улан-Удэ, 1971, с. 71—85.

определение падежа (и других подобных категорий) сближается с порождающей семантикой (ср. падеж как чисто семантическую категорию у Филмора и его последователей). Основания для такого сближения есть уже у Панини,⁶³ к которому (через посредство позднейшей буддийской традиции, в частности Чандрогоамина) восходит используемая в «*Sum-ču-ra*» и позднейших комментариях система тибетских эквивалентов санскритских метаязыковых обозначений: тиб. *byed-pa-ro* =санскр. *kartṛ* ‘деятель’, тиб. *las-su-bya ба* =санскр. *karma* ‘цель, назначение’, тиб. *byed-pa* =санскр. *karaṇa* ‘орудие, способ’, тиб. *dgos-čhed* =санскр. *artha-* (ср. у Панини *sampradāna* ‘пользование’, ‘получение’, тиб. *ḥbyuṇ-khuṇs* =санскр. *ākara* ‘источник’ (ср. у Панини *apādāna* ‘отделение, происхождение’),⁶⁴ тиб. *rten-gnas* =санскр. *adhiṣṭhāna*, *adhi-karaṇa* ‘местонахождение’, тиб. *ḥbrel-pa-* =санскр. *sam̄bandha* ‘принадлежность’ (различающий четыре разновидности — тиб. *ḥbrel-paḥi* (*mat-pa bži*), тиб. *bod-sgra* =санскр. *sam̄bodhana* ‘обращение’, а также набор числовых обозначений восьми санскритских падежей, принятый вслед за Панини и согласовавшийся с аналогичной числовой системой обозначений графем, рассмотренной выше. Все тибетские частицы, имеющие грамматическое (синтаксическое) значение, распределяются по этим метаязыковым категориям. Оригинальность тибетской грамматики проявляется в том, как при этом распределяются частицы по этим метаязыковым категориям. Так, например, тиб. *ḥbyuṇ-khuṇs* ‘источник’ как семантический термин в «*Sum-ču-ra*» в равной мере относится и к использованию частицы *las*, сопоставимому с санскритским ablativom, в частности, при выражении сравнения (где, по словам позднейшего комментатора первой половины XVIII в., эта частица противопоставлена *nas* ‘конкретно отмеченной’ — тиб. *mtshams-ḥdzin*),⁶⁵ и к использованию чисто синтаксическому, когда частица завершает глагольный комплекс в конце придаточного временного предложения.⁶⁶ В «*Sum-ču-ra*» внимание автора трактата

⁶³ Singh J. D. Pāṇini's theory of kārakas. — RRL, 1979, t. XXIV, N 2, p. 125—148; Hōok P. E. Aṣṭādhyāyī 3.3.158 and the notion of subject in Pāṇini. — RRL, 1980, t. XXV, N 1, p. 79—87; Cardona G. Pāṇini's kārakas: agency, animation and identity. — Journ. of Indian Philosophy, 1974, v. II, v. 3—4, p. 231—306.

⁶⁴ О различии в этом и других случаях между санскритской традицией, отраженной в тибетском, и терминологией Панини ср.: Miller R. A. Studies. . . , p. 120.

⁶⁵ См. детальный анализ этого термина и его использования у тибетских комментаторов, бесспорно стоящего уже на уровне достижений современной лингвистической семантики: Miller R. A. Studies. . . , p. 120—124. — Имеется в виду противопоставление двух несходных явлений (*lha-las mi dman* ‘человек ниже богов’), для которого используется конструкция с *las*, и противопоставление сопоставимых членов множеств (*lharnams-kyi paṇ-nas brgya-byin mdzes* ‘Индра наипрекраснейший среди богов’).

⁶⁶ Эта черта описания в «*Sum-ču-ra*» подчеркнута в работе: Schubert J. Sprachprobleme. . . , S. 430. — Ср. формулировку тех же фактов

сосредоточено на семантике синтаксиса частиц (*tshig-phrad*), которые распределяются по семантическим группам исключительно в зависимости от особенностей тибетского языка.

Для того чтобы более отчетливо выявить те общелингвистические проблемы, которые сохраняют интерес для настоящего времени, достаточно сослаться на трактовку тиб. *daɪ* в традиционных комментариях, указывающих, что эта частица может использоваться в качестве союза (со значением соединительного), но также означает и совместность или причину. В этой связи следует заметить, что уже замечавшиеся тибето-тохарские синтаксические (как и лексико-семантические) параллели⁶⁷ простираются и на полное семантическое тождество тиб. *daɪ* = *tox*. А -уо, обычно описываемое одновременно как соединительный союз и как окончание твор. пад., которое (как это обычно в агглютинативных языках) при групповой флексии выступает только при последнем слове (ср. типологические параллели в японском, хурритском и т. п.).

В традиционной тибетской грамматике по особым метаязыковым категориям распределены и падежи (*rnam-dhye*). Наиболее своеобразной представляется трактовка категории 'первого падежа' (тиб. *rnam-dbye daɪ-po* — санскр. *prathamā vibhaktih*), который характеризуется как «лишенный частиц» (тиб. *rkuyen-med*) и выражющий «предмет как таковой», «сущность имени» (тиб. *yo-bo-tsaw ston-pa*); иначе говоря, он описывается как немаркированный и в плане выражения, и в плане содержания. Особенно интересно выделение падежа тождества (тиб. *de-ñid* — санскр. *tattva*), не имеющего аналогий в санскрите: подразумевается именная форма, инкорпорируемая в начало глагольного комплекса. Для многих частиц вводятся дополнительные семантические категории, кроме перечисленных выше, например 'выбор' и 'собирание' (тиб. *dgar-sdud*) для описания семантической оппозиции частиц *nas* и *las* в «*Sum-ču-ra*».

Для описательной и диахронической грамматики древнетибетского языка исключительное значение имеет описание структуры и семантики глагольных форм в «*Rtags-kyi*». В трактате проводится различие между тиб. *snon-hjug* 'впереди идущим' (стоящим перед *miñ-gži* 'основой имени=части речи') и *yañ-hjug* — вторичной группой «сзади идущих»⁶⁸ (в позиции после «сзади идущих» —

в терминах, более понятных для традиционной европейской грамматики санскрита: Р ерих Ю. Н. Тибетский язык, с. 116—117.

⁶⁷ Sapir E. Tibetan influence on Tocharian. — Selected writings. Berkeley—Los Angeles, 1951, p. 273—284; Иванов В. В. Тибетские кальки в тохарских текстах. — Кр. сообщ. Ин-та народов Азии, LVII. М., 1961, с. 35—40. — Относительно тиб. *daɪ* см. детальный комментарий в тексте, изданном и переведенном: Kłafkowski P. Some remarks on Tibetan traditional grammar.

⁶⁸ Воробьев А. Д е с я т о в с к а я М. И. 1) Глагол в тибетском языке VII—XI вв. АКД. Л., 1967, с. 7—8; 2) Временные формы в тибетском

гјес-һјug). Соответственно выделяются глаголы архаического типа, подчиняющиеся следующей закономерности распределения элементов в основах (I) «настоящего» времени (da-lta-ba), (II) «прощедшего» (һdas-pa), (III) «будущего», (IV) «повелительного наклонения». Основа I не имеет ни переди идущего, ни вторичной группы сзади идущих (yañ-һјug sñon-һјug gñis-ka med-pa); основа II — имеет и то, и другое (yañ-һјug sñon-һјug gñis-ka yod-pa); основа III — первое, но не вторую (sñon-һјug yod-la yañ-һјug-med-pa); основа IV — вторую, но не первое (yañ-һјug yod-la sñon-һјug med-pa), ср. глаголы типа I ston-byed 'наставлять', II bstand-to, III bstan-bya, IV stond-čig и т. п.

Совершенство этой последовательно дихотомической классификационной схемы, относящейся к исключительно сложной морфонологической системе чередований, заслуживает восхищения, хотя уточнение реальных семантических различий между четырьмя типами основ только еще начинается.

Для прояснения семантических противопоставлений в древнетибетском глаголе ключевую роль играет место в «Rtags-kyi», где описывается оппозиция bdag — по всей видимости, конструкция с глаголом активного действия, и gžan — конструкция с глаголом состояния.⁶⁹ Соответственно место из «Rtags-kyi» можно понять следующим образом: «При любом действии, если деятель (тиб. byed-po — санскр. kartṛ) действует результативно (dīś-su) и непосредственно (hbreł-bahi dbañ-du) на объект (gžan), то этот активный деятель (byed-po) и его активное действие (byed-po) и являются по преимуществу активной конструкцией (bdag). Объект (bya-yul), на который обращено действие, и его состояние (bya-ba) и являются по преимуществу конструкцией состояния».⁷⁰ Из этого следует, что теория эргативного и активного строя языка была намечена уже в этом трактате. Гениальной интуиции Г. фон дер Габеленца позднейшая европейская наука обязана первым типологическим сближением тибетской конструкции с активно-орудийным падежом на -s, противопоставленным нейтрально-пассивному, и соответствующих фактов австралийских языков;⁷¹ это типологическое сближение было продолжено в многочисленных исследованиях нашего века.

глаголе VII—XI вв. — Народы Азии и Африки, 1966, № 4, с. 176; Рерих Ю. Н. Тибетский язык, с. 81—84. (там же примеры глаголов); Schmidt J. J. Tib. gr., S. 112—130 (детальное перечисление глаголов); Miller R. A. Studies, p. 113—114; Gabelentz G. von der. Die Sprachwissenschaft..., S. 159, 374.

⁶⁹ Воробьева-Десятовская М. И. Глагол..., с. 14—15. Ср.: Dugg J. Morphologie du verbe tibétain.

⁷⁰ Ср.: Bacot J. Grammaire du tibétain littéraire, p. 64.

⁷¹ Gabelentz G. von der Die Sprachwissenschaft..., S. 161, ср. S. 106 и 214 (с очень интересным предположением о связи -s в глаголе и имени, соглашающимся с новейшими гипотезами, ср.: Седлачек К. К функциональному определению...; из внешних параллелей особый интерес предста-вляет енисейский падеж на -s, сходный с тибетским).

Краткий обзор последующих тибетских сочинений о языке

Кроме очень большого числа комментариев, развивающих и поясняющих лаконичные положения рассмотренных древних трактатов, до нас дошли и некоторые другие средневековые сочинения о языке. Из языковедов XI в. по имени известен Атиша (ученик Дхармакирти), приезжавший из Индии в 1042—1054 гг.⁷² От XI в. дошел и фрагмент из сочинения Ло-дан шэй-раба (1059—1109), в котором продолжается традиция описания сочетаний графем. Заслуживает внимания фонетический трактат XII в., составленный Сод-нам цзэ-мо (1142—1182)⁷³ и замечательный соединением хорошо усвоенной к тому времени индийской техники фонетического описания с традиционным для тибетского языкоznания вниманием к комбинациям согласных (в частности, описано произношение сочетаний с -r- как вторым элементом). Тому же автору принадлежит фрагмент, включающий эзотерические названия тибетских гласных (отличающиеся от современных в противоположность тем, которые употреблены в рассмотренном выше наиболее раннем древнетибетском фрагменте.) Некоторые из них ('a как «подобие льва» — тиб. sei għi ḥdra; i как «глаз Индры» — тиб. brgya-byin-kyi mig; u как «хобот слона» — тиб. glaṁ sna — будд. гибр. санскр. gaja-śvasana⁷⁴) являются передачей соответствующих санскритских оборотов ваджраянистского тантрийского типа и поэтому удостоверяют предложенную выше датировку времени усиления влияния этой культурной традиции в Тибете. Автор (расходясь с предшествующей традицией, основанной на орфографии, а не фонетике) утверждает, что гласных в тибетском пять.

К первой половине XIII в. относится сочинение, в котором также обсуждается вопрос о числе тибетских гласных и делается вывод, аналогичный только что указанному⁷⁵ (основная трудность заключается в отнесении ḥ-'а к числу гласных).

Подой дан-ба (1276—1342 гг.), как и его старший брат Чондон до-рчже чжалцан, известны как основатели целого направления

⁷² Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 50, 81, 110, 114, 192, 196, 221, 296; Roegisch G. N. The Blue Annals (Royal Asiatic Society of Bengal, Monograph Series). Calcutta, 1949, p. 325 (ср. об Атише с. 167, 247—261); Laufer B. Studien zur Sprachwissenschaft der Tibeter. Zamatog. Sitzungsberichten der Philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München, 1898, S. 549.

⁷³ Рерих Ю. Н. Тибетский язык, с. 45; Miller R. A. Studies..., p. 57—69, 72—74; Востриков А. И. 1) Тибетская историческая литература, с. 76—77, 90, 184, 214; 2) К библиографии тибетской литературы. — Библиография Востока, 1933, т. 2, в. 4.

⁷⁴ Edgerton F. Buddhist hybrid Sanskrit Grammar..., II, p. 207.

⁷⁵ См. перевод соответствующего фрагмента с комментарием: Miller R. A. Studies..., p. 330—331.

широких филологических исследований, включавших изучение санскритской грамматики и принципов перевода на тибетский.⁷⁶ В его замечаниях о связи языка с дыханием обнаруживается много калек с санскрита, позволяющих предположить непосредственное влияние санскритской науки о языке, но при этом ряд принимаемых им тибетских эквивалентов санскритских терминов относится еще к традиции, восходящей к началу IX в. (тиб. *ui ge* —санскр. *akṣara* и т. п.). XV—XVI вв. датируется детальный грамматический комментарий Дхармапалабхадры (1441—1528), продолжающий традицию «*Sum-či-ra*», XVI в. — известный «*Zamatog*» (1514).⁷⁷ К рубежу XVI—XVII вв. относится сочинение, написанное Янчжан да-ба'и до (ок. 1588—1615 гг.), развивающее традиции описания комбинаций согласных в слоге и в сочетании морфем, характерные для древнетибетской науки. В отличие от названных выше сочинений установка снова становится не столько фонетической, сколько морфонологической, и поэтому трактат носит скорее характер, обращенный к структуре сочетаний графем; это же замечается и в многочисленных трактатах, появляющихся полтора столетиями спустя и характеризующихся явным стремлением возродить направление «*Sum-či-ra*» и «*Rtags-kyi*», хотя и в сочетании с уже усвоенными и переведенными к тому времени на тибетский многочисленными трудами индийских фонетистов. Самым известным в этом ряду был Махапандит Си-ту (возможно, по имени Дхармакара⁷⁸ =Сиду Цзуглаг чойчжи-нанва), чей труд был окончен в 1744 г. Основной дух трактата связан с постоянной полемикой против направления, воплощавшегося для автора в трудах великого Прасит-Рин-чен-дон-дуба, чья традиция в достаточной мере еще не изучена.⁷⁹ Как уже замечено в начале настоящего раздела, традиция комментирования не иссякает и позднее — до начала XX в.

⁷⁶ Roerich G. N. The Blue Annals, 2, p. 785—786. Ср.: Miller R. A. Studies..., p. 75—76.

⁷⁷ Востриков А. И. Тибетская историческая литература, с. 167.

⁷⁸ Ср.: Dutt J. Deux traités grammaticaux tibétains. Heidelberg, 1950, p. 45 (в той же книге см. и перевод другого трактата XVIII в., представляющего интерес для описания глагола).

⁷⁹ Востриков А. И. К библиографии, с. 20, примеч. 1. — Ср. там же (с. 42) о сочинении Чжонэ Дагба-шаддуба (1675—1748 гг. см. его же: Тибетская историческая литература, с. 83, 245—246) о разных видах тиб. *mtshams-sbyor*=санскр. *samdhī*.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ БИРМЫ

Бирма обладает сравнительно старой грамматической традицией — хотя не столь оригинальной, сколь производной от индийской, а точнее, палийской традиции изучения языка. Концепции индийских грамматических трактатов, посвященных языку пали, недостаточно изучены с точки зрения современных представлений о языке. Не приходится удивляться тому, что еще в меньшей степени проанализированы лингвистические представления бирманцев, в основном восходящие, как сказано, к палийской традиции.

Настоящая небольшая глава носит сугубо справочный характер. К сожалению, мы не имели в своем распоряжении оригинальных текстов старых грамматических трактатов Бирмы, поэтому наше изложение основано по преимуществу на свидетельствах западноевропейских авторов (см. приложенную библиографию), а также на знакомстве с современными работами по бирманскому языку, принадлежащими тем бирманским филологам, которые продолжают традицию.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Непосредственная зависимость бирманской традиции от индийской объясняется общим направлением культурного влияния. С самого начала становления бирманской народности ее идеология и культура претерпевали сильное влияние индийских представлений, отчасти через ближайших соседей бирманцев — монов, достигших к тому времени относительно более высокого уровня развития. Примерно в XI в. Паганское королевство (тогдашняя Бирма) принимает буддизм, и пали, язык Канона, становится основным языком учености и литературы Бирмы, а палийские трактаты — источником и образцом формирования местной науки и словесности.

Значительное место в обширной палийской литературе занимают труды языковедческого характера. Наиболее известны трактаты Каччаяны и Моггалланы, в определенной степени представляющие два направления, которым в дальнейшем следовали

многочисленные позднейшие грамматисты.¹ Эти труды, равно как и другие, очень скоро стали известны в буддийских монастырях Бирмы. По их образцу стали создаваться новые исследования, а также комментарии. Первое из известных произведений появляется уже в XI в.: в 1064 г. Дхаммасенапати составил «Карика» (*Karīka*) — небольшой палийский трактат, посвященный вопросам метрики и отчасти грамматики пали. Сохранились сведения и о других работах, написанных в XI в., — «Татхагатупатти» паганского монаха Ньянгагабхиры (*Nāñagambhira*) и некоторых других.

Самые знаменитые произведения палийской грамматической литературы Бирмы появляются в XII в. В 1154 г. монах Аггаванса (*Aggavaṁsa*), наставник короля паганской династии Нарапатиситу (1167—1204), составил грамматику «Садданити» (*Saddanīti*).² Это была грамматика языка Канона, Типитаки, написанная на пали: бирманский язык был признан достойным объектом филологического изучения и инструментом описания лишь в XVIII в. (см. ниже).³

Существующее мнение о независимости «Садданити» от традиций Каччаяны и Моггалланы,⁴ вероятно, преувеличено. Безусловно, однако, что труд Аггавансы был значительным явлением в области палийской грамматики, причем его значение выходило за пределы Бирмы. Известно, что вскоре после появления «Садданити» Уттараджива ознакомил с грамматикой Аггавансы обученных монахов цейлонского монастыря Махавихара — тогдашнего центра учености буддийского мира, — где трактат бирманского автора был признан лучшим из сочинений этого рода.⁵

По сообщениям, имеющимся в литературе, грамматика Аггавансы состояла из 25 разделов (*paricchedo*), в которых в виде сутр, афоризмов формулировались правила палийской фонетики и грамматики, — форма, известная по крайней мере со времен Панини. Любопытно, что Аггаванса в своей работе обнаружил

¹ См.: *Senart E. Kaccāyana et la littérature grammaticale du Pali. I. Grammaire pālie de Kaccāyana*. Paris, 1871; *Geiger W. Pāli Literatur und Sprache*. Strassburg, 1916.

² Ньюти — жанр афористической литературы, формулирующей в виде максим положения этического, философского и т. п. характера.

³ Ранние бирманские грамматисты иногда включали наблюдения над бирманским языком в свои палийские трактаты. Так, У Чи Пвэй, работавший в правление короля Наратхапатэй (1254—1287 гг.), в труде по палийской грамматике дает значение основных бирманских частиц. Чатурангабала в правление короля Схинбуйлэйзиши Тихату (Чосвангэ, 1350—1359 гг.) составляет толковый словарь языка пали, где среди палийских гlosс встречаются и бирманские (см.: *Вуп У. Мьянма сака. — Мьянмахму твэ I. [Рангун], 1975, с. 1—3*).

⁴ Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Язык пали. М., 1965, с. 31.

⁵ См.: *Bode M. Early Pāli grammarians in Burma. — Journ. of the Pāli Text Soc., 1908, p. 88—89.*

знакомство и с санскритом: во второй части его труда (*Dhātumāla*) даются санскритские эквиваленты палийских форм.⁶

Другим известным автором грамматических трактатов был Чхапата (*Chapaṭa*), в монашестве Саддхаммаджотипала. Предметом его штудий, приходящихся на вторую половину XII в., был также язык пали. Чхапата, отправившийся на Цейлон вместе со своим учителем Уттараджива, длительное время «стажировался» в Махавихара. Основные его работы — это «Суттанидеса», или «Каччаянасуттанидеса», и «Санкхепаваннана» (*Sankhepavannanā*). Первый из названных трудов, как показывает его название, был посвящен комментированию сутр Каччаяны.⁷

В течение XII—XIII вв. появлялись и другие грамматические исследования, причем достаточно многочисленные. Интересна здесь грамматика Саддатхабхедачинты, где сделана попытка совместить две традиции — Каччаяны и санскритских авторов. Эта работа послужила поводом для бесчисленных сочинений комментаторского характера, среди которых наиболее известна «Махатика» Абхай.⁸

В этот период появляются работы, посвященные частным, отдельным проблемам грамматики. Так, в XII, по-видимому, веке Сангхакхита пишет труд «Самбандхачинта», трактующий вопросы синтаксических отношений. Дочери короля Чосвы (1234—1249 гг.) приписывают сочинение о палийских падежах.⁹

Первые бирманские грамматики, описывающие родной язык, появились лишь в XVIII в. Ими были сочинения Чо Аун Сан Тха Схайадо I «Кавилэххана мьянма тада» (1748 г.) и Таундвин Схайадо «Тадабийуха» (вероятно, 1750 г.).¹⁰ Существенно, что, по свидетельству Дж. Окелла, эти грамматики оперировали особым языковым материалом — так называемым «ниссая». Ниссая — это тип бирманского текста, который дается параллельно тексту палийскому: после каждого слова или словосочетания пали следует его бирманский эквивалент. Естественно, что такой бирманский текст является в известной мере искусственным, в особенности его синтаксис обнаруживает отклонения от бирманских норм, вызванные потребностью почти пословного перевода палийского оригинала. Ниссая составлялись с целью сделать доступными классические палийские тексты для читателей-бирманцев.

⁶ Ibid., p. 88.

⁷ Некоторые источники высказывают сомнение в авторстве Чхапаты: предполагается, что последний лишь ввел в обиход бирманских филологов обе грамматики, транскрибировав оригиналный палийский текст средствами монско-бирманского алфавита, причем Суттанидеса приписывается непосредственно Каччаяне, а Санкхепаваннана — анонимному цейлонскому автору (см. об этом: Bode M. Early Pāli grammarians in Burma, p. 89, 90).

⁸ Тика — литературный жанр, представлявший собой первоначально комментарии к комментариям.

⁹ Ibid., p. 99.

¹⁰ O'Kelly J. Nissaya Burmese. A case of systematic adaptation to a foreign grammar and syntax. — Lingua, 1965, 15, p. 194.

Привлечение именно текстов ниссая в качестве материала грамматического анализа было вполне понятным. Ранние филологи Бирмы не знали иной грамматической традиции, кроме палийской; поэтому для них проще и естественнее всего было анализировать разновидность таких бирманских текстов, которые, по крайней мере формально, составляли наиболее близкую параллель к текстам палийским, послужившим материалом для формирования соответствующей грамматической концепции. Следует также учитывать, что эти тексты (ниссая), в отличие от «обычного» бирманского языка, обладали не свойственной последнему престижностью. В результате авторы ранних бирманских грамматик, как пишет А. Лонсдейл, «не удовлетворяясь одним лишь заимствованием палийской грамматической номенклатуры, пытались подводить грамматические правила нефлективного бирманского подправила флективного языка пали, в итоге они составляли не бирманские грамматики, а палийские грамматики в бирманском одеянии».¹¹

Таким образом, первые описания бирманского языка были своего рода «переводными» грамматиками, где в роли классического образца выступал пали, чему способствовал и специфический характер текстов — материалов исследования. К этому следует добавить, что бирманские грамматисты были наивно убеждены в своего рода « тождественности » бирманского языка — «хорошего» бирманского языка, прежде всего представленного в текстах ниссая, — и языка пали. Это простиравось до утверждений о подственности двух языков, делавшихся и в нашем веке,¹² и фантастических возведений бирманских морфем к палийским «этимонам» наподобие этимологизирования показателя множественного числа *tuoy* (в транслитерации *tuuy*) как палийского *bahu* 'много'.¹³

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РАБОТАХ БИРМАНСКИХ ФИЛОЛОГОВ

Оставляя в стороне грамматический анализ бирманских филологов того типа, который полностью воспроизводит палийскую традицию, обратимся к рассмотрению тех аспектов бирманских лингвистических трудов, которые несводимы к этой последней. Такой подход позволяет нам не устанавливать жестких временных границ в отборе материала: бирманская лингвистика не слишком изменялась на протяжении последних столетий; требуется лишь, с одной стороны, отвлечься от того, что не дает ни-

¹¹ L o n s d a l e A. Burmese grammar. Rangoon, 1899, p. III.

¹² S h w e Z a n A u n g U. Philological study of the Burmese language.— Journ. of the Burma Research Soc., 1916, 6.

¹³ O k e l l J. Nissaya Burmese, p. 193.

чего нового по сравнению с относительно известной палийской традицией, с другой же стороны — от того, что объясняется более поздним европейским влиянием.

Фонетика

Бирманский язык резко отличается от пали своей фонологической структурой. Прежде всего это слоговой язык. Последнее означает, что бирманский язык обладает принципиально иными (по сравнению, скажем, с исторически засвидетельствованными индоевропейскими языками) фонологическими единицами: во-первых, это слог, который является минимумом, необходимым для конституирования морфемы (в отличие от неслоговых языков, где такой единицей выступает фонема); во-вторых, это компоненты слова — инициали и финали, которые являются минимальными единицами с точки зрения выделимости по функциональным основаниям. Например, слог [lui], сам являясь особой фонологической единицей, включает инициаль [l] и финаль [ui] — нечленимую на данном уровне единицу.

Кроме того, бирманский язык принадлежит к числу тональных языков.

Указанные фундаментальные особенности бирманской фонетики не могли, разумеется, не отразиться в работах бирманских филологов. Так, бирманские авторы используют палийские термины *тайа* (< пал. *saro*) 'гласный' и *бий* (< пал. *vuājapām*) 'согласный', однако фактически под *тайа* понимается не гласный, а финаль.¹⁴

Некоторые авторы выделяют конечный согласный в составе финали, называя его «мгновенным».¹⁵ Показательно, что в число этих «мгновенных» согласных попадают и те, что реально не произносятся, сохраняясь на письме как дань старой орфографии. Это говорит о том, что здесь налицо неразличение графики и фонетики и выделение конечных согласных как особых единиц есть следствие именно этой типичной ошибки.

Характерно в этом отношении и другое частное обстоятельство. Полугласный в составе слога (так называемая медиаль) функционально относится к финали. Бирманские филологи, члены слог, относят, однако, медиаль к инициали, например [tâ] → → [tâ] + [â].¹⁶ Это также объясняется неразличением графики и фонетики: графически медиаль [u] передается так называемым под才是真正ным знаком при графеме для инициали.

Для обозначения слога бирманские филологи используют термин *вун* (< пал. *vanno*), причем этот термин, как и следует ожидать,

¹⁴ Кхин Кхин Эй, До. Бадасакахнин тикаунасайамяа. — Тэка-
дуу панъападэйда сасаун, 1967, атвэ 2, апай 4, с. 250.

¹⁶ Хла Со Пхью. Санпийя мьянма тадаххин йасана. Рангун, [б. г.], с. 4.

¹⁶ Кхин Кхин Эй, До. Бадасакахнш ттикаупсайамийа, с. 250.

дать, равно обозначает и морфему, материально обычно равную слогу. При этом говорится, что *тайс*, соединяясь с *бий*, дают значимые единицы (букв. «выражают значение»).¹⁷

Тон в бирманской традиции обозначается термином *атан* ‘голос’ (ср. кит. *шэн*). Насчитывается три тона: легкий, основной и сильный. 4-й тон, выделяющийся смычногортанным завершением, не входит в этот перечень, что объясняется его поздним происхождением и графическим обозначением — посредством согласных со знаком *ата* (скр. *विराम*), а не тональным знаком.

Классификация согласных и гласных, в общем следует индийской традиции. Любопытна классификация преаспирированных сонантов типа [hm], [hl], которые часть авторов определяют по месту образования как «грудные». ¹⁸ Такое определение, как кажется, можно соотнести с объективными фонетическими свойствами приыхательности: приыхательные согласные выделяются своей сильновоздушностью,¹⁹ и обозначение их как грудных связано, очевидно, с кинестезическим ощущениемней силы выдоха, требуемой для обеспечения приыхания.

Морфология и синтаксис

В бирманской филологической традиции по существу отсутствует сколько-нибудь последовательное различение морфологии и синтаксиса. Основные понятия грамматического анализа суть следующие: *вэча* ‘предложение’ (пал. *သာစာ* ‘речь’), *наусхэ* ‘частица’, *поу* ‘группа’, ‘член предложения’. Под последним понимается один или несколько слов, оформленных частицей (частицами). Реально, впрочем, требование оформленности не соблюдается, и термином *поу* обозначаются также члены предложения, не имеющие эксплицитного оформления.

Как члены предложения, так и частицы разделяются на именные и глагольные. Для обозначения имени и глагола используются палийского происхождения термины — *нан* и *карийа* соответственно.

Характерно, что слова, обозначающие качество (типа *каун* ‘быть хорошим’, *хла* ‘быть красивым’), бирманский грамматист, как правило, относит к глаголам, отступая от палийской традиции: формально эти слова в бирманском языке сближаются с такими лексемами, как *тва* ‘идти’, *лоу* ‘делать’.

Среди именных членов предложения выделяются прежде всего подлежащее — *ката* (< пал. *kattā* ‘деятель’) и (прямое) дополнение — *кан* (вероятно, от пал. *kaip* ‘кого’). Эти грамматические объекты безусловно не являются собственно синтаксическими:

¹⁷ Т х у н М и и н У. Пали тэ вохара абидаи. Рангун, 1968, с. 209.

¹⁸ Х а н т а в а д и Б а Й и н У. М и я н м а с а а ч х э й п и я ч а н . Рангун, [б. г.], с. 18.

¹⁹ З и н д е р Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960, с. 116.

граница между синтаксическими и семантическими «ролями» здесь не соблюдается.

Подобно тому, как это имеет место в китаеведении, общее понятие, в бирманском передающееся термином *видэйдана* (< пал. *visesanām* ‘различающий’), объединяет определения к именным и определения (обстоятельства) к глагольным членам предложения.

Задачи грамматики видятся, насколько можно судить, в том, чтобы показать способы сочетания знаменательных единиц в предложения и описать значения частиц. Любопытно проследить, что берется в качестве имплицитного критерия для включения того или иного языкового явления в грамматику (вопрос, как известно, живо дебатируемый в современной лингвистике). Как представляется, бирманский филолог в решении этого вопроса руководствуется двумя (связанными между собой) соображениями. Во-первых, в грамматику включается то, что обладает высокой частотностью употребления. Например, *мийамай* ‘много’ или *нэн* ‘мало’ ничем формально не отличаются от, скажем, *каункаун* ‘хорошо’, однако первые включаются в грамматику (под рубрикой «Слова меры»),²⁰ как обладающие относительно большей частотностью, — а последнее не включается. Во-вторых, отбор осуществляется преимущественно на семантической основе. Это видно и в вышеприведенном примере: слова «много», «мало» с е м а н т и ч е с к и связаны с категорией числа, числительными, и это повышает их шансы на отнесение к грамматике. Вообще к грамматике, в представлениях бирманских филологов, относится, по-видимому, все то, что остается «за вычетом» обозначений предметов (объектов), качеств (свойств) и процессов. Из отношений лишь более конкретные, типа «приходиться кому-л. кем-л.», выводятся за пределы грамматики. Более же абстрактные (соответственно статистически шире представленные в текстах), типа отношений «вместо» («взамен»), «наравне с . . .» и т. п., рассматриваются в бирманской традиционной грамматике. Иначе говоря, соответствующие слова включаются в общие списки элементов, подлежащих истолкованию в грамматике наравне со, скажем, показателями множественного числа.

По-видимому, такому «списочному» представлению грамматики во многом способствует сам материал языка, где грамматические отношения передаются отдельными служебными словами («частистками») и приближающимися к ним по характеру агглютинативными аффиксами. Отсутствие парадигм, составленных синтетическими словоформами, затрудняет вскрытие системности в языковом материале. Последняя задача не решена еще в должной мере и в современных описаниях бирманского языка.

²⁰ См.: П х э й М а у н Т и н У. Мьянма тада. Рангун, 1956, с. 109.

ЛИТЕРАТУРА

- М а з о В. Д. Из истории изучения языка пали в Бирме. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- B o d e M. The Pāli literature of Burma. London, 1909.
- M a s o n F. The Pali language from a Burmese point of view. — Journ. of the Amer. Orient. Soc., 1880, 10.
- Saddanīti. La grammaire palie d'Aggavāmsa. Texte établi par H. Smith, v. I—V. Lund, 1928—1954.
- Sangharakhita. Nvādi-Moggallāna. Pāli Treatise on grammar. Based on the Grammar of Moggallāna, with Burmese nissaya. Rangoon, 1900.
- T a w S e i n K o. Pali examinations in Burma. -- Buddhism, 1903, 1, 1.

ТРАДИЦИОННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ

В наши дни в Индонезии и Малайзии существует довольно обширная литература, посвященная языкам этого региона и принадлежащая местным авторам. В основе лингвистических описаний лежит большей частью европейская грамматическая теория, развитая на материале индонезийских языков во второй половине XIX—начале XX в. (существуют труды индонезийских и малайских ученых, построенные на более поздних и более современных концепциях). Однако в Индонезии и Малайзии были и более старые лингвистические традиции. Одна из них связана с «индийским» периодом, т. е. с периодом инданизированных государств данного района. Она начинается в первом тысячелетии н. э. и продолжается до XIV—XVI вв., а кое-где и до более позднего времени. Вторая традиция связана с «мусульманским» периодом, который последовал за «индийским» (в разное время для разных областей). Пожалуй, будет более правильно, хотя и не совсем удобно терминологически, подчеркивая обусловленность культурного развития внутренними факторами и потребностями каждой страны, подвергшейся влиянию извне, говорить о двух традициях: раннесредневековой и позднесредневековой.

В раннесредневековый период развитие знаний о языке было обусловлено задачами перевода и толкования санскритской литературы религиозного и светского содержания. Известно, что на Суматре в государстве Шривиджайя (не позже VII—до XII—XIII в.) существовал крупный международный центр изучения буддизма и санскритской литературы, где, в частности, занимались переводом этой литературы на местный и другие языки.¹ Однако литература Шривиджайи скорее всего полностью погибла, и в том числе все то, что могло иметь отношение к языкоzнанию.

Более благоприятной была судьба научно-прикладной, включая лингвистическую, литературы древней Явы — главным образом благодаря тому, что рукописная традиция яванцев периода государств Кедири, Сингасари, Маджапахита, а возможно, и более раннего государства Центральной Явы — Матарам — тщательно передавалась на о-ве Бали и отчасти о-ве Ломбок, где исламу

---

¹ См., например: Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.

не удалось одержать победу над местными версиями индуизма и буддизма. По мнению Х. Ейнболла, на древней Яве знали санскрит довольно хорошо (ср. далее, с. 212). Т. Пижо отмечает, однако, что в санскритских изречениях, составлявшихся самими яванцами, всячески избегаются формы склонений и спряжений, что указывает на довольно смутное представление о санскритской грамматике у местных книжников.² К сожалению, из яванских санскритологических штудий почти ничего не издано, а сами рукописи, кроме более поздних (балийских), обычно не датированы.

К лексикографии относятся санскритско-яванские словари, энциклопедии и пособия смешанного толково-энциклопедического характера. Нередко в словари включались также грамматические сведения, например образцы склонения и спряжения, а также по метрике и другим смежным вопросам.

Судя по имеющимся описаниям, многие или даже все словари составлялись не по алфавитному, а по тематическому принципу. Так, например, один из словарей, под названием *Caṇḍakīgara*, начинается правилами метрики (долгие и краткие гласные, число слов в размерах, названия и примеры стихотворных размеров).³ Далее идут наставления по правописанию. Затем начинается собственно словарь: имена богов, слова со значением «мудрец», «птица», «змея», «князь», «человек», «ребенок», «вор», названия растений, рыб, птиц, частей тела и т. п. Словарь составлен не вполне последовательно, так как многие семантические группы повторяются в разных местах. На последних страницах рукописи идет алфавит и названия месяцев. По мнению Г. Керна, словарь был предназначен не для изучения самого санскрита, а для облегчения чтения древнеяванских произведений⁴ (лексика которых была насыщена санскритизмами).

Ряд пособий относится к области грамматики. В одном из них, под названием «Гласные и согласные» (*Swaravayuanjana*),⁵ дается классификация *akṣar* (слоговых знаков) по артикуляторным признакам, принятым в индийской лингвистике. Санскритские термины разъяснены по-древнеявански, например *mūrḍhanaya* 'перебральные' передаются как *ikang akṣara mēḍal ing śirah*

² Pigeaud Th. G. Th. Literature of Java, I—III. Leiden, 1967—1970, I, p. 298—299.

³ Juynboll H. H. Supplement op den Catalogus van de Javaansche en Madoereesche handschriften der Leidsche universiteitsbibliotheek, I, II. Leiden, 1907, 1911, I, p. 170 vgg.

⁴ Ibid. vide: Кегн H. 1) Un dictionnaire sanskrit-kavi. Actes du 6-e Congrès international des Orientalistes, 3-e partie, section 2, p. II; 2) Verspreide geschriften; Hollé K. F. Vlugtig bericht omtrent eenige lontar-hss., afkomst uit de Soenda-landen. — Tijdschrift van het Koninklijk Bataviaasch Genootschap, XVI, p. 461—464. — К сожалению, недоступна работа: Buiteveld J. A. B. van, Ensink J. Glossary of Sanskrit from Indonesia, vāk. 6.⁷ 1—220. Poona, 1964.

⁵ Juynboll H. H. Eene Oudjavaansche Sanskritgrammatica. — Bijdragen tot de taal-land- en volkenkunde... 1901, D. 52.

‘акшары, выходящие в голову’, *anunāsika* ‘назальные’ — как *akṣara inucarakēn sakeng irung* ‘акшары, произносимые из носа’. Далее даны правила сандхи для древнеяванского языка.

Вторая часть учебника называется *Kṛtabasa* (что Ейнболл объясняет как искажение *sāṃskṛtabhāṣā*)⁶ и содержит краткие санскритские предложения с древнеяванским переводом. Санскритские падежи передаются с помощью древнеяванских служебных слов и наречий, например инструменталис *Śakrēpa* ‘Шакрой’ (от *Śakrah* ‘Шакра’) с помощью предлога *de*.

В одной из грамматик, написанной по-санскритски и снабженной древнеяванским подстрочным переводом, упоминается имя Панини и даны примеры сложных слов разных типов (*dvandva*, *karmadhāraya*, *bahuvrīhi* и др.).⁷

«Сваравьянджа» и другие пособия переписывались и перерабатывались вплоть до XVIII—XIX вв., когда древнеяванская часть их уже стала малопонятной и сама требовала перевода.

На Яве и Бали вплоть до XVIII—XIX вв. создавались также пособия по древнеяванскому языку (кави), который уже довольно рано стал отличаться от развивающегося разговорного языка и требовал специального изучения. Кави-балийские словари имеют в основном тематическую (семантическую) структуру. Особый вид словарей — словари синонимов (*dasanama* ‘десятисловие’), очевидно необходимые и для такой цели, как подбор слов в поэзии (*metri causa*).

Для иллюстрации характера и степени проникновения индийской традиции в индонезийское языкознание приведем ряд терминов индийского происхождения, применяемых в современных описаниях индонезийских языков, сделанных индонезийскими и малайзийскими учеными. При изучении этих терминов следует иметь в виду, что некоторые из них, возможно, были введены уже после знакомства авторов с европейской традицией. В таком случае эти термины представляют собой кальки европейских терминов, созданные посредством санскритских или санскритовидных морфемных форм. Те термины, которые явно были созданы таким способом в последнее время (*dwibahasa* ‘двуязычный’), включая гибридные термины с разноязычным генезисом компонентов, (*dwibibir* ‘билабиальный’, индонез. *bibir* ‘губа’), в данный список не входят. Далее, среди терминов некоторые совпадают со словами «общего языка». Наконец, ряд терминов, в частности балийских, введен, возможно, в последнее время в порядке вторичного, «очищенного» заимствования из современных трудов по санскриту. Все же некоторые термины, в частности яванские, производят довольно традиционное впечатление, например *i-kriya* ‘глаголы с суффиксом -i’, *ké-kriya* ‘глаголы с суффиксом -aké’. Такие термины могли быть созданы в древности по образцу санскритских.

⁶ В современной индонезийской терминологии *kerata basa* ‘ложная (бытовая) этимология’.

⁷ J u n b o l l H. H. Supplement op den Catalogus. . . , II, p. 215.

Термины индийского происхождения в современных работах по индонезийскому и малайзийскому языку

arti	значение	nama	имя, название
bahasa	язык	peribahasa	пословица, выражение,
cara	наклонение, модальность	фразеологизм	
erti	мал. см. arti	purba	древний, пра-(язык)
gaya	bahasa стилистика	semprurna	полное (предложение)
irama	ритм (иногда — интонация)	suara	голос, звук
kata	слово	ber-suara	звонкий (согласный)
kerata	basa ложная этимология	tatabahasa	грамматика

*Термины индийского происхождения в современных работах по яванскому языку*⁸

adiguna	дериват с конфиксом ke-an, выражающий чрезмерную степень качества	dayawacaka	имена с конфиксом ra-an, выражающие действие или место
agnya	императив	denta	wyanjana ⁹ алфавит (в графике чаракан); расположение слов по алфавиту
aksara	буква; основной слоговой знак (в национальной графике чаракан)	dwingga	полное удвоение корневой морфемы
aksara murda	прописная буква	dwipurwa	удвоение начала морфемы
antya	basa разновидность простого стиля	dwivasana	удвоение конца морфемы
anuswara	назальная префиксация	garba	см. sandi
basa	язык	garba	sutra yé сложные слова с сандхи i → y
bebasan	фразеологический оборот	garba	sutra wan сложные слова с сандхи u → w
basa antya	разновидность простого стиля	gatra	придаточное предложение guna
baustra	словарь	rimbag	качество (?) в сочетании слова с суффиксом -en, выражающие подверженность неприятному воздействию
bawa	непереходный (=неизменяющийся по залогу) глагол	i-kriya	glagol с суффиксом -i
bawa-ka	глагол с префиксом ka-	ké-kriya	glagol с суффиксом -aké
bawa-wacaka	имена качества с конфиксом ke-an	karana	wacaka имена действия с конфиксом paN-an
cakra	знак для г в позиции за согласным (в графике чаракан)	kerata	basa ложная этимология
carita	индикатив	krama	вежливый стиль
candra	иноскажание, фигулярное выражение	kramantara	разновидность вежливого стиля
candrasangkala	хронограмма	krama	désa сельский вариант вежливого стиля
pan-darbé	притяжательный		
dasanama	сионим(ика)		

⁸ Были просмотрены следующие яванские грамматики: Роеагвадарминта W. J. S. Sarining paramasastra Djawa. Djakarta, 1953; Гавириасубратха K. Paramasastra Djawi. Solo, 1956; Sastrasoepadma S. Paramasastra Djawi. Jogjakarta, Soejadi [195..?]; Гавироатмодjo S. Konklusi paramasastra beserta persamaannja Djawa-Indonesia. Surabaja, [1955]; просмотрен также лексико-фразеологический сборник: Padmosoekotjo S. Sarine basa Djawa. Djakarta, 1956.

⁹ Из санскритского ḍyāvṛtāyāñjana 'первый и последний согласный' (поскольку большинство яванских вокабул двусложно и записывается всего двумя согласными). См.: Кегн H. Mengelingen. Kawi en Javaansch. — Bijdragen Taal- Land- en Volkenkunde. 1877, D. 25, afl. 1, p. 151—152.

krama inggil	«высокий кроме»	sabawa междометие
(очень вежливый стиль, относящийся к тому, о ком говорят)		sagnyan знак для конечного h (в графике чаракан)
kriya глагол		saloka сравнение, оборот
kriya lingga корневой глагол		sambawa условие, условный, кондитерский
kriya wasaka имя действия с префиксом paN		ционалис
kriya wantah корневой глагол		santanta пассивная форма
lingga корневая морфема		sandi сандхи, сложное слово с сандхи; сложносокращенное слово
mahaaprana прописные буквы		sanépa сравнение
madya средний по вежливости стиль		saroga парный синоним
madyantara, madyakrama разновидность среднего стиля		sastra буква; графика
madya pada знак перемены стихового размера		surasa значение
madyama purusa второе лицо		swara звук; гласный
mifakrama разновидность вежливого стиля		tripurusa три лица
pada знак препинания (в графике чаракан)		utama первое лицо
pada guru начальный знак в тексте		wasaka именной аффиксальный деликатес
pada madya начальный знак текста, адресованного равному по положению лицу		wanda слог
pa-karya-n действие		wasana pada знак конца стихотворного текста (в графике чаракан)
paramasastra грамматика		Jawa wasana новояванская языковая схема
paribasan пословица, поговорка, паремия		wasésa сказуемое
pratama purusa третье лицо		wignyan знак для конечного h (в графике чаракан)
purusa лицо, личный		wisésa на слово с суффиксом -an
purwa начало корневой морфемы, анлаут		wisésa на dwipurwa слово с суффиксом -an и начальным удвоением
purwa pada начальный знак стихотворного текста		wredakrama разновидность вежливого стиля

Существуют также более сложные составные термины, например *santanta utama purusa i-kriya* «первое лицо пассива от глаголов с суффиксом -i».

Некоторые термины индийского происхождения, используемые в сунданской грамматике¹⁰

aksara sora	гласная буква	dwipurwa начальное удвоение
aksara hirup		dwireka удвоение с изменением гласного
basa язык		dwiwasana удвоение конца корневой морфемы
basa surti выражение с пропуском подразумеваемого элемента		harti значение
carita-an сказуемое		sandirasa междометие
dwilingga полное удвоение корневой морфемы		sora звук
dwimurni удвоенная форма, компоненты которой не имеют собственного значения		trilingga уточнение корневой морфемы с меной гласного
		wianjana согласный

¹⁰ Sad k a r. Tingkesan paramasastra Sunda. Garut, [1959].

aksara слоговой знак, буква	dui samatra lingga то же с меной гласного
aksara hrasua краткий звук	duita удвоенный на письме согласный
alapaprana со слабым придыханием (=непридыхательный)	kaṛṭhya велярный
ard(h)aswara полугласные и плавные (?)	mūḍhanaya, mūrdhania ретрофлексный, церебральный
danthyā, dantia зубной	nyutra (< sūtra) сандхи
dirga долгий	oṣṭhya губной
dui bina lingga ekasruti сложное слово (?)	tālāwya палатальный
dui maya lingga удвоение незначимой корневой морфемы	usma сибилянт
dui sama lingga полное удвоение корневой морфемы	warga aksara класс букв (по месту образования)
	wirama размер стиха
	wisarga знак ha

Сопоставление терминов, принятых в несколько различных, хотя и родственных традициях, показывает наряду с большим сходством и некоторые расхождения в оформлении, составе и фонетической форме. Так, например, полное удвоение корневой морфемы в яванской и сунданской грамматике обозначается dwilingga, а в балийской dui sama lingga. Термин «значение» по-явански обозначается arti, по-сундански harti с начальным h, индийское слово svara 'звук, гласный' в различных языках также имеет несколько различный облик. Все это может указывать на их сравнительно раннее заимствование.

Распространение ислама в странах региона сопровождалось новой волной литературно-переводческой работы. Основным проводником ислама был малайский язык. На малайский переводили с языков мусульманского Востока — персидского, арабского, индийских — как религиозную, так и беллетристическую литературу. Для изучения и перевода этой литературы требовались учебные пособия.

Одно из таких пособий дошло до нашего времени. Это сочинение по арабской грамматике, написанное по-персидски и снабженное подстрочным малайским переводом.¹² Рукопись называется «Сущность грамматики» (Хулāṣat ‘ilm-aṣ-ṣār̄f), переписана носителем малайского языка в 1582 г. и происходит, по-видимому, с Западной Явы. Подстрочный перевод демонстрирует проникновение в малайский язык арабских грамматических терминов. — ḥarf, ḥurūf 'буква, буквы' (ед. и мн. число арабских слов в малайском не дифференцируется) — наряду с мал.-санскр. akshara; ism,

¹¹ T i n g g e n L. N. Pedoman perobahan ejaan bahasa Bali. . . Singaraja, [197..].

¹² B a u s a n i A. Un manoscritto persiano-malese di grammatica araba del XVI secolo. — Annali. Istituto Orientale di Napoli. 1969. Nuova serie XIX (vol. 29), fasc. 1.

asmā ‘имя, имена’, наряду с более старым пама (из санскр.), ilmu saraf ‘грамматика’, naḥu ‘синтаксис’, ma‘na ‘значение’ и др. А. Баузани, исследователь рукописи, сделал интересные наблюдения над восприятием флексивного (персидского) языка носителем языка, лишенного флексии, — малайского. В этой рукописи грамматические компоненты слова передаются с помощью служебных слов. Например, для перевода окончаний мн. ч. персидских глаголов применяется местоимение мн. ч. *teréka itu* ‘они (эти)’, прибавляемое к переводу глагольной лексемы.

В каталогах Т. Пижо и П. Ворхуве¹³ значатся и другие грамматические рукописи, происходящие с Западной Явы. Часть их представляет собой арабский грамматический текст с яванскими гlossenами.

В Малайзии в период XV—XIX вв. важнейшим центром изучения языков была Малакка, а с первой трети XIX в. также Сингапур.

Малакка выдвинулась в XV в. в качестве крупного торгового государства на международных морских путях от Аравии, Персии, Индии на западе до Китая на востоке, места встречи купцов и моряков различных стран Востока, а с XVI в. также европейцев (португальцы захватили город Малакку в 1511 г.). В XV в. правители Малакки приняли ислам, который распространялся на архипелаге с XIII в. Малакка была крупным культурным центром своего времени. Несомненно, что в условиях интенсивных языковых контактов в Малакке существовали кадры переводчиков, преподавателей и других лингвистов-практиков. Им принадлежат различные практические пособия по малайскому языку, который, по словам одного европейского путешественника, был необходим на Юго-Востоке Азии в той же мере, как и французский в Европе.

К ранним практическим пособиям относится китайско-малайский словарь, составленный в XV в. или позже, скорее всего — китайцами.¹⁴ Существовали словари и других языков, в частности хиндустанни. Сохранились и более поздние пособия разного типа: азбуки, словари синонимов, фразеологические сборники, стихотворения об изучении письма и грамматики. Особый жанр пособий — *китаб tarasul* — сборники этикетных «похвал» (ријиријан), составлявших необходимую вводную часть в официальных и частных письмах.

В первой половине XIX в. в Малакке и Сингапуре одним из языковедов-практиков был Абдуллах бин Абдулкадир (1796—

¹³ Pigeaud Th. Literature of Java, I, II; Vooghoeve P. Handlist of Arabic Manuscripts in the Library of the University of Leiden and other Collections in The Netherlands. 1957.

¹⁴ Edwards E. D., Blagden C. O. A Chinese vocabulary of Malacca Malay words and phrases. . . — Bulletin of the School of Oriental Studies 1930—1932, pt 6, p. 715—749.

1854), по прозвищу *мунши* ‘учитель языка’ (он известен также как выдающийся писатель-просветитель своего времени). Абдуллах, вышедший из смешанной арабско-индийской семьи, владел рядом языков, в том числе малайским, арабским, тамильским, английским и китайским. О созданных им пособиях нет точных сведений,¹⁵ хотя, по его словам, он собирался написать руководство по малайскому языку. В своей «Автобиографии» Абдуллах сообщает наблюдения из практики обучения малайскому языку, в частности, европейцев. Он жалуется на поверхностный и схематичный подход некоторых из своих учеников к малайскому языку, на их предвзятое мнение о якобы особой легкости этого языка. Так, европейские миссионеры, переведившие Св. писание, по его мнению, обычно отходят от «пути малайского языка»: в их переводах «только предложения малайские, но части этих предложений — английские, не такие, как в малайских книгах. Большая мудрость заключена в деле перевода с одного языка на другой».¹⁶ Наблюдая за тем, как европейцы конструируют несуществующие аффиксальные дериваты по данному образцу, Абдуллах замечает: «и хотя и установлено правило, но ведь есть слова, которые не следуют этому правилу, например, из ста случаев на это правило, может быть, семьдесят подходит под него, а тридцать случаев остаются вне его».¹⁷

Абдуллах приводит также требования, предъявляемые к хороннему преподавателю. «Во-первых, он должен обладать познаниями; во-вторых, не должен вести себя надменно ради своих познаний; в-третьих, он должен терпеливо относиться к ошибкам и невежеству других и стойко сносить трудности; в-четвертых, он должен знать каждое слово, которому он обучает, откуда оно происходит и как его применить; в-пятых, он должен быть усердным и работящим».¹⁸

Интересуясь всем, что касается малайского языка, Абдуллах не обошел вниманием и малайских диалектов. В своих записках о плавании в княжество Келантан он бегло, но достаточно точно

¹⁵ Возможно, Абдуллаху принадлежит словарь, упомянутый в каталоге: Van den Berg L. W. C. Verslag van een verzameling van Maleische, Arabische, Javaansche en andere handschriften, die de regering van Nederlandsch Indie aan de Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen ter bewaring afgestaan. Batavia. . . , 1877, p. 40. — Название словаря — «Сборание малайских слов» (Perhimpunan perkataan Melayu).

¹⁶ H i k a j a t A b d u l l a h. Djambatan. . . Djambatan, 1953, h. 160.

¹⁷ Ibid., h. 329, и далее: «Белые говорят: „Если можно сказать keadaan ‘положение’ (производное от ada с помощью конфикса ke-an, — A. O.), то почему нельзя keajaan (от слова ja ‘да’), kebukan (от слова bukan ‘не, нет’), keperkiraan (kira ‘считать’), kedjalanan (djalan ‘идти, ход’) и т. д., ведь мы уже изучили правило и можем применять его по желанию“ . . . очень глупы белые господа, — которые повседневно препираются со своим малайским учителем, говоря „Это верно, а это неверно“, так как их грамматика учит этому».

¹⁸ Ibid., h. 125.

отмечает особенности произношения малайцев восточного побережья Малаккского п-ова.¹⁹

В теоретическом плане преподавание языка во времена Абдуллаха продолжало опираться на арабскую грамматику. Он упоминает, например, термины *nahu* «синтаксис» и *saraf* «грамматика».

В XIX в. была сделана попытка написать малайскую грамматику на основе арабского грамматического учения. Этот опыт, принадлежащий перу малайского придворного ученого и поэта из области Риау Раджи Али Хаджи (1809—1870), называется «Сад пишущих» (Бустану л-катибина) и был написан в 1857 г. на о-ве Пеньенгат и издан там же литографским способом.²⁰ Раджа Али Хаджи одно время жил в Египте, где изучал арабский язык, филологию и богословие.

Из 31 главы, которые содержит наряду с введением и заключением эта книга, 1—11-я относятся к письму и произношению, 12—29-я — к грамматике, а 30—31-я — к стилистике.

Воспитанность и благопристойность, пишет Раджа Али Хаджи, вначале проявляются в речи и лишь затем в поведении. Поэтому он и поставил себе цель создать пособие, установив в нем правила относительно малайского письма и речи, дабы никто не делал ошибок в этом языке.²¹ Автор не претендует на подробное изложение грамматической науки (под которой, очевидно, понимается исключительно арабская наука), но, несмотря на это, по мере надобности прибегает к тем решениям и аналогиям, а также к плану расположения материала, которые приняты арабскими учеными.

Изложение ведется в арабских терминах, которые часто снабжены малайскими пояснениями. Однако язык и стиль книги таков, что, как отмечает ее исследователь, переводчик и комментатор Ф. ван Ронкел, без знания арабского языка она недоступна малайскому читателю. Это относится не только к формулировкам правил, но и к примерам на эти правила. Примеры составлены Раджей Али Хаджи в согласии с нормами арабского, а не малайского языка! В комментарии к переводу Ф. ван Ронкел пишет: «Там, где арабский и малайский проявляют сходные языковые феномены, не ускользнувшие от внимания автора, ему удалось с пользой провести параллели; но там, где такого сходства нет, а напротив, имеются лишь ряды несоизмеримых величин, автору не следовало проводить сравнений, — или же надо было давать постоянный критический анализ. То, что он это сделал в первом случае — при сходстве параллельных явлений, — и то, что он не осуществил

¹⁹ См.: *Abdullah bin Abdul Kadir. Kesah pelayaran Abdullah. Singapura*, 1965 (Malay literature series, N 2), p. 67, p. 32.

²⁰ Ronkel Ph. S. van. De maleische schriftleer en spraakkunst getiteld Boestanu'l katibina. — Tijdschrift van het Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. 1901, D. 44. p. 512—581.

²¹*Педагогическое назначение грамматики подчеркивается теми «правилами изучения науки», которые отчасти совпадают с методическими указаниями в современных учебниках.

второго, — составляет достоинство и недостаток его книги почти во всех параграфах».²² Покажем это на примере нескольких мест в грамматической части «Бустану л-кәтибина».

В главе 11 дано нечто вроде классификации слов. Человеческая речь, пишет автор, невозможна без трех вещей: имени (*исм*), действия (*фи'л*) и частицы (*харф*). Это деление в общем соответствует основной, самой грубой классификации слов, принятой для современного индонезийского языка, представляющего собой вариант малайского.²³ В индонезийском языке выделяются среди знаменательных слов два основных класса: имя и предикатив (объединяющий слова со значением качества, состояния и действия). Служебные и вспомогательные слова могут быть сопоставлены с классом *харф* у Раджи Али Хаджи. Правда, положение качественных слов в его классификации не совсем ясно. Кроме того, в число имен он включает и служебное относительное слово *yang* (это слово ошибочно включалось в число местоимений и в ряде более поздних европейских грамматик малайского языка).²⁴ К именам автор относит отдельные с современной точки зрения предикативы, например *alon* 'медленно', *serat-serat* 'побыстрей', *menguak* 'мычать'. Это происходит, видимо, вследствие чисто переводческого подхода к грамматическим явлениям, который ограничивается ответом на вопрос: что соответствует по смыслу арабскому (в данном случае) *исм*?

В глаголе автор выделяет три разряда: времена прошедшее, будущее и повеление. Это разделение чуждо строю малайского языка, не знающего категорий времени и наклонения в смысле европейской флексивной или аналитической категории. Переходность и непереходность глагола показаны автором на ряде примеров, причем в большинстве случаев это деление совпадает с современным. Особо среди переходных глаголов выделены глаголы взаимные, построенные по модели *бер*+удвоенная основа (корневая)+*ан*. Впрочем, автор нигде не упоминает о малайской аффиксации, а один из суффиксальных элементов *-ан* (под названием *нүн*) отнесен им к *харф*, что ван Ронкел отметил как самое странное во всей этой грамматике.

К синтаксически недостаточным глаголам автор причисляет и те слова, которые с современной точки зрения могут быть отнесены к наречиям, например *semalam-malaman* 'всю ночь'. По-видимому, здесь мы имеем также некритичное опроизведение арабской грамматики, так как в арабском языке ряд подобных «адвербиальных» (по смыслу) значений действительно выражается

²² Ibid., p. 577.

²³ Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972, с. 103 сл.

²⁴ Сирк Ю. Х. Грамматическая природа слова *jang* в индонезийском языке. — В кн.: Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1964.

при участии синтаксически недостаточных глаголов (так называемые «сестры глагола быть»).

Глава 15-я «Частицы с собственным значением»²⁵ включает то, что ныне относят к предлогам и союзам, некоторые вопросительные слова-заместители, частицы, отрицания, некоторые наречия. Пожалуй, эта глава наиболее полезна для малайского читателя, поскольку употребление всех «харфов» основывается на их смысле, который поясняется достаточно определенно. Кое-где даются и линейные позиции этих слов, например: *lah* перед глаголом означает прошедшее, а после глагола — повеление.²⁶ Однако и здесь автор стремится в первую очередь следить за точной передачей арабских грамматических отношений. Он лишь с большим трудом представляет себе грамматику, в которой, например, нет понятий *джарр* и *маджрур*, означающих у арабов предлог с зависимым от него именем в родительном падеже.

Предложение (*perkataan*) определяется как выражение, приносящее пользу. К бесполезным выражениям относятся, например, такие как «небо над нами, а земля под нами» (очевидно, ввиду их неинформативности), а также то, что люди говорят во сне.

В составе предложения различаются единицы, соответствующие понятиям подлежащего (*мубтада'*) и сказуемого (*хабар*). Сказуемое является той частью (*suku*) в начале высказывания, которое довершает полезность речи, например: *telah berdiri si Zaid* ‘встал Зайд’. В соответствии с нормами арабского синтаксиса в малайских примерах автор дает порядок С—П (сказуемое—подлежащее). Этот порядок в малайском вполне возможен, но, по-видимому, с более эмфатическим значением логического ударения, нежели в арабском.

В составе предложения различаются также деятель (*фа'ил*), действие (*фи'л*) и объект (*маф'ул*), а также различные уточнения и определения. Расположение этих единиц в предложении также подчинено арабскому синтаксису. Во всяком случае ряд примеров автора, как отметил ван Ронкел, производит немалайское впечатление.²⁷ Например, вряд ли возможно малайское предложение с порядком С—П—Д: *telah memukul Isā Mūsa* ‘Побил Иса Мусу’. Автор отмечает, что при отсутствии смысловой неясности порядок может быть более свободным. Например, предложение *takan jambu Mūsa* ‘Муса ест джамбу’ (порядок С—Д—П) допускает перестановки, так как плод джамбу не может быть человека, а возможно только обратное.

²⁵ Слово *харф* означает также «буква», вследствие чего приходится различать «харф без своего значения» (=буква) и «харф с собственным значением» (=частица).

²⁶ В первом случае речь идет об усеченной форме служебного слова *te-lah* ‘уже’.

²⁷ Следует быть осторожными в определении примеров как немалайских. Так, например, конструкция типа *telah memukul akan si Zaid oleh si Umar* ‘Умар побил Зайда’, напоминающая эргативную, встречается не только в переводах с арабского, как полагает ван Ронкел.

Ф. ван Ронкел указал, что, несмотря на многочисленные промахи и неясности, попытка применить к малайскому языку арабские грамматические правила не всегда оказывается неудачной. Так, например, классификация имен по семантическому признаку, данная в главе 12 (имена общие, указывающие на класс предметов, и имена определенные — местоимения, имена собственные и имена, снабженные определением), не лишена некоторой ценности, и малайский читатель может ее понять. В общем понятно разделение на переходные и непереходные глаголы. Таким образом, сочинение Раджи Али Хаджи могло принести известную пользу читателю.

Радже Али Хаджи принадлежит также «Книга науки о языке» (*Kitab pengetahuan bahasa*), также относящаяся к 1857 г., но изданная только в 1929 г. в Сингапуре.²⁸ Это пособие состоит из двух частей: грамматики и неоконченного толкового алфавитного словаря малайского языка. Грамматическая часть, судя по замечаниям А. В. Рахмана, представляет собой вариант «Сада пишущих» (или, может быть, идентичный текст). Словарь содержит много энциклопедических объяснений, местами на целые страницы.²⁹

Приведем некоторые термины арабского происхождения, которые часто употребляются в современных индонезийских и малайзийских лингвистических работах.

<i>abjad</i> алфавит	<i>jamak</i> множественное число
<i>akhir</i> конец, конечный	<i>jawab</i> ответ
<i>akhiran</i> суффикс	<i>kaidah</i> правило
<i>awal</i> начальный	<i>kalimat</i> предложение
<i>awalan</i> префикс	<i>kamus</i> словарь
<i>ayat</i> мал. предложение	<i>kias-an</i> фигулярный
<i>daerah</i> область	<i>majemuk</i> сложный (слово, предложение)
<i>bahasa daerah</i> областной (не общенациональный) язык	<i>makna</i> значение
<i>daerah artikulasi</i> место образования (звука)	<i>mutlak</i> абсолютный
<i>hamza</i> гортанская смычка	<i>sifat</i> качество
<i>hukum</i> закон, правило	<i>kata sifat</i> прилагательное
<i>huruf</i> буква (иногда: звук)	<i>so'al</i> мал. вопрос
<i>ikhtisar</i> резюме, краткое изложение	<i>so'al jawab</i> мал. диалог
<i>ilmu bahasa</i> языкознание	<i>terjemah</i> перевод
<i>istilah</i> термин	<i>waktu</i> время, временной

Кроме двух традиций, кратко охарактеризованных выше, возможно, существовали и иные, связанные с изучением родного языка. Исследователь сунданского языка С. Колсма писал, что сами сунданцы подразделяют слова своего языка на два разряда:

²⁸ R a h m a n A. W. *Kitab pengetahuan bahasa Raja Ali Haji.* — De-wan bahasa, 1972, N 6, m. 259—266.

²⁹ См. также: Teeuw A. (with the assistance of Emanuels H. W.). *A critical survey of studies on Malay and bahasa Indonesia.* s-Gravenhage, 1961, p. 48.

ngaran ‘имена’ и *basa* ‘язык’. К именам относятся наименования предметов и имена собственные. Все, что не имеет самостоятельности, т. е. не имеет значения предметности, причисляется к ‘языку’.³⁰ Это указание очень интересно, поскольку данное утверждение сунданцев не напоминает ни санскритскую, ни арабскую традицию. Напрашивается сравнение термина *basa* с латинским *verbum*. К сожалению, замечание Колсмы слишком бегло, чтобы можно было сделать из него определенные выводы. Возможно, дальнейшие разыскания позволят осветить этот вопрос подробнее.

В XIX в. на Яве начинаются научные контакты местных ученых с европейцами. В результате этого возникают как труды, написанные европейцами на основе местных сочинений, так и труды индонезийских ученых, усвоивших некоторые принципы европейской лингвистики. К первым можно отнести неизданный яванский словарь Винтера и Вилкенса³¹ или их же «Яванские разговоры», составленные во многом на основании современных им яванских пособий. Ко вторым — яванские грамматики Падмосусастро или Ронгговарсито и малайскую грамматику Ли Ким Хока.³² Изучение этих работ, вероятно, было бы небесполезно для нашей темы в плане соотношения в них старых традиций и того нового, что было принесено в Индонезию европейским языкоznанием. В Малайзии лингвистика на основе европейской традиции, видимо, возникает уже в XX в. В целом эти работы все же выходят за пределы данного обзора.

ЛИТЕРАТУРА

- Теселкин А. С. Яванский язык. М., 1961.
Теселкин А. С. Древнеяванский язык (кави). М., 1963.
Blagden O. C. Comparative vocabulary of Malayan dialects. — Journ. Roy. As. Soc., 1902, № 7, p. 557—566.
Blagden O. C. Further notes on a Malayan comparative vocabulary. — Journ. Roy. As. Soc., 1903, p. 167 sqq.

³⁰ Павленко А. П. Сунданский язык. М., 1965, с. 33; Coolsma S. Soedaneesche spraakkunst. Leiden, [1904], blz. 60—61.

³¹ Uhlenbeck E. M. A critical survey of studies on the languages of Java and Madura. 's-Gravenhage, 1964, p. 49 sqq.

³² Ibid. p. 95: Padmasoesastra (Ki). Lajang Paromoboso, 1—3. Soerakarta, 1897—1898. — Грамматика Ронгговарсито (Paramasastra), по-видимому, не издана. Сведения о ней см.: Sri Handajakoesoema. Ringkasan riwayat R. Ng. Ranggawarsita. Jakarta. Yayasan Pandu Dharma. 1973; о Ли Ким Хоке см.: Lombard D. La grammaire de Lie Kim Hok (1884). — Langues et Techniques (hommage à A. Haudricourt). Paris, 1972, t. II, p. 197—203.

Возможно, сюда же относится книжка Мухаммада Ибрахима бин Абдуллаха (род. около 1830 или 1840 — ум. около 1900) — сына Абдуллаха бин Абдулкадира. Мух. Ибрахим, носивший, подобно своему отцу, звание муниши, был близок Джохорскому султану и написал небольшое «Джохорское руководство» (*Kitab pemimpin Johor*), которое содержит сведения о звуках, грамматических правилах и лексике малайского языка. См.: Li Chuan Si u. Ikhtisar sejarah kesusasteraan Melayu Baru 1830—1945. Kuala Lumpur, 1978, p. 24—25.

- De Casparis J. G. Indonesian palaeography. (Handbuch der Orientalistik, Bd IV Abt. III). Leiden, 1975.
- Gonda J. Sanskrit in Indonesia. Nagpur, 1952.
- Linehan W. The earliest word-lists and dictionaries of the Malay language. — Journ. of the Malayan branch of the Roy. Asiatic Soc., 1949, v. 22, N. 1, p. 183—187.
- Lith F. van. De Javaansche grammatica op Javaanschen grondslag. — Handelingen 1e Congres voor de Taal-Land- en Volkenkunde van Java, 1919, 1921, p. 273 vgg.
- Lith F. van. De nationale spraakkunst. — Djawa, 1924, t. 4, p. 263—267.
- Raffles Th. S. The History of Java, t. II. London, 1817. Appendix E.
- Vreede A. C. Catalogus van de Javaansche en Madoereesche handschriften der Leidsche Universiteitsbibliotheek. Leiden, 1892.
- Winstedt R. O. A set alphabet pantuns. — Journ. of the Malayan branch of the Roy. Asiatic Soc., 1923, p. 88, 308 sqq.
- Wirjosuparto Sutjipto. Sanskrit in modern Indonesia. — United Asia. Bombay, 1966, N 4, p. 165—175.
- Walbeehm A. H. J. G. Javaansche spraakkunst. Leiden, 1905.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В КИТАЕ

(XI—XIX вв.)

Изучение фонетики; фонетические таблицы

Основным направлением китайского языкоznания в средние века была фонетика (или фонология). Китайская письменность — идеографическая; каждый знак соответствует слову или корню, а фонетически — слогу, поскольку практически все корни односложны. В тех очень редких случаях, когда морфологически неразложимое слово состоит из двух слогов (например, если это заимствование из другого языка), оно обозначается двумя иероглифами, т. е. каждый слог получает отдельное обозначение. Но не существует способов обозначения на письме фонетических единиц меньше слога. Это придает китайской фонетической науке очень своеобразный вид: китайские филологи, как правило, не выделяли в слоге составляющие его звуки, а занимались лишь классификацией слогов. Интересно, что рядовому китайцу из всех фонетических явлений китайского языка лучше всего был известен тон (игравший важную роль в стихосложении) — единица несегментная.

Единственным делением внутри слога, которое было известно китайским филологам, было деление на начальный согласный (инициаль) и остальную часть слога (финаль). Это деление подкреплялось наличием рифмы в поэзии, хотя соответствие между финалью и рифмой было неполным, так как промежуточный звук типа *i* или *u*, который мог находиться между инициалью и основным гласным слога, на рифму не влиял.

В конце II в. был изобретен способ обозначения чтения иероглифа через чтения двух других иероглифов, так называемое «разрезание» или *фаньце* 反切: чтение первого из этих двух иероглифов имело ту же инициаль, чтение второго — ту же финаль, что и чтение неизвестного иероглифа. С начала III в. разрезание широко применяется в комментариях и словарях. В конце V в. начинается изучение тонов и их использования в стихосложении. С III в. появляются словари рифм, в которых иероглифы были сгруппированы по фонетическому принципу. Первый такой сло-

варь, дошедший до нашего времени, — это «Гуан юнь» (1008 г.); он представляет собой переработку значительно более раннего словаря — «Це юня» (601 г.). В «Гуан юне» различалось 206 рифм. Каждый тон имел свой список рифм; если объединить рифмы, различавшиеся только тоном, но не звуками, они составят 61 класс.

Наконец, в конце I тысячелетия были составлены первые фонетические таблицы (или таблицы слогов, по китайской терминологии — таблицы рифм, *юньту* 韻圖). Фонетические таблицы дают возможность наглядно представить всю систему слогов китайского языка, отразив все существующие в нем фонетические противопоставления.

В фонетических таблицах на полях по одной оси располагаются финали, по другой — инициали; на скрещении строк, соответствующих каждой финали и инициали, проставляется иероглиф, чтение которого складывается из этих инициали и финали; например, на скрещении строк, соответствующих инициали к- и финали -а, вписывается иероглиф с чтением ка. Каждый слог получает таким образом свое определенное место. На месте несуществующих слогов ставится кружок, т. е. клетка не заполняется.

В отличие от словарей рифм, в которых и сами рифмы, и слоги внутри рифм располагались в произвольном порядке, в таблицах слоги различным образом классифицировались и систематизировались. Принципы классификации слогов составили особую отрасль китайского языкознания — *дэнъюнь* 等韻 (науку о классификации рифм).¹

Наиболее ранние из известных сейчас фонетических таблиц — это «Юнь цзин» 韵鏡 («Зеркало рифм»). Автора их мы не знаем; на основании сравнения порядка расположения рифм в «Юнь цзине» и в различных вариантах словаря «Це юнь», существовавших в VII—X вв., можно предполагать, что таблицы были составлены во второй половине VIII в. Первое печатное издание их относится к 1161 г.

«Юнь цзин» различает все слоги, содержащиеся в словаре «Це юнь» (или его более поздних вариантах), хотя ко времени создания таблиц некоторые пары слогов, по-видимому, совпали, т. е. различие между ними в реальном произношении было утрачено. Книга состоит из 43 таблиц. По горизонтальной оси расположены начальные согласные, по вертикальной — рифмы. Все иероглифы, находящиеся один над другим, обозначают слоги с одинаковой инициалью, а все иероглифы, находящиеся в одной горизонтальной строке, — слоги с одной и той же финалью и тоном.

Каждая таблица разделена сверху вниз на четыре части, соответствующие четырем тонам (ровному, восходящему, пада-

¹ История этого раздела китайского языкознания изложена в книге Чжао Инътана (Ч ж а о И н ь т а н. Дэнъюнь юаньлю. Пекин, 1941; 2-е изд. — Шанхай, 1957).

ющему и «входящему»); каждая часть в свою очередь состоит из четырех горизонтальных рядов или строк, отражающих деление слов на четыре категории, называемые *дэн* 等 (буквально «степень», «ступень»). Всего, следовательно, в таблице 16 горизонтальных строк.

Термин «*дэн*» обычно на русский язык не переводится; мы будем условно переводить его как «ряд». Точный смысл категории ряда не вполне выяснен, но в общем она связана с наличием или отсутствием промежуточного гласного типа *i*, с мягкостью или твердостью начального согласного и с задним или передним характером гласного. По-видимому, в слогах первых двух рядов промежуточного *i* не было. Они различались тем, что в слогах первого ряда был более задний, а в слогах второго ряда — более передний основной гласный (например, соответственно задний *â* и передний *a*). Слоги первого и второго рядов всегда входят в разные рифмы, так как имеют неодинаковые гласные. Вопрос о третьем и четвертом рядах неясен. Обычно считается, что в третьем ряду был промежуточный полугласный *i*, в четвертом — промежуточный гласный *i*. Кроме того, согласный в слогах третьего ряда всегда был мягкий. В четвертом ряду были, видимо, объединены слоги двоякого происхождения: одни имели собственные рифмы (*i*, следовательно, ранее отличались от других слогов качеством гласного), другие входили в те же рифмы, что и слоги третьего ряда, и отличались от них только промежуточным звуком. В некоторых случаях ряды различались также по начальному согласному: так, слоги со свистящими аффрикатами и щелевыми возможны были только в первом и четвертом ряду, слоги с твердыми шипящими — только во втором и слоги с мягкими шипящими — только в третьем. Переднеязычные взрывные были мягкими не только в третьем, но и во втором ряду.

В одной таблице, как правило, объединяются две—четыре рифмы (точнее, два—четыре класса рифм), близких по произношению, но расположавшихся в разных рядах. В редких случаях рифма оказывается изолированной и одна занимает целую таблицу, в которой таким образом оказываются заполненными только один или два ряда. Рифмы каждой таблицы помечаются на полях по вертикальной оси (названием рифмы служит какое-нибудь употребительное слово, входящее в эту рифму).

Слоги классифицируются также по наличию или отсутствию промежуточного лабиализованного звука (*и* или *w*). Слоги, не имеющие этого звука, считаются *кай* 開 (дословно «открытыми»), слоги с промежуточным лабиализованным — *хэ* 合 (дословно «закрытыми»; эти термины не имеют ничего общего с европейскими «открытый слог» и «закрытый слог»). Термины *кай* и *хэ* характеризуют таблицу в целом, т. е. каждая таблица содержит либо только «открытые», либо только «закрытые» слоги. Таблицы слогов, различающихся только наличием или отсутствием промежуточного лабиализованного, образуют пару и помещаются рядом.

Так как не все гласные китайского языка образуют пары, состоящие из более заднего и более переднего звука, то не в каждой таблице имеются слоги второго ряда. Точнее, многие таблицы содержат во втором ряду только слоги с начальными твердыми шипящими (которые, как мы знаем, всегда помещаются во второй ряд), входящие в рифмы третьего ряда. Таблицы, содержащие самостоятельные рифмы второго ряда, называются *вай чжусань 外轉* (буквально «поворнутые наружу»), остальные — *нэй чжусань 内轉* («поворнутые внутрь»); действительное значение этих терминов неясно. В таблицах слогов, «поворнутых внутрь», четвертый ряд обычно тоже не имеет отдельных рифм, т. е. второму, третьему и четвертому рядам соответствует одна и та же рифма. Гласный в слогах группы «поворнутых наружу» — обычно широкий (типа а, е), в слогах группы «поворнутых внутрь» — узкий (типа э, и).

Инициали в «Юнь цзине» разделены на пять категорий: губные (*чунь инь 脣音*), язычные (*шэ инь 舌音*), заднезубные (*я инь 牙音*), переднезубные (*чи инь 齒音*) и горланные (*хоу инь 喉音*). Язычные — это переднеязычные взрывные, переднезубные — переднеязычные аффрикаты и щелевые, заднезубные — заднеязычные. В особую группу выделены согласный I (язычный) и еще один звук, который реконструируют как й́з (переднезубной). Внутри каждой группы инициали делятся на «чистые» (*цин 清*) и «мутные» (*чжо 濁*). Глухие считаются чистыми, глухие придыхательные — «вторыми чистыми» (*цы цин 次清*), звонкие — мутными. Сонорные согласные считаются «чисто-мутными» (*цинчжо 清濁*). Видимо, чистота и мутность — не то же, что глухость и звонкость: сонорные согласные никак нельзя было принять за полузвонкие. Можно предположить, что термины «чистые» и «мутные» как-то связаны с тоном слова: каждый из четырех тонов в слогах с начальными глухими звучал как несколько более высокий, в слогах с начальными звонкими — как более низкий; звучание тонов в слогах с сонорными инициалами было неясным или колеблющимся. Иначе говоря, чистыми считались согласные, вызывавшие повышение тона, мутными — вызывавшие его понижение.

Система инициалей китайского языка в «Юнь цзине» упрощена: звуки, не встречающиеся в одних и тех же рядах, например свистящие и шипящие, губно-губные и губно-зубные, объединены, «вдвинуты» друг в друга. Рифмы тоже в некоторых случаях объединены не вполне логично. В некоторых рифмах слоги третьего ряда попадали в одну таблицу, слоги четвертого — в другую. Две рифмы падающего тона (не имеющие соответствия в других тонах) для экономии места поставлены в графу «входящего» тона.

В принципах составления фонетических таблиц ярко проявляется важнейшая особенность всей китайской классической фонетики, о которой уже говорилось выше: если не считать основного деления слога на инициаль и финаль, эта наука совершенно не знает разделения речи на звуки, прибегая вместо этого к различным классификациям слогов (а также инициалей

и финалей). Слоги классифицируются по рифмам, по тонам, по рядам, делятся на «открытые» и «закрытые»; позже появится классификация по «четырем выдохам», деление слогов на «светлые» и «темные» и т. п. Классификация не всегда бывает последовательной, обычно она учитывает одновременно несколько явлений, связанных между собой, но все же разнородных. Так, понятие тона охватывает не только мелодику слова, но частично и конечный согласный: слоги, кончающиеся неносовыми согласными (-р, -т, -к), рассматривались как особый тональный класс («входящий тон»); классификация слогов по рядам (*ðэн*) учитывает и основной гласный, и промежуточный звук, и мягкость или твердость инициали. Реальная фонетическая природа признаков, по которым производится классификация, для китайских ученых была обычно не важна. Их наука — это фонология, а не фонетика в собственном смысле слова. По работам средневековых китайских лингвистов можно понять, какую систему образовывали звуки и слоги описываемого ими произношения, но по ним нельзя судить о том, как реально звучал каждый слог в отдельности. Нельзя не отметить также, что теоретические основы или принципы традиционной китайской фонологии нигде не изложены; о теоретических представлениях, лежавших в основе работы китайских фонологов, мы можем судить только по результатам этой работы — самим таблицам.

В течение довольно долгого времени «Зеркало рифм» оставалось единственной работой этого рода. От него почти не отличаются таблицы, включенные Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162) в его энциклопедию «Тун чжи» 通志 под названием «Ци инь люэ» 七音略 («Обзор семи категорий звуков»; имеются в виду пять групп согласных и два звука, не попавшие в эти группы). Особенность терминологии Чжэн Цяо состоит в том, что он обозначил группы согласных пятью нотами китайской гаммы. Слоги без промежуточного и (w) у него называются «тяжелыми» (чжуn 重), а слоги, содержащие этот звук, — «легкими» (чин 轻). Заметим попутно, что кроме фонетической статьи «Тун чжи» содержит также статью по теории китайской письменности, одну из самых подробных в китайском классическом языкоznании; в ней, в частности, подсчитано число иероглифов каждой из шести категорий, на которые они разделены в древнейшем полном словаре китайских иероглифов «Шо вэнъ», составленном в 100 г. (эти данные не совпадают с результатами подсчета непосредственно по «Шо вэню»).

В XI–XII вв. старые списки рифм, согласных, слогов, унаследованные от династии Тан (618–906 гг.), оставались неизменными, хотя уже не соответствовали действительному произношению. Словари, составленные по императорскому указу в начале XI столетия, — «Гуан юнь» и несколько более поздний «Цзи юнь» (1037 г.) — во всем существенном повторяли старые, танские словари; самое большее, на что решились авторы «Цзи юня», — это перенести некоторые слоги из одной рифмы в другую, видимо

для того, чтобы хоть внутри одной и той же рифмы не попадались слова, в действительности не rhymeющиеся. «Юнь цзин» и «Ци инь люэ» служили лишь пояснением к этим словарям. Даже и в то время, когда составлялся «Юнь цзин», многие рифмы «Це юня» в реальном произношении не различались, несколько изменилось распределение слов по тонам и т. п.; тем более они не отражали произношения XII в.

Кажется, можно назвать только одну книгу, в которой использовано живое произношение начала эпохи Сун (960—1279 гг.). Это — «Хуан цзи цзин ши шу» 皇極經世書 («Книга об управлении миром в соответствии с высшим совершенством императора»). По содержанию она мистическая и не имеет отношения к языкоизнанию; категории звуков в ней служат целям гадания, связываются с названиями стихий и небесных тел. Но сама классификация звуков в этой книге очень интересна. Автор ее, Шао Юн 邵雍 (1011—1077 гг.), был уроженцем Фаньяна (в районе нынешнего Пекина) и, вероятно, исходил из фонетики своего родного диалекта. Многие его фонетические термины совершенно отличаются от обычных, но легко могут быть с ними соотнесены. Шао Юн различает четыре тона, четыре ряда (дэн), «открытые» и «закрытые» (т. е. нелабиализованные и лабиализованные) слоги, «чистые» и «мутные» звуки. Он совершенно изменил число и классификацию согласных. По-видимому, в его произношении различие в звонкости и глухости начальных согласных полностью исчезло, заменившись различием в высоте тона слога; общее число согласных в диалекте Шао Юна составляет 23, но они имеют мало общего с двадцатью тремя вертикальными колонками (соответствующими инициалам) в «Юнь цзине». Тем более не считался Шао Юн с традиционными рифмами, сведя их все к четырнадцати типам финалей. Распределение слогов по четырем рядам у него тоже выглядит не совсем так, как в «Юнь цзине». Наконец, важной особенностью фонетических представлений Шао Юна является трактовка входящего тона. Во всех словарях и таблицах, о которых шла речь выше, слоги входящего тона (т. е. слоги, кончавшиеся на -р, -т, -к) объединялись со слогами на носовые согласные; Шао Юн же включил их (кроме только слогов на -р) в классы слогов, не имевших конечного согласного.

Начиная с XIII в. (или даже с конца XII-го) отношение к традиции меняется; старую систему рифм начинают постепенно упрощать и в словарях, и в фонетических таблицах.

Наиболее известные фонетические таблицы этого времени — «Це юнь чжи чжан ту» 切韻指掌圖 («Таблицы, облегчающие пользование „Це юнем“»). Согласно самому тексту книги, ее составил известный политический деятель и ученый Сыма Гуан 司馬光 (1019—1086 гг.) в 1067 г. Однако в действительности она появилась значительно позже, не ранее конца XII в.; Чжэн Цяо еще не знает о ее существовании. Предисловие к первому печатному изданию «Чжи чжан ту» помечено 1203 г. Эта книга состоит только из двад-

пяти таблиц (вместо сорока трех в «Юнь цзине»!). По-видимому, автор их объединил все слоги и рифмы, которые перестали различаться в реальном произношении. Каждой горизонтальной строке этих таблиц может соответствовать до четырех рифм «Гуан юня». Объединение рифм в «Чжи чжан ту» сделано не для компактности, как в «Юнь цзине», потому что число вертикальных строк (инициалей) в этих таблицах не уменьшено, а напротив — увеличено до тридцати шести.

Из двадцати таблиц «Чжи чжан ту» четырнадцать образуют пары: одна таблица каждой пары охватывает слоги «кай», другая — соответствующие им слоги «хэ» (т. е. слоги с губным промежуточным звуком). Остальные шесть не имеют таких пар. Это таблицы с финалями, содержащими какой-нибудь губной звук — гласный, дифтонг или конечный согласный; в слогах с такими финалями промежуточный губной невозможен. Таблицы или пары таблиц сгруппированы таким образом, что финали, имеющие одинаковый конечный элемент (конечный согласный или второй звук дифтонга), в большинстве случаев оказываются рядом. Порядок таблиц совершенно не соответствует традиционному порядку рифм.

Слоги входящего тона в «Чжи чжан ту» присоединены и к слогам на согласный, и к открытым слогам, поэтому некоторые из них появляются в таблицах дважды и трижды.

К таблицам приписываемым Сыма Гуану, близки «Сы шэн дэнцзы» 四聲等子 («Ряды четырех тонов»), автор и время создания которых неизвестны. Они несколько более консервативны, чем «Чжи чжан ту», но это не обязательно значит, что они предшествуют им хронологически. Две работы различаются главным образом расположением материала, то есть содержанию же, т. е. по числу и классификации согласных и рифм, в основном совпадают. Мы находим в них одни и те же двадцать таблиц. В «Сы шэн дэнцзы» впервые появляется термин «объединение» (шэ 摄): рифмы, находящиеся в двух парных таблицах, из которых одна содержит слоги «кай», другая — слоги «хэ», или в одной непарной таблице, считаются одним объединением. Только в трех случаях слоги первого и второго ряда одной и той же пары таблиц отнесены к разным объединениям. Всего насчитывается шестнадцать объединений (или тридцать, если не считать тех, которым не соответствуют отдельные таблицы). Объединения близки к четырнадцати типам финалей у Шао Юна. Все слоги каждого объединения имеют одинаковый конечный элемент финали (согласный или вторую часть дифтонга) и сходный основной гласный одного и того же типа (не вполне одинаковый, а меняющийся в зависимости от ряда).

В 1336 г., уже при монгольской династии Юань (1260—1368 гг.), Лю Цзянь 劉鑑 составил таблицы под названием «Цзин ши чжэн инь Це юнь чжинань» 經史正音切韻指南 («Компас к „Це юню“, показывающий правильное звучание слов в канонических книгах и историях»). В основе их лежат «Сы шэн дэнцзы», но все объеди-

нения выделены в самостоятельные таблицы. Здесь вновь разделены некоторые слоги, которые в более ранних таблицах («Чжи чжан ту» и «Сы шэн дэнцзы») уже не различались.

Упрощение системы рифм в XIII в.

Вслед за упрощением фонетических таблиц началось уменьшение числа рифм в словарях. В 1211 г. на севере Китая, в чжурчжэнском государстве Цзинь, Хань Даочжао 韓道昭 составил словарь «У инь цзи юнь» 五音集韻 («Собрание рифм, расположенные по пяти категориям звуков»). Он объединил некоторые рифмы «Гуан юня», оставив только 160 (из 206), которые образовали 47 классов. Особенностью «У инь цзи юня» является то, что в нем — как показывает и его название — слова внутри каждой рифмы были расположены по начальным согласным, а среди слов, начинавшихся с одного согласного, — по четырем рядам.

Вскоре число рифм было вновь сокращено до 106 или 107 (31 класс). Обычно считается, что первым словарем с этой системой рифм был «Жэнь-цзы синь кань ли бу юнь люэ» 壬子新刊禮部韻略 («Обзор рифм, составленный Министерством обрядов, вышедший в новом издании в год жэнь-цзы»), принадлежащий Лю Юаню 劉淵 и изданный в 1252 г. Лю Юань был родом с севера, но жил в государстве Сун. Его книга не сохранилась, но она лежит в основе словаря «Гу цзинь юнь хуэй» 古今韻會 («Собрание древних и современных рифм») Хуан Гуншаша 黃公紹 (составлен не позже 1292 г. — этим годом помечено предисловие). В этих книгах считается 107 рифм. Но известен более ранний словарь со 106 рифмами — словарь Ван Вэньюя 王文郁 «Пиншуй синь кань ли бу юнь люэ» 平水新刊禮部韻略 («Обзор рифм, составленный Министерством обрядов, вышедший в новом издании в Пиншую»); предисловие к нему помечено 1229 г. Ван Вэньюй, как и Хань Даочжао, жил в государстве Цзинь. Интересно, что книга его носит почти то же название, что и не дошедший до нас словарь Лю Юаня, и что Лю Юань, как считается, был родом из того же Пиншую. Обе книги основаны на сунском словаре «Юнь люэ» (1007 г.), который отличается от «Гуан юня» только меньшим объемом. В 1037 г. он был по приказу императора отредактирован и исправлен теми же учеными, которые работали над составлением «Цзи юня», и получил название «Ли бу юнь люэ» («Обзор рифм, составленный Министерством обрядов»). В то время слова в нем располагались по тем же 206 рифмам, что и в «Цзи юне». Этот словарь был официальным пособием при подготовке к государственным экзаменам, находившимся в ведении Министерства обрядов.

Итак, старая система рифм была сведена к новым 106 или 107 рифмам в государстве Цзинь в начале XIII в. Новые рифмы стали известны в южном государстве Сун после гибели государства чжурчжоней в 1234 г. Система 106 рифм сохранилась в стихах клас-

сического типа до настоящего времени. Так как Лю Юань, счи-
тавшийся ее автором, был родом из Пиншую, эти рифмы получили
название «пиншуйских».

Не следует думать, что пиншуйские рифмы в какой-то степени
отражали реальные звуки китайского языка тринадцатого сто-
летия. Если мы сравним их с рифмами словарей эпохи Тан и на-
чала Сун, мы увидим, что, за редкими исключениями, были объеди-
нены те рифмы, которые еще в начале эпохи Тан были объявлены
«употребляемыми вместе», т. е. не различающимися. Значит,
рифмы, которые на юге Китая, в империи Сун, различали в сло-
варях, но не в поэзии, на севере, в государстве чжурчжэней,
для простоты объединили совсем. Но и на севере, и на юге и ста-
рые, и новые рифмы уже стали мертвыми, бумажными, незвуча-
щими. Слова рифмовали по 106 рифмам не потому, что слова дей-
ствительно так рифмовались, а потому, что знание стандартных
рифм требовалось на государственных экзаменах. Например,
в 13-ю рифму ровного тона $\bar{\pi}$ юань (и в соответствующие рифмы
других тонов) попала часть слов, имеющих финали -янъ, -юанъ,
-анъ (приблизительно такие же финали они имели и в XIII в.)
и одновременно основная масса слов с финалями -энъ и -унъ; дру-
гие слова с теми же финалями получили отдельные рифмы. Такое
распределение слов по рифмам действительно было свойственно
китайской поэзии в V—VII вв. и имело тогда фонетические осно-
вания; в конце эпохи Тан оно изменилось в соответствии с изменившимся
произношением, но затем старые рифмы были вновь ис-
кусственно возрождены в стихах классического типа.

Разрушение традиций в XIII—XIV вв.

В XIII в. Китай был завоеван монголами. В 1234 г. было
уничтожено государство Цзинь, в 1279 г. — государство Сун.
В 1264 г. монгольский император Хубилай перенес столицу в Янь-
цзин (нынешний Пекин).

Монголы, степные кочевники, находились на гораздо более
низком уровне общественного развития, чем китайцы. Первое
время они относились к китайской культуре резко враждебно.
Однако постепенно они вынуждены были перенимать или по крайней
мере допускать многие ее элементы, так как без этого невозможно было управлять завоеванной страной.

Одним из проявлений неприятия всего китайского была по-
пытка отменить иероглифическую письменность, заменив ее дру-
гой системой письма.

Монголы в XIII в. в сущности еще не имели собственной пись-
менности; для официальной переписки они пользовались уйгур-
ским алфавитом, кое-как приспособленным для записи монголь-
ских звуков. В 1260 г. Хубилай приказал тибетскому ученому

Пагба-ламе (Басыба 八思巴, 1239—1280 гг.) составить более совершенный монгольский алфавит. Новый алфавит состоял из несколько видоизмененных тибетских букв, но текст писался не слева направо, а сверху вниз, как принято было у уйгуров и китайцев. По форме знаков его называют квадратным письмом. В 1269 г. это письмо было официально введено в употребление.

По-видимому, предполагалось, что впоследствии квадратное письмо должно будет заменить все существовавшие в то время национальные виды письменности. Им пользовались для записи не только монгольского, но и китайского, тибетского, санскритского и уйгурского языков; некоторые буквы этого нового монгольского алфавита обозначали звуки, заведомо не встречающиеся в монгольском, и, следовательно, с самого начала были предназначены для других языков. Письмо Пагба-ламы — первый в истории мировой культуры международный алфавит, который должен был быть пригоден для записи любого языка из известных тогда монголам (или китайцам).

В частности, как уже было сказано, квадратным алфавитом транскрибировали и китайский язык. Существуют тексты, написанные параллельно иероглифами и буквами. Сохранилась также рукопись словаря, в котором произношение иероглифов было указано с помощью квадратного алфавита; это — «Мэнгу цзы юнь» 蒙古字韻 («Рифмы монгольской письменности»), составленный в 1308 г. Автором его считается Чжу Цзунвэнь 朱宗文, но, судя по предисловию, он лишь исправил и дополнил существовавшую ранее под тем же названием книгу неизвестного автора.

Новый алфавит просуществовал очень недолго. Вероятно, он вышел из употребления еще до конца монгольской династии, так и не вытеснив не только китайские иероглифы, но даже уйгурское письмо, которым пользовались монголы до Пагба-ламы.

Китайские словари начала эпохи Юань мало отличались от циньских. В конце XIII в. Хуан Гуншоу составил очень подробный словарь «Гу цзинь юнь хуэй» («Собрание древних и современных рифм»), уже упоминавшийся выше. В 1297 г. он был сокращен Сюн Чжуном 熊忠. В настоящее время известен именно этот сокращенный вариант. Он называется «Гу цзинь юнь хуэй цзюй яо» 古今韻會舉要 («цзюй яо» значит «выбрать самое существенное»). Этот словарь составлен по 107 рифмам Лю Юаня. Однако, кроме этих традиционных рифм, в нем указаны и другие, названные «буквенными» (цзыму юнь), которые более или менее соответствовали реальному произношению. По-видимому, в основе этой второй системы рифм лежали какие-то фонетические таблицы, каждой горизонтальной строке которых соответствовала отдельная рифма. Таким образом, в них учитывается и промежуточный гласный, слоги с разным промежуточным гласным всегда входят в разные рифмы. Поэтому общее число «буквенных» рифм довольно велико — 67 в одном только ровном тоне. Рифмы входящего тона, как можно судить по их числу, в этой системе соответствуют фи-

налям, кончающимся на гласный или дифтонг, а не на носовой согласный.

Однако в XIV в. появляются словари, совершенно порывающие с традицией и опирающиеся исключительно на живое произношение северного диалекта.

При монгольской династии Юань старые, традиционные, официально требовавшиеся на экзаменах формы поэзии, как и литературы вообще, пришли в упадок; зато быстро развивались литературные жанры, связанные с народным искусством, в особенности драма. Так как арии пьес были рассчитаны на слушание, а не на чтение, рифмы в них соответствовали не спискам многовековой давности, утвержденным соответствующим министерством, а реальному звучанию слов в диалекте столицы. Но пьесы писали люди, происходившие из разных районов Китая, и им нужны были справочники по столичному произношению — новые фонетические словари. И тогда снова после очень долгого перерыва фонетика перестала быть преимущественно книжной наукой и обратилась к слышимой речи.

Первой фонетической работой этого нового направления является словарь Чжоу Дэцина 周德清 «Чжунъюань инь юнь» 中原音韻 («Рифмы произношения Центральной равнины»; Центральной равниной называли северный Китай — бассейн нижнего течения Хуанхэ). Эта книга, написанная в 1324 г., собственно говоря, представляет собой не настоящий словарь, а только список иероглифов, распределенных по рифмам, тонам и группам омонимов. Число рифм в ней сократилось до 19; однако чтобы правильно оценить это число, следует иметь в виду, что во всех прежних словарях каждый тон имел свой список рифм, между тем как у Чжоу Дэцина каждая рифма содержит слоги всех тонов. Слова разных рифм различаются между собой только по основному гласному и конечному элементу финали, промежуточный звук нигде на рифму не влияет. В «Чжунъюань инь юне» мы впервые находим новые четыре тона, практически совпадающие с современными пекинскими: прежний ровный тон разделен на высокий (*инь* 隅) и низкий (*ян* 陽), слоги входящего тона распределены по трем другим тонам.

К словарю Чжоу Дэцина приложена статья «Чжэн юй цзо цы ци ли» 正語作詞起例 («Примеры стихов, написанных правильным языком»), где, в частности, перечисляются часто встречающиеся ошибки в рифмах, вызванные диалектным произношением. Большая часть их обнаруживает особенности современных диалектов группы У, т. е. диалектов района, в котором находилась столица южной династии Сун — Ханчжоу. Таким образом, книга Чжоу Дэцина содержит материал и по другим диалектам, кроме северного.

Очень близок к «Чжунъюань инь юню» словарь Чжо Цунчжи 桌從之 «Чжунчжоу юэфу инь юнь лэй бянь» 中州樂府音韻類編

(«Категории рифм народных песен Центральной области»), составленный не позже 1351 г. Его часто называют сокращенно «Чжунчжоу инь юнь» («Рифмы произношения Центральной области»). Предполагается, что он основан на одной из ранних рукописей Чжоу Дэцина. Число рифм в нем — то же, что в «Чжунъюань инь юне», совпадает и распределение иероглифов по группам омонимов, но число иероглифов немного меньше. Особенностью этого словаря является не вполне четкое разделение ровного тона на высокий и низкий.

Позже система рифм «Чжунъюань инь юня» и «Чжунчжоу инь юня», несколько видоизмененная и приближенная к южному произношению, стала обязательной для арий в пьесах, так же как пиньшуйские рифмы были обязательны для классических стихов.

В 1368 г. на смену монгольской династии вновь пришла китайская династия — Мин (1368—1644 гг.). При первом императоре этой династии было предпринято составление нового китайского словаря. Согласно императорскому указу, он должен был основываться на «правильном произношении Центральной равнины», но среди пятнадцати его составителей десять не были уроженцами бассейна Хуанхэ; единственный из остальных пяти, происхождение которого известно, был, правда, северянин, но монгол. Словарь был закончен в 1375 г. и назван «Хунъу чжэн юнь» 洪武正韻 («чжэн юнь» значит «правильные рифмы», а Хунъу — это название годов правления, во время которых словарь был составлен).

В «Хунъу чжэн юне», как и в словаре Чжоу Дэцина, изменена не только система рифм, но и распределение слов по рифмам; слова одной и той же классической рифмы могли оказаться в разных рифмах «Хунъу чжэн юня». Следовательно, составители его не боялись нарушить традицию. Однако этот словарь не отражает произношения какого-то одного диалекта, а стремится учесть все фонетические различия в диалектах его составителей (среди которых были уроженцы Чжэцзяна, Цзянсу, Гуандуна и других провинций).

«Хунъу чжэн юнь» различает четыре классических тона, включая входящий. В первый трех тонах — по 22 рифмы, во входящем — 10, причем сравнение их показывает, что слоги входящего тона соответствуют слогам с носовыми согласными, а не с одиночными гласными и дифтонгами. Это соответствует особенностям современных диалектов Гуандуна. По принятым в словаре разрезаниям можно восстановить систему различавшихся в нем начальных согласных; оказывается, что «Хунъу чжэн юнь» сохраняет противопоставление глухих и звонких согласных, существующее сейчас в диалектах Чжэцзяна и Цзянсу.

Так как «Хунъу чжэн юнь» не придерживался ни традиционной системы рифм, ни какого-нибудь определенного живого диалекта, он был неудобен для пользования и вскоре оказался забытым.²

² Собственно говоря, самый ранний из известных нам словарей рифм, «Це юнь», тоже, вероятно, имел наддиалектный характер, однако фонетиче-

XIV век был переломным в истории китайских словарей рифм. В это время был составлен «Чжунъюань инь юнь» — первый словарь, решительно порвавший с традицией и целиком опирающийся на один диалект, а именно — северный, который начиная с эпохи Юань занимает господствующее положение. И в этом же столетии появился «Хунъу чжэн юнь», который был последней и неудачной попыткой создать единое «правильное» произношение, приемлемое для всех групп диалектов.

Словари XV—XVIII вв.

«Чжунъюань инь юнь», как и прежние словари рифм, был подчинен нуждам поэтики. Но в эпоху Мин (1368—1644 гг.) появились фонетические словари совсем другого рода — словари, рассчитанные на неученого, не очень грамотного человека, который хотел бы быстро выяснить, как пишется то или иное слово, иероглиф для которого он или не знал, или забыл. Слова в этих словарях были расположены в строго фонетическом порядке — сначала по классам рифм, внутри каждого класса — по начальным согласным, затем по промежуточному звуку и, наконец, по тонам. Число иероглифов в них было сравнительно невелико — включались только достаточно употребительные, но зато среди них было много таких, которые служили для записи чисто разговорных, диалектных слов. Значение каждого иероглифа пояснялось очень кратко, в нескольких словах, потому что словари этого типа были предназначены не для того, чтобы объяснить значения иероглифов, а для того, чтобы по звучанию и значению опознать слово и найти его написание.

Таким образом, при династии Мин умение пользоваться фонетическими словарями постепенно становится привычным для каждого грамотного человека.

Первый такой практический словарь появился в 1442 г. Это была книга Лань Мао 蘭茂 «Юнь люэ и тун» 韻略易通 («Обзор рифм, легкий для понимания»). Лань Мао выделял 20 классов рифм, 20 инициалей и 4 классических (а не современных пекинских) тона. Система финалей в нем в общем совпадала с представленной в «Чжунъюань инь юне», но вопрос о тонах был решен как в словаре тодов Хунъу. Объясняется ли это традицией или тем, что автор был родом из отдаленной провинции Юньнань, неясно. Через двести лет на основе этого словаря был составлен «Юнь люэ хуэй тун» 韵略汇通 («Обзор рифм, объединенный и понятный») Би Гунчэня 畢拱辰 (предисловие помечено 1642 г.). В нем многие рифмы, имевшиеся у Лань Мао, были объединены, так как они уже совпали в реальном произношении; различаются пять тонов,

ские различия между диалектами в его время были по сравнению с XIV в. очень незначительными и не создавали серьезной проблемы.

включая два ровных и входящий. Это первый словарь, в котором представлена фонетика северного диалекта почти в современном виде. Фонетическая система «Хуэй туна» во всем существенном совпадает с «национальным произношением» (*го инь* 國音), принятым в 1913 г. специальным Комитетом по унификации чтения иероглифов.

Более известен другой словарь, в основе которого тоже лежит книга Лань Мао, — «У фан юань инь» 五方元音 («Изначальные звуки пяти стран света»). Он был составлен Фань Тэнфэном 樊騰鳳 уже при следующей, маньчжурской династии Цин (1644—1911 гг.); первое упоминание о нем относится к 1673 г. Фань Тэнфэн сохранил только двенадцать классов рифм вместо двадцати; тонов он насчитывает пять, причем слоги входящего тона включены в классы открытых слогов, а не закрытых, как у Лань Мао и Би Гунчэня.

Не все словари эпох Мин и Цин были рассчитаны на северный диалект; другие диалекты тоже имели свои словари. Например, в Фуцзяни существовал «Ба инь пзы и бянь лань» 八音字義便覽 («Значения иероглифов, расположенных по восьми звукам в порядке, удобном для обозрения»), приписываемый генералу Ци Цзигуану 戚繼光 (1528—1587 гг.), который в 60-х гг. XVI в. был командующим войсками в этой провинции; существует предположение, что действительным автором мог быть известный фонетист Чэн Ди 陳第, уроженец Фуцзяни, служивший под командованием Ци Цзигуана.³

Что касается обычных, не фонетических словарей, то в конце эпохи Мин, в 1615 г., был составлен «Цзы хуэй» 字彙 («Собрание иероглифов») Мэй Инцзо 梅膺祚, расположенный по смысловым частям иероглифов, так называемым ключам. Число ключей, которых в словаре «Шо вэнь» было 540, начиная с X в. постепенно уменьшалось; Мэй Инцзо довел его до 214. Установленный им список ключей принят до сих пор в Китае и Японии.

К «Цзы хуэю» приложены фонетические таблицы двух типов; одна серия таблиц была составлена Ли Цзяшоу 李嘉紹, автор другой неизвестен. В этих таблицах впервые вместо четырех рядов вводится классификация слогов по «выдохам» (*ху 呼*). Здесь она еще во многом непоследовательна. Окончательный вид придал ей Пань Лэй 潘耒 в 1712 г. в книге «Лэй инь» 類音 («Категории звуков»). Его «четыре выдоха» (*сы ху 四呼*) представляют собой классификацию слогов по промежуточному гласному: слоги без промежуточного звука называются *кай коу* 開口 («открытый рот»), слоги с промежуточным и — *хэ коу* 合口 («закрытый рот»), с и — *ци чи* 齊齒 («ровные зубы») и с ё — *цо коу* 摶口 («сжатый рот»). Пань Лэй дает описание положения органов речи при каждом типе выдоха. Но в таблицах «Цзы хуэя» понятие выдоха еще

³ Словари, восходящие к книге Ци Цзигуана, до сих пор распространены среди китайцев в странах Юго-Восточной Азии.

очень неопределенное. Число выдохов доходит в них до десяти; к ним относится, например, *би коу* 闭口 («замкнутый рот») — слоги, имеющие конечный согласный -т, хотя последний, конечно, не имеет никакого отношения к промежуточным гласным. Правда, в XVII в. этот -т уже перешел в -п; составители таблиц, возможно, выделяли бывшие слоги на -т лишь по традиции и не знали, в чем состояли в прошлом фонетические особенности этой группы слов.

Переработкой книги Мэй Инцзо является «Чжэн цзы тун» 正字通 («Понимание правильных иероглифов») Чжан Цзыле 張自烈. Предисловие к этому словарю помечено 1671 г. В нем, в частности, подробно разбираются разные варианты написания иероглифов — древние, простонародные, искаженные формы, иероглифы, употребляющиеся один вместо другого или не употребляющиеся отдельно, а обозначающие лишь слоги неразложимых двухсложных слов, и т. п.

При маньчжурской династии, так же как ранее при династиях Сун и Мин, был по указу императора составлен словарь, считавшийся официальным и стандартным. Он был издан в 1716 г. и назывался «Канси цзы дянь» 康熙字典 («Образцовая книга иероглифов, составленная в годы правления Канси»). Образцом для него также послужила книга Мэй Инцзо. Иероглифы в нем были расположены по тем же 214 ключам. Название этого словаря впоследствии стало нарицательным: сейчас словом *цыдянь* называют всякий словарь иероглифов. Словарь годов Канси и сейчас имеет довольно широкое распространение.

Зато почти забыт официальный фонетический словарь, составленный приблизительно в это же время (в 1726 г.), — «Иньюнь чань вэй» 音韻闡微 («Объяснение тонкостей фонетики») Ли Гуанди 李光地. Слова расположены в нем по 106 пиньшуйским рифмам, внутри каждой рифмы — по четырем «выдохам» и затем по 36 начальным согласным. Особенностью этого словаря был новый, более совершенный способ обозначения произношения слов, употреблявшийся в нем наряду с традиционными разрезаниями; он получил название «соединения звуков» (*хэ шэн* 合聲). Чтение иероглифа по-прежнему обозначалось через чтения двух других, но для обозначения финали брался слог без начального согласного, а для инициали — слог, гласный которого совпадал бы с промежуточным гласным искомого слога. Оба соединяемых слога должны были иметь один и тот же тон. Таким образом, чтение иероглифа получалось непосредственно из сложения двух слогов, в то время как при разрезании от каждого слога бралась только часть. Например, чтение иероглифа 蕭 *сло* [siau⁻] образовывалось соединением 西 *си*+*ло* [si⁻+iau⁻], между тем как разрезание его было 蘇彫 *с(у)+ð**ло*. Если слог, который нужно было получить, не имел промежуточного гласного, для первой части соединения брался слог с гласным -а или -э; в этом случае настоящего соединения не получалось.

Совершенно иной характер имеет огромный (444 тома) «Пэй вэнь юнь фу» 佩文韻府 («Хранилище рифм из [императорской] библиотеки „Пэй вэнь“»), в котором материал тоже расположен по рифмам. Книга эта была закончена в 1711 г. В ней при каждом иероглифе приводятся сочетания, в составе которых он встречается, и каждое сочетание иллюстрируется (без объяснений или комментариев) многочисленными примерами его употребления в литературе, начиная с наиболее древних памятников. В «Пэй вэнь юнь фу» полностью включен текст двух более ранних аналогичных словарей, составленных при династиях Юань и Мин.

Историческая фонетика

В XVII—XVIII вв. в Китае достигала больших успехов наука, зачатки которой появились еще в эпоху Сун, — историческая фонетика.

Если описательная фонетика в Китае была связана с поэтикой, то историческая фонетика должна была отвечать на некоторые вопросы, возникавшие при комментировании древних текстов. Китайские филологи давно уже заметили, что поэтические произведения I тысячелетия до н. э. имеют очень странные рифмы: рифмуются слова, в более позднее время имевшие лишь весьма отдаленное фонетическое сходство. Чтобы древняя поэзия все же звучала как стихи, «плохо рифмующимся» иероглифам в них комментаторы приписывали условные, искусственные чтения; эти чтения, специально созданные только ради рифмы, назывались «согласованными рифмами» (*се юнь 叶韻*).

Чем же все-таки объясняются странные рифмы в древних книгах? Долгое время преобладало мнение, что «согласованные рифмы» всегда были условными и не соответствовали действительному произношению. Но существовали и две другие теории по этому вопросу, которые обе в конечном счете восходят к знаменитому комментатору Лу Дэмину 陸德明 (556—627 г.?). Первая из них состоит в том, что «древние люди относились к рифмам небрежно»; достаточно было сравнительно небольшого сходства в произношении слов, чтобы они могли рифмоваться между собой. Вторая теория гласила, что произношение некоторых слов с течением времени изменилось и сейчас они звучат уже не так, как в древности.

Первым исследованием в области исторической фонетики можно считать книгу У Юя 吳棫 (1100?—1154 г.) «Юнь бу» 韻補 («Дополнение к рифмам»). У Юй исследовал рифмы пятидесяти произведений и авторов, от «Ши цзина» (I тыс. до н. э.) до Су Чжэ (1039—1112 гг.), обращая внимание на все отклонения от стандартной системы рифм «Гуан юня», и на основании этого пытался реконструировать древнюю систему рифм и древнее произношение отдельных слов (он пользовался материалами любых эпох, так как считал, что необычные рифмы у поздних авторов представляют со-

бой подражание древним рифмам). Его система древних рифм состоит всего из десяти классов.

В 1606 г. Чэн Ди 陳第 (1541—1617 г.) в своих комментариях на древнейший памятник китайской поэзии «Ши цзин» — «Мао ши гу инь као» 毛詩古音考 («Исследование древнего произношения „Ши цзина“») — резко выступил против теории произвольных «согласованных рифм». Рассуждал он примерно так: если «согласованные рифмы» действительно были совершенно произвольными и случайными, то почему же во всех песнях «Ши цзина», написанных разными людьми в разных княжествах древнего Китая, например, слово 母 mu «мать» всегда рифмуется со словами, кончающимися на -и, а слово 馬 ma «лошадь» — со словами на -у? Здесь наблюдается закономерность, а не произвол. Вместо «согласованных рифм» Чэн Ди стремился реконструировать действительное древнее произношение слов, употребляющихся в «Ши цзине» и других древних книгах как рифмы. Кроме «Ши цзина», Чэн Ди комментировал произведения Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.).

Однако подлинным создателем китайской исторической фонетики был Гу Яньу 顧炎武 (1613—1682 гг.). В отличие от Чэн Ди, он не только исследовал древнее произношение отдельных слов, но стремился и воссоздать систему древнекитайских рифм в целом. Важнейшие фонетические работы Гу Яньу объединены в «Пяти книгах о фонетике» («Иньсюэ у шу» 音學五書). Эту книгу, напечатанную в 1667 г., он до конца своей жизни дополнял и перерабатывал.

Гу Яньу находит в древнекитайском языке 10 классов рифм. Считая, что «древние люди относились к рифмам небрежно», он объединяет многие рифмы «Це юня», которые не различались в древности; кроме того, некоторые рифмы он делит пополам, относя часть слов рифмы к одному своему классу, часть — к другому. В таких случаях он ссылается не только на употребление слов в древних поэтических текстах, но и на их написание. Огромное большинство китайских иероглифов принадлежат к так называемой фонетической категории. В иероглиф этой категории входит как составная часть («фонетический показатель» или «фонетический знак», шэн 韻聲) какой-либо другой, более простой знак, чтение которого более или менее близко к чтению иероглифа в целом. Деля некоторую рифму на две части, Гу Яньу относит иероглифы фонетической категории к тем классам, в которые входят их фонетические показатели.

Труды Гу Яньу имели огромное значение для китайского языковедения. Гу Яньу разработал основные методы исследования, которыми в дальнейшем пользовалась китайская историческая фонетика.

В XVIII в. Цян Юн 江永 (1681—1762 гг.) в книге «Гу юнь бяочжуны» 古韻標準 («Нормы древних рифм») в некоторых отношениях дополнил и изменил систему рифм Гу Яньу. Он находит

в древнекитайском языке уже 13 классов рифм и отдельно — 8 рифм выходящего тона. Цзян Юн считал, что рифмы входящего тона могли входить одновременно в два класса. «Нормы древних рифм» — это словарь, в котором при каждом слове указано, с какими словами и в каком памятнике оно рифмуется.

В другой своей книге — «Иньсюэ бянь вэй» 音學辨微 («Различение тонкостей фонетики») — Цзян Юн разъясняет основные понятия и термины классической китайской фонологии (дэнъюнь) эпохи Сун.

Дальнейшее уточнение древнекитайской системы рифм произвел Дуань Юйцай 段玉裁 (1735—1815 гг.); он выделил уже 17 классов рифм. Книга, в которой изложены теоретические взгляды Дуань Юйцаи, — «Лю шу иньюнь бяо» 六書音韻表 («Фонетические таблицы иероглифов шести категорий») — была написана в 1770 г. и опубликована как приложение к его комментариям на классический словарь «Шо вэнь». Сопоставляя наблюдения над структурой иероглифов и древними рифмами, Дуань Юйцай отметил важную закономерность: все иероглифы, имеющие один и тот же фонетический показатель, входили в один и тот же древний класс рифм (*тун шэн би тун бу* 同聲必同部). Значение этого принципа очень велико, так как он позволяет судить о произношении множества слов, не встречающихся в древней поэзии в качестве рифм. Сочинение Дуань Юйцаи содержит списки фонетических показателей, соответствующих каждому классу рифм. Кроме того, для каждого класса указано, где в древней литературе рифмуются слова этого класса и какие именно слова рифмуются в каждом случае. В комментариях к «Шо вэню» Дуань Юйцай указывает для каждого иероглифа класс древних рифм, в который он входит.

В 1777 г. ученик Цзян Юна и учитель Дуань Юйцаи, знаменитый ученый и философ Дай Чжэн 戴震 (1723—1777 гг.) составил фонетические таблицы древнекитайского языка — «Шэн лэй бяо» 聲類表 («Таблицы категорий звуков»). Они построены в общем по тем же принципам, что и любые фонетические таблицы; слоги в них сгруппированы по древним рифмам, а внутри древних — по рифмам «Гуан юня». Почти все древние классы рифм соединены попарно, причем у обоих членов пары — общие слоги входящего тона. В каждую пару нормально входит один класс закрытых слогов (кончающихся носовым согласным) и один — открытых; первый связан со слогами входящего тона благодаря тому, что в «Гуан юне» слоги этого тона присоединялись к слогам с конечным носовым (т. е., например, слог *kat* считался входящим тоном от *kan* и т. п.), второй — благодаря тому, что иероглифы, обозначавшие открытые слоги и слоги входящего тона, могли иметь одни и те же фонетические показатели. Таким образом, входящий тон является как бы осью всей системы. Все классы — или, вернее, их пары — Дай Чжэн делит на четыре группы по конечному элементу закрытых слогов. Интересно, что в качестве названий клас-

сов Дай Чжэнь употреблял исключительно слоги без начального согласного; очевидно, они должны были одновременно служить реконструкциями финалей соответствующих классов. Всего Дай Чжэнь выделяет 16 классов, из которых 15 образуют пары.

Такую же группировку рифм попарно дает ученик Дай Чжэнья Кун Гуансэнь 孔廣森 (1752—1786 гг.) в книге «Ши шэн лэй» 詩聲類 («Классификация звуков „Ши цзина“»). Слоги, кончающиеся носовым согласным, Кун Гуансэнь называет «светлыми» (ян 陽), прочие — «темными» (инъ 陰). Для каждого класса он, как и Дуань Юйцай, приводит список соответствующих ему фонетических показателей.

Позднее Ван Няньсунь 王念孫 (1744—1832 гг.) и независимо от него Цзян Югао 江有誥 (умер в 1851 г.) увеличили число классов древних рифм до 21. Системы, предложенные ими, не вполне одинаковы: в каждой есть один класс, не выделяемый в другой системе. Книга Ван Няньсуня «Гу юнь пу» 古韻譜 («Перечень древних рифм») не была опубликована при его жизни. Она содержит списки рифм из «Ши цзина» и других произведений, расположенные по классам, т. е. соответствует одному из разделов «Таблиц» Дуань Юйцая. Цзян Югао написал «Десять книг по фонетике» («Иньсюэ ши шу» 音學十書), из которых часть не была опубликована. Он разметил рифмы во всех поэтических произведениях древней литературы, включая стихотворные вставки в книгах, написанных прозой. Он дает также списки фонетических показателей по классам рифм и таблицы, показывающие соответствие между слогами входящего тона и открытыми слогами.

Друг Цзян Югао, Ся Синь 夏炘, в 1833 г. сравнил теории Гу Яньью, Цзян Юна, Дуань Юйцая, Ван Няньсуня и Цзян Югао; одобрав систему Цзян Югао и внеся в нее одну поправку в соответствии со взглядами Ван Няньсуня, он получил 22 класса рифм, представляющие собой итог всех предшествующих исследований в области древних рифм.

Гораздо меньше внимания, чем рифмам, уделялось начальным согласным. Ряд интересных наблюдений в этой области сделал Цянь Дасинь 錢大昕 (1728—1804 гг.). В частности, он показал, что губно-зубные звуки китайского языка (т. е. звуки типа f) восходят к губно-губным (типа p), а современные шипящие — главным образом к переднеязычным взрывным (типа t).

В области изучения иероглифов фонетической категории следует отметить написанную в 1802 г. книгу Янь Кэцзюня 嚴可均 (1762—1843 гг.) «Шо вэнь шэн лэй» 說文聲類 («Классификация звуков „Шо вэня“»). Янь Кэцзюнь расположил все иероглифы, содержащиеся в «Шо вэне», по фонетическим показателям, а эти последние — по классам древних рифм. Так же построен словарь Чжу Цзюньшэна 朱駿聲 (1788—1858 гг.) «Шо вэнь тун сюнь дин шэн» 說文通訓定聲 («Подробные объяснения и определение фонетических показателей иероглифов „Шо вэня“»), составленный в 1833 г. Для каждого иероглифа «Шо вэня» Чжу Цзюньшэн пере-

числяет все случаи, когда этот иероглиф употребляется вместо другого, близкого по чтению (так называемое «заемствование»), или как рифма в поэзии, или когда значение слова комментируется ссылкой на фонетически близкое слово.

Изучение древней фонетики традиционными методами продолжалось после некоторого перерыва в конце XIX и в начале XX в. В этой отрасли языкоznания работали Чжан Бинлинь 章炳麟 (1862—1936 гг.) и Хуан Кань 黃侃 (1886—1935 гг.). Однако они добавили очень мало принципиально нового к тому, что было установлено в период расцвета исторической фонетики в Китае. Чжан Бинлинь разделил один из 22 классов Ся Синя на два. Хуан Кань предполагал, что в древности существовали только те финали и инициали, которые возможны в слогах I и IV ряда (т. е. в слогах, не содержащих промежуточного i), а все остальные представляют собой их более поздние видоизменения.

Не только фонетика «Ши цзина», но и произношение, отраженное в словаре «Це юнь», в эпоху Цин было уже далеким прошлым. Реконструкция фонологических категорий «Це юня» дается в книге Чэн Ли 陳澧 (1810—1882 гг.) «Це юнь као» 一切韻考 («Исследование „Це юня“»), написанной в 1842 г. Основываясь на разрезаниях иероглифов в этом словаре, Чэн Ли определил количество различавшихся в нем инициалей и финалей (число финалей не совпадает с числом рифм, потому что финали, отличающиеся только по промежуточному гласному, часто входят в одну и ту же рифму).

Создание исторической фонетики китайского языка является важным достижением китайского классического языкоznания. Она была первым в мировой лингвистической науке направлением, целиком основанным на принципе историзма и ставившим целью восстановить факты прошлого состояния языка, недоступные непосредственному наблюдению. Ее методы и достигнутые ею результаты используются и в настоящее время.

Однако китайские ученые в большинстве случаев восстанавливали не произношение отдельных слов, а фонологические классы древнекитайского языка, т. е. классы слогов, обладавшие какими-нибудь одним общим признаком. Серьезных попыток выяснить действительное звучание древних финалей почти не было, или они были основаны только на догадках.

Китайское языкоznание не знало сравнения языков, так как в сущности не имело материала для сравнения. Современные европейские, китайские и японские ученые тоже лишь в ограниченной степени применяют сравнение при изучении китайского языка (используется преимущественно сравнение его с неродственными языками). Во всяком случае, реконструкции произношения китайских слов, полученные сравнительным методом, оказываются ненадежными и противоречивыми, если не учитываются фонологические классы, установленные для древнекитайского языка китайскими учеными XVII—XIX вв.

Другие направления в языкоznании эпох Мин и Цин

При династии Мин в Китае начинают изучаться иностранные языки. До этого времени китайцам был известен только санскрит, так как он был связан с буддизмом. Живые языки соседних народов их мало интересовали. Имеются лишь свидетельства того, что соседи Китая изучали китайский язык, — например, сохранились китайские тексты, транскрибированные разными видами алфавитного письма. Первый известный нам переводный словарь китайского языка был составлен в тангутском государстве Си-ся в 1190 г.

В XV в. положение изменилось. В 1407 г. при Академии Ханьлинь было учреждено ведомство Сынгуань 四夷館 (Управление по делам варваров четырех стран света), занимавшееся перепиской с правительствами соседних стран; позже оно было передано в ведение Министерства обрядов. В 1408 г. было параллельно создано другое учреждение — Хуэйтунгуань 會同館 (Управление по делам съездов вассалов), ведавшее приемом иностранных послов. Оба они составляли для своих переводчиков небольшие словарики, имевшие общее название «Хуа и и юй» 華夷譯語 («Китайско-варварские переводы»). Слова в них располагались по смысловым группам и транскрибировались при помощи китайских иероглифов, но часто приводилось и оригинальное написание. Эти словари представляют собой ценный материал для истории языков Дальнего Востока.

В эпоху Мин была сделана первая попытка классификации диалектов китайского языка. В конце XVI или в начале XVII в. Чжан Вэй 張位 в книге «Вэнь ци цзи» 問奇集 («Собрание вопросов об удивительном») выделил восемь китайских диалектов и указал некоторые фонетические особенности каждого из них.

К началу XVII в. относятся первые контакты между европейским и китайским языкоzнанием. Миссионеры-иезуиты, находившиеся тогда в Китае (многие из них были на службе у китайского правительства), издавали на китайском языке большое количество книг, посвященных западной науке и технике. Среди них есть одна, где с европейской точки зрения излагается китайская фонетика, — «Си жу эр му цзы» 西儒耳目資 («Помощь уху и глазу западных ученых»), составленная в 1626 г.; автором ее был Никола Триго (Nicolas Trigault, 1577—1628 гг.), по-китайски — Цзинь Нигэ 金尼閣. В этой книге произношение китайских слов указывается с помощью букв латинского алфавита. В то же время Триго пользуется такими чисто китайскими приемами, как деление слога на инициаль и финаль, фонетические таблицы, расположение иероглифов по рифмам и группам омонимов.

При династии Цин параллельно исторической фонетике получает новое развитие старейшая отрасль китайского языкоzнания —

схолиастика (*сюньгу* 訓詁), занимавшаяся толкованием древних слов. Обе науки оказываются тесно связанными, ими занимаются одни и те же ученые. Например, мы знаем уже, что Дуань Юйцай комментировал словарь «Шо вэнь». К области схолистики относится и упоминавшаяся выше книга Чжу Цзюньшэна. Ван Няньсунь комментировал другой словарь — «Гуан я» (III в.).

В 1799 г. было закончено многотомное компилиативное сочинение «Цзин цзи цзуань гу» 經籍纂詁 («Собрание древних слов из канонических и других книг»), работу над составлением которого возглавлял Жуань Юань 阮元 (1764—1849 гг.); авторы собрали объяснения слов из всех существующих комментариев к памятникам древнекитайской литературы и расположили их в форме словаря.

С схолиастикой в свою очередь связана текстологическая критика (*каоцзюй* 考據), одним из создателей которой был Гу Яньью.

Из науки о значениях древних слов постепенно выделяется грамматика, представленная пока только одним разделом — словарями служебных слов. Первый такой словарь, книга Лу Ивэя 盧以緯 «Чжу юй цзы» 助語辭 («Слова, помогающие речи»), появился еще при династии Мин, в 1592 г. Сейчас он почти забыт. В 1711 г. Лю Ци 劉淇 издал «Чжу цзы бянь люэ» 助字辨略 («Краткое руководство для различия служебных слов»). Он делит служебные слова на 30 групп по их значению, но не описывает подробно каждую группу. Более известна еще одна работа этого рода — «Цзин чжуань ши цзы» 經傳釋詞 («Объяснение слов из канонических книг и комментариев к ним»), — составленная Ван Иньчжи 王引之 (1766—1834 гг.), сыном Ван Няньсуня, в 1798 г. Ван Иньчжи включил в свою книгу только те служебные элементы, которые встречаются в памятниках классического периода (до сожжения книг в 213 г. до н. э.), причем особое внимание он обращал на редкие, малоупотребительные слова, в то время как Лю Ци пишет только о более или менее употребительных словах, в том числе имеющих сравнительно позднее происхождение. К числу служебных слов в старом китайском языкоznании относят, помимо предлогов, союзов и частиц, также отрицания, вопросительные и указательные слова, некоторые наречия и прилагательные и т. п.

Интересна появившаяся в XIX в. книга Юй Юэ 俞樾 (1821—1906 гг.) «Гу шу и и цзюй ли» 古書疑義舉例 («Примеры мест с неясным значением в древних книгах»). В ней разбираются типичные затруднительные случаи, встречающиеся при чтении классической литературы, а также наиболее распространенные виды искажения текста, связанные с неправильным пониманием отдельных иероглифов, ошибочной пунктуацией, смешением основного текста и комментария и т. п. Трудности и неясные конструкции, рассматриваемые Юй Юэ, относятся главным образом к области стилистики, но частично имеют грамматический характер. Юй Юэ исследует

ряд явлений древнекитайского синтаксиса, например «живое» употребление слов, т. е. употребление названий предметов в значении действий.

Конец классического китайского языкоznания

Китайское языкоznание развивалось своим особым путем до конца XIX в. Правда, оно испытало на себе некоторое влияние индийской традиции; но тем не менее во всех его разделах, которые были особенно развиты, прежде всего в фонетике, оно разрабатывало собственные методы. Некоторые области языкоznания были в Китае почти совершенно неизвестны — например, грамматика.

Но в 90-х гг. XIX в. в китайском языкоznании намечаются некоторые совершенно новые явления.

Сходит со сцены традиционная китайская фонология, занимавшаяся классификацией элементов слога, но не умевшая разлагать слог на звуки (если не считать основного деления на инициаль и финаль). Последние такие работы появились в 80-х гг. XIX в. Одна из них — это книга Лao Найсюаня 勞乃宣 (1842—1921 гг.) «Дэн юнь и дэ» 等韻一得 («Некоторые соображения о классификации рифм»), написанная в 1883 г. В ней дается подробная классификация начальных согласных, причем учтены не только реально существующие в китайском языке, но и теоретически возможные звуки. Финали Лao Найсюань делит на две главные группы по основному гласному — *a* или *e ~ o*. Первые он называет «светлыми» (ян 陽), вторые «темными» (инь 陰); у него эти термины имеют, таким образом, совершенно иное значение, чем у Кун Гуансэня.

Фонетисты следующего десятилетия уже знакомы с принципами алфавитного письма.

Начиная с 1892 г. в Китае один за другим появляются проекты алфавитной письменности для китайского языка. Назначение и графический вид их были различны (большинство алфавитов состоит из черт, входящих в состав иероглифов, или напоминает скоропись). В основу некоторых проектов было положено не пекинское произношение, а тот или иной южный диалект — например сучжоуский, фучжоуский, гуанчжоуский; самый первый алфавит предназначался для диалекта Сямэня. Среди участников движения за алфавит был, в частности, только что упоминавшийся Лao Найсюань.

В 1898 г. была издана первая настоящая грамматика китайского языка (не современного, а древнего, вэньяня, который в то время был официально признанным государственным и литературным языком). Это была книга Ма Цзяньчжуна 馬建忠 (1844—1900 гг.) «Ма ши вэнъ тун» 馬氏文通 («Объяснение правил письменного языка, господина Ма»). Ма Цзяньчжун был католиком, учился в Париже, знал латинский язык. Он считал, что грамматика во всех

языках одинакова, различна лишь ее звуковая (не понятийная) сторона. Грамматика его построена по образцу латинской.

В «Ма ши вэнь туне» можно выделить три основные части. В первой из них говорится о классификации знаменательных слов и их функций в предложении (части речи, переходные и непереходные глаголы, теория «падежей» существительного и т. п.), во второй — о значениях служебных слов и в третьей — о структуре предложения. Вторая часть — традиционная для китайской лингвистики, и здесь Ма Цзяньчжун следует не европейским образцам, а китайским словарям служебных слов XVIII в.

В начале XX в. неожиданно получила совершенно новое развитие наука о китайской письменности. В 1899 г. стало известно, что около Аньяна в Хэнани находят кости и черепашьи щиты с надписями, использовавшиеся в древности для гадания. Надписи эти восходят к концу эпохи Шан (Инь), т. е. к XIII—XI вв. до н. э. До этого главным источником для истории китайской иероглифики был словарь «Шо вэнь»; для более раннего времени были известны только сравнительно немногочисленные надписи на бронзовых сосудах. Теперь впервые в распоряжении ученых оказалось огромное количество материала почти на полторы тысячи лет старше «Шо вэня». Планомерные археологические раскопки на месте находки гадательных костей начались в 1928 г., но надписи на костях, полученных от местных жителей и торговцев редкостями, были впервые изданы еще в 1903 г.

Появление проектов алфавитного письма для китайского языка, первая китайская грамматика и открытие надписей на гадательных костях знаменуют собой начало совершенно нового периода в истории китайского языкознания. Представление о разложимости слова или слога на звуки получило уже настолько широкое распространение, что китайская фонетика не могла больше оставаться в рамках прежних проблем и теорий. Грамматика, которой не было прямого прецедента в старой китайской науке, начала быстро развиваться и в 30-х и 40-х гг. стала ведущим направлением лингвистических исследований. Наконец, после открытия ранних памятников китайской письменности все прежние работы по истории иероглифики оказались устаревшими.

Новые представления в фонетике и развитие грамматики явились непосредственным результатом распространения в Китае пришедших с Запада современных научных знаний. С начала XX в. китайское языкознание уже не может рассматриваться изолированно, оно становится частью мировой науки о языке.

Из этого не следует, что китайское языкознание классического периода (т. е. до конца XIX в.) полностью потеряло ценность. Современное языкознание время от времени оказывается в затруднении, сталкиваясь с фактами китайского и близких ему по строю языков. Для их описания в ряде случаев по-прежнему более пригодны старые методы и понятия, особенно в области описательной и исторической фонетики.

CHỈ NAM NGỌC ÂM GIẢI NGHĨA — ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙ ВЬЕТНАМСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В настоящее время было бы преждевременно выносить суждение о развитии науки о языке во Вьетнаме. Однако те многочисленные фактические данные, которые находятся в поле зрения исследователей, позволяют сделать предварительное заключение о том, что вьетнамская языковедческая традиция была в основном лексикографической.

Старые (составленные до XIX в.) вьетнамские словари можно разделить на два вида: словари на письменности куок-нгы (quôc ngûй букв. «государственный язык») — письменность, составленная в конце XVII в. на основе латиницы португальскими миссионерами), принятой во Вьетнаме и в наши дни, и словари на иероглифической письменности тыы-ном (chữ nôm букв. «кожные (простонародные) письмена») — вьетнамская иероглифика, составленная на основе и по принципам китайских иероглифических знаков, употреблявшейся во Вьетнаме наряду с китайской иероглификой примерно с XIII—XIV в.

И первые (словари на куок-нгы), и вторые (словари на тыы-ном), отражая особенности строя вьетнамского языка своего времени (прежде всего фонетические и лексические), представляют собой интересные источники сведений по истории языка и культуры, однако первые, составленные под непосредственным влиянием западноевропейской лексикографической традиции, стали объектом изучения исследователей гораздо раньше, чем вторые, которые по сути дела даже еще не описаны.

Между тем очевидно, что внимательное изучение этих памятников будет основой наших представлений об истории вьетнамского языка до того времени, когда в стране начала распространяться латинизированная письменность куок-нгы.

Ниже дается краткое описание самого древнего из дошедших до нас словарей на письменности тыы-ном — словаря *Chỉ nam ngọc âm giải nghĩa* досл. «Руководство к правильному чтению и объяснение значений» (иероглифы везде заменены транскрипцией).

В Ханойской научной библиотеке имеется два экземпляра этого словаря — ксилографический и рукописный, — представляющие собой исправленное и дополненное издание 1761 г. По мнению известного исследователя иероглифических фондов вьетнам-

ских библиотек Чан Ван Зяпа, в начале XIX в. было выпущено еще одно исправленное издание словаря — «Chỉ nam ngõc âm bì loại» (досл. «Свод руководства по правильному чтению»), однако ни одного экземпляра этого издания до сих пор не обнаружено.¹

Рукописный экземпляр 1761 г. состоит из двух частей. В начале второй части надпись: «Túc tăng Pháp tinh soạn ‘Составлено монахом Фап-тинь’». В этом экземпляре имеется два предисловия составителя, одно на китайском языке, другое на вьетнамском. В предисловии на китайском языке упоминается какой-то гораздо более древний словарь «Chỉ nam phâm vüng» (досл. «Руководство к собранию различных вещей»), — составленный в начале нашей эры ханьским наместником в области Зяо-ти (древнее название Вьетнама) и просветителем Ши Ниепом (Ши Се) (137—226 гг.), впоследствии исправленный и переименованный в «Chỉ nam song tý» (досл. «Руководство к парам иероглифов»).

Относительно датировки и авторства словаря у исследователей нет еще единого мнения. Чан Ван Зяп считает, что составителем словаря была Чинь Тхи Нгок Чук, дочь правителя Чинь Чанга (1623—1657 гг.) и жена короля Ле Тхан Тона (1619—1643 гг.), в конце жизни принявшая монашество под именем Фап-тинь. Основанием для датировки послужила надпись на каменной стеле в пагоде Нинь-фук (Бут-тхап) и провинции Ха-бак, где жила в монашестве Чинь Тхи Нгок Чук. Надпись датирована 1646—1647 г.²

Иного мнения придерживаются Чан Суан Нгок Лан и Вьонг Лок. Они считают, что дочь правителя Чинь не могла составить словарь по той причине, что правители этого рода запрещали распространение письменности ты-ном и печатание книг на ней. То, что составитель носил монашеское имя Фап-тинь, по мнению Чан Суан Нгок Лан и Вьонг Лока, простое совпадение. Чан Суан Нгок Лан рассматривает иероглифику словаря и приходит к выводу, что иероглифы в словаре отличаются от иероглифики поэмы «Тинь фу нгэм» («Плач солдатки»), романа в стихах «Киеу» («Стенания истерзанной души») и близки к иероглифике стихов известного поэта Нгуен Чая (1380—1442) и сборника «Хонг đyk куок ам тхи тап» («Сборник стихов на родном языке „Великая добродетель“»).³ На этом основании словарь датируется XV—XVI в.

В словаре встречается название «Франция» в транскрипции Phat lăng quôc. Эта транскрипция употреблена в Истории дина-

¹ Trần văn Giáp. Lược khảo về nguồn gốc chữ nôm. — Nghiên cứu lịch sử, N 127, 1969, tr. 7.

² Ibid., tr. 10.

³ Trần Xuân Ngọc Lan. Suy nghĩ về thời kỳ xuất hiện của quyển «Chỉ nam ngõc âm giải nghĩa» qua một số cứ liệu về chữ nôm. — Ngôn ngữ, N 4, 1975, tr. 17—25.

стии Мин, где речь идет о событиях XV в. Примерно в то же время она могла стать известной и во Вьетнаме. Названия некоторых лекарственных растений, употребленные в словаре и представляющие собой архаизмы, относимые примерно к этому же времени, также позволяют предполагать, что словарь «Chí nam ngọc âm» был составлен в XV—XVI в.

«Chí nam ngọc âm giải nghĩa — двуязычный китайско-вьетнамский словарь. Текст его содержит около 20 тыс. иероглифов (считая как китайские иероглифы, так и вьетнамские). Переводу подлежат не отдельные иероглифы, а сочетания их, обычно состоящие из двух иероглифов. Таких сочетаний (их можно назвать словарными единицами) более трех тысяч, в них объединено около семи тысяч китайских иероглифов.

Словарная статья построена по принципу не только переводного, но и толкового словаря: она содержит, кроме вьетнамского эквивалента, также краткое пояснение на вьетнамском языке (чаще всего описательное определение к вьетнамскому эквиваленту). Ко многим статьям дается фонетическое пояснение: чтение китайского иероглифа объясняется с помощью омонимичного иероглифа (примеры см. ниже).

Словарные статьи объединены в 39 разделов на основании общей тематики. Эти разделы следующие: 1) Thiên văn — Астрономия и метеорология; 2) Địa lý — География; 3) Nhân luân — Человеческое общество и взаимоотношения людей; 4) Thân thể — [Человеческое] тело; 5) Tạng phû — Внутренние органы; 6) Thúc bô — Еда; 7) Ăm bô — Напитки; 8) Bính bô — Печенье и сладости; 9) Y quan — Одежда; 10) Cám tú — Ткани; 11) Cung thât — Постройки и строительное дело; 12) Châu xa — Средства передвижения (досл. лодки и повозки); 13) Nông vú — Сельские работы; 14) Hoà sôc — Зерновые культуры; 15) Tam thât — Шелководство; 16) Chúc nhât — Ткацкое ремесло; 17) Chí khí — Кузнечное ремесло; 18) Mộc tƣong — Плотницкое ремесло; 19) Kim ngọc — Драгоценности и ювелирное дело; 20) Tác vong — Рыболовство и изготовление снастей; 21) Khí dung — Предметы быта; 22) Văn tú — Письменные принадлежности; 22) Hôn nhân — Брачный церемониал; 24) Bão hiêu — Церемониал почитания родителей; 25) Tang lě — Траурный церемониал; 26) Nhạc khí — Музыка и музыкальные инструменты; 27) Công khí — Ремесленные инструменты; 28) Binh khí — Оружие; 29) Pháp khí — Предметы культа; 30) Phảm khí — Различные веши; 31) Vũ trùng — Пернатые; 32) Mão trùng — [Звери] покрытые шерстью; 33) Lân trùng — Чешуйчатые; 34) Giáp trùng — Панцирные; 35) Mộc bô — Деревья; 36) Hoa bô — Цветы и травы; 37) Quả bô — Плоды; 38) Cǎn đằng — Вьющиеся растения; 39) Nam dược — Лекарственные растения Вьетнама.

Особенностью словаря «Chí nam ngọc âm giải nghĩa» является то, что он составлен в стихах, традиционным для вьетнамской народной поэзии размером лук-бат — шести- и восмисложными

строками, в котором шестой слог первой строки рифмуется с шестым или, реже, с четвертым слогом второй строки.⁴

Стихотворные произведения, по содержанию не относящиеся к художественной литературе, были во Вьетнаме очень распространенным явлением. В стихах писались книги по географии и медицине, исторические хроники и гадательные книги.⁵

Словарь в стихах не является чем-то необычным и в лексикографии. Известен словарь «*Tam thiên tự*» («Три тысячи иероглифов») Нго Тхэй Нгиема, составленный в конце XVIII в. для начинающих изучать китайский язык. В начале XX в. издавались стихотворные французско-вьетнамские и английско-вьетнамские словари.⁶ Эта «техническая» особенность словаря «*Chỉ nam ngọc âm giải nghĩa*» оказала значительное влияние на всю его структуру: отбор словарных единиц, способ введения пояснительной части, само пояснение.

Как уже было сказано, словарь содержит около 7 тыс. китайских иероглифов. В отличие от других словарей, например от словаря «*Tam thiên tự*» («Три тысячи иероглифов»), где основной словарной единицей, подлежащей переводу, является иероглиф-корнеслог, в «*Chỉ nam ngọc âm giải nghĩa*» в качестве основной единицы выступает сочетание из двух (иногда из трех) корнеслолов-иероглифов. Именно по этой причине 7 тыс. иероглифов составляют всего 3200 словарных статей.

В словаре «*Tam thiên tự*» рифмуются короткие строки из двух слов, рифма конечная, и каждая строка, представляющая собой словарную статью, содержит китайский иероглиф и его вьетнам-

⁴ Cp. Cái cò, cái vạc, cái nồng
Sao mây dãm lúa nhà ông hõi cò...

(нар. песня)

‘Цапля, выпь, пеликан,
Зачем же вы топчете мой рис, а, цапля...’

Или: Con cò mà đi ăn dêm
Dãm phải cành mêm, lòn cõ xuông ao...

(нар. песня)

‘Цапля отправилась искать добычу ночью,
Наступила на тонкую ветку и полетела вниз головой в пруд...’

⁵ В качестве примеров можно указать историческую хронику *Thiên nam ngũ lục* («Книга Южных небес») неизвестного автора, которую некоторые исследователи называют историко-эпической поэмой.

⁶ Пример из стихотворного французско-вьетнамского словаря:

Bœuf bò, sư tử lion
Cheval con ngựa, mouton con cừu

В образовании шестисложной и восьмисложной строк размера лук-бат французские слова участвуют наравне с их вьетнамскими эквивалентами.

ский эквивалент, который и рифмуется с предыдущей строкой. Словарь имеет следующий вид (приводится начало словаря):

Thiên — trời 'небо'	Tử — con 'дитя'
Địa — đất 'земля'	Tôn — cháu 'внук'
Cử — cát 'убирать, снимать'	Luc — sáu 'шесть'
Tồn — còn 'оставаться'	Tam — ba 'три'

Рифмуются слоги второй и третий (đất — cát), четвертый и пятый (còn — con), шестой и седьмой (cháu — sáu).

Словарь «Chữ nam ngõc âm giải nghĩa», как уже говорилось, составлен стихотворным размером из шести- и восьмисложных строк, с рифмой не только в конце строки, но и в середине (примеры см. ниже). Особенностью этого размера является наличие цезуры, делящей каждую из строк на три или четыре части, содержащие по два слога. Для того чтобы словарная единица была четко выделена интонационно и не смешивалась с пояснительной частью, она должна быть двусложной. В тех случаях, когда поясняется трехсложное сочетание, цезура, отделяющая один слог от двух остальных, снимается.

Особенности стихотворного размера обусловливают и строение словарной статьи: обычно сочетание двух китайских корнеслогов стоит в начале строки, а последующие слоги составляют пояснение, но бывает и так, что пояснительная часть помещена в начале строки, а поясняемое сочетание завершает ее.

Примеры словарных статей:

1. Kim ô mặt trời sáng hồng
2. Thiêm luân nguyệt sáng trên không lùn lùu
3. Phong thanh gió mát tiên lâu
4. Cụ phong bão giật đình cầu lở xiêu

Kim ô — солнце яркое и алое.

Thiêm luân — светлая луна в вышине.

Phong thanh — прохладный ветер в небесном дворце.

Cụ phong — порыв урагана, рушатся строения и мосты.

5. Đại địa đất cả rộng dày
- Đại địa — земля, широкая и плотная.

6. Thanh thủy là nước trong ve
- Trọc thủy nước đục chẳng hề uống ăn

Thanh thủy — вода прозрачная.

Trọc thủy — вода мутная, [ее] никогда не пьют.

В приведенных примерах поясняемое сочетание стоит в начале строки. В примерах ниже оно помещено в конце строки.

8. Đầu làng chôn vắng hiếu là quách mòn

В начале деревни пустынное место называется quách mòn.

9. Chị chồng có hiệu a già
10. Cha chồng có chữ ôc là a công

Старшая сестра мужа называется а già.
Отец мужа имеет название а công.

11. Đầu lưỡi có hiệu thiêt doan
12. Gây lưỡi thiêt bǎn, hai bên thiêt bàng

Кончик языка называется thiêt doan.

Корень языка thiêt bǎn, стороны языка thiêt bàng.

Встречаются строки, которые вмещают два китайских сочетания и два пояснения, например:

13. Tôn sư thầy cả, hữu bàng bạn tin
Tôn sư старший учитель, hữu bàng верный друг.

Встречаются также пояснения, не умещающиеся в короткой строке и занимающие всю следующую, например:

14. Thành thị chợ họp dê dô
Thông nhiều kẽ bán ngửi mùi của nhiều
Thành thị — [это место, где] собирается рынок [и размещается] императорская столица.
Приезжают продавцы и покупатели, много [разных] товаров.

В некоторых случаях поясняемому сочетанию не дается эквивалента, его значение становится ясным из контекста. Так построено начало раздела третьего — «человеческое общество и взаимоотношения людей» (nhân luân bô đệ tam).

15. Đế vương lên trị trong dời
Chính ngôi thiên tử thay trời trị dân
Đế vương правит всей жизнью [страны].
[Сидя на] престоле сына неба, вместо неба он правит народом.
16. Sánh ngôi hoàng hậu nguyên phi
Sóm hôm la bảo rän dè bê trong
Рядом на престоле hoàng hậu первая супруга, с утра до вечера
[она] приказывает и повелевает внутри [дворца].

Пояснительная часть вводится в строку различными способами. Это может быть просто соположение китайского сочетания и вьетнамского эквивалента (примеры 1—5, 7, 12, 13, 14); пояснение может присоединяться к поясняемому сочетанию с помощью связи là (пример 6); кроме этого, средствами введения пояснительной части выступают: слово hiệu ‘иметь название’, сочетания hiệu là, có hiệu, hiệu rằng, hiệu ôc (с тем же значением) и сочетания ôc là ôc danh, gọi là ‘называться’.

Примеры:

17. Kim hoa hiệu vóc dài hông
Kim hoa называется ткань густокрасного цвета.
18. Hà tương hiệu dày là mắm tôm canh
Hà tương носит название жидкый соус из креветок.

19. Sông cǎ có hiệu dài xuyēn
Большая река имеет название dài xuyēn.
20. Sao hǒm tōi hiện hiệu rǎng thanh nam
Вечерняя звезда, появляющаяся как стемнеет, называется thanh nam.
21. Khoái dán hiệu ôc thái duong
Khoái dán носит название висок.
22. Áo thanh long vân kín nuong
Ké xưa gọi rǎng là tinh khắn y
Легкая одежда с пестрым узором, скрывающая женскую фигуру,
В старину называлась tinh khắn y.

Стихотворный размер определяет не только место пояснения в строке, но и характер пояснения. В составе пояснительной части, кроме одного или двух слов, содержащих необходимую и достаточную информацию, выделяется остальная часть, необходимая только для того, чтобы выдержать стихотворный размер. Так, в примерах 1 и 2 (с. 252) для перевода китайских сочетаний kím ô и thiêm luân достаточно было бы дать их эквиваленты mặt trời ‘солнце’ и nguyệt ‘луна’, наличие в примере 1 определения sáng hồng ‘яркое и алое’, а в примере 2 определения rǎng/sáng trên không làu làu ‘ясно сияющая в вышине’ вызвано необходимостью добавить два слога до четырех в первой строке и пять до восьми во второй. Определения подобраны не только по количеству слогов, но и по качеству тонов (необходимо выдержать закономерное чередование ровных и ломанных тонов).

После каждого раздела имеется дополнительный раздел bô di. Он представляет собой перечень слов и выражений, как синонимичных тем, которые разъясняются в основном разделе, так и не синонимичных. Этот дополнительный раздел имеет вид обычного словаря: китайское двусложное сочетание переводится с помощью вьетнамского эквивалента. Количество словарных единиц в дополнительном разделе иногда даже больше, чем в основном, стихотворном разделе. Так, в дополнении к разделу Thiên văn («Астрономия и метеорология»), состоящему из сорока строк, каждая из которых представляет словарную статью, приводится около ста слов и выражений, объединенных в пять подразделов, которые можно озаглавить как 1) Небо, солнце и луна; 2) Ветры и дожди; 3) Облака и грозовые явления; 4) Туманы и росы; 5) Звезды и планеты. В первом подразделе приводится двенадцать синонимичных обозначений неба (они приведены без перевода, под рубрикой Thiên thập nhì (букв. «Небо-двенадцать») и пять сочетаний со словом thiên: hào thiên — trời hè ‘летнее небо’, mân thiên — trời thu ‘осеннее небо’, thương thiên — то же самое, quān thiên — ‘высоко в небе’, bích hán thanh minh — то же самое.

В дополнении к разделу «Địa lý» («География»), состоящему из 106 строк, содержится 39 словарных единиц. В дополнении к разделу Thúc bô ‘еда’, состоящему из 18 строк, содержится 11 двусложных сочетаний.

Наличие дополнительных разделов также можно объяснить требованиями стихотворного размера: в дополнение выносились те слова, которые трудно было ввести в стихотворную строку, к которым трудно было подобрать рифму и т. п.

Исходя из описанных особенностей словаря — сравнительно небольшого количества словарных единиц, разнообразия тематических разделов, отражающего разнообразие словника, из того, что словарь составлен в стихах, — можно сделать заключение, что словарь «Chí nam ngoc âm giái nghĩa» носит чисто практический характер. Вероятнее всего, словарь предназначался для людей малограмотных или вообще только начинавших обучаться грамоте, для тех, кто должен был усваивать китайскую лексику и иероглифику одновременно с вьетнамской иероглификой, заучивая текст словаря наизусть. Подтверждение этому предположению можно найти в предисловии на вьетнамском языке, в котором составитель словаря говорит, что он старался упростить вьетнамские иероглифы, приблизить их написание к произношению — так, чтобы те, кто только начинает учиться, легко могли овладеть письмом.⁷

Словарь «Chí nam ngoc âm giái nghĩa» представляет собой ценный источник сведений по истории языка, будучи в настоящее время самым древним из дошедших до наших дней словарей.

Прежде всего он является источником материалов по иероглифике тьы-ном. Как известно, письменность тьы-ном входит в употребление в XI—XIII вв., однако иероглифические тексты этого времени до нас не дошли.⁸ Из памятников литературы начала XV в. сохранились стихи на вьетнамском языке поэта Нгуен Чая, сборник группы Хонг-дык и поэта Нгуен Бинь Кхиема, однако и они дошли до наших дней в списках, а не в том виде, в каком были написаны. Поэтому словарь «Chí nam ngoc âm giái nghĩa» представляет собой самый значительный по количеству иероглифов тьы-ном древний текст. В нем, в частности, можно найти значительное количество иероглифов, структура которых отражает древние сочетания согласных в начале слова,⁹ например:

сочетание kl 手鼓 trõng 'барабан' (др. вьетн. klõng : 手 cõ + 鼓 lõng)

сочетание bl 阪 trán 'лоб' (др. вьетн. blán : 巴 ba + 阪 lan)

⁷ Võn xua làm nôm xa chũ kěp, ngurdy thiêu học khôn biêt khôn xem, Bây chũ nôm dạy chũ đón, cho ngurdy mõi học nghĩa xem nghĩa nhuân... .

'Прежде [знаки] ном были сложны, [и] те, кто мало учился, не знали [их], не [могли] читать; теперь [я] учу знакам простым, чтобы те, кто только начинает учиться, смотрели [на них и легко] усваивали их... .'

⁸ Сохранилось несколько каменных стел эпохи Ли (1009—1225 гг.) и Чан (1226—1400 гг.), однако на каждой из них иероглифами тьы-ном написано лишь по нескольку антропонимов и топонимов.

⁹ В таких словарях, содержащих иероглифы тьы-ном, как известный словарь Хюинь Тинь Куя (изд. 1895 г.), словари Боне (изд.-е 1899 г.) и Женибреля (изд. 1898 г.) имеется всего лишь по нескольку иероглифов, отражающих далеко не все сочетания согласных. Наиболее часто приводятся такие иероглифы, как 𩙷 trăng 'луна' (др.-вьет. blăng: 巴 ba + 𩙷 lăng) или 𩙷 (значение то же).

сочетание tl 聰 trai ('юноша, мальчик') (др. вьетн tlai : 司 tu+來 lâi)
сочетание ml 犀 lâu ('долго') (др. вьетн. mlâu : 𠩺 mānh+ 犀 lâu)
и сочетание, которое А. Масперо восстанавливал как //г: 犀 sâm 'гром'
(др. вьетн. //gâm : 巨 cù+稟 lâm; знак // означает префикс, действитель-
ное звучание которого нам не известно).

В текстах на иероглифике тыы-ном, относимых к концу XVIII
и XIX вв., часто встречаются сложные идеограммы, состоящие
из ключа, и фонетика, например:

憊 nguôî 'остывать' (ключ 𩚔 и фонетик 崴)
砧 đêm 'ночь' (ключ 夜 и фонетик 占)
憫 mùng 'радоваться' (ключ 𩚔 и фонетик 明)
寛 thây 'увидеть' (ключ 見 и фонетик 体)

В словаре «Chí nam ngõc âm» все эти иероглифы пишутся
без ключа: 崴 nguôî, 店 đêm, 明 mùng, 体 thây.

Напомним, что в предисловии к словарю его составитель го-
ворит, что он упростил те знаки, написание которых было слиш-
ком сложным. Таким образом, изучение иероглифики тыы-ном
в словаре может помочь понять историю развития этой письмен-
ности, дать ее периодизацию.

Выше (с. 250) уже говорилось, что во многих статьях словаря
имеются пояснения о произношении, в которых трудный для чте-
ния иероглиф объясняется с помощью иероглифа-омонима, вво-
димого иероглифом 音 âm 'звук', например: 鞭音仙 (совр. tiêñ);
飄音消 (совр. tiêu).

Фонетические пояснения могут дать нам сведения по историче-
ской фонологии вьетнамского языка. Приведенные выше пояснения,
например, иллюстрируют следующее явление. В среднекита-
йском языке иероглиф 鞭 читался с начальным согласным, вхо-
дившим в класс р (邦), а 飄 — с начальным согласным, входив-
шим в класс р' (滂). Иероглифы, приведенные как омонимы, чита-
лись с начальным согласным, входившим в класс согласных s (心),
т. е. эти иероглифы не были омонимами. Переход некоторых губ-
ных в современное t и смешение с t, происходящим из s, совер-
шился уже во Вьетнаме. Если принять датировку составления
словаря, приведенную выше (XV—XVI вв.), то можно определить
время, когда указанные фонетические изменения в основном за-
вершились. В «Chí nam ngõc âm» отражены и другие фонетические
процессы, например смешение ml > nh (nh в куок-нги), l и n,
nh и d.

Словарь «Chí nam ngõc âm giải nghĩa» содержит интересный
материал и по лексикологии вьетнамского языка; он включает
и лексические единицы, вышедшие из употребления в настоящее
время или изменившие свое значение; названия таких предметов
обихода, которые именно из-за своей обиходности не встречаются
в памятниках художественной литературы; слова и выражения,

которых нет в других старых словарях, например в словаре А. де Роде (изд. 1651).

Таким образом, словарь «Chỉ nam ngõc âm giải nghĩa» представляет собой не только памятник вьетнамской лексикографической традиции, но и источник сведений по фонетике и лексике вьетнамского языка своего времени. Вопрос в окончательном прочтении и датировке этого памятника.¹⁰

---

¹⁰ Автор благодарит работника Института языка СРВ т. Выонг Лока за ценные сведения и советы, высказанные во время частных бесед.

ПАМЯТНИКИ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тангутское государство (или государство Си-ся) существовало с X по XIII в. на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу. Величайшим достижением культуры этого государства было изобретение собственной иероглифической письменности, созданной тангутским ученым Ели (Ири) Жэньюном и введенной в употребление в 1036 г.

Среди тысяч рукописей и печатных книг, обнаруженных в 1909 г. русским исследователем Центральной Азии П. К. Козловым при раскопках развалин заброшенного города Хара-Хото и хранящихся ныне в Институте востоковедения АН СССР (Ленинград), внимание исследователей в первую очередь привлекают словари, материалы которых являются отправным пунктом при дешифровке мертвого тангутского языка.

Наличие большого количества словарей, часто сохранившихся в нескольких изданиях, свидетельствует о высоком уровне развития филологической науки в тангутском государстве.

Тангутская письменность — иероглифическая, поэтому единицей в словарях является иероглиф и его чтение — слог.

В словарях, дошедших до нас, материал располагался по тематическому или фонетическому принципам.

Среди тематических словарей первым следует назвать двухязычный тангутско-китайский словарь «Жемчужина на ладони», известный под китайским названием «Чжан чжун чжу» (его полное название — «Тангутско-китайский соответствующий времени [словарь] жемчужина на ладони»); этот словарь составлен тангутом Гулэ Маоцаем в 1190 г. Лексика в нем расположена по трем темам: «Небо», «Земля», «Человек». Материал приводится в четыре колонки: тангутское слово, рядом — его транскрипция китайскими иероглифами, затем китайское слово, являющееся переводом тангутского, рядом — его транскрипция тангутскими иероглифами. В китайской транскрипции тангутские иероглифы могут передаваться как с помощью одного, так и двух иероглифов. Эти два иероглифа либо обозначают сочетания двух согласных в начале слова, либо они передают чтение тангутского иероглифа с помощью так называемого «разрезания». Кроме того, в этой транскрипции часто употребляются различные дополнительные знаки: кружки в одном из углов иероглифа, означающие тон,

и иероглифические пометы, указывающие на некоторые особенности чтения иероглифа.

В словарях «Идеографическая смесь» и «Идеографическая смесь, расположенная по трем разделам» (сохранился частично) материал также расположен по тематическому признаку. В первом из них — следующие разделы: Небо, Земля и человек; подразделы: Земля, Горы, Реки и моря, Драгоценности, Ткани, Мужская одежда, Женская одежда, Деревья, Овощи, Травы, Злаки, Лошади, Верблюды, Коровы, Козы, Птицы, Дикие животные, Пресмыкающиеся, Насекомые, Тангутские имена, Китайские фамилии, Тангутские фамилии, Термины родства, Человеческое тело, Жилище, Еда, Утварь, Военная подготовка, Имена людей, Календарь. В обоих словарях приводятся списки двухсложных сочетаний иероглифов без всяких пояснений.

Прежде чем перейти к словарям, в которых материал расположен по фонетическому принципу, следует рассмотреть тангутскую теорию фонетики, которая нашла отражение в фонетических таблицах — «Рассечение рифм пяти звуков» (изданы в 1173 г.). Слог делился на начальный согласный (инициал) и финаль. По месту артикуляции выделялись пять основных классов согласных — губные, переднеязычные, заднеязычные, зубные и горланные, — вот почему в названии фонетических таблиц говорится о «пяти звуках». В первой части фонетических таблиц верхнюю горизонтальную строку занимают иероглифы, обозначающие начальные согласные (инициали), левая вертикальная строка — это рифмы. Классификация согласных содержит девять классов: 1) губные смычные, 2) губные щелевые, 3) переднеязычные чистые, 4) переднеязычные палатализованные, 5) заднеязычные, 6) свистящие, 7) шипящие, 8) горланные, 9) плавные. На месте пересечения столбцов и строк, соответствующих инициалам и финалям, стоит иероглиф, чтение которого состоит из указанных инициали и финали. Если слог из данной инициали и финали невозможен, на его месте стоит кружок. Во второй части фонетических таблиц материал расположен по рифмам, каждая таблица посвящена одной рифме. Пять вертикальных столбцов соответствуют пяти основным согласным, а горизонтальные строки — медиальным классам слогов.

Что же касается фонетических словарей, то при составлении одних из них за основу бралась инициаль, других — вокалическая часть (рифма).

К первым относится словарь, который в тангутоведении традиционно переводится как «Гомофоны» (издан в 1132 г.). Словарь содержит более шести тысяч иероглифов. Иероглифы, составляющие словарь, делятся на девять разделов по характеру начального согласного их чтения — это те же девять классов согласных, перечисленных нами выше при описании фонетических таблиц. Группы омонимов (иероглифов с одинаковым чтением) внутри каждого раздела отделяются кружком; одиночные слоги, т. е. не имеющие омонимов, приводятся в конце каждой группы. При каждом

иероглифе указывается не его значение, а обычно сопутствующий ему другой иероглиф. Это может быть значимое слово, иногда антоним поясняемого, или другая часть сложного слова, в состав которого входит поясняемый иероглиф, или даже служебное слово (например, один из глагольных префиксов совершенного вида, указывающих на направление движения и употребляющихся каждый с определенной группой глаголов); при объяснении служебных морфем ставилось сочетание, обозначающее «служебное слово». При этом в зависимости от того, в левом или правом окружении поясняемого иероглифа стоит сопутствующий ему иероглиф, последний соответственно ставился в правом нижнем углу или левом нижнем углу поясняемого иероглифа. Основная ценность словаря заключается в выделении групп омонимов.

Тангутский толковый словарь «Море письмен», косвенным образом датируемый 1124 г., — это словарь рифм. Он составлен, по-видимому, по образцу китайского словаря «Гуан юнь» — с той лишь разницей, что в нем при анализе иероглифа указываются его составные части. Словарь «Море письмен» состоит из двух частей, в первую входят иероглифы, читающиеся в ровном тоне (3064 иероглифа), во вторую — в восходящем тоне (2081 иероглиф). В каждой части иероглифы объединены по рифмам, т. е. они разбиты на классы по их вокалической части. В ровном тоне таких рифм 97, в восходящем — 84. Каждая рифма имеет свой порядковый номер и название: в качестве названия рифм используется один из иероглифов, входящих в данную рифму. Слоги внутри рифмы располагаются по медиальным классам, а внутри последних — по инициалам. Такое деление не указывается в словаре «Море письмен», оно выясняется из анализа второй части фонетических таблиц (см. о них выше). Этим «Море письмен» отличается от китайского «Гуан юня», в котором слоги в составе рифмы не упорядочены. Словарная легенда в «Море письмен» состоит из следующих трех частей: 1) состав иероглифа, описываемый с помощью стандартной формулы, например «верхняя часть иероглифа х», «нижняя часть иероглифа у»; в этих формулах используется восемь терминов — верхняя часть иероглифа, нижняя часть иероглифа, иероглиф полностью, левая часть иероглифа, правая часть иероглифа, средняя часть иероглифа, большая часть иероглифа, иероглиф без какой-либо части; 2) перечисление значений данного иероглифа — иероглиф объясняется с помощью его синонимов, иногда через его антоним с отрицанием, в некоторых случаях для пояснения значения одного иероглифа приводится целое предложение; 3) чтение иероглифа с помощью «разрезания». Чтение приводилось только после первого иероглифа в группе омонимов; здесь же указывалось число иероглифов, входящих в данную группу омонимов.

Кроме того, сохранился рукописный словарь синонимов под названием «[Слова] с одинаковым значением — в одной и той же группе», однако он еще совершенно не изучен.

ЛИТЕРАТУРА

- Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатели К. Б. Кеппинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, ч. 1—2. М., 1968.
- Н е в с к и й Н. А. О тангутских словарях. — В кн.: Н е в с к и й Н. А. Тангутская филология. М., 1960, т. I, с. 95—107.
- С о ф р о н о в М. В. и К ы ч а н о в Е. И. Исследования по фонетике тангутского языка. М., 1963.
- Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963.

ВВЕДЕНИЕ

Япония относится к числу сравнительно немногих стран мира, в отношении которых можно говорить о существовании национальной лингвистической традиции. Японское языкознание в различные периоды своей истории испытывало влияние китайской, индийской, а позднее и европейской традиций, однако во многом развивалось самостоятельно и имеет ряд специфических особенностей.

Историю японского языкознания можно прежде всего разделить на два периода, границей между которыми служит первая половина эпохи Мэйдзи (60—80-е гг. XIX в.). Первый период характеризуется обособленностью японской лингвистической традиции, на которую в определенной степени повлияли китайская и индийская наука, но которая в основном (особенно в конце этого периода) развивалась самостоятельно. Второй период связан с влиянием европейского языкознания, в связи с чем японская наука о языке значительно видоизменилась, хотя и не утеряла своей специфики. Данный очерк посвящен первому из указанных периодов.

Японская лингвистика до второй половины XIX в. не представляла собой особой отрасли науки, а входила составной частью в другие отрасли, прежде всего в филологию и поэтику. Лишь в самом конце периода наметилась тенденция выделения языкознания в особую дисциплину, однако этот процесс завершился уже за пределами рассматриваемого нами периода.

Можно выделить три основных этапа развития представлений о языке в Японии до второй половины XIX в. Во времена ранних памятников японской письменности (VIII—X вв.) еще не было собственно исследований языка; языковые проблемы затрагиваются лишь вскользь в памятниках литературного и иного харак-

---

¹ В данную главу в сокращенном виде включена посмертно опубликованная работа А. И. Фомина «Из истории японского языкознания. Учение о частях речи у токугавских филологов» (Японский лингвистический сборник. М., 1959).

тера. Однако этот период имел важное значение для развития японского языкоznания: создается национальная письменность (*кана*), происходит знакомство с иероглификой и приспособление ее к японскому языку, в это же время в Японию проникают идеи китайского и индийского языкоznания.

Следующий этап начинается примерно с конца X в. и длится до конца XVII в. В это время интенсивно развивается комментирование древнеяпонских памятников, для нужд которого исследуются их языки. Проводятся семантические и этимологические исследования лексики; другая область, которой занимаются комментаторы, — историческая орфография. Несколько позднее начинают развиваться исследования поэтики для нужд стихосложения, в их рамках впервые производится классификация единиц языка, в частности служебных.

Наивысшего расцвета традиционная японская лингвистика достигла в период с конца XVII по середину XIX в. В это время на высоком уровне развития находится комментаторская деятельность; ученые этой эпохи восстановили значение и написание многих слов древнеяпонского языка, из исследований исторической орфографии выделились исследования по исторической фонетике. Из поэтики выделилась грамматика, был проведен детальный анализ многих грамматических явлений японского языка. Многие достижения японского языкоznания того времени представляют ценность в японской науке по сей день.

VIII—X вв.

Первое знакомство японцев с китайской иероглифической письменностью относится, по-видимому, к первым векам нашей эры. Древнейший известный памятник восходит к V в., однако значительные памятники, дожедшие до нас, появляются лишь в начале VIII в. («Кодзики», «Нихон-сёки» и др.). Более ранними сведениями о том, как японцы представляли себе свой язык, мы не располагаем.

Первоначально единственным письмом в Японии были китайские иероглифы, и древнейшие японские памятники записывались по-китайски, хотя читаться они могли и по-японски. Однако чисто иероглифическая запись японских текстов была неудобной по двум причинам. Во-первых, иероглифами было трудно записывать японские собственные имена. Вторая трудность была связана с различием строя китайского и японского языков. Если для записи японской лексики можно было подобрать соответствующие по смыслу иероглифы, то для большинства грамматических показателей это сделать было невозможно, так как в китайском языке соответствующие значения не имеют грамматического выражения.

Из этого положения было предложено два выхода. Во-первых, многие тексты записывались чисто иероглифически, однако упо-

треблялись (как правило, факультативно) специальные значки, указывавшие на наличие тех или иных служебных элементов; такие значки получили название «кунтэн». Система кунтэна, по мнению ряда ученых, стала складываться уже в VIII в., однако достоверные примеры имеются начиная с IX в. Значки кунтэна (меньших размеров, чем иероглифы) писались в определенном порядке сверху, снизу или сбоку иероглифа; положение значка относительно иероглифа указывало на наличие того или иного грамматического показателя (при этом не все грамматические показатели имели средства для передачи). Позднее появились значки кунтэна, указывавшие на то, в каком порядке надо читать последовательности, обозначенные теми или иными иероглифами (при чисто иероглифической записи сохранялся китайский порядок иероглифов). Таким образом, сложился один из способов записи японских текстов, получивший название «камбун», что значит «китайское (ханьское) письмо». Система камбуна с течением времени несколько видоизменялась: древние значки кунтэна (кроме значков, указывавших на порядок) постепенно вышли из употребления, и вместо них стали употребляться знаки каны; однако камбунный способ записи сохранился на протяжении многих веков, камбуном записывалось большинство официальных текстов, научных и религиозных сочинений. Лишь после революции Мэйдзи (1868 г.) литература на камбуне начала сокращаться, и к концу XIX—началу XX в. камбун вышел из активного употребления.

Запись текстов с помощью камбуна была слишком сложной и доступной лишь для людей, владевших китайским языком. Явно неэффективным было бы и создание новых иероглифов (иероглифы, созданные в Японии, существуют, но их очень немного). Стой японского языка, в отличие от китайского, требовал создания фонетической письменности. В течение VIII в. создается национальная японская письменность — кана (дословно «временное имя»).

Уже в древнейших памятниках появляются способы фонетической передачи некоторых единиц текста, прежде всего собственных имен. Наиболее ранние способы фонетической записи носят название манъёганы (по названию памятника «Манъё:сю:»). Отдельные примеры манъёганы появляются уже в VI в., а в памятниках начала VIII в. она уже широко употребляется: манъёганой записываются имена собственные, а также магические формулы, где необходимо точно передать звучание. Памятник второй половины VIII в. «Манъё:сю:» уже целиком записан манъёганой. Знаки манъёганы — те же иероглифы, но употребляемые фонетически: каждый знак манъёганы обозначает слог, соответствующий японскому произношению китайской морфемы, записываемой данным иероглифом. Каждый знак манъёганы соответствует одному слогу, но обратное отношение еще неоднозначно: один и тот же слог может обозначаться многими иероглифами.

Дальнейшее развитие каны шло, во-первых, в направлении упрощения начертания знаков, во-вторых, в направлении установления взаимно однозначного соответствия между звучанием и написанием. На рубеже VIII и IX вв. возникают новые системы каны, важнейшие из которых — *хирагана* (дословно «плоская кана») и *катаканы* (дословно «боковая кана»). Эти две системы постепенно вытеснили все остальные и употребляются до настоящего времени.

Алфавит каждой из этих систем письма состоит из 47 знаков (еще по одному знаку было добавлено позже). Знаки катаканы и хираганы (упрощенные по сравнению с иероглифами, от которых произошли) различаются начертанием, но связаны друг с другом взаимно однозначным соответствием. Каждый знак хираганы или катаканы соответствует, как правило, слогу. Алфавит этих азбук в основном отражает фонологическую систему языка начала IX в., причем различия, утраченные незадолго до этого и еще зафиксированные в манъёгане (в частности, существование восьми гласных вместо пяти в более поздний период), в хирагане и катакане не отражены. Таким образом, хирагана и катакане в период своего возникновения не были системами письма, основанными на историческом принципе; такой характер они получили позднее (см. ниже).

Первоначально кана была чисто слоговым или почти чисто слоговым письмом, впоследствии в связи с изменением системы языка и сохранением системы письма соотношение стало несколько более сложным, но в основном слоговым японское письмо остается и поныне. Таким образом, в Японии, как и у многих других народов мира, был пройден этап перехода от иероглифического письма к слоговому, но в Японии не произошло перехода от слогового письма к буквенному (буквенные способы записи не были известны в Японии вплоть до знакомства с латинским алфавитом). Это объясняется, во-первых, китайским влиянием, во-вторых, простой слоговой структурой японского языка, при которой слоговое письмо не требует очень большого числа знаков (ср. корейский язык, где при более сложной структуре слога на той же письменной основе было изобретено буквенное письмо).

Системы каны быстро получили широкое распространение, однако не вытеснили иероглифики. Тексты, записанные только каной, всегда были сравнительно редки. Одна из причин этого заключается в том, что вместе с иероглифами в японский язык было заимствовано большое количество китайских морфем и слов, тесно связанных с иероглифической записью и часто непонятных в записи каной. Уже с IX—X вв. сложилась традиция писать лексические единицы языка (полностью или частично) иероглифами, а грамматические — в основном каной. Этот принцип сохранился с некоторыми колебаниями во все последующие эпохи вплоть до наших дней.

Таким образом, сложились две системы письма: чисто иероглифическая (*камбун*) и система, в которой употребляется кана (*вабун*, т. е. «японское письмо»). Эти системы существовали в течение многих веков, используясь для записи текстов различного характера (вабуном записывались в основном литературные тексты). Изучение этих двух видов текстов с самого начала обособилось друг от друга. Изучение текстов на камбуне было тесно связано с изучением китайского языка и китайской культуры, изучение национальной культуры целиком основывалось на анализе текстов, написанных вабуном (исключение составляют лишь самые древние памятники типа «Кодзики»). Эти две традиции в дальнейшем почти не соприкасались друг с другом и зачастую друг другу противостояли (особенно заметно это проявлялось начиная с XVI—XVII в.). Национальная японская традиция, о которой мы преимущественно и говорим в нашем очерке, была связана с исследованием текстов на вабуне. Ее противопоставленность китайской традиции проявилась в том, что в национальной традиции большое место занимало изучение каны, тогда как изучение иероглифики имело периферийный характер, а также в том, что японская традиция почти не обращала внимания на единицы китайского происхождения в японском языке, даже те, которые в нем прочно укоренились (эта черта во многом заметна в японской традиции даже сейчас).

Однако традиция, связанная с изучением камбуна, оказала влияние на японскую — по крайней мере в одной области. Это создание словарей. Первые словари в Японии появились в IX в., первоначально они создавались по образцу китайских словарей иероглифов и не имели связи со строем японского языка (словари «Тэнрэй-бансё:-мэйги» — после 830 г., «Кантэн-дзэдзэн» — 880 г. и др.), такого рода словари создавались и в последующие эпохи. Однако уже в конце IX в. появляется новый тип словарей, первым образцом которого был словарь «Синсэндзикё:» (898—901 гг.). В нем при каждом иероглифе давалось его значение (камбуном) и его звучание в японском языке (манъёганой). Точный объем этого словаря установить невозможно, так как он дошел до нас лишь в более поздних вариантах, в которых состав словаря был сильно расширен; в этих вариантах приводится более 20 000 иероглифов. В X в. появился не дошедший до нас словарь «Сики», в котором уже производились толкования непонятных в то время слов.² В это время в Японии возникаетcommentatorская деятельность, получившая большое распространение в последующие эпохи.

² Сразу же следует оговорить, что японская традиция так и не выработала понятия слова как единицы, состоящей из корня и аффиксов (см. ниже). В то же время уже ранние словари показывают осознание единиц лексики. В дальнейшем, говоря о словах в японской лингвистике, мы будем иметь в виду лексические, словарные единицы — независимо от того, совпадают ли их границы с границами слов в европейском понимании или нет.

Как говорилось, уже в первых памятниках письменности возникла необходимость обращать внимание на служебные элементы языка. Эти единицы особым образом отмечались не только в камбуне, где на них указывали значки кунтэна, но и в текстах, написанных манъёганой, где в текстах VIII в. наблюдалась тенденция записывать знаменательные единицы более крупными знаками, а служебные — более мелкими. Класс единиц, записывавшихся мелкими знаками, в основном совпадал с классом служебных единиц в более поздней японской лингвистике (т. е. с классом аффиксов и служебных слов), однако были исключения в обе стороны, показывающие, что главным фактором была возможность или невозможность иероглифической записи (те служебные единицы, которые имели китайские эквиваленты, например сочинительные союзы, обычно писались крупными знаками, а, например, глаголы вежливости, не имевшие в китайском языке, где нет развитой гонорифической системы, прямых параллелей, писались мелкими знаками). Тем не менее под влиянием китайского языка и его сравнения с японским впервые была произведена (хотя и в неявном виде) классификация единиц языка по характеру выражаемого ими значения. Осознание особой роли служебных единиц отражено прямо в некоторых памятниках, например в «Манъё:сю:» (кн. XIX). Традиция различия этих классов единиц сохранилась и впоследствии, когда получила распространение письменность, в которой знаменательные единицы писались иероглифами, а служебные — каной.

Уже на данном этапе заметен интерес к этимологии. В это время еще не появлялись специальные этимологические исследования, но довольно большое количество этимологий содержится уже в памятниках VIII в., в особенности в «Фудоки», где содержится более 100 этимологий географических названий. Об этимологиях говорится и в более поздних памятниках, например в литературном произведении «Макура-но со:си» («Записки у изголовья», конец X в.). Этимологии этого времени чисто произвольны и в полной мере являются «народными этимологиями», их авторы, как правило, стремятся выявить связь между звучанием и значением слова.

Наконец, следует отметить то, что уже в это время начали отмечаться диалектные особенности. В XIV книге «Манъё:сю:» помещены так называемые «Адзума-ута», т. е. песни восточных провинций; в их языке были значительные отличия от языка остальных стихотворений. По-видимому, в тот период восточные диалекты имели наибольшие отличия от литературного языка, основанного на языке столицы (которой была Нара, а затем Киото).

Памятники VIII—X вв. указывают на постепенное складывание определенных представлений о языке в Японии. Однако язык еще не служил предметом особого рассмотрения. Начало нового этапа связано, во-первых, с появлениемcommentаторской литературы, во-вторых, с созданием фонетической таблицы — *годзюона*.

X—XVII вв.

Как уже говорилось, создание японского слогового письма завершилось к началу IX в. Однако нет никаких данных о том, что в это время слоги осознавались как членимые последовательности. Первые способы упорядочивания знаков каны связаны с рассмотрением слога как неделимого целого. Самым известным из них является так называемая *ироха*, где знаки располагаются в порядке расположения знаков в записи стихотворения, подобранного так, что каждый знак встречается по одному разу (ироха — три начальных слога этого стихотворения); ироха появляется в IX в.

Однако начиная с X в. складывается новая система расположения знаков каны, связанная с осознанием членности слога. Ее появление связано с влиянием индийской лингвистической традиции. К этому времени в связи с проникновением в Японию буддизма начинает развиваться изучение санскрита и индийской культуры (так называемое *ситтангаку*). Формирование слоговых таблиц происходит прежде всего в рамках этой научной школы.

Первые попытки сблизить слоги с одинаковыми гласными или согласными относятся к X в., однако первые таблицы, где знаки каны расположены в определенном порядке, связанном с членностью слога, относятся к периоду между 1004 и 1028 гг. Постепенно стала складываться система упорядочения слогов в виде таблицы. Первоначально порядок знаков в этой таблице не был устойчивым и сильно различался у различных авторов. Тот порядок, который впоследствии стал каноническим, был предложен в санскритологическом сочинении «Ситтан-ё:кэцу» (начало XII в.), автором которого был Сёкаку. Полученная система упорядочения знаков каны получила название *гоон* (дословно «пять слогов», поскольку в каждом столбце имеется пять знаков каны по числу гласных), которое в XVII в. было вытеснено названием *годзюон* (дословно «пятьдесят знаков»). Годзюон и ироха как две системы алфавитного упорядочивания каны существуют в течение почти тысячи лет (лишь в последние 20—30 лет годзюон явно вытесняет ироху).

Система годзюона в ее окончательном виде явно связана с системой индийского алфавита *деванагари*, однако она видоизменена в связи с особенностями японского языка. Таблица деванагари трехмерна: слоги расположены, во-первых, по месту и способу образования их согласной части; во-вторых, по звонкости—глухости и придыхательности—непридыхательности согласной части; в-третьих, по гласной части. Таблица же годзюона двухмерна (в японском языке нет придыхательных согласных, а различие звонкости—глухости в период возникновения хираганы и катаканы было, по-видимому, нерелевантно и в письменности не отра-

жалось, позднее звонкость стали изображать специальными диакритическими знаками), в столбцах слоги располагаются по их гласному в порядке, соответствующем индийскому (а-и-у-э-о), в строках — по согласному, также в порядке, в основном соответствующем порядку в деванагари (сначала взрывные, потом сонанты, те и другие классифицируются по месту образования в сторону от более заднего к более переднему; носовые ставятся непосредственно после соответствующих им смычных).³ Такое сходство явно указывает на роль индийской традиции в формировании понятия об отношениях, существующих между слогами.

В дальнейшем в японской лингвистике большую роль играло представление о регулярных отношениях между слогами с одинаковым согласным и одинаковым гласным; оно использовалось при комментировании текстов и выяснении этимологий, а позднее послужило основой учения о спряжении предикативов. Однако это не означает, что согласные и гласные звуки сознавались как самостоятельные сущности. Такой подход не был свойствен японской традиции, как и китайской; вычленение звуков в слоге появилось в японской лингвистике лишь под европейским влиянием.

В X—XI вв. в Японии широкое распространение получает комментирование более ранних памятников. К тому времени многие слова памятников VIII в. были уже непонятны и традиции их понимания часто были утеряны. Поэтому возникают сочинения, посвященные выяснению значения слов, встречающихся в памятниках VIII в., а затем и в памятниках более позднего времени; наиболее подробно изучались «Манъё:сю:» и «Кокинсю:» (литературный памятник X в.). Методы семантического изучения лексики памятников совершенствовались в течение всего описываемого здесь этапа; имеет смысл рассмотреть их суммарно.

Перед комментаторами стояла задача дать толкование неизвестного слова. Для этого использовались три основных приема. Во-первых, исследовался контекст, в котором данное слово употреблялось; исходя из контекста, старались выявить значение. Для этого важно было изучить употребление данного слова в различных памятниках, выявить максимальное количество контекстов. Во-вторых, следы исчезнувших слов искали в диалектах; именно этим был вызван основной интерес к диалектным явлениям у ученых того времени.

Третий прием исследования был связан с попытками выяснить связь лексики древней литературы с лексикой современного иссле-

³ Единственное исключение составляет ряд с, который занимает не место с в деванагари, а место, которое там занимают палатальные и черебральные. Отсюда можно предполагать, что в то время в языке была аффриката, позднее перешедшая во фрикативный.

дователям языка; на нем следует остановиться подробнее. В случае когда значение слова было забыто и не восстанавливалось из контекста, японские филологи исходили из предположения о том, что это слово связано определенным соответствием с каким-либо словом, значение которого известно. Уже у самых ранних комментаторов наблюдается понимание того, что эта связь не должна быть абсолютно произвольной и что следует выявить определенные правила. Установление этих правил было тесно связано с осознанием связей, существующих между слогами с одинаковым согласным или гласным. Выявление правил звуковых переходов шло параллельно с формированием годзюона, которое позволило свести эти правила в систему. Было разработано учение об *онцу*: (дословно «переход слога») и *инцу*: (дословно «переход рифмы»); в первом случае имелась в виду замена слога слогом с тем же согласным и другим гласным (например, *кэхара* — *кокоро* ‘сердце’); во втором — замена слога слогом с тем же гласным и другим согласным. Ранее сформировалось учение о замене слогов, различающихся гласным: такого рода идеи были распространены уже в XI в.; учение о замене слогов, отличающихся согласным, появляется лишь в XII в., и примеров такого рода все комментаторы приводят немного (это, видимо, связано с тем, что в древнеяпонском языке чередование согласных было очень редким явлением). На формирование обоих учений, как и на формирование годзюона, оказало несомненное влияние индийское языкознание с его разработанной системой чередований; впервые четко данные идеи были сформулированы в уже упоминавшейся санскритологической работе «Ситтан-ё:кэцу». Впоследствии с помощью понятий *онцу*: и *инцу*: толковалось большое количество лексики.

Наряду с учением о замене слогов формируется представление о том, что звуковые изменения могут быть связаны с выпадением слога или добавлением слога. Этот прием также широко использовался в комментаторской литературе. Он, как и предыдущий, постепенно стал использоваться не только для толкования неизвестных слов, но и для установления связей между известными словами. При изучении выпадений и добавлений слогов было обращено внимание на несколько явлений языка, фактически разнородных, но описываемых вместе. Во-первых, отмечались выпадения слогов для устранения зияния, не допускавшегося в поэтических текстах. Во-вторых, отмечалось наличие в языке синонимов, один из которых равнялся другому плюс еще один или несколько слогов; такого рода случаи были связаны либо со стиранием значения старых деривационных элементов (*ва* и *варэ* ‘я’), либо с лексикализацией словосочетаний (*масуми-но қагами* и *масукагами* — название памятника). В-третьих, указывалось на существование синонимов такого типа, несколько отличавшихся по значению; сюда относили случаи, когда к словам присоединялись, например, префикс *ма-*, указывавший на отношение данного предмета к богам, или префиксы вежливости типа *ми-*. В связи

с этим выделялся класс элементов языка, которые могли использоваться как расширители; их называли ясумэкотоба (дословно «праздные слова»); к их числу относили как деривационные элементы типа *ма-*, *ми-*, так и слоги, не имевшие собственного значения. Таким образом, средневековые комментаторы обратили внимание сразу на несколько явлений, которые были прослежены по большому количеству памятников, хотя их осмысление еще было довольно механическим.

На основе указанных выше принципов исследовались отношения между словами, сходными по звучанию. Характерно, что в первую очередь приводились те отношения, которые легко описывались при рассмотрении слова как неделимой единицы; случаи более сложного характера (типа *takaku aru*—*takakaru* ‘быть высоким’) в течение длительного времени не учитывались.

Четкие законы процесса звукового перехода сформулированы не были; комментаторы могли связывать любые слова, минимально различавшиеся слоговой структурой и не имевшие слишком больших различий по значению. Под понятия перехода слова (онцу: и инцу:), выпадения и добавления слова подводились самые различные явления: действительные звуковые изменения, чередования, сочетание с деривационными аффиксами (как живыми, так и выделявшимися этимологически), различия грамматических форм (здесь в зачаточной форме уже содержалось учение о спряжении глагола, оформленное в науке XVIII—XIX вв.), варьирования звукового облика слова в тексте (для устранения зияния и пр.); наконец, многие связи были случайными. Тем не менее учение о правилах связи слов со сходным звучанием имело большое значение для своего времени.

Ученые того времени вовсе не рассматривали звуковые изменения как исторический процесс. Хотя они отмечали, что некоторые слова старых текстов непонятны без толкования и что, наоборот, некоторые современные слова в старых памятниках не встречаются, все же они исходили из того, что язык памятников VIII в. — это тот же язык, на котором пишут их современники, только правильный и авторитетный; характерно, что термин *кого*, впоследствии переосмыслиенный как «архаизм», в то время значил «слово, которое есть в древних (т. е. наиболее авторитетных) памятниках». Именно в данную эпоху создается стабильный литературный язык (*бунго*), который постепенно стал значительно отличаться от разговорного. Вся дальнейшая деятельность японских лингвистов вплоть до второй половины XIX в. была связана с проблемой нормализации этого языка по образцам древних памятников (отметим, что ученые, как правило, ориентировались на наиболее древние памятники VIII в., однако реальная норма бунго в основном основывалась на языке несколько более позднего времени, как правило X—XII вв., т. е. как раз того периода, когда литературный язык четко отделился от разговорного). С таким пониманием соотношения современного языка и языка

древних памятников связано и неразличение синхронных и диахронных явлений, о которых шла речь выше.

Указанные способы установления звуковых переходов оказали большое влияние и на этимологию. Этимология данного периода осталась по сути произвольной, однако степень этой произвольности стала ограниченнее вследствие того, что связь слова и его этимона понималась как развитие, происходящее по правилам переходов, добавлений и выпадений слогов. Такой взгляд, детализированный на следующем этапе развития японской лингвистики, лежал в основе японских этимологических исследований до самого последнего времени.

С изучением лексики памятников была тесно связана и лексикографическая работа. Наряду со словарями, построенными по китайским образцам, в это время широко распространился тип словаря, ориентированного на японский язык и основанного в первую очередь на лексике древних памятников, особенно «Манъё:сю:». Толкования слов уже пишутся не камбуном, а вабуном, и толкуется в первую очередь не значение иероглифа, а значение соответствующего японского слова. К числу наиболее крупных словарей данной эпохи относятся «Райдзю-мё:ги-сё:» (начало XII в.), «Вамё:рудзю-сё:» (XIII в.), «Кагакусю:» (середина XV в.). Кроме того, создавались словари, цель которых была в том, чтобы помочь записывать то или иное слово иероглифически; в этих словарях лексика упорядочивалась с помощью ирохи и слову ставилась в соответствие его иероглифическая запись. К числу таких словарей относились «Сэдзоку-дзирий-сё:» (XI или XII в.), «Ирохадзирий-сё:» (середина XII в.), «Сэцуё:сю:» (вторая половина XV в.).

Одновременно с изучением лексики памятников формируется и изучение их орфографии, связанное с задачей создания орфографической нормы языка. Изучение исторической орфографии появляется несколько позже, чем изучение лексики памятников, лишь в XII в. Это связано с тем, что несколько позже возникла и практическая нужда в таких исследованиях. Как уже говорилось, общепринятые системы каны отражали произношение на рубеже VIII—IX вв. Однако уже через два-три века фонологическая система языка значительно изменилась. Если для отражения возникших новых противопоставлений применялись специальные приемы вроде изображения звонкости с помощью диакритик, то большую трудность вызвало исчезновение некоторых противопоставлений. Ряд процессов перехода и выпадения согласных привел к тому, что зачастую два или даже три слога, записывавшиеся каной по-разному, совпали в произношении. Это привело к орфографическому разнобою, явно наметившемуся к XI в. Необходимо было установление орфографических норм.

Первые орфографические нормы литературного японского языка известны под названием «тэйка-канадзукаи» по имени

ученого Фудзивара Тэйка (1162—1241 гг.), занимавшегося этой проблемой. Сочинения Тэйка дошли до нас лишь в переработанном виде, поэтому трудно сказать, насколько «тэйка-канадзукаи» сформировано именно этим автором; в его создании большую роль сыграл двоюродный брат Тэйка — Сингё, а позднее внук Сингё — Гёа.

Данная орфографическая система основывалась на историческом принципе, но его проведение еще не было последовательным. Ее создатели ориентировались на написание каной тех или иных единиц языка в старых памятниках, однако четкого отбора памятников не было, во многом орфография у Тэйка основывалась на наиболее традиционном написании. Современный ученый Оно Сусуму отметил, что в некоторых случаях орфография Тэйка была основана на акцентуационных различиях его времени.

Система «тэйка-канадзукаи» окончательно сформировалась к XIV в. и до конца XVII в. была общепринятой, хотя некоторые ученые подвергали критике отдельные ее написания.

В рассматриваемую здесь эпоху получило распространение и изучение языка, связанное с поэтическими и риторическими исследованиями. В это время были широко известны пособия по стихосложению в различных поэтических жанрах. Особенно важное значение имели поэтические сочинения по жанру *рэнга* (стихи рэнга состоят из двух частей, сочиняемых разными лицами; вторая часть должна определенным образом соотноситься с первой). В этих сочинениях впервые стали детально изучаться грамматические единицы языка.

Мы уже говорили, что противопоставление лексических и грамматических единиц осознавалось уже в древнейших японских памятниках. Впоследствии в течение длительного времени интерес японских филологов был сосредоточен почти исключительно на лексике (если не считать изучения так называемых «праздных слов»). Это, видимо, во многом было связано с тем, что создание норм литературного языка как бы законсервировало в нем систему грамматических единиц, которая почти не менялась до XX в., тогда как изменения в лексике происходили и вышедшую из употребления лексику приходилось изучать.

Изучение грамматических элементов проводилось лишь при изучении камбун в связи с необходимостью ставить отмечающие их значки и при создании пособий по стихам жанра рэнга. В последнем случае это было необходимо, потому что для правильного сочинения стихов рэнга требовалось соблюдение грамматической правильности предложения, в частности правильного согласования между его первой и второй частями. Это зависело от правильного употребления грамматических элементов, которые с данной эпохи стали именоваться *тэниоха* или *тэнива* (термины происходят от названий самих грамматических показателей, которые в со-

древних памятников связано и неразличение синхронных и диахронных явлений, о которых шла речь выше.

Указанные способы установления звуковых переходов оказали большое влияние и на этимологию. Этимология данного периода осталась по сути произвольной, однако степень этой произвольности стала ограниченнее вследствие того, что связь слова и его этимона понималась как развитие, происходящее по правилам переходов, добавлений и выпадений слогов. Такой взгляд, детализированный на следующем этапе развития японской лингвистики, лежал в основе японских этимологических исследований до самого последнего времени.

С изучением лексики памятников была тесно связана и лексикографическая работа. Наряду со словарями, построенными по китайским образцам, в это время широко распространился тип словаря, ориентированного на японский язык и основанного в первую очередь на лексике древних памятников, особенно «Манъё:сю:». Толкования слов уже пишутся не камбуном, а вабуном, и толкуется в первую очередь не значение иероглифа, а значение соответствующего японского слова. К числу наиболее крупных словарей данной эпохи относятся «Руйдзю-мё:ги-сё:» (начало XII в.), «Вамё:рудзю-сё:» (XIII в.), «Кагакусю:» (середина XV в.). Кроме того, создавались словари, цель которых была в том, чтобы помочь записывать то или иное слово иероглифически; в этих словарях лексика упорядочивалась с помощью ирохи и слову ставилась в соответствие его иероглифическая запись. К числу таких словарей относились «Сэдзоку-дзируй-сё:» (XI или XII в.), «Ирохадзирий-сё:» (середина XII в.), «Сэцуё:сю:» (вторая половина XV в.).

Одновременно с изучением лексики памятников формируется и изучение их орфографии, связанное с задачей создания орфографической нормы языка. Изучение исторической орфографии появляется несколько позже, чем изучение лексики памятников, лишь в XII в. Это связано с тем, что несколько позже возникла и практическая нужда в таких исследованиях. Как уже говорилось, общепринятые системы каны отражали произношение на рубеже VIII—IX вв. Однако уже через два-три века фонологическая система языка значительно изменилась. Если для отражения возникших новых противопоставлений применялись специальные приемы вроде изображения звонкости с помощью диакритик, то большую трудность вызвало исчезновение некоторых противопоставлений. Ряд процессов перехода и выпадения согласных привел к тому, что зачастую два или даже три слога, записывавшиеся каной по-разному, совпали в произношении. Это привело к орфографическому разнобою, явно наметившемуся к XI в. Необходимо было установление орфографических норм.

Первые орфографические нормы литературного японского языка известны под названием «тэйка-канадзукаи» по имени

ученого Фудзивара Тэйка (1162—1241 гг.), занимавшегося этой проблемой. Сочинения Тэйка дошли до нас лишь в переработанном виде, поэтому трудно сказать, насколько «тэйка-канадзукаи» сформировано именно этим автором; в его создании большую роль сыграл двоюродный брат Тэйка — Сингё, а позднее внук Сингё — Гёа.

Данная орфографическая система основывалась на историческом принципе, но его проведение еще не было последовательным. Ее создатели ориентировались на написание каной тех или иных единиц языка в старых памятниках, однако четкого отбора памятников не было, во многом орфография у Тэйка основывалась на наиболее традиционном написании. Современный ученый Оно Сусуму отметил, что в некоторых случаях орфография Тэйка была основана на акцентуационных различиях его времени.

Система «тэйка-канадзукаи» окончательно сформировалась к XIV в. и до конца XVII в. была общепринятой, хотя некоторые ученые подвергали критике отдельные ее написания.

В рассматриваемую здесь эпоху получило распространение и изучение языка, связанное с поэтическими и риторическими исследованиями. В это время были широко известны пособия по стихосложению в различных поэтических жанрах. Особенно важное значение имели поэтические сочинения по жанру *рэнга* (стихи рэнга состоят из двух частей, сочиняемых разными лицами; вторая часть должна определенным образом соотноситься с первой). В этих сочинениях впервые стали детально изучаться грамматические единицы языка.

Мы уже говорили, что противопоставление лексических и грамматических единиц осознавалось уже в древнейших японских памятниках. Впоследствии в течение длительного времени интерес японских филологов был сосредоточен почти исключительно на лексике (если не считать изучения так называемых «праздных слов»). Это, видимо, во многом было связано с тем, что создание норм литературного языка как бы законсервировало в нем систему грамматических единиц, которая почти не менялась до XX в., тогда как изменения в лексике происходили и вышедшую из употребления лексику приходилось изучать.

Изучение грамматических элементов проводилось лишь при изучении камбунса в связи с необходимостью ставить отмечающие их значки и при создании пособий по стихам жанра рэнга. В последнем случае это было необходимо, потому что для правильного сочинения стихов рэнга требовалось соблюдение грамматической правильности предложения, в частности правильного согласования между его первой и второй частями. Это зависело от правильного употребления грамматических элементов, которые с данной эпохи стали именоваться *тэниоха* или *тэнива* (термины происходят от названий самих грамматических показателей, которые в со-

ответствующем порядке указывались в кунтэнэ; позже термин «тэниоха» вытеснил термин «тэнива»).

Основные сочинения, в которых затрагивался вопрос о тэниоха в связи со стихами рэнга, начали появляться с XIII в. К ним относятся «Тэниха тайгайсё:» неизвестного автора (XIII в.), «Рэнрихисё:» Нидэё Ёсимото (середина XIV в.), «Анэ-га кодзисики» неизвестного автора (конец XIV—начало XV в.), сочинения Соги и Сёхо (конец XV в.), «Иппо» неизвестного автора (1676 г.). В них изучаются функции тэниоха в поэзии и дается их первая классификация.

В этих исследованиях служебные элементы были разделены на заключительные (после которых предложение не может быть продолжено) и незаключительные (предполагающие дальнейшее продолжение предложения). Это деление, явно связанное с их различным употреблением в стихах рэнга, сыграло большую роль и в последующих японских грамматических исследованиях. Исследователи рэнга обратили внимание на явление *какаримусуби*, заключающееся в том, что выбор заключительной формы глагола в старояпонском языке зависит от наличия в предложении определенных частичек. Требование грамматической правильности в рэнга вызывало необходимость классификации частичек в зависимости от того, какая глагольная форма с ними сочетается. Разные функции омонимичных служебных элементов в рэнга приводили к разграничению омонимов (в некоторых случаях выделялось до 20 омонимичных единиц). Помимо требований грамматической правильности, на стихи рэнга накладывались и определенные семантические ограничения, между их частями помимо формальной должна была существовать и определенная смысловая связь. Поэтому проводилась и семантическая классификация тэниоха, в частности были выделены показатели настоящего и прошедшего времени, своего и чужого действия. Наконец, было произведено более четкое разграничение знаменательных и служебных элементов, чем это делалось раньше. Если первоначально это разделение исходило из наличия или отсутствия эквивалента в китайском языке, то теперь оно основывалось на функциональных и семантических критериях. Именно здесь сформировалось то разграничение знаменательных и служебных элементов, которое с некоторыми уточнениями в японской грамматике стало основополагающим.

В рамках разработки рэнга впервые начали изучаться грамматические элементы языка, но это еще не был интерес к грамматике как таковой. Грамматические единицы изучались в целях стихосложения и рассматривались только те их свойства и отношения, которые были важны для рэнга. Выделение грамматики в отдельную дисциплину произошло в XVIII в.

Помимо изучения тэниоха, исследователи рэнга занимались и классификацией знаменательных единиц языка. На это также наталкивали правила сочинения рэнга, требовавшие перехода

от единиц одного семантического класса к единицам другого определенного семантического класса. Некоторые аналогичные классификации проводились и за пределами изучения рэнга.

Семантические классификации лексики производились и до XIII в. (выделение слов, обозначающих животных, растения, явления природы и т. д.), при этом, как правило, классифицировались лишь имена. Новое противопоставление впервые появляется в 60-х гг. XIII в. у Фудзивара Ика, который выделил *моно-но на*, т. е. имена вещей, и *кото* (слова), под которыми первоначально понималась вся непредметная лексика. Впоследствии эти термины сохранились, но они начали пониматься по-другому: как имя и предикатив. В то время они противопоставлялись не по формальным, а по семантическим признакам. Исследователи рэнга связали это представление с противопоставлением буддийских понятий *тай* (субстанция) и *ё*: (изменение свойства предмета). В нем видно зарождение концепции частей речи, созданной в последующие эпохи, однако изучение частей речи в данное время еще не было систематическим.

Идеи, о которых говорится в данном разделе, в основном были выдвинуты в XI—XV вв. В XVI—XVII вв. наблюдался известный упадок японского языкознания, обычно ученыe того времени повторяли точки зрения, высказанные ранее.

В этот период произошло первое знакомство японцев с европейской наукой. В конце XVI—начале XVII в. в Японию проникали португальские миссионеры, многие из которых владели методикой европейских грамматических описаний. Миссионером Ж. Родригесом с позиций европейской традиции была написана первая общая грамматика японского языка (японские ученые в этот период были еще далеки от этого). Португальцам же принадлежит и первый опыт записи алфавитным (латинским) письмом японского языка. Однако контакты с португальцами не оставили заметного следа в японском языкознании (безусловно, сказалось то, что эти контакты были очень недолгими). Значение материала, собранного португальцами, было осознано в японской науке лишь в XX в.

КОНЕЦ XVII — СЕРЕДИНА XIX в.

Фонетика и письменность

К концу XVII в. японская наука о языке вступает в новый этап своего развития. Начало этого этапа японскими исследователями всегда связывается с именем буддийского монаха Кэйтю (1640—1701 гг.).

Кэйтю принадлежал к ученым, изучавшим японскую национальную культуру; эти ученые, так называемые *кокугакуся*, противопоставляли свои труды исследованиям китайской куль-

туры и памятников на камбуне. Главным в его деятельности, как и деятельности других кокугакуся, было изучение древних памятников, написанных вабуном, изучение языка было для него лишь вспомогательной задачей. Главной заслугой Кэйтю в области языкоznания было создание последовательно исторической системы орфографии.

Основные сочинения Кэйтю — «Вадзи-сё:ран-сё:» (1693), «Вадзи-сё:ран-щу:бо:сё:» (1697) и «Вадзи-сё:ран-ё:ряку» (1698). В первой из этих работ были сформулированы принципы исследования исторической орфографии, которые были уточнены и дополнены в третьей работе, второе сочинение представляет собой полемику с еще многочисленными в то время сторонниками тэйка-канадзукай.

Как уже говорилось, предшественники Кэйтю ориентировались на орфографию старых памятников, однако делали это непоследовательно и во многом опирались на существовавшую до них традицию. Кэйтю впервые сформулировал критерии отбора текстов для выяснения орфографии: наиболее правильными являются наиболее старые тексты, в которых еще не было разнобоя в написании. В своих исследованиях он опирался на памятники не позднее середины X в. (т. е. того периода, когда кана отражала реальное произношение и тексты записывались в основном единообразно), а в первую очередь — на тексты VIII в. Им был проведен детальный анализ этих текстов, выявлено максимально возможное количество примеров записи тех или иных слов манъёганой, катаканой, или хираганой, на основе чего во многих случаях была исправлена орфография, ранее существовавшая. В некоторых случаях орфографию нельзя было восстановить исходя из древних памятников. В этом случае Кэйтю сопоставлял соответствующие слова со словами, орфография которых была известна, используя точку зрения о переходах, выпадениях и добавлениях слогов (см. выше). В частности, он уже четко связывал между собой разные формы одного глагола и устанавливал для них единообразную орфографическую норму (чего раньше последовательно не делалось).

Изучение орфографии слов с регулярными соотношениями привело Кэйтю к исправлению таблицы годзюона (поскольку в произношении совпал ряд слогов, находившихся в разных столбцах таблицы годзюона, а первоначальный ее состав забылся, то распределение знаков каны по столбцам годзюона в период до Кэйтю сильно отличалось от исторически верного). Кэйтю в основном верно реконструировал таблицу годзюона, отражавшую слоговую структуру древнеяпонского языка; он допустил лишь одну ошибку, которую столетие спустя исправил Мотоори Норинага.

Всего в работах Кэйтю было установлено написание для 1986 слов, из них написание для 656 не было выведено из памятников, а было реконструировано самим Кэйтю. В большинстве случаев это было верное с исторической точки зрения написание, хотя

встречались и ошибки, исправленные исследователями XVIII—XIX вв. Кэйтю изучал лишь исконную лексику и исключал из исследования китаизмы.

Работы Кэйтю по исторической орфографии представляют собой первый пример в японской науке описания языка, основанного на целенаправленном отборе материала и на четко осознанных методических принципах. Основная его идея о том, что язык древних памятников наиболее правилен и должен быть образцом, а изменения более позднего времени являются искажениями, была далеко не новой, однако Кэйтю впервые проводил ее последовательно на всех этапах анализа. Трудно сказать, насколько Кэйтю связывал орфографию с произношением и осознавал, что колебания в написании отражают фонетические изменения. Работы Кэйтю, как и его предшественников, были исследованиями по исторической орфографии.

Кэйтю исследовал и другие области языка, в частности этимологию, однако здесь он был более традиционен и его работы не оказали существенного влияния на последующее развитие науки.

Дальнейшие исследования по исторической орфографии в основном пошли по линии, намеченной Кэйтю. Система тайканадзукай постепенно вышла из употребления, а ученые XVIII в. придерживались как орфографии, предложенной Кэйтю, так и его методических приемов. Наиболее крупным сочинением в период между сочинениями Кэйтю и Мотоори Норинага была работа Катори Нахико «Когэнтэй» (1765 г.), где материал, используемый Кэйтю, был расширен, а некоторые его ошибки исправлены.

В конце XVIII в. среди японских ученых развернулась дискуссия, которая свидетельствует о том, что к тому времени уже четко осознавалась связь между написанием и звучанием, хотя характер этой связи понимался по-разному.

Сторонником одной точки зрения был Уэда Акинари, считавший, что произношение не может меняться со временем, могут быть лишь отдельные индивидуальные отклонения. Исходя из этого, он подвергал сомнению принципы Кэйтю и вынужден был прийти к выводу о том, что орфография Кэйтю и орфография Тэйка одинаково пригодны к употреблению (отметим, что Уэда не сделал из этого вывода о необходимости орфографии, отражающей живое произношение, — такого рода идеи появились в Японии лишь под европейским влиянием).

Ему возражал выдающийся японский ученый Мотоори Норинага (1730—1801 гг.). Он в явном виде сформулировал точку зрения, неявно (и, может быть, неосознанно) содержащуюся у Кэйтю, по которой написание каной в древних текстах отражает произношение того времени, впоследствии исказившееся. Таким образом, Мотоори Норинага занимался уже не только реконструкцией древней орфографии, но и реконструкцией древней фонетики. Мотоори завершил воссоздание первоначальной формы годзюона,

начатое Кэйтю; в отличие от последнего он осознавал, что слоги, совпадающие в произношении, но различные по написанию, в прошлом по-разному произносились, хотя понимал это еще непоследовательно: он пытался, как и ряд его предшественников, найти и семантические различия. Ученые начала XIX в., в частности Тодзё Гимон, пошли еще дальше и трактовали различия между этими слогами как чисто фонетические. Мотоори обратил внимание и на различия между манъёганой и более поздними системами каны, в частности на то, что в манъёгане, в отличие от хираганы и катаканы раннего периода, отражена звонкость; это явление он интерпретировал правильно. Заметил он и что в манъёгане существовало два класса знаков для слов с гласными *и*, *о*, *э* (более подробно это явление изучил в 1798 г. Исидзука Тацумаро), однако Мотоори и Исидзука пытались найти здесь семантические различия, а идея о существовании в языке VIII в. восьми, а не пяти гласных была сформулирована лишь в XX в.

Помимо углубления представлений о фонетике и письменности, Мотоори еще более расширил класс исследуемых объектов и кое в чем исправил орфографию Кэйтю. В отличие от предшественников, он изучал и китайские заимствования, фонетику и орфографии которых посвятил специальную работу «Дзион-канадзукаи» (1775 г.). После исследований Мотоори Норинага в основном сложилась традиционная орфографическая система, которая после революции Мэйдзи стала нормативной и просуществовала до орфографической реформы 1946 г.

Работы по исторической фонетике и орфографии XIX в. дополняли и уточняли исследования Мотоори Норинага. Главными среди них были «Кана-тайи-сё:» Мурата Харуми (1801), «Оокё:дзю:ги» Тодзё Гимона (1827 г.), «Когэн-эбэн» Окумура Тэрудзанэ (1829 г.). Особенно значительным было появившееся в самом конце рассматриваемого периода сочинение Сираи Хирокагэ «Онъин-канадзукаи», где подробно изучалась орфография единиц китайского происхождения, до того наименее исследованных; им было прослежено более 12 тысяч китайских чтений иероглифов.

В целом японская наука довольно подробно разработала вопросы исторического правописания, на основе которых начинала складываться и историческая фонетика. В этих областях были достигнуты и большие позитивные результаты, многие из которых используются японской наукой и сейчас. Исследования Кэйтю и Мотоори Норинага определили уровень развития японской науки в этой области на длительное время; новый этап связан лишь со складыванием фонологических теорий в XX в.

Исследовалась также проблема истории японских систем письма, в частности происхождения каны и сравнения разных ее типов. У японских ученых не вызывало сомнения происхождение каны от иероглифов. Неоднократно предпринимались попытки найти доиероглифическую письменность («письмо, данное японцам богами»), однако такие попытки (как в тот период, так и позже)

оказались неудачными, а наиболее крупные ученые (Камо Мабути, Мотоори Норинага) были противниками этой точки зрения.

Первой работой в области происхождения каны было, по-видимому, сочинение Араи Хакусэки (1657—1725 гг.) «До:бун-цу:ко:» (около 1710 г.), в котором исследовалась также иероглифика. Араи впервые упорядочил различные системы каны и попытался выявить их происхождение. Его разыскания продолжили Иноэ Монно («Вадзи-тайкан-сё:», 1754 г.) и др. В 1817 г. появилось сочинение Сюнто «Манъё:-ёдзи-каку», в котором детально исследовалось происхождение манъёганы и ее строение. История каждого знака хираганы и катаканы была прослежена в работе «Канако:» Окада Масасуми (1821 или 1822 гг.), где точки зрения предшественников были во многом пересмотрены; этому же вопросу было посвящено исследование Баннобу Томо «Кана-но мотосуз».

Таким образом, вопрос о происхождении различных видов каны был к середине XIX в. уже достаточно хорошо изучен; выводы, полученные учеными того времени, в основном не потеряли силы и сейчас. В то же время сущность процесса не во всем понималась достаточно глубоко; например, все ученые того времени считали системы каны (по крайней мере, хирагану и катакану) результатом индивидуального авторства (шли споры о том, кто изобрел азбуки, но идея об индивидуальном авторстве была незыблемой).

Изучение иероглифики по сравнению с каной в национальной японской науке было менее интенсивным. Можно отметить лишь исследования исторических изменений написания иероглифов в Японии (этим занимался, в частности, Араи Хакусэки) и истории иероглифов, созданных в Японии (одной из первых работ на эту тему была «Итайдзибэн» Накано Акира, появившаяся в 90-х гг. XVII в., где описано 89 таких иероглифов). Более интенсивно развивалось изучение иероглифики в рамках изучения китайской культуры и камбуна, где оно велось по китайским образцам.

В целом для японской традиции на всех ее этапах характерно внимание к изучению систем письма, особенно национальных. Если в европейском языкоznании довольно рано распространяется взгляд на письмо как на что-то внешнее и несущественное для языка, то в японском языкоznании изучение письма считается одним из основных его разделов (что, безусловно, связано со сложным характером японской письменности). Основы японской науки о письме были заложены уже в этот период.

Лексикология и этимология

В рассматриваемый период продолжалась интенсивная работа по комментированию древнеяпонских памятников, этими вопросами занимались почти все крупные филологи того времени. Толкование непонятной лексики основывалось на тех же принципах, что и в предшествующий период. Новым методом было

толкование памятников посредством перевода. Этим путем шел Мотоори Норинага, осуществивший перевод памятника X в. «Кокинсю:» на современный ему разговорный язык. В этот период значительно расширился круг исследуемых памятников, наряду с текстами VIII в. широко комментировались и рукописи IX—XII вв.

Довольно много работ было посвящено и вопросам этимологии. Ученые того времени продолжали исходить из того, что каждое слово имеет первичный смысл, данный человечеству богами, однако этот смысл мог забыться с течением времени и задача этимолога — его восстановить; для этой цели исследовалась лексика древнейших памятников, устанавливались отношения между древними и более поздними словами, а сложные по форме слова членились на более мелкие части, каждой из которых приписывалось некоторое значение. Можно видеть, что такого рода подход к этимологии очень близок к тому, что делалось и в античной и средневековой Европе. Однако Японии такого типа этимологизирование свойственно и в позднейшее время, даже сейчас появляются этимологические работы в духе традиционной методики.

Особенностью японских этимологических исследований являлось то, что японские этимологи стремились выявить исконное значение слогов (по-прежнему считавшихся нечленимыми единицами). Это значение устанавливалось на основе значений односложных слов или же в связи с частичным сходством в значении слов, имеющих общие слоги. Такая точка зрения восходит к глубокой древности — возможно, она появилась в Японии под китайским влиянием, но наиболее четко была сформулирована крупнейшими этимологами данного периода Араи Хакусэки (1657—1725 гг.) и Камо Мабути (1697—1769 гг.). В их работах этимология слов в основном сводилась к этимологии слогов, все многосложные слова рассматривались как сочетания слогов, имеющих определенный смысл. Например, *хоси* ‘звезда’ толковали как *хо* ‘огонь’ + *си* (грамматический показатель), *хикари* ‘сияние’ — как *хи* ‘солнце’ + *ка* ‘красный’ + *ри* (грамматический показатель со значением законченности). О значениях слогов спорили, но сама идея наличия значения у каждого слога не подвергалась сомнению вплоть до начала XX в.

Наряду с этимологией слогов изучались и исторические изменения в лексике. В этот период уже существовало понимание того, что лексика меняется со временем; такие изменения рассматривались как порча языка. Впервые классификация способов изменений лексики была проведена Кайбара Эккэн в сочинении «Нихон-сякумё:» (1699 г.). Он выделил восемь типов изменений, как формальных (переход, добавление, выпадение слога), так и семантических (появление у слова нового значения и др.). Позднее аналогичную классификацию производил Камо Мабути, в основном изучавший формальные изменения. Этимологические исследования такого плана основывались, как и раньше, на вы-

явлении переходов, добавлений и вышадений слогов (см. предыдущий раздел), но отмечались и более сложные явления, такие как слияние двух слогов в один. Если при изучении формальных изменений этимологи старались выявить определенные закономерности, то семантические отношения между словами устанавливались совершенно произвольно. Например, этимолог второй половины XVII в. Мацунага Тэйтоку сопоставлял *ёру* 'ночь' и *ёру* 'собираться', объясняя это тем, что на ночь люди собираются вместе.

В рамках этимологических исследований в начале XIX в. появилась и первая в Японии теория происхождения языка. Ее автором был крупный ученый Судзуки Акира (1764—1837 гг.), известный также своими работами по грамматике (см. ниже). В работе «Гаго-ондё:ко:» (опубликована около 1816 г.) он выдвинул точку зрения о том, что язык имеет звукоподражательное происхождение. Он выделил четыре типа появления единиц языка: от подражания голосу животных, от подражания человеческому голосу, от подражания звукам природы и от изображения действий или состояний. Эта концепция, аналогичные которой существовали, как известно, и в европейской лингвистике, была несомненно шагом вперед по сравнению с обычным в то время представлением о том, что язык был в готовом виде передан людям синтоистскими богами. На ее формирование, возможно, повлияло обилие звукоподражательной и образоподражательной лексики в японском языке.

В рассматриваемый период в качестве самостоятельной дисциплины стала формироваться стилистика. Ранее она не была обособлена от поэтики, с XVIII в. начали появляться исследования, где противопоставлялась не только лексика различных поэтических жанров. Арай Хакусэки в работе «То:га» (около 1718 г.) выделял архаизмы и неологизмы, литературный язык, диалекты и просторечие. В исследовании Банкокэя «Күницубуумиё-но ато» (1777 г.) дается классификация стилей. Выделяются стили, связанные с жанрами, в том числе эпистолярный и стиль переводов с китайского. Аналогичную классификацию произвел Мотоори Норинага в работе «Тама арапэ» (1792 г.), где подробно исследован вопрос о том, какую лексику можно употреблять в поэзии, а какую нельзя. Мотоори Норинага, Банкокэй и другие ученые рассматривали в плане противопоставления жанров и язык разных исторических периодов. Выделялись древний стиль (VIII в.), стиль среднего периода (IX—XII вв.) и новый стиль (с XIII в.), одной из особенностей последнего считалось обилие китаизмов. По-прежнему наиболее правильным и «высоким» стилем считался древний, однако образцом для подражания считался язык IX—XII вв., те же слова, которые появились в языке после XII в., считались «грубыми», и филологи XVII—первой половины XIX в. приложили много усилий, чтобы изгнать их из литературного языка (чего, однако, до конца сделать не удалось).

В данный период появляются и первые эпизодические попытки сопоставления японского с другими языками. Араи Хакусэки сопоставил японскую и корейскую лексику, а Тодзё Тэйкан в 1781 г. даже говорил о происхождении японского языка от корейского. Однако такие взгляды не были распространены (Мотоори Норинага даже счел Тодзё Тэйкан сумасшедшим). В этот период еще господствовал взгляд на исключительность японского языка; Мотоори Норинага, передовой для своего времени ученый, считал, что наличие небольшого количества слогов в древнеяпонском языке — свидетельство его совершенства, а многочисленные слоги китайского языка и санскрита неправильны и похожи на звуки животных. В этот период, во многом по причинам исторического характера, еще больше укрепилась тенденция изучать только японский язык. Эта тенденция, несмотря на влияние европейской и американской науки, сохранилась в Японии и позднее.

Лексикографическая работа в рассматриваемый период шла в русле традиций, сложившихся ранее, хотя в словарях учитывались новые достижения науки, в частности, в области исторической орфографии. Наиболее крупным словарем этого времени был толковый словарь «Вакун-но сиори» («Вакункан») Танигава Котосуга из 93 томов (первые 45 были опубликованы в 1777 г., а остальные — лишь в XIX в.). В словаре был собран большой фактический материал. Последние 18 томов содержат разговорную и диалектную лексику XVIII в., что составляет особую ценность этого словаря.

Среди других словарей необходимо отметить словарь «Сёкокухо:гэн-буцуруй-сёко:» (1775 г.) Косигая Годзана. Это первый в Японии и единственный до XX в. диалектный словарь. В нем дано 550 диалектных слов, сгруппированных тематически, этим словам даются толкования. В основном в словаре представлены слова диалекта Канто, однако даются и слова диалектов провинций Синано, Тотоми, Сацума и др. Однако систематическое изучение диалектов в этот период еще не проводилось, диалектный материал привлекался прежде всего для объяснения древних слов, исчезнувших в литературном языке, но сохранившихся в диалектах.

Изучение тэниоха и спряжения глаголов и прилагательных

В эпоху Токугава (1603—1867 гг.) серьезное внимание уделялось проблемам тэниоха (см. с. 273—274). Если в дотокугавский период изучение тэниоха осуществлялось в целях стихосложения, то в XVII—XIX вв. грамматические элементы становятся самостоятельным предметом исследования. Токугавские филологи уточняют список тэниоха и их значения. Сасакибэ Нобуцура в «Тэниоха гикансё:» (1760 г.) впервые описывает закономерности употребления форм спрягающихся слов в зависимости от наличия

во фразе таких тэниоха, как *ва*, *мо*. Весьма существенный вклад в развитие учения о тэниоха был сделан Мотоори Норинага в трудах «Химокагами» («Зерцало», 1771 г.) и «Котоба-но тама-но о» («Яшмовые шнурки слов», 1779 г.). Оба сочинения посвящены явлению какаримусуби (см. с. 274). Отдельные наблюдения, касающиеся какаримусуби, уже были сделаны ранее в различных исследованиях: о зависимости форм спрягающихся слов от тэниоха *ձօ*, *я*, *косо* стало известно из работ XIV—начала XV в. «Тэниха тайгайсё:» и «Анэ-га кодзисики», от тэниоха *xa*, *mo* — из труда Сасакибэ Нобуцура «Тэниоха гикансё:». Заслуга Мотоори Норинага заключается в том, что он эти фрагментарные наблюдения свел в единую систему. Норинага выделил три группы тэниоха: 1) *ва*, *мо*, *тада*,⁴ 2) *ձօ*, *но*, *я*, *нани*, 3) *косо*, которым соответствовали 43 окончания предикативов. Оба сочинения Норинага оказали значительное влияние на токугавское и более позднее языкоznание.

Начиная с «Аюи-сё:» (1773 г.), работы основоположника учения о частях речи в японском языке Фудзитани Нариакира (1738—1779 гг.), многие исследователи рассматривали тэниоха как самостоятельную часть речи, характеризующуюся отсутствием вещественного значения и выполняющую вспомогательные функции. На основе достижений в изучении тэниоха в эпоху Токугава начали интенсивно развиваться исследования спряжения и были заложены основы современных представлений о спряжении.

Еще в дотокугавский период японские ученые обратили внимание на тот факт, что глаголы и прилагательные в зависимости от синтаксической позиции и присоединяемых к ним грамматических элементов имеют разные формы. Позднее в произведении неизвестного автора «Иппо» указывалось на взаимосвязь формы предикатива с присоединяющимся к ней показателем тэниоха и были выделены четыре формы изменения глагола. Одним из первых токугавских филологов, обративших внимание на проблему спряжения, является Кэйтю. В своем труде «Вадзи-сё:ран-сё:» («Правильности и ошибки в японской письменности», 1695 г.) он разделил все слова на две группы — слова спрягающиеся и слова неспрягающиеся — и понятия *угоку* ‘двигаться’, *хатараку* ‘работать’ (т. е. изменяться, спрятаться) применил только к первой группе, отделив тем самым спряжение от других видов словоизменения.

Далее, Танигава Котосуга (1709—1776 гг.) в приложении к «Нихон-сёки-цу:сё:» под названием «Ваго-цу:он» (1762 г.) и Камо Мабути в произведении «Гоико:» («Размышления о смысле слов», 1769 г.) разработали схемы спряжения, основанные на годзюоне. Выделенные формы они перечисляли в порядке гласных вертикального ряда годзюона. Каждой форме были даны соответствующие

⁴ Под *тада* Норинага имел в виду случай отсутствия какого-либо тэниоха.

наименования. Танигава Котосуга назвал их *митэй*, *итэй*, *кокудзин*, *дзигэн*, а Камо Мабути — *сё* (*хадзимэ по котоба*), *тай* (*угекану котоба*), *ё:* (*угоку котоба*), *рэй* (*рэйдзуру котоба*), *дзё* (*тасукуру котоба*). В течение нескольких последующих десятилетий японские ученые не всегда следовали такому принципу упорядочения форм, но начиная с Гимона (см. с. 287—288) окончательно к нему вернулись. Обе схемы спряжения, еще неполные и неточные, по существу одинаковы. Их историческая ценность заключается в том, что впервые формы спряжения рассматривались как система и предлагались их наименования, основанные на выполняемой функции.

Значительный вклад в развитие учения о спряжении был сделан затем двумя выдающимися филологами Фудзитани Нариакира и Мотоори Норинага. В пятитомном труде «*Аюи-сё:*» (1773 г.) — первой в истории японского языкознания классификации частей речи Фудзитани Нариакира выделяет, помимо прочих, часть речи *ёсои* (букв. «облачение»), которая выражает понятия действия и состояния. Этой части речи он позднее посвящает труд «*Ёсои-но катагаки*». Класс *ёсои* состоит из двух подклассов: *кото* — слов, обозначающих действие, т. е. глаголов, и *сама* — слов, обозначающих состояние, вид, образ, т. е. прилагательных. В свою очередь *кото* включает *кото* — глаголы со значением действия и *арина* — глаголы со значением бытия. Прилагательные *сама* в зависимости от типа спряжения делятся на три группы: *сидзама*, т. е. прилагательные, спрягающиеся по типу *ку* (*самуси, самуки*); *сикидзама*, т. е. прилагательные, спрягающиеся по типу *сику* (*атараси, атарасики*), *ари-сама*, т. е. адъективные глаголы типа *сидзука нари* ‘тих, спокоен’.

Фудзитани Нариакира первым в истории японского языкознания четко отделил глаголы от прилагательных и исследовал различные группы в пределах этих частей речи. Далее он выделил 9 форм изменения *ёсои*:

1. *Мото* — основа (у односложных глаголов одновременно указывает на заключительную форму).⁵

2. *Сүэ* (у прилагательных, а также глаголов, имеющих основу и окончание и спрягающихся путем изменения конечного гласного (возможно присоединение *-ру*, *-ре*) соответствует заключительной форме).

3. *Хики-набики* (у арина и ари-сама хики считается форма *-ру*, а у сидзама — форма *-ки*; в остальных случаях используется название набики; у глаголов соответствует форме *-ру*, т. е. приименной или заключительной форме).

4. *Кисиката* (соответствует приёгэнной форме).

5. *Мэномаэ* (соответствует повелительной форме).

6. *Арамаси* (соответствует незавершенной форме).

⁵ И далее в скобках указываются современные названия каждой формы.

7. *Набикифуси* (соответствует форме *-ра*, т. е. завершенной форме).

8. *Фусимэномаэ* (имеется только у сидзама и сикидзами и соответствует форме *-ка* (*ёкэрэ*)).

9. *Татимото* (имеется только у сидзами и сикидзами и соответствует форме *-ка* (*ёкару*)).

В отличие от Танигава Котосуга и Камо Мабути, располагавших, как уже говорилось выше, формы глагола в порядке гласных вертикального ряда годзюона, Фудзитани Нариакира перечислял формы спряжения в указанной выше последовательности.

Таким образом, спряжение четырехступенчатого глагола *аку* 'пресыщаться' выглядело следующим образом: *аку* (суэ), *аки* (ки-сиката), *акэ* (мэномаэ), *ака* (арамаси). Далее Фудзитани Нариакира разделил все ёсии на 6 типов в зависимости от наличия или отсутствия у них форм суэ, хики, набики.

1-й тип: отсутствие суэ—отсутствие набики. К нему принадлежит односложный глагол *у* 'быть, находиться', у которого совпадают формы — приёгэнная, повелительная, завершенная (т. е. *и*).

2-й тип: отсутствие суэ—наличие набики. К этому типу относятся глаголы, спряжения которых получили позднее следующие названия: неправильное спряжение по столбцу *ка*; неправильное спряжение по столбцу *са*; нижнее двухступенчатое спряжение; верхнее одноступенчатое спряжение.

3-й тип: наличие суэ—отсутствие набики. К этой группе относятся глаголы четырехступенчатого спряжения.

4-й тип: наличие суэ—наличие набики. Эта группа включает неодносложные глаголы нижнего двухступенчатого и верхнего двухступенчатого спряжений.

5-й тип: наличие суэ—наличие хики. К этой группе относятся арина, т. е. глаголы неправильного спряжения по столбцу *ра*, а также сидзами и ари—сами.

6-й тип: наличие суэ—наличие набики. В эту группу включены прилагательные сикидзами.

Таким образом, Фудзитани Нариакира впервые попытался выделить типы спряжения, но его классификация основана на признаке наличия или отсутствия только двух форм: заключительной и приименной, поэтому в одну группу были включены ёсии, впоследствии отнесенные к разным типам спряжения.

Основным трудом Мотоори Норинага по проблемам спряжения является «Ми-куни котоба капуё:-сё:» («Очерк по спряжению японских слов», 1782 г.). В этой работе спрягающиеся слова разделены на 27 групп по их последним слогам.

Схема спряжения, предложенная Мотоори Норинага, недостаточно упорядочена. В ней не учитывались некоторые формы глаголов и прилагательных. Однако в этом труде Мотоори Норинага

анализировал все существующие типы спряжения ёгэнов,⁶ поэтому, несмотря на неупорядоченность, его схема представляет несомненный интерес с точки зрения развития учения о спряжении.

Результаты исследований спряжения, осуществленных Фудзитани Нариакира и Мотоори Норинага, были обобщены Судзуки Акира в сочинении «Кацуго-дандзокуфу» («Заметки об употреблении спрягаемых слов», 1803 г.). Подобно Мотоори Норинага, Судзуки Акира все ёгэны делит на 27 групп и указывает сначала на 8, а затем на 7 форм спряжения. Он перечисляет их в порядке, предложенном Фудзитани Нариакира.

В отличие от своих предшественников Судзуки Акира при анализе спряжения учитывал не только фонетические изменения в конечном слоге, но и список тэниоха, которые с ним соединяются. Поэтому, если какая-либо группа тэниоха у ёгэна одного типа спряжения присоединялась к одной форме, а у ёгэна другого типа спряжения — к двум разным формам, то материально тождественные формы первого глагола или прилагательного считались двумя разными формами спряжения. Эта идея, позднее воспринятая и развитая в исследованиях Гимона (см. ниже, с. 288), дала возможность выработать единые правила соединения ёгэнов с грамматическими элементами. В этой же работе Судзуки Акира исследует спряжение прилагательных. У прилагательных типа *ку* он выделяет формы *си*, *ки*, *кару*, *ку* (*ку ари*), *карэ* (*кэрэ*), *карэ*, *кара*, а у прилагательных типа *сику* — формы *си*, *сики*, *сикару* *сику* (*сикари*), *сикарэ* (*сикэрэ*), *сикарэ*, *сикара*.

Выдающийся вклад в учение о спряжении был сделан сыном Мотоори Норинага — Мотоори Харунива (1763—1828 гг.).

Свои взгляды на систему спряжения он изложил в труде «Котоба-по ятимата» («Пути слов», 1806 г.). Мотоори Харунива выделил 7 типов спряжения глаголов в зависимости от того, сколько и каких форм изменения (ступеней) они имеют в вертикальном ряду годзюона: 4 правильных спряжения (четырехступенчатое; одноступенчатое, позднее названное верхним одноступенчатым; серединное, позднее названное верхним двухступенчатым; нижнее двухступенчатое) и 3 неправильных спряжения (неправильные спряжения по столбцам *ка*, *са*, *на*).⁷

Мотоори Харунива сократил число форм спряжения с семи (Судзуки Акира) до пяти за счет соединения первой и третьей форм, в таблице Судзуки Акира соответствующих заключительной форме, и исключения повелительной формы. Специальных наименований каждой форме Мотоори Харунива не давал, а объ-

⁶ Начиная с Судзуки Акира и Гимона спрягающиеся слова стали называться ё:эн.

⁷ По числу меняющихся гласных неправильное спряжение по столбцу *на* не отличается от четырехступенчатого, но примененная и завершенная формы образуются путем присоединения *ру*, *рэ*. Следует также отметить, что в 20—50-х гг. XIX в. другими японскими филологами были выделены нижнее одноступенчатое спряжение и неправильное спряжение по столбцу *ра*.

яснял их значения описательно. Формы спряжения перечислялись в порядке гласных годзюона. В отличие от Судзуки Акира, считавшего материально тождественные формы одного глагола разными формами, если у глаголов другого (других) спряжения им соответствовали с точки зрения возможности присоединения тэндоха две фонетически несовпадавшие формы, Мотоори Харунива в своей схеме спряжения не допускает повторения одинаковых форм.

Таким образом, в «Котоба-но ятимата» Харунива значительно упростил схему спряжения. Его идеи оказали большое влияние на современников и последователей. У Мотоори Харунива появилось много единомышленников, образовавших Ятиматаха — школу ятимата.

Другое сочинение Мотоори Харунива, «Котоба-но каёидзи» (1828 г.), посвящено проблеме переходности/непереходности. Этот вопрос затрагивался и предшественниками Харунива, например в работе неизвестного автора «Иппо», в сочинении Фудзитани Нариакира «Аюи:сё», в трудах Мотоори Норинага «Тама аарэ» (1772 г.), Одзава Роан «Фуривакэгами» (1796 г.) и др. Мотоори Харунива впервые переходность/непереходность рассматривал как систему форм и семантические различия между переходными и непереходными глаголами объяснял как различия в их спряжении. Грамматические элементы, выражающие пассив, каузатив, потенциальность и отнесенные позднее к служебным глаголам, Мотоори Харунива считал глагольными окончаниями.

В своей семантической классификации Мотоори Харунива разделил глаголы (точнее, действия) на шесть групп: 1) сами являющиеся таковыми: *кикоюру* ‘слышаться’; 2) делающие так с предметами: *кикку* ‘слышать’; 3) делающие так другим: *кикасуру* ‘оглашать’; 4) заставляющие других быть таковыми: *кикоэсасуру* ‘побуждать быть слышимым’; 5) сами становящиеся таковыми: *кикаруру* ‘делаться слышимым’; 6) понуждаемые другими быть таковыми: *кикасаруру* ‘быть оглашаемым’. В современной терминологии им соответствуют: группа 1 — непереходные, группы 2, 3 — переходные глаголы, группа 4 — сочетания со служебными каузативными глаголами, группа 5 — сочетания со служебными глаголами потенциальности и самопроизвольного действия, группа 6 — сочетания со служебными глаголами пассива.

Такая трактовка переходности/непереходности оказала влияние на последователей Харунива. Восприняв концепцию в целом, они внесли в нее ряд корректиров. В частности, Курокава Харумура (1799—1866 гг.) объединил 1-ю и 2-ю, 5-ю и 6-ю группы и получил четыре ступени перехода.

Завершающим этапом в развитии учения о спряжении в эпоху Токугава явились исследования, осуществленные Гимоном (1786—1843 гг.) в трудах «Кацуго-синан» («Обучение спряжению», 1810 г.), «Томокагами» (1823 г.), «Багосэцу-но рякудзу» (1833 г.), «Ямагути-но сиори» (1836 г.), — в первых двух частях этой ра-

боты рассматривается спряжение глаголов, а в 3-й — спряжение прилагательных.

Гимон обосновал необходимость выделения шести форм спряжения и дал им следующие наименования:

Сё:дзэнгэн или *мидзэнгэн*, *рэнъё:гэн* *сэцудангэн*, *рэнтайгэн*, *идзэнгэн*, *кэгугэн*.

Предложенные им названия легли в основу современных наименований форм спряжения. Формы спряжения Гимон располагал в порядке гласных годзюона.

Парадигма изменения прилагательных по Гимону выглядела следующим образом — спряжение *ку: ку, си, ки, кэрэ, карэ*; спряжение *сику: сику, си, сики, сикэрэ, сикарэ*.

Гимон подобно Судзуки Акира при систематизации форм ёгэннов учитывал не только фонетические изменения в конечном слоге, но и список присоединяемых к нему тэниоха. Например, если у глаголов четырехступенчатого спряжения грамматические форманты *мэри, ран, бэки, каны, мадэ, ни* присоединялись к гласному *у*, а у глаголов нижнего двухступенчатого спряжения тэниоха *мэри, ран, бэки* присоединялись к гласному *у*, а *каны, мадэ, ни* — к форме *уру*, форма *у* у глаголов четырехступенчатого спряжения считалась двумя формами — заключительной и приименной. Такой подход дал возможность выработать единые правила соединения формы ёгэнна с тэниоха, которые в общем виде можно сформулировать следующим образом: такой-то показатель тэниоха у глаголов любого спряжения присоединяется к такой-то форме. Например, *мэри* всегда присоединяется к заключительной форме, а *каны* — к приименной.

Таким образом, благодаря исследованиям Гимона схема спряжения приобрела почти современный вид.

Изучение частей речи

В изучении морфологии токугавские филологи достигли значительного успеха, накопили большой материал, который нуждался в определенной систематизации. Подготовлены были условия для классификации частей речи, для построения грамматики.

К числу первых токугавских филологов, обративших внимание на проблему классификации лексического состава по частям речи, относится Фудзитани Нариакира (1738—1779 гг.), рассмотревший этот вопрос в своих трудах «Кадаси-сё:» и «Аюи-сё:». Спустя полвека Судзуки Акира (1764—1837 гг.) издает «Гэнгё-сисюрон» («Трактат о четырех классах слов»). После Судзуки Акира вопрос о частях речи исследует Тодзё Гимон (1786—1843 гг.) в произведениях «Кацуго-синан» (1840 г.) и «Тама-но химо куривакэ» (1841 г.). Несколько ранее Тогаси Хирокагэ (1792—1873 гг.) написал известный труд «Котоба-но тамахаси» («Яшмовый мост

слов»), принесший автору славу за проведенную им классификацию частей речи.

Фудзитани устанавливает для японского языка четыре части речи: 1) *на* ('имена'), 2) *ёсои* (букв. «облачение»), 3) *кадзаси* (букв. «головные украшения»), 4) *аюи* (букв. «ножные обмотки»). Название «головные украшения» получил тот разряд слов, который определяет слова первых двух категорий, стоя перед ними, т. е. в вертикальной строке — над ними, вверху; «ножные обмотки» — те служебные слова и морфемы, которые оформляют слова, следуя за ними, т. е. в вертикальной строке — под ними, снизу.

Фудзитани не ставит все четыре класса слов в один ряд, а подразделяет их на основные и вспомогательные. К основным классам он относит: *на* (имена), служащие названием конкретных или абстрактных предметов (*моно*), и *ёсои*, выражающие понятия действия и состояния (*кото*) как понятия, противоположные предметам. Класс *ёсои* — общий класс. Автор подразделяет его на два подкласса — *кото* и *сама*, т. е. на слова, обозначающие действие (по нашей терминологии глаголы), и слова, обозначающие состояние, образ, вид, к которым он относит прилагательные.

Если попытаться представить классификацию Фудзитани в виде схемы, то получится следующая картина:

Общий словарный состав	Слова, выражающие предметные понятия	на
	Слова, не выраждающие предметных понятий	<i>ёсои</i> { <i>кото</i> сама
	Слова, играющие вспомогательную роль	<i>кадзаси</i>
	Слова, занимающие постпозиционное положение	<i>аюи</i>

Из сказанного выше можно заключить, что выделение *на* и *ёсои* как основных классов произведено автором в соответствии с логически расчлененными понятиями о предметах и их свойствах, нашедшими отражение в учении неоконфуцианской философии о «неизменяемой сущности предметов» и «свойствах, присущих предметам». Фудзитани, как представитель «национальной науки», избегает употребления специально существующих для этих понятий терминов *тай* и *ё:*, но сущность его учения от этого не меняется.

Остальные два класса слов — *кадзаси* и *аюи*, — не обозначающие предметных понятий и явлений, не подходят под философский критерий, примененный автором для выделения основных классов слов, и трактуются как вспомогательные слова, характеризующие лексические значения слов основных классов и служащие для выражения отношений между ними. Для выделения вспомогательных слов автор использовал структурные и синтаксические особенности строя японского языка.

Критерием для выделения класса *кадзаси* послужил формальный синтаксический признак; эти слова в синтаксическом построении предложения предшествуют главным словам — либо непосредственно примыкают к ним, либо отделены промежуточными словами. Отсюда этот класс и получил у автора название «головных украшений». Классификационный прием предопределил те лексические группы, которые вошли в этот класс. Здесь оказались такие слова, как *кано* ‘тот’, ‘то’, *идзуко* ‘где’, *амари* ‘слишком’ *аяни* ‘крайне’, *мата* ‘опять’, *иля* и *ути* (лексические префиксы) и т. п. С точки зрения современной грамматической классификации относимые к *кадзаси* слова неоднородны по лексическому содержанию и синтаксической функции.

Четвертый класс — *аюи* ‘ножные обмотки’ — Фудзитани выделил по признаку постпозиционного примыкания. В этот класс вошли в основном все агглютинирующие формальные, не имеющие самостоятельного лексического значения показатели, при помощи которых осуществляется оформление слов в заданиях лексического и синтаксического построения.

Поскольку этот класс весьма разнородный, Фудзитани, проводя внутреннюю классификацию, подразделяет его на пять основных групп: 1) вопросительные и восклицательные частицы *ка*, *я* и суффикс запретительного наклонения *на*; 2) падежные форманты, подчеркивающие и ограничительные частицы и суффиксы; 3) спрягаемые временные и видовые глагольные суффиксы и глагол *ари* ‘быть’, используемый в качестве вспомогательного при спряжении прилагательных; 4) спрягаемые залоговые суффиксы *су*, *ру*, *рару*, суффикс деепричастия *тэ*, глагольная связка *нари*, глаголы *юку* ‘идти’, *ау* ‘встречаться’, *яру* ‘давать’ и т. д. в их вспомогательном употреблении; 5) неизменяемые лексические суффиксы *са*, *ми*, *га*, просубстантивное слово *моно* и пр.

Введенная Фудзитани классификационная терминология не нашла последователей, но классификация его оказалась влияние на работы исследователей и классификаторов японского языка. В частности, выдвинутый им принцип объединения глаголов и прилагательных в одну общую группу и выделение постпозиционных служебных элементов в самостоятельный класс продолжает удерживаться в японской грамматической литературе в течение всего последующего периода вплоть до настоящего времени.

Судзуки Акира первый из японских филологов обобщил учение о частях речи в японском языке и издал монографию, посвященную

этому вопросу, под названием «Гэнгё-сисюрон» («Трактат о четырех классах слов»). По сути дела это была первая грамматика японского языка, написанная японцем. Как явствует из самого названия трактата, Судзуки установил в японском языке четыре класса слов:

1) *тай-но котоба* 'слова субстанции'; 2) *тэниоха* 'служебные форманты'; 3) *ариката-но котоба* 'слова состояния'; 4) *сивадза-но котоба* 'слова действия'.

Двум последним классам, т. е. ариката-но котоба и сивадза-но котоба, Судзуки дал общее название *ё:-но котоба*.

В классификации Судзуки прежде всего обращает на себя внимание терминология. Термины «тай» и «ё:» заимствованы автором из конфуцианской философии. Под термином «тай» в конфуцианской философии подразумевается неизменная сущность предметов, а под термином «ё:» — изменяемые свойства предметов. Применительно к западноевропейской философии эти понятия с большим или меньшим приближением соответствуют понятиям «субстанция» и «акциденция».

При сопоставлении классификации Судзуки с классификацией Фудзитани получается следующая картина:

Классификация Судзуки	Классификация Фудзитани
тай-но котоба	на
ариката-но котоба	ёсои
сивадза-но котоба	{ кадзаси аюи}

Классификации Судзуки и Фудзитани совпадают только в отношении одного первого класса. В остальных трех случаях они расходятся. Такое расхождение объясняется тем, что в их основе лежат несколько различные принципы. Фудзитани построил свою классификацию на основе философско-логического критерия и признака местоположения; Судзуки же не ограничился только общим философским критерием, а ввел еще дополнительно грамматический критерий изменяемости слов. Так, *тай-но котоба* он определяет как «слова, служащие названием всего сущего», или, иначе, как «именные слова», при помощи которых называют конкретные (*моно* 'вещь') и абстрактные (*кото* 'явление') предметы. Они характеризуются тем, что являются неизменными словами. Далее Судзуки указывает, что с генетической стороны слова класса *тай* неоднородны: в этой категории можно различать основные слова, которые являются таковыми по происхождению, и слова, которые происходят из слов класса *ё:*, т. е. глаголов и прилагательных. В связи с этим он пытается строить теорию развития частей речи, указывая, что в глубокой древности было много слов категории *ё:* и мало слов категории *тай*, но с развитием языка последняя категория очень увеличилась за счет первой.

Разделение общей категории ё:-но котоба на два класса, ариката-но котоба и сивадза-но котоба, Судзуки мотивирует тем, что слова этих классов различны по характеру изменения. Судзуки пытается здесь подвести под лексическую классификацию грамматическую основу и тем самым поколебать устои философского толкования терминов «тай» и «ё:».

Характеризуя указанные выше классы, Судзуки отмечает особенности, которыми они отличаются друг от друга. Это различие он усматривает в семантике и присущих им формах.

Так, с семантической стороны класс ариката-но котоба (прилагательные) характеризуется тем, что указывает на состояние и образ предметов. Формальными различительными признаками его служат окончания *си* и *ри*.

Класс сивадза-но котоба (глаголы) с семантической стороны автор характеризует как разряд слов, указывающих на движение (угокихатараку) и изменение (уцурикавару). В качестве формальной приметы для данной категории Судзуки принимает их конечный слог в неосложненной предикативной форме. Таких конечных слогов он устанавливает двенадцать: *ку*, *гу*, *су*, *цу*, *дзу*, *ну*, *фу*, *бу*, *му*, *ю*, *ру*, *у*. Все эти слоговые окончания наряду с окончаниями *си* и *ри* слов класса ариката-но котоба автор относит к частям речи, помещая их в разряд тэндоха.

Таким образом, Судзуки в соответствии с японским слоговым письмом и под влиянием господствующей в то время звуко-смысло-вой теории онгисэцу,⁸ последователем которой он являлся, выделяет слог как морфологический элемент из состава основы и придает ему самостоятельное существование.

Сопоставляя категории сивадза-но котоба и ариката-но котоба с категорией тай, автор указывает, что слова сивадза-но котоба противоположны словам тай, слова же ариката-но котоба стоят несколько ближе к словам тай (в известных условиях они могут выполнять аналогичную последним синтаксическую функцию и сопровождаться формантом родительного падежа *но* (например, *тикаку-но*, *то:ку-но*).

Итак, Судзуки устанавливает для основных лексических классов два классификационных критерия: логический признак и морфологический признак изменяемости.

Лексико-грамматический фонд языка, не отвечающий философско-логическим критериям, Судзуки Акира объединил в один класс под названием тэндоха. Судзуки не считает тэндоха полноценными словами, а рассматривает их как элементы языка, лишенные вещественного значения и самостоятельного употребления, служащие средством изменения слов и установления синтаксических связей. В соответствии с этим Судзуки относит к этому классу все агглютинирующие форманты, включая и те слоговые окончания, которые выделены им в качестве различительных

⁸ О звуко-смысло-вой теории см. с. 280.

признаков для слов категории сивадза-но котоба (глаголов, т. е. их конечные слоги *ку*, *гу*, *су* и т. д.) и слов категории ариката-но котоба (прилагательных, т. е. их конечные слоги *си* и *ри*). Но наряду с этим к тому же классу отнесены междометия, наречия и местоимения.

Класс тэниоха Судзуки подвергает внутренней классификации по признаку местоположения по отношению к основным трем классам слов. Таким путем он устанавливает пять групп: 1) слова, занимающие самостоятельное положение, — междометия и местоимения (по современной классификации): *а*, *аварэ*, *нани*, *дарэ* и т. д.; 2) слова, занимающие препозиционное положение, наречия и союзы; 3) слова, занимающие промежуточное положение, — адъективные и приименные форманты самого различного назначения, начиная от падежных, кончая подчеркивающими и усильтельными частицами; 4) слова, занимающие постпозиционное положение, преимущественно в конце предложения, — вопросительные, восклицательные и прочие частицы; 5) изменяемые окончания прилагательных и глаголов (*си*, *ри*, *ку*, *гу*, *су*, *ձу* и т. д.).

Отсюда видно, что класс тэниоха у Судзуки Акира весьма широк по объему и неоднороден по содержанию. В этом отношении Судзуки сделал шаг назад по сравнению с классификацией своего предшественника Фудзитани, у которого класс слов аюи отличается большей однородностью, а междометия, наречия и местоимения хотя и считаются вспомогательными словами, однако не смешиваются со служебными формантами, а составляют самостоятельный класс слов кадзаси.

Классификация Судзуки Акира не получила широкого признания, но введенные им непосредственно в грамматику термины тай и ё: прочно закрепились в ней, хотя и не совсем в том толковании, которое им придавал Судзуки.

Тодэё Гимон занимался вопросом классификации частей речи в связи с разработкой проблемы спряжения глаголов и прилагательных в своем труде «Кацуго-синан», а затем в «Тама-но о куривакэ» (1841 г.).

Тодэё Гимон одобрительно относился к классификационной системе Судзуки Акира, но в то же время заявлял, что с некоторыми положениями этой системы он не согласен и предлагает свою схему:

тайгэн	{ ю:кэй 'материалные слова' мукэй 'нематериальные слова'
ё:гэн	{ кэйдаё:гэн 'слова вида' саё:гэн 'слова действия'

Отсюда видно, что Тодэё Гимон в основу своей классификации положил двухступенчатый классификационный принцип.

Прежде всего весь лексический состав японского языка по признаку изменяемости слов он подразделил на два самостоятельных класса. Неизменяемые слова отнес к классу *тайгэн* (или тай),

а изменяемые — к классу ё:гэн (или ё:). Каждый из этих классов в свою очередь он подверг дальнейшей внутренней дифференциации. Класс тайгэн, объединяющий категорию неизменяемых слов, Тодзё Гимон подразделил на два подкласса: ю:кэй — материальные слова и мүкэй — нематериальные слова. К первому отнесены имена существительные с конкретным значением (*цутти* ‘земля’, *хито* ‘человек’, *амэ* ‘дождь’), ко второму — слова с абстрактным значением, куда вошли существительные, местоимения и неизменяемые служебные форманты (падежные, модальные, эмоциональные и др.).

Второй класс ё:гэн он подразделил на кэйдзё:гэн и саё:гэн, т. е. на слова, обозначающие состояние, образ, вид, и слова, обозначающие действие. К первым он отнес прилагательные и изменяющиеся по типу прилагательных суффиксы, ко вторым — глаголы и глагольные суффиксы.

Критерием для выделения класса ё:гэн, как упоминалось выше, служит признак изменяемости слов. Под изменяемостью Тодзё Гимон понимает спряжение слов данной категории по основам. Так, например, омоу (‘думать’, ‘любить’) имеет следующую парадигму основ: *омова*, *омои*, *омоу*, *омоэ*. Но вместе с тем именную основу этого глагола он относит в разряд неизменяемых слов, используя для этого синтаксический критерий — возможность сочетания данной основы с определением. Например, в словосочетании *кими-га омои* ‘твоя любовь’, *омои*, по его мнению, является названием (*моно-но на, кото-но на*), а поэтому относится к категории тайгэн.

Тодзё Гимон освободил термины тай и ё: от их философско-логического содержания и стал рассматривать их как чисто морфологические категории: тай — неизменяемые слова, ё: — изменяемые. Эти понятия он положил в основу своей классификации или, другими словами, перевел классификацию лексического состава с философско-логического пути на путь чисто грамматический. Это предопределило характер всей его классификации, в частности обусловило объединение в одну общую категорию глаголов и прилагательных и растворение служебных формантов в основных лексических классах.

Несмотря на то, что классификация Тодзё Гимона в целом не получила признания со стороны японских лингвистов, ряд ее положений сделался достоянием японского языкознания. Введенные им термины «тайгэн» и «ё:гэн» прочно вошли в грамматический обиход и сохраняются до настоящего времени.

Тогаси Хирокагэ занимает в ряду филологов феодальной Японии сравнительно скромное место. Однако он вошел в историю японской лингвистики как автор, с именем которого связан завершающий этап в развитии учения о частях речи в токугавский период.

Свое учение о частях речи Тогаси Хирокагэ изложил в труде «*Котоба-но тамахаси*». Предложенная им классификация пред-

ставляет в известной мере модификацию схемы Тодзё Гимона. Тогаси Хирокагэ установил в японском языке три части речи: кото, котоба и тэниоха.

Под кото ('слово') он разумеет существительное, а под котоба ('слово', 'речь') — глагол и прилагательное. Отсюда явствует, что для Тогаси Хирокагэ это не просто разные виды слов, а разные явления. Сущность же их состоит в том, что кото — это то, о чем человек говорит; котоба — это то, что он об этом говорит; кото — это то, что как-то существует само по себе (как предмет или явление), а котоба существует не само по себе, а только в приложении к кото. Эта линия противопоставления действия и качества, с одной стороны, и предметных понятий — с другой, является характерной для всех филологов феодального периода. Но для предшественников Тогаси Хирокагэ это были все же разные классы одного и того же языкового явления. Он же пошел дальше — даже отказался считать их однородными явлениями. Тогаси Хирокагэ за исходное положение принял семантический принцип, на основе которого он весь лексический состав языка разделил на слова знаменательные и незнаменательные. В результате такого членения выделился самостоятельный класс грамматических формантов, получивший наименование тэниоха. Знаменательные слова в соответствии со схемой Тодзё Гимона по признаку изменяемости и неизменяемости были разделены на два класса: кото и котоба. Таким образом возникла система трех частей речи. Каждый из этих классов автор подверг внутреннему подразделению на отдельные группы. Так, класс котоба подразделяется на сэцудо:ё:си и сэцуё:тайси, куда соответственно отнесены глаголы и прилагательные.

В классе тэниоха выделяются два разряда: до:дзи 'изменяемые слова' и сэйдзи 'неизменяемые слова'. К первому разряду отнесены изменяемые глагольные форманты, выражающие залог, вид, время и пр.; ко второму — неизменяемые форманты, как приименные, так и приглагольные (падежные, модальные и др.), а также междометия. Характеристику этих разрядов автор сводит к общим указаниям на функциональные признаки. Так, он отмечает, что до:дзи не присоединяются к словам категорий кото и сэйдзи, а соединяются только с котоба и другими до:дзи и служат средством оформления предложения. В противоположность им, сэйдзи имеют более широкий функциональный диапазон. Они присоединяются к кото и котоба, до:дзи и сэйдзи, указывая на смысловое взаимоотношение между словами. Но среди них есть и такие, которые не указывают на смысловое взаимоотношение, — это междометия. Последние выделяются в особую группу.⁹ Так происходит внутренняя классификация сэйдзи. Нетрудно заметить,

⁹ См.: Я м а д а Ё с и о. Нихон-бумпо:рон. Токио, 1929, с. 31—37.

что классификация эта построена на основе только внешних функциональных признаков; смысловая и качественная стороны остаются без учета.

При такой схеме оказывается, что форманты, образующие определенную систему форм глагола, его грамматические категории, механически рассосредоточиваются по разным рубрикам. Так, например, залоговые, видовые и временные форманты объединены в группе до:дзи, а форманты, образующие формы наклонения (ба, то, томо, домо), — в сэйдзи. Этот принцип классификации прочно внедрился во все дальнейшие классификационные схемы и оказал сильное влияние на построение грамматики.

Классификация частей речи Тогаси Хирокагэ является итогом развития японской грамматической науки в феодальный период. Принятое им членение лексического состава японского языка на три класса получило широкое признание в японском языкоznании.

В заключение следует сказать несколько слов о том, какие единицы языка членились на части речи японскими учеными XVIII—XIX вв. Выше эти единицы условно назывались «словами», но это не вполне слова в нашем понимании. Единицы, относимые к тайгэнам и ёгэнам, часто совпадают со словами, но некоторые из них составляют лишь часть слова. Например, одна из форм спряжения глагола (та, которую Тодзё Гимон называл *сё:дзэнгэн* или *мидзэнгэн*) никогда не составляет целого слова: последовательность *тора* не выступает как словоформа с лексическим значением «брать», а входит в состав более протяженных словоформ: *торадзу* ‘не беру, не берешь . . .’, *торасу* ‘заставляю брать, заставляешь брать . . .’. К числу тэндоха относятся как аффиксы, так и служебные слова; однако некоторые аффиксы (*-и*, *-у*, *-э* соответственно в срединной, заключительной определительной и повелительной формах глаголов четырехсту-пенчатого спряжения) обычно не включались в число тэндоха, а считались частью глагола; лишь Судзуки Акира включал и их, — точнее, слоги, в состав которых они входят, — в число тэндоха. Единицы, в точности совпадающей по своим границам со словом, токугавские ученые не выделяли (напомним, что мы говорим сейчас о слове в грамматическом, а не лексикологическом понимании).

В сущности единицы, делившиеся на части речи токугавскими грамматиками, могут быть скорее сопоставлены с морфемами, чем со словами; тэндоха — в целом служебные морфемы (независимо от того, могут ли они выступать как служебные слова или нет). Однако тайгэны и ёгэны далеко не всегда равны корневым морфемам: сложные по структуре лексические единицы также включались в состав тайгэнов и ёгэнов (кото и котоба и т. д., ср. выше класс сложных имен в классификации Тогаси Хирокагэ). Знаменательные единицы у токугавских ученых более всего соответствуют, в европейских терминах, основам слов. Для имен

это соответствие является полным, однако для глаголов и прилагательных и здесь нет совпадения: ёгэны либо равны основам слов, либо больше их по длине.

Причина этого несоответствия во многом связана с тем, что японские ученые того времени, как говорилось выше, рассматривали слог как неделимую единицу. При таком подходе сопоставление форм глагола со значением «брать» *тори*, *тору*, *торэ* не может привести к членению *тор-i*, *тор-u*, *тор-э*. Могут быть два выхода: либо можно членить *тори*, *тору*, *торэ* и рассматривать последние слоги как служебные единицы (так поступал Судзуки Акира), либо рассматривать *тори*, *тору*, *торэ* как нечленимые grammatischeski последовательности, связанные между собой определенными соотношениями (ср. трактовку склонения и спряжения в античной науке). Последняя точка зрения, сформулированная Мотоори Харунива, Тодзё Гимоном и др., стала господствующей в японской науке (об изучении спряжения см. с. 286—288). При этом как ступени спряжения рассматривались как целые словоформы, так и части словоформ, сопровождаемые тэндоха-аффиксами. Из соображений системности аналогичная система ступеней спряжения была перенесена и на прилагательные, где основа всегда кончалась на гласный (например, для прилагательного «красный» форме *тори* соответствует *акаку*, *торэ* — *акакэрэ*, *тору* — заключительная форма *акаси* и определительная *акаки*). Хотя для токугавских ученых было вполне допустимо считать *-ку*, *-эрэ*, *-си*, *-ки* служебными единицами, они считали их частью самого прилагательного ввиду параллелизма данных форм прилагательных соответствующим формам глаголов. Этот пример показывает, что токугавские ученые рассматривали факты языка в единой системе.

Такое выделение единиц грамматики, предложенное учеными токугавской эпохи, без существенных изменений сохраняется в Японии и по сей день.

Значение токугавского языкознания для всего японского языкознания огромно. Токугавские филологи проделали колоссальную работу по изучению классического языка и тем самым создали широкую базу для дальнейшего развития этой науки. Они подготовили условия для установления общей линии изучения языка как единого во все эпохи явления.

Основательному изучению со стороны значения и употребления были подвергнуты грамматические форманты (тэндоха). Была разработана схема спряжения глаголов и прилагательных по основам, сохранившимся почти в неизменном виде до сегодняшнего дня.

В результате этих исследований языкознание в токугавский период накопило значительный материал, который нуждался в обобщении в виде определенной грамматической системы. Первым шагом на этом пути явилась классификация лексического состава по частям речи. Итогом общего развития учения о частях

речи в феодальный период является создание классической классификации, состоящей из трех классов слов, разработанной Тогаси Хирокагэ.

Первая общая грамматика японского языка

В самом конце рассматриваемого периода появляются первые работы японских авторов, испытавших влияние европейской науки. Как известно, с начала XVII до середины XIX в. Япония была «закрытой страной» и ее связи с другими странами были минимальны. Однако в небольшом объеме существовали торговые и культурные связи с Голландией, вследствие чего в Японии сложилась школа так называемых рангакуся, изучавших европейскую (в то время в основном голландскую) культуру. В первой половине XIX в. в рамках этой школы появились и работы по языкознанию. Первым подробным исследованием такого рода была работа Цуруминэ Сигэнобу «Гогаку-синсё» (1833 г.).

Это сочинение было первой общей грамматикой японского языка, написанной японцем. Японские ученые того времени, незнакомые с европейской наукой, не стремились охватить систему языка в целом. Все их работы были посвящены каким-либо частным проблемам, хотя в работах Судзуки, Гимона и др. уже наблюдается стремление к более широкому охвату материала. Цуруминэ впервые попытался описать грамматику японского языка в целом по образцу доступных ему школьных грамматик голландского языка.

Цуруминэ старался подвести японский язык под категории европейской школьной грамматики, часто без должного для того основания. Например, он пытался выделить те же девять частей речи. Ему, однако, не удалось обнаружить в японском языке artikelъ, вместо этого он выделил в особую часть речи предикативные прилагательные, назвав их «ложными именами» (копирование европейских грамматик вело к тому, что японские прилагательные считались подклассом имен, что никак не соответствует фактам). В качестве предлогов рассматривались имена с пространственным значением, часто переводящиеся на европейские языки предлогами, типа уэ 'верх, на', нака 'пространство внутри, в' (их считают послелогами и некоторые европейские японисты). Наряду с девятью частями речи Цуруминэ выделял и девять падежей, шесть для имени (падежи европейских грамматик того времени, включая ablativ и vocativ; для датива и ablativa Цуруминэ вынужден устанавливать несколько показателей с разным значением), три для глагола (падежи прошедшего, настоящего и будущего временем).

Из сказанного видно, что прямое копирование описаний языка, далекого от японского по строю, давало искаженное представление о японском языке. Однако некоторые черты описания Цуруминэ

(не всегда под его прямым влиянием) впоследствии были приштаты японской наукой, например выделение в качестве частей речи местоимений и междометий.

Грамматика Цуруминэ в течение нескольких десятилетий была единственной в своем роде, но после «открытия Японии» вновь стали появляться с 60-х гг. XIX в. аналогичные работы (только образцом для них были не голландские, а английские грамматики). Эти работы выходили параллельно с исследованиями, выполнявшимися в традиционном духе. Синтез этих двух направлений произошел лишь в конце XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AKM — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes
GTPh — Grundriss der Iranischen Philologie
MSL — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris
MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen
RRL — Revue Roumaine de Linguistique
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZDMG — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие (А. В. Десницкая)	3
Языкоzнание в Армении в V—XVIII вв. (Г. Б. Джакунян)	7
Арабское языкоzнание средних веков (В. Г. Ахведиани)	53
Лингвистическая мысль и языковедческая практика в Иране в до- монгольское время (Л. Г. Герценберг, Д. Саймиддинов)	96
Средневековая персидская лексикография (С. И. Баевский)	115
Махмуд Кашгарский о тюркских языках (А. Н. Кононов, Х. Г. Ниг- машов)	130
Лингвистические взгляды Алишера Навои (Д. М. Насилов)	143
О методологических основаниях индийской лингвистики (А. В. Па- рибок)	155
Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) (Вяч. Вс. Иванов)	177
Грамматическая традиция Бирмы (В. Б. Касевич)	202
Традиционное языкоzнание в Индонезии и Малайзии (А. К. Оглоблин) .	210
История языкоzнания в Китае (XI—XIX вв.) (С. Е. Яхонтов)	224
Chữ nam ngõc âm giái nghĩa, — памятник древней вьетнамской лекси- коzографии (Н. В. Станкевич)	248
Памятники тангутской лексикографии (К. Б. Кепинэ)	258
Японское языкоzнание VIII—XIX вв. (В. М. Аллатов, И. И. Басс, А. И. Фомин)	262

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК

*Утверждено к печати Институтом языкоznания
АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Романова*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *Р. А. Кондратьева*

Корректоры *Т. А. Румянцева и К. С. Фридлянд*

ИБ № 9012

Сдано в набор 23.02.81. Подписано к печати 26.11.81.
М-43595. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 19=
=19 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.15. Тираж 4550.
Изд. № 7449, Тип. зак. № 142. Цена 2 р. 50 к.

*Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1*

---

*Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12*

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА».

Для получения книг почтой просим заказы направлять по адресу:
117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12;

Магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
297345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7,

магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»
или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;

320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;

252030 Киев, ул. Ленина, 42;

252030 Киев, ул. Пирогова, 2;

252142 Киев, пр. Вернадского, 79;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);

343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;

660049 Красноярск, пр. Мира, 84;

443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);

192104 Ленинград, Литейный пр., 57;

199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;

199034 Ленинград, 9 линия, 16;

220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);

103009 Москва, ул. Горького, 8;

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;

630076 Новосибирск, Красный пр., 51;

- 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 **Пущино Московской обл.**, МР «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49;
720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Строка-номер</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно было</i>
121	22 сн.	«Маджал—фурс	«Маджа ал-фурс
162	7 сн.	А именно	А именно,
169	8 св.	kavaidikeşu	kavaidikeşu
181	4 сн.	кот. eaŋ-ox	кот. eaŋ-ôx
200	20 св.	seň għi ħdra	seň-geħi ħdra
	21 св.	għaġġ sna	għaġġ-sna
256	8 св.	из ключа, и фонетика	из ключа и фонетика
287	18 св.	«Аюи:cё»	«Аюи:cё:»
300	3 св.	GTPh	GIPh
301	8—9 св.	Х. Г. Нигматов	Х. Г. Нигматов

Зак. № 142